СОЦІАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ УСЛОВІЯ

УМСТВЕННАГО РАЗВИТІЯ

РУССКАГО НАРОДА.

СОЦІАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ УСЛОВІЯ

УМСТВЕННАГО РАЗВИТІЯ

РУССКАГО НАРОДА.

сочиненіе

АѲАНАСІЯ ЩАПОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ Н. П. ПОЛЯКОВА.
1870.

Печатано въ типографіи Н. Неклюдова (Офицерская, № 7 и 14).

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

Стран.

(См. опечатки въ концѣ книги.)

СОЦІАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ УСЛОВІЯ

УМСТВЕННАГО РАЗВИТІЯ

РУССКАГО НАРОДА *)

Вслѣдствіе вѣковаго преобладанія рабочаго народа надъ мыслящимъ классомъ, практической работы надъ теоретической мыслью, внѣшнихъ чувствъ надъ разумомъ, — естественно, въ Россіи крайне слабо развивалась теоретическая мыслительность народа. Много вѣковъ вовсе не работала и не развивалась раціональная, философско-естествоиспытательная мысль, не проявлялась высшая логическая способность отвлеченія, сравненія, индукціи и обобщенія элементарно-конкретныхъ фактовъ, сообщаемыхъ непосредственно-натуральною наблюдательностью и воспріимчивостью внѣшнихъ чувствъ. Вслѣдствіе этого, самъ рабочій русскій народъ, какъ ни наклоненъ былъ натурально къ естественно-научному сенсуализму и реализму всѣми своими внѣшними чувствами, всѣми своими физическими, реальными работами въ сферѣ природы, всѣмъ своимъ непосредственно-натуральнымъ рабочимъ сенсуализмомъ и реализмомъ,— но все-таки, по неразвитости теоретической силы мышленія, онъ самъ собою никакъ не могъ дойти до научно-раціональнаго, индуктивно-теоретическаго естествознанія. Потому что даже и чувства естествоиспытателя, безъ участія мышленія, безсильны въ дѣлѣ естествознанія. «Исторія естественныхъ открытій — говоритъ Фирордтъ — всего лучше доказываетъ намъ, какъ мало воспріимчивы бываютъ зрѣніе, слухъ и ощущеніе естествоиспытателя. Тысячу разъ проходятъ вещи передъ глазами ученыхъ, пока, наконецъ, онѣ найдутъ своего открывателя, который часто пользовался тѣми же вспомогательными средствами, какъ и его предшественники. Отчего же не сдѣлали этого открытія раньше? Отвѣтъ весьма простъ: они не смотрѣли своимъ умственнымъ гла-

---

*) Отрывокъ изъ обширнаго изслѣдованія объ «Умственномъ развитіи русскаго народа».

Аѳ. Щаповъ.

зомъ» †). «Только чрезъ мышленіе, — говоритъ Лапласъ, знаменитый преемникъ Ньютона, творецъ «Небесной Механики», — только чрезъ мышленіе, чрезъ сравненіе фактовъ между собою, чрезъ стремленіе улавливать ихъ соотношеніе и посредствомъ нихъ восходить до явленій все болѣе и болѣе общихъ, человѣкъ дошелъ наконецъ до познанія законовъ, управляющихъ явленіями и проявляющихся въ нихъ самымъ разнообразнымъ образомъ» ††). Этьенъ Сентъ-Илеръ, знаменитый творецъ «Философіи анатоміи», тоже утверждалъ: «чувства, наблюденіе, анализъ неизбѣжны, но исключительно ихъ однихъ недостаточно: мышленіе, синтезъ также имѣютъ свои права. Будемъ пользоваться органами чувствъ для наблюденія по-возможности совершеннаго; но воспользуемся также вслѣдъ за наблюденіями и тѣми самыми благороднѣйшими способностями нашими, которыя присущи намъ, каковы мышленіе и сравнительный методъ изслѣдованія» †††). Вотъ почему, и въ интеллектуальной исторіи Европы, по изслѣдованію Гумбольдта, развитіе всеобщей самодѣятельности мышленія предшествовало развитію раціонально-опытнаго естествознанія, предшествовало разработкѣ индуктивныхъ, естественныхъ наукъ и великимъ открытіямъ въ области земныхъ и небесныхъ пространствъ міра. Оно составляло существенный, эмбріологическій зачатокъ великихъ естествоиспытательныхъ геніевъ — Колумба, Декарта, Кеплера, Галилея, Ньютона и т. д. «То, что придало эпохѣ Колумба особенный характеръ, — говоритъ Гумбольдтъ, — характеръ непрерывнаго и успѣшнаго стремленія къ открытіямъ въ пространствѣ, къ умноженію познанія о землѣ, — было предуготовлено медленно и различными путями, какъ, напримѣръ, небольшимъ числомъ смѣлыхъ мужей, прежде того появлявшихся и возбуждавшихъ въ одно время и къ всеобщей самодѣятельности мышленія, и къ изслѣдованію отдѣльныхъ явленій природы, — вліяніемъ, которое имѣло на глубочайшіе источники духовной жизни возобновленное въ Италіи знакомство съ произведеніями греческой литературы, — изобрѣтеніемъ типографскаго искусства, давшимъ мышленію крылья и прочное существованіе, и пр. Когда платонизмъ вытѣсненъ былъ аристотелевой философіей, то эта послѣдняя начала оказывать самое рѣшительное вліяніе на умственное

---

†) Рѣчь Фирордта о единствѣ наукъ. «Заграничный Вѣстникъ», т. IV, стр. 320.

††) И. Ж. С. Илеръ, «Общая Біологія», кн. II, стр. 302.

†††) Ibid., II, стр. 298—299. См. также главу: «О значеніи мышленія въ естествознаніи».

движенiе, и именно въ одно время по двумъ направленiямъ: въ изслѣдованiяхъ умозрительной философiи и въ философской обработкѣ эмпирическаго естествознанiя. Первое изъ этихъ направленiй уже потому не можетъ быть пройдено молчанiемъ, что оно, посреди схоластической дiалектики, привело нѣсколько благородныхъ, высокодаренныхъ мужей къ независимому самомышленiю въ самыхъ различныхъ областяхъ знанiя. Величественное физическое мiросозерцанiе нуждается не въ одномъ только обилiи наблюденiй, служащихъ основанiемъ для обобщенiя идей: для него еще необходимо предварительное укрѣпленiе разума, духа мыслящаго, дабы въ вѣчной борьбѣ, между знанiемъ и вѣрованiемъ, не страшиться грозныхъ образовъ, которые до настоящаго времени являлись у входовъ въ извѣстныя области опытныхъ наукъ и заграждали эти входы. Не должно разрознить того, что, въ постепенномъ развитiи человѣчества, равномѣрно оживляло и чувство человѣческаго призванiя къ научной свободѣ, и долго неудовлетворяемое стремленiе къ открытiямъ въ отдаленныхъ пространствахъ. Такъ-называемые мыслители составляютъ рядъ, начинающiйся въ среднiе вѣка Дунсомъ Скотомъ, Вильгельмомъ Окамомъ и Николаемъ де-Кусомъ и ведущiй черезъ Петра Рамуса, Кампанеллу и Джiордано Бруно къ Декарту. Эта кажущаяся недоступная «бездна между мышленiемъ и бытiемъ», эти отношенiя между сознающей душей и сознаваемымъ предметомъ раздѣляли средневѣковыхъ дiалектиковъ на двѣ знаменитыя школы реалистовъ и номиналистовъ. Здѣсь необходимо упомянуть о почти забытой борьбѣ этихъ средневѣковыхъ философскихъ школъ, ибо она имѣла существенное влiянiе на окончательное утвержденiе опытныхъ наукъ. Номиналисты, допускавшiе для общихъ понятiй, въ человѣческой способности представленiй, одно субъективное бытiе, послѣ многихъ колебанiй сдѣлались наконецъ въ XIV и XV вѣкахъ побѣдоносной партiей. При сильномъ ихъ отвращенiи къ пустымъ отвлеченностямъ, они первые настаивали на необходимости опыта, на умноженiи чувственныхъ основъ знанiя. Подобное направленiе, по крайней мѣрѣ посредственно, дѣйствовало на обработку эмпирическаго знанiя; но даже и тамъ, гдѣ господствовали одни реалистскiя воззрѣнiя, знакомство съ арабской литературой подготовляло, среди удачныхъ пренiй со всепоглощающимъ богословiемъ, любовь къ естествознанiю. Такъ, въ различныхъ перiодахъ среднихъ вѣковъ, которымъ привыкли приписывать, быть можетъ, уже слишкомъ большое единство характера, мы видимъ на совершенно различныхъ путяхъ, на чисто идеальномъ и на эмпирическомъ, постепенно приготовляю-

щимся и великое дѣло открытій въ земныхъ пространствахъ, и возможность удачнаго примѣненія этихъ открытій для расширенія кругозора космическихъ идей. Такимъ образомъ и смыслъ человѣческій сталъ уже изощренъ, чтобы воспринимать въ себя обиліе новыхъ явленій, переработывать ихъ, сравнивать ихъ и воспользоваться ими для общихъ и болѣе высшихъ міровоззрѣній» †). Въ тоже время, вѣковое предварительное развитіе и изощреніе западно-европейской мыслительности въ борьбѣ философскихъ школъ образовало и выдвинуло во главѣ западныхъ народовъ особый классъ раціонально-мыслящихъ людей, который и сталъ руководящимъ, движущимъ классомъ западно-европейскихъ націй, сталъ ихъ высшей интеллигенціей. Всеобщая самодѣятельность мышленія образовала особую школу такъ-называемыхъ свободныхъ мыслителей,—des libres penseurs. XV вѣкъ, по выраженію Гизо, былъ вѣкомъ «de la révolution intellectuelle, qui forme une école des libres penseurs» ††).

Въ умственной исторіи русскаго народа не было такого предварительнаго генеративно-послѣдовательнаго, историческаго развитія и изощренія теоретической мыслительности путемъ всеобщей, философской самодѣятельности мышленія, и потому много вѣковъ вовсе не было мыслящаго класса. И въ началѣ, въ эмбріологическомъ зародышѣ нашей исторіи, не могло и быть ни того, ни другаго. Вопервыхъ потому, что племена, вошедшія въ составъ русскаго народа, общества и государства, въ началѣ русской исторіи стояли еще на самой низкой, примитивной степени своего интеллектуальнаго развитія. Современемъ эту мысль во всей точности и подробности раскроетъ и подтвердитъ и историко-этнологическая краніологія племенъ, начинавшихъ русскую исторію. Но уже и теперь отчасти можно кое-что сказать въ этомъ отношеніи, благодаря краніологическимъ изслѣдованіямъ антропологическаго отдѣленія московскаго общества любителей естествознанія. Къ какому бы племени ни принадлежало, напримѣръ, московское курганное племя, въ средѣ котораго зарождался зачатокъ московскаго государства, во всякомъ случаѣ краніологическое развитіе его не обнаруживаетъ ничего такого, что указывало бы на значительную интеллектуальную развитость племени. Профессоръ анатоміи, г. Богдановъ, въ своемъ краніоло-

---

†) «Космосъ», ч. II, «Исторія физическаго міросозерцанія», стр. 250—254, 272.

††) «Histoire de la civilisation en Europe».

гическомъ изслѣдованіи московскаго курганнаго племени, сообщаетъ такіе общіе выводы о черепахъ этого племени: «Курганный черепъ Московской губерніи, если смотрѣть на него сверху или сбоку, представляется довольно длиннымъ и узкимъ. Norma verticalis по большей части эллиптическая или удлиненно-яйцеобразная: черепъ со стороны нѣсколько сжатъ и мало расширяется у теменныхъ бугровъ, которые вообще мало развиты. Незначительнымъ развитіемъ отличаются также Tubera frontalia, и лобная кость, постепенно закругляясь, переходитъ въ высокое темя. Сжатость черепа съ боковъ часто сопровождается тѣмъ, что на срединѣ темени сводъ черепа крышеобразно приподнятъ и ребро этого приподнятія видно бываетъ даже иногда и по срединѣ лобной кости. Особенно замѣчательно у курганнаго племени сильное развитіе затылочной части черепа, выдающейся иногда очень значительно назадъ. Эта характеристическая форма затылка, узкость и длина черепа составляютъ главныя особенности курганнаго племени. Черепа представляютъ сходство, и сходство довольно большое, съ нѣкоторыми слѣпками съ череповъ каменнаго вѣка и Басковъ. Типическій черепъ нашего курганнаго племени есть субъ-долихоцефалическій. Особенность череповъ нашего курганнаго племени та, что у мужчинъ сильно развита наклонность къ прогнатизму, женскіе черепа болѣе ортогнатичны. Наименьшій лицевой уголъ, найденный на мужскомъ черепѣ, есть 70°, тогда какъ на женскомъ 74°... У мужскихъ череповъ подносная точка стремится выдаться впередъ, а основаніе черепа, т. е. сумма тѣлъ черепныхъ позвонковъ, — удлиниться. Челюсть начинаетъ особенно выдаваться отъ подносной точки у значительнаго числа череповъ, такъ что еслибы мы стали измѣрять не обыкновенный личной уголъ Кампера, а такъ-называемый зубной, то тогда бы получили несравненно меньшій личной уголъ и значительно большій прогнатизмъ. Вообще племя было съ низкимъ лбомъ» †). Такое племя, являющееся въ началѣ русской исторіи въ составѣ эмбріологическаго зародыша великорусскаго народа и московскаго государства, у котораго развитіе задней, затылочной части черепа преобладало надъ развитіемъ передней, лобной части и которое вообще характеризуется весьма значительнымъ развитіемъ прогнатизма и субъ-долихоцефализма, низкимъ лбомъ и пр., — такое племя, очевидно, не могло само, собственными интеллектуальными

---

†) «Натуралистъ», 1866 г. № 15-й и 16-й: «Курганное племя Московской губ.», проф. анатоміи г. Богданова, стр. 233—235.

силами начать могучую умственную самодѣятельность. Во главѣ его не могъ выдвинуться самостоятельный мыслящій и руководящій классъ. И оно необходимо должно было подчиняться, вопервыхъ, интеллектуальному вліянію и господству скандинаво-германскихъ, варяжскихъ князей и дружинниковъ, имѣвшихъ больше возможности интеллектуально развиться подъ вліяніемъ обширныхъ морскихъ походовъ, морской торговли и пр., вовторыхъ, интеллектуальному перевѣсу византійской церковно-учительской іерархіи, сильной и вліятельной если не физико-математическимъ ученіемъ Аристотелей, Эвклидовъ, Эратосѳеновъ, Архимедовъ и пр., то догматикой Златоустовъ, Григоріевъ Назіанзиновъ, Іоанновъ Дамаскиныхъ и т. д. Далѣе, если мы заглянемъ въ доисторическій, миѳологическій періодъ славяно-русскаго интеллекта и міросозерцанія, то не найдемъ и въ немъ еще никакихъ зачатковъ высшаго разсудочнаго процесса, всеобщей самодѣятельности мышленія и своеплеменнаго, самостоятельнаго разумно-мыслящаго класса. Въ первоначальной миѳологической мыслительности славянъ еще нисколько не развита была высшая логическая, разсудочная сила отвлеченія и обобщенія. Непосредственно-натуральная, конкретно-предметная воспріимчивость внѣшнихъ чувствъ всецѣло преобладала надъ всеобщей теоретической или абстрактной самодѣятельностью мышленія. То былъ дѣтски-народный періодъ воспитанія въ непосредственной сферѣ природы, внѣшнихъ чувствъ и памяти зрительной, слуховой и осязательной, или, говоря народнымъ языкомъ, періодъ видѣнья и чуда, сказанья и послушанья старины и стараго дѣянья для памяти †). О полнѣйшемъ преобладаніи миѳологическаго конкретно-предметнаго сенсуализма надъ разсудочною силою отвлеченія и обобщенія свидѣтельствуетъ, вопервыхъ, полное господство въ миѳологическомъ міросозерцаніи славянъ фетишизма или непосредственно-предметнаго идолопоклонническаго культа. Славяне не могли еще возвыситься силою отвлеченнаго, чистаго мышленія до отвлеченной метафизической идеи божества и метафизически-обобщенной системы религіи или міросозерцанія. Они созерцали, ощущали и представляли разныхъ боговъ и демоновъ въ непосредственно-натуральныхъ, чувственныхъ образахъ, въ непосредственно видимыхъ и осязаемыхъ предметахъ природы, взятыхъ, притомъ, въ ихъ конкретной отдѣльности, въ непосредственно-натуральномъ видѣ или въ непосредственныхъ данныхъ природою условіяхъ. Именно, славяне, наши предки, поклонялись въ языче-

---

†) Буслаевъ, «Очерки», 11, 18, 44 и мн. др.

скія времена, по свидѣтельству Нестора и византійскихъ писателей, непосредственно такимъ физическимъ типамъ и предметамъ природы, какъ рѣки, кладязи, болота, рощи, деревья, каменья и т. п. †) Во-вторыхъ, чувственно-образная миѳологическая мыслительность славянскаго племени, при отсутствіи героическаго элемента, особенно обусловливающаго развитіе антропоморфизма, еще далеко недоразвилась окончательно даже до обобщеній антропологическаго, человѣчнаго міровоззрѣнія, до такого антропоморфизма, какой, напр., свойственъ былъ миѳологическому міросозерцанію древнихъ грековъ и римлянъ. Передъ временемъ водворенія на Руси христіанства, сенсуально-миѳологическая мыслительность славянскихъ племенъ коснѣла еще на степени дикарскаго, звѣроловческаго, зооморфическаго міросозерцанія, такъ какъ и многія племена славянскія жили еще, по преданію лѣтописи, въ лѣсахъ звѣринскимъ образомъ, приносили въ жертву богамъ нетолько звѣрей, но и «сыны своя и дщери» ††). Втретьихъ, вслѣдствіе общей неразвитости умственныхъ способностей и мыслительности, при отсутствіи вполнѣ организованной, обобщенной догматической и обрядовой системы религіи, при полной замѣнѣ, во времена родоваго быта славянъ, жреческой касты непосредственно физіологическимъ, родовымъ значеніемъ и вліяніемъ отцовъ семействъ или старшихъ въ родѣ,—и классъ славянскихъ вѣдуновъ или знахарей не успѣлъ еще организоваться, во главѣ славянскихъ племенъ, въ замкнуто-самостоятельную и умственно-владычественную жреческую касту или іерархію †††). А тѣмъ болѣе вѣдун-

---

†) Напримѣръ византійскій писатель VI вѣка, Прокопій, писалъ о славянахъ-язычникахъ: σέβουσι μέντοι καὶ ποταμούς τε καὶ νύμφας. Ed. Bonn. 11, 335. Гельмольдъ о славянахъ своего времени писалъ: et inhabiti sunt Slavi de caetero jurare in arboribus, fontibus et lapidis. Lib. 1, cap. 84. Наши отечественныя свидѣтельства, находящіяся въ лѣтописи Нестора, въ уставѣ Владиміра, въ правилахъ митр. Іоанна, въ переводѣ словъ Григорія Назіанзина, въ словѣ Христолюбца и пр. — извѣстны.

††) См. статью г. Аѳанасьева о зооморфическихъ божествахъ у славянъ, въ «Отеч. Зап.» 1852 г. №№ 1 и 2; также о животномъ эпосѣ въ изданныхъ имъ сказкахъ. П. С. Лѣт. I, 34, 39 и др.; Гедеонова: о варяжскомъ вопросѣ—Зап. Академіи Наукъ 1862 г., т. I, стр. 62.

†††) См. въ Альманахѣ «Комета» ст. г. Аѳанасьева: «Вѣдуны и Вѣдьмы», гдѣ авторъ, между прочимъ, говоритъ совершенно справедливо: «первоначально вѣдуны выдѣляются изъ числа тѣхъ же стариковъ — начальниковъ родовъ и семействъ, и особеннаго класса не составляютъ. Приписывать нашимъ славянамъ отдѣльное сословіе (классъ) жрецовъ, какъ это было у другихъ народовъ, имѣвшихъ вполнѣ развитую миѳологію, не позволяютъ

ство или знахарство славяно-русское не могло стать раціонально-мыслящимъ классомъ народа, потому что оно не основывалось на здравыхъ, раціональныхъ началахъ мышленія и знанія, а большею частію имѣло совершенно ложное, сенсуально-галлюцинаціонное и миѳико-фантастическое умонастроеніе и міросозерцаніе. По всѣмъ этимъ причинамъ умственная сила и вліятельность вѣдуновъ и волхвовъ никогда не могла устоять и одержать верхъ въ борьбѣ съ византійской доктриной и съ византійскимъ клерикально-педагогическимъ классомъ. Это ясно и окончательно обнаружилось уже въ XII вѣкѣ, когда финско-славянское кудесничество было рѣшительно побѣждено византійской церковно-учительной іерархіей и властью варяго-русскаго правительственнаго класса †). Наконецъ, и въ историческія времена, въ сферѣ непосредственно-натуральнаго воспитанія народа, въ непосредственной школѣ природы и колонизаціоннаго земскаго строенья, — вѣковая исключительно физическая работа народа въ области природы, обусловливая почти одну первобытно-натуральную, конкретно-эмпирическую воспріимчивость внѣшнихъ чувствъ, въ тоже время почти совершенно исключала возможность развитія высшаго, отвлеченно-разсудочнаго, философско-теоретическаго мышленія. Постоянно приковывая вниманіе рабочаго народа къ отдѣльнымъ предметамъ природы, въ сферѣ непосредственно-натуральной рабочей дѣятельности его, постоянно упражняя его внѣшнія чувства въ созерцаніи, осязаніи и наблюденіи тѣхъ отдѣльныхъ физическихъ предметовъ, которые входили въ кругъ его работы, — вѣковая физическая работа не давала ему досуга мысленно обсуждать, сравнивать и обобщать въ одно конкретное цѣлое всѣхъ разсѣянныхъ, элементарно-конкретныхъ чувственныхъ созерцаній, впечатлѣній и наблюденій, какія, въ цѣлой совокупности, представляла физическая сфера его работы.

всѣ достовѣрныя извѣстія объ ихъ бытѣ. Съ большимъ развитіемъ публичнаго характера въ языческомъ богослуженіи, славянскіе волхвы могли бы усвоить себѣ религіозное значеніе исключительно и образовать отдѣльное сословіе (классъ), но такой переворотъ въ религіи возможенъ только вслѣдствіе медленнаго, долгаго процесса, который далеко не успѣлъ совершиться, когда появилось на Руси христіанство. Вообще, надо замѣтить, что конечное развитіе язычества у насъ представляется въ тѣхъ неустановившихся формахъ, которыя прямо говорятъ объ его переходномъ состояніи, изъ религіи отдѣльныхъ родовъ — въ религію публичную, общинную.» См. также «Ист. Россіи» Соловьева, т. I, стр. 77.

†) «Лавр. Лѣт.» 63, 64, 75.

Вообще, во время физической, колонизаціонной работы народа, работали, можно сказать, одни внѣшнія чувства, въ накопленіи элементарно-конкретныхъ, непосредственно-чувственныхъ впечатлѣній и представленій сенсуально-рабочаго опыта и наблюденія, но вовсе не работала теоретическая, философская мысль въ отвлеченіи, сравненіи и обобщеніи этихъ непосредственно-чувственныхъ данныхъ въ общія идеи и понятія. Рабочій народъ, во время своей физической работы, только созерцалъ въ отдѣльности и наружности разные физическіе предметы, видѣлъ, осязалъ, слышалъ то или другое въ сферѣ природы, но не соображалъ умозрительнымъ сравненіемъ всѣхъ этихъ разнообразныхъ чувственныхъ впечатлѣній, не выработывалъ изъ нихъ своимъ мышленіемъ никакихъ логическихъ выводовъ и обобщеній. Вслѣдствіе этого, сколько проявлялась поверхностно-познавательная, элементарно-эмпирическая воспріимчивость внѣшнихъ чувствъ, столько же не работала и не развивалась его логическая, разсудочная сила отвлеченнаго мышленія или теоретическая мыслительность. Сколько развивалась въ рабочемъ народѣ естественная, сенсуально-рабочая умственная наклонность къ элементарно-конкретному, непосредственно-чувственному эмпиризму и реализму, — столько же чужда была ему высшая философская мыслительность, въ особенности чуждо было ему это германское философское глубокомысліе. Поэтому, русскому народу вовсе не свойственна и незнакома была философія, и въ Россіи никогда не было своихъ самостоятельныхъ философовъ и философскихъ школъ, вродѣ европейскихъ средневѣковыхъ схоластиковъ, номиналистовъ и реалистовъ, а тѣмъ болѣе не было Декартовъ, Бэконовъ, Локковъ, Кантовъ, Гегелей, Фихте и Шеллинговъ, и т. п. Древне-русскіе народные грамотники и списатели даже не любили философію, отрицались отъ нея. Говоря о своемъ умственномъ образованіи, они обыкновенно сознавались: «Философію ниже очима видѣхъ, и не учихся у философовъ, ни Платоновыхъ, ни Аристотелевыхъ бесѣдъ не слышахъ, ни философіи не навыкъ», и. пр. †) Другіе учили даже: «Братіе, не высокоумствуйте! аще кто ти речетъ: вѣси ли всю философію? И ты ему рцы: еллинскихъ борзостей не текохъ, ни съ мудрыми философами не бывахъ» ††). Отцы внушали дѣтямъ сдерживать умъ отъ всякаго высшаго мышленія: «учася грамотѣ, учися держати

†) «Опис. рук. Рум. муз.» № 411, стр. 39—40. «Пам. стар. русск. лит.» в. IV, стр. 119—120.

††) Изъ рук. прописи 1643 г. въ Рум. муз. XCCCXXVI, Пекарскій 1, 3.

умъ, безъ сего и грамота не пользуетъ: высочайши себе не ищи, а глубочайши тебе не испытуй, но елико ти предано отъ Бога, си содержи,—высочайшее убо себѣ—небесное измѣреніе, высокопаривая мысль, и пр. †) Поэтому и народные учителя-грамотники не могли образовать руководящаго, мыслящаго класса, тѣмъ болѣе, что они сами, наравнѣ съ рабочимъ народомъ, всецѣло озабочены были тѣмъ, еже стужати, чѣмъ животъ кормити, учительствомъ занимались только какъ кормовымъ промысломъ и потому назывались работничишками,

Вообще, сколько характеристическій фактъ въ умственной жизни русскаго народа—вѣковое исключительное воспитаніе и преобладаніе, въ сферѣ физической работы, низшихъ умственно-рабочихъ познавательныхъ способностей — внѣшнихъ чувствъ и памяти, столько же, съ другой стороны, характеристическій и по своимъ послѣдствіямъ весьма многозначительный фактъ интеллектуальной исторіи русскаго народа — и это отсутствіе такого предварительнаго, генеративно-послѣдовательнаго развитія мыслительныхъ способностей русскаго народа, «всеобщей самодѣятельности мышленія» и класса свободныхъ мыслителей, какое было на западѣ и предшествовало тамъ могучему интеллектуальному движенію, начавшемуся съ XVI вѣка. Вслѣдствіе вѣковаго преобладанія рабочаго народа. въ Россіи много вѣковъ, вплоть до Петра великаго, вовсе не было раціонально-мыслящаго, научно-рабочаго интеллектуальнаго класса, и потому, несмотря на все сродство физическихъ работъ народа съ физическими науками, въ средѣ самого народа самостоятельно не могли образоваться раціональные естествоиспытатели — физики, химики, технологи и пр. Вслѣдствіе вѣковаго преобладанія низшихъ, интеллектуально-рабочихъ познавательныхъ способностей — внѣшнихъ чувствъ и памяти, — вовсе не развивалась высшая, теоретическая, научно-рабочая мыслительность, и потому интеллигенція рабочаго народа, путемъ одного поверхностнаго непосредственно-натуральнаго сенсуализма, самостоятельно никакъ не могла возвыситься до сціентифической, обобщающей разработки естествознанія, не могла даже сама собою дойти до разумнаго сознанія необходимости физико-математическихъ наукъ. Послѣдствія этого факта—вѣковаго отсутствія предварительнаго, генеративно-послѣдовательнаго историческаго развитія и изощренія всеобщей разсудочной силы мышленія вообще такъ важны, такъ ощутительны въ на-

---

†) Сборникъ Соловецк. библіот., № 925, листы 66—68.

стоящее время въ умственной жизни русскаго народа и общества, что мы должны сначала обратить вниманіе хотя на нѣкоторыя причины или обстоятельства, обусловившія этотъ фактъ, насколько въ настоящее время можно ихъ раскрывать. Именно на первыхъ страницахъ настоящей книги мы разсмотримъ вкратцѣ главныя соціально-педагогическія условія развитія общественной и народной мыслительности въ Россіи, во времена господства восточно-византійской, умственно-воспитательной доктрины и во времена развитія государственной народообразовательной системы опеки, и потомъ раскроемъ слѣдствія вѣковаго отсутствія предварительнаго, генеративно-послѣдовательнаго развитія и изощренія народной раціонально-теоретической мыслительности и вѣковаго преобладанія до-петровскаго поверхностнаго сенсуализма надъ раціонализмомъ или высшею разсудочною силою мышленія.

Не имѣя во главѣ у себя, даже и въ зародышѣ, собственнаго мыслящаго класса, и не зная самостоятельной всеобщей самодѣятельности мышленія,—масса славяно-русскаго народа, какъ масса рабочая, всецѣло отвлеченная и занятая физическими работами, въ умственной жизни своей по необходимости должна была съ самаго начала подчиниться интеллектуальному перевѣсу и вліянію всякаго такого класса, который, будучи свободенъ отъ физическихъ работъ народа, болѣе или менѣе превосходилъ его по развитію своей физической или интеллектуальной силы и вліятельности. И вотъ, славяно-русскій народъ, при самомъ выступленіи своемъ на поприще исторіи, вопервыхъ, въ самомъ воспитаніи своей мыслительности, подчинился византійскому клерикальному, церковно-учительному классу, который явился на Руси сначала въ лицѣ византійскихъ грековъ, составлявшихъ первоначальную іерархію новосозданной русской церкви, и затѣмъ, будучи свободенъ отъ работъ черныхъ людей и обезпеченъ жалованными десятинами, землями и работами народными, мало по малу организовался въ самобытный византійско-славянскій церковно-учительный классъ, ставшій надолго во главѣ умственнаго воспитанія и направленія русскаго народа †). Вовторыхъ, славянскія племена, испытавши, во времена родовой розни, недостаточность примирительнаго и земско-устроительнаго наряда и вліянія своихъ родоначальниковъ или старшинъ,—сами, вмѣстѣ съ финскими племенами, подчинились интеллектуальному вліянію и власти скандинаво-германскаго

---

†) См. объ этомъ подробности въ исторіяхъ русской церкви Платона, Филарета и Макарія.

или варяжскаго княжескаго рода, который потомъ, обрусѣвши и вѣнчавшись византійской, мономаховой діадемой, мало по малу возвысился въ наслѣдственный родъ или домъ самодержцевъ всероссійскихъ и сталъ главнымъ, самодержавнымъ регуляторомъ всей умственной жизни русскаго народа и общества †). Почему именно этимъ двумъ классамъ, византійскому и варяжскому, а не другимъ какимъ-либо, подчинились славянскія племена, — причина этого факта лежитъ въ физико-географической природѣ русской земли. Изъ Балтійскаго моря въ Черное шелъ великій водный путь, по выраженію лѣтописи, отъ Варягъ въ Греки. Этимъ-то естественнымъ путемъ и пришли отъ варяговъ и грековъ два умственно-вліятельные класса.

Восточно-византійская доктрина имѣла своей задачей, какъ извѣстно, не интеллектуальное, не научно-мыслительное развитіе русскаго народа, а одно нравственно-религіозное воспитаніе. Все главное ея назначеніе состояло въ развитіи греко-восточнаго христіанскаго умонастроенія, греко-восточной христіанской вѣры и нравственности. Поэтому, въ программу ея не входило ни возбужденіе всеобщей самодѣятельности мышленія, разума, ни распространеніе такихъ способовъ развитія мыслительныхъ способностей народа, какъ классическая литература и наука и т. п. Отсюда проистекали двѣ характеристическія особенности умственной жизни древней Руси, отразившіяся и въ умонастроеніи новой Россіи: 1) совершенное преобладаніе восточно-византійскаго теологическаго начала надъ классико-космологическимъ, и 2) совершенное преобладаніе вѣры и нравственнаго начала надъ разумомъ и мыслью.

Византія стала имѣть интеллектуальное вліяніе на варварскія племена сѣверныхъ славянъ въ то время, когда въ ней самой науки находились въ глубокомъ упадкѣ. Идеи Архимеда, Эвклида, Гиппократа, Діоскорида, Гиппарха, Аполлонія изъ Перги, Птолемея, нетолько не разрабатывались дальше, но и находились въ совершенномъ забвеніи. Правда, о византійскомъ императорѣ Константинѣ Багрянородномъ Кедринъ говоритъ: «scientias enim, arithmeticam, astronomiam, geometriam et omnium principem philosophiam... sua industria instauravit» ††). Но что это были за науки? Г. Лавровскій, въ своемъ изслѣдованіи о древне-русскихъ училищахъ, совершенно справедливо говоритъ: «Самый характеръ византійской образованности, которую старались передать въ

---

†) См. подробн. въ «Ист. Россіи» Соловьева.

††) Cedr., II, 326.

этихъ школахъ, не заслуживаетъ подражанія. Творческій духъ грековъ ослабѣвалъ постепенно и истинно-христіанское начало стѣснялось односторонней догмой. Наука не имѣла жизненности, внутренней силы, свѣжести, не обращалась въ жизнь и сама не питалась жизнью; облеченная въ отвлеченныя сухія формы, она существовала отдѣльно, почти не касаясь живыхъ современныхъ интересовъ общества. Утонченная діалектика въ области богословія, искусственныя и пустыя умозрѣнія въ философіи, декламація вмѣсто истиннаго краснорѣчія, — вотъ что болѣе всего составляло ученыя занятія византійскихъ грековъ, но, конечно, не науку въ ея истинномъ значеніи» †). Хотя такіе византійцы, какъ Іоаннъ Дамаскинъ и патріархъ Фотій, любили заниматься философіею Аристотеля и высоко цѣнили ее, но они не разрабатывали ее дальше, какъ самостоятельную науку, пользовались ею только какъ орудіемъ «всепоглощающей» догматики, и подъ философіею разумѣли смѣшанное познаніе міра божественнаго и человѣческаго, видимаго и невидимаго. А въ большинствѣ византійцевъ, по свидѣтельству Фотія, вся мудрость состояла не въ развитіи разсудочной, логической силы и основательности мышленія, а въ изысканномъ фразерствѣ и пустомъ, безсмысленномъ словоизвитіи. При такой выродившейся наукѣ, Византія, очевидно, не могла возбудить и импульсировать развитіе научной мыслительности въ русскомъ народѣ. Въ самомъ христіанскомъ ученіи, Византія, въ длинный періодъ схоластико-догматическихъ словопреній, почти нисколько не развивала умственно-образовательныхъ идей христіанства о человѣкѣ, объ обществѣ и общественныхъ отношеніяхъ, о началахъ любви и братства и т. п. Въ это время она только выработала и твердо, неподвижно установила догматъ о трехъ ипостасяхъ Божества, о поклоненіи св. иконамъ, о почитаніи Богородицы и святыхъ, и разработала въ восточномъ духѣ церковную архитектуру, церковное богослуженіе, церковное пѣніе и церковную обрядность. Все это Византія передала и Россіи. Порабощенная и угнетенная потомъ турками, она и вовсе поступилась тѣми умственно-образовательными средствами, завѣщанными древне-греческимъ знаніемъ, какія представляли напр. творенія Аристотеля, Птолемея, Эвклида, Гиппократа и другихъ классическихъ геніевъ. Всѣ ея древнія рукописи достались не Россіи, а Западу. Такимъ образомъ, западные умы, предвосхитивши произведенія классическаго греческаго генія, напередъ импульсированы были ихъ идеями къ могучему научному

---

†) Лавровскій, о древне-русскихъ училищахъ, стр. 72—73.

развитію, а Россія лишилась и этого умственно-образовательнаго импульса и отстала отъ Запада. И сама угнетенная Византія не имѣла возможности умственно возродиться и возродить юную умственную жизнь русскаго народа идеями своего классическаго генія и знанія. Грекъ, Скіада Кефалонянинъ, справедливо говорилъ: «бѣдная моя Греція, егда нещадно варварствомъ турскимъ плѣняшеся, печашеся о своемъ безчадіи паче, неже о книгахъ рукописныхъ, ихъ же многое множество имѣла» †). Вслѣдствіе такого положенія, Византія не завѣщала намъ ни одного цѣльнаго произведенія древнихъ греческихъ писателей, а передала только творенія догматическія, каноническія, нравственно-назидательныя и богослужебныя. До XVI в. въ періодъ іерархической зависимости русской митрополіи отъ Византіи, при митрополитахъ-грекахъ, переведены были съ греческаго на церковно-славянскій языкъ сочиненія почти всѣхъ главныхъ восточныхъ учителей, по крайней мѣрѣ, въ важнѣйшихъ частяхъ, такъ что уже въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка русскіе церковные писатели въ одномъ писаніи своемъ могли заразъ приводить слова 18 и болѣе восточныхъ отцовъ церкви ††). На западѣ, какъ извѣстно, и монастыри были проводниками не однихъ догматическихъ, но и классическихъ идей. Такъ въ аббатствѣ Кройландскомъ въ концѣ XI в. въ библіотекѣ было до 3000 книгъ, и въ томъ числѣ много сочиненій римскихъ классиковъ; библіотека Гластонберійскаго аббатства заключала въ себѣ въ 1248 г. 400 томовъ, между которыми большею частію были сочиненія римскихъ классиковъ; точно такія же книги, и въ томъ числѣ творенія Гомера, значились въ каталогѣ библіотеки Пристлинскаго монастыря; монахи бенедиктинскіе занимались чтеніемъ Лукана, Горація, Виргилія, Саллюстія, и классическихъ произведеній у нихъ было до 247 т.; книгохранилище монастыря St.-Michael въ Бамбергѣ также главнымъ образомъ наполнено было классическими писателями †††). Древне-русскія же монастырскія книгохранилища наполнены были почти исключительно книгами восточно-церковными библейскими, святоотеческими и богослужебными и не имѣли ни одной древне-греческой рукописи. Такъ напр. въ книгохранилищѣ Кирилло-Бѣлозерскаго

---

†) «Catalogi duo codicum manuscriptorum graecorum». Пекар. II, 604.

††) «Словарь дух. писателей въ Россіи», I, 312. Ист. росс. іерарховъ, ч. V, стр. 213—336.

†††) Hurter, «Innocenz III und seine Zeithenossen», Bd. II, Abth. II, S. 252 261.

монастыря, въ числѣ 1938 книгъ, было однихъ рукописей по св. писанію болѣе 250, рукописныхъ богослужебныхъ книгъ до 560, и не менѣе того святоотеческихъ рукописныхъ твореній, изъ которыхъ многія были въ 10 и даже въ 26 экземплярахъ, какъ напр. «Шестодневовъ» 13, «Лѣствицъ» 26 экземпляровъ. На отдаленномъ сѣверѣ, въ книгохранилищѣ Соловецкаго монастыря, изъ числа 1378 книгъ, было книгъ св. писанія рукописныхъ 151, печатныхъ 46, книгъ богослужебныхъ рукописныхъ 364, печатныхъ 125, твореній восточныхъ отцовъ рукописныхъ 329, печатныхъ 96. Точно также въ книгохранилищѣ Сергіева монастыря доселѣ хранится до 3000 старопечатныхъ книгъ и болѣе 800 столбцовъ и рукописей, преимущественно церковныхъ †). Только патріархъ Никонъ сталъ пріобрѣтать греческія и латинскія книги. Имъ выписаны и накуплены были на востокѣ чрезъ Арсенія Суханова въ 1654 г. болѣе 500 книгъ и рукописей. По описи 1658 года, произведенной Арсеніемъ Грекомъ, показано въ домовомъ патріаршемъ книгохранилищѣ 396 сочиненій, въ числѣ болѣе 1000 томовъ, большею частію на греческомъ и латинскомъ языкахъ. Чрезъ самого Арсенія Грека Никонъ пріобрѣлъ на свой счетъ болѣе 100 томовъ однихъ греческихъ и латинскихъ книгъ, печатныхъ и рукописныхъ. Но эти книги большею частію церковныя творенія св. отцовъ, и между ними только 6 классическихъ писателей, именно: «4 книги Аристотеля философа печатныхъ греко-латинскихъ, 1 книга Демосѳена философа греко-латинская, 2 книги Плутарха философа греко-латинскія, 1 книга Геродота философа греко-латинская, 1 книга Ѳукидида философа, 1 книга Стобѣя философа» ††). На западѣ, съ XIV вѣка, какъ извѣстно, началось всеобщее и энергическое изученіе идей классической науки и литературы. «Двумъ, тѣсной дружбой связаннымъ поэтамъ, Петраркѣ и Боккаччіо,—говоритъ Гумбольдтъ,—принадлежитъ слава, что они приготовили въ Италіи постоянное пристанище бѣжавшимъ греческимъ музамъ и болѣе всѣхъ способствовали возстановленію классической литературы. Калабрійскій монахъ, Варлаамъ, долго жившій въ Греціи, былъ учителемъ обоихъ поэтовъ. Они первые начали тщательно собирать римскія и греческія рукописи. Значительными двигателями греческихъ

---

†) О способахъ дух. образ. въ др. Россіи. «Прав. Собесѣдн.» 1858 г. Апрѣль, стр. 503—507.

††) «Временникъ» кн. XV, стр. 133. См. также статью объ Арсеніѣ Грекѣ и патріархѣ Никонѣ въ «Прав. Собесѣдникѣ» 1858 г., Ноябрь, 340—343.

ученій были: Эммануилъ Хризолорасъ, назначенный въ качествѣ греческаго посла въ Италію и Англію въ 1391 году, кардиналъ Виссаріонъ изъ Трапезонда, Гемистъ Плетонъ и аѳинянинъ Дмитрій Халкондиласъ, которому мы обязаны первымъ печатнымъ изданіемъ Гомера. Всѣ эти греческія переселенія произошли до роковаго взятія Константинополя турками, 29 мая 1453 года» †). Вслѣдствіе такого импульса, даннаго могучею древне-греческою мыслительностью, возбудилась еще болѣе могучая мыслительность индо-германскихъ націй. Подъ вліяніемъ классической науки и литературы началось такъ-называемое «возрожденіе наукъ». Греческое знаніе или, какъ выражались сами древніе греки, *φιλολογία*, *γνῶσις* и *ἀναγνῶσις*, *ἐξήγησις* и *κρίσις*, возбудили и въ европейскихъ умахъ духъ критическаго изслѣдованія во всѣхъ областяхъ знанія. Выработка этого самостоятельнаго критическаго мышленія, до великаго вѣка «Критики чистаго разума», до XVIII столѣтія, прошла: 1) черезъ періодъ гуманизма, когда изученіе древности было средствомъ къ всестороннему интеллектуальному развитію и проявленію человѣческой мысли: это XIV, XV и XVI столѣтія — время Петрарки, Боккаччіо, Поліціана и итальянскихъ стилистовъ; 2) черезъ періодъ всесторонняго, матеріальнаго и критическаго изученія классической литературы XVII столѣтія, вѣкъ Скалигера, Сомеза (Salmasius), Казобона (Casaubonus), Гроно (Gronovius) и др., когда классическая наука была une espèce de science, composée de la critique et interprétation de tous les auteurs, или представляла une littérature universelle, qui s'étend sur toutes sortes des sciences et des Auteurs ††). Изученіе физическихъ или естественно-научныхъ сочиненій древнихъ греческихъ натуралистовъ, математиковъ и географовъ возбудило и въ умахъ европейскихъ энергическій духъ естествоиспытанія. Такъ Альбертъ Великій комментировалъ всѣ физическія сочиненія Аристотеля, и въ томъ числѣ его знаменитую «Historia animalium». Рожеръ Бэконъ изучалъ Альмагестъ или большую математико-астрономическую *μεγάλη σύνταξις* Птолемея, заключающую въ 13 книгахъ систему сферической и теоретической астрономіи. Христофоръ Колумбъ также знакомъ былъ съ греческими и римскими писателями и имѣлъ въ выпискахъ всѣ географическія мѣста изъ Аристотеля, Страбона и др. †††) Коперникъ—говоритъ Гумбольдтъ—

---

†) «Исторія физич. міросозерцанія». «Космосъ», ч. II, стр. 259—260.

††) «Dictionnaire de Trévoux», t. V. pag. 528. Acta, Grundriss der Philologie. Landshut. 1808, pag. 4.

†††) «Космосъ», ч. II, 257.

имѣлъ ясное понятіе о томъ, какъ древніе представляли себѣ мірозданіе, и въ сочиненіяхъ своихъ упоминаетъ многихъ греческихъ философовъ и писателей до Гиппарха и послѣ, которыми онъ пользовался, какъ напр. Гикетона изъ Сиракузъ, пиѳагорейца Филолая, Платона, Эвканта, Гераклита понтійца и великаго геометра Аполлонія изъ Перги. Изъ всѣхъ мѣстъ древности, по словамъ Гассенди, самое глубокое вліяніе на направленіе и постепенное развитіе идеи Коперника имѣли: одно мѣсто въ энциклопедическомъ сочиненіи Марціала Минея Капеллы и система міра Аполлонія изъ Перги, ученика знаменитаго Эвклида — творца математики, какъ науки †). Ньютонъ, какъ извѣстно, изучилъ Эвклида и вообще очень хорошо зналъ идеи и выводы классическихъ ученій. Такъ изученіе классической науки и литературы и, въ частности, изученіе физическихъ и математическихъ сочиненій классическихъ натуралистовъ, неизбѣжно привело западные умы нетолько къ «возрожденію наукъ», но и прямо къ естествоиспытанію. У насъ же въ древней Россіи ничего этого не было. Русскіе писатели вовсе не переводили и не знали физическихъ и математическихъ произведеній Аристотеля, Эратосѳена, Эвклида, Гиппарха, Птолемея и другихъ. Воспитанные въ духѣ однихъ церковно-византійскихъ твореній, благочестивые русскіе люди вообще эллинскую мудрость не любили, сказаніямъ «Эллиновъ отъ Омира и Овидія» предпочитали нравственно-назидательныя житія христіанскихъ чудотворцевъ ††). Даже древне-греческую, эллинскую грамоту, какъ языческую, благочестивые предки наши считали нечестивою и несравненно выше ея ставили грамоту церковно-славянскую и пермскую, какъ грамоту христіанскую †††).

---

†) «Космосъ», II, 323—324.

††) Буслаева, II, 61—62.

†††) Напр. въ одномъ рукописномъ сборникѣ XVII в. читаемъ такое разсужденіе: «По многа лѣта мнози философи едва собрали суть азбуку греческую, словъ числомъ 38. Коль много лѣтъ мнози философи эллинстіи собирали и составляли грамоту греческую и едва составили мнозими труды и многими времены, едва сложили ее семь философовъ, едва азбуку составляли. Тѣмъ много русская грамота честнѣйша есть паче эллинскія, понеже святъ мужъ сотворилъ ю есть, Кириллъ философъ, а греческій алфавитъ — эллины не крещены суще. Паче и потому же пермская грамота паче эллинскія, юже Стефанъ сотвори. Кириллу философу сподобляющи многажды братъ его Меѳодій. Стефану же никто же обрѣтеся помощникъ.... Аще кто речетъ слово на пермскую грамоту, и похуляя глаголетъ, яко не гораздо устроена, азбука си, достойна

Классическая литература чужда была литературѣ церковно-византійской. Поэтому писатели петровскаго времени, которымъ пришлось переводить все то, что давно бы должно быть переведено, съ упрекомъ отзывались о древне-русскихъ писателяхъ, чуждавшихся классической греческой литературы. «Дивно, — говорилъ напр. русскій писатель начала XVIII вѣка, Максимовичъ,—дивно, что власть духовная, ея же честь ученіе расширяти—долгъ нерушимый, о размноженіи наукъ на языкахъ политическихъ не прилагала попеченія. И несть дивно, зане духовныхъ лицъ прежнихъ временъ закоснѣлый бѣ обычай—никакихъ, кромѣ церковныхъ и то греческаго чиноположенія, съ греческаго на славянскій языкъ переводныхъ книгъ, не имѣти, не читати и не почитати; къ навыкновенію же и ученію иностранныхъ языковъ (кромѣ славянскаго и греческаго) и малѣйшаго не бысть усердія» †). Вслѣдствіе отсутствія физическихъ и математическихъ произведеній классической науки и литературы, умы русскіе ничто не возбуждало къ такому энергическому и всестороннему естествоиспытательному умонастроенію, какое проявилось на западѣ. И русскіе, какъ не знали физическихъ, астрономическихъ и другихъ естественно-научныхъ идей Аристотеля, Эвклида, Эратосѳена, Гиппарха, Птолемея, Аполлонія изъ Перги и др., такъ не чувствовали ни малѣйшаго интереса и къ открытіямъ Коперника, Кеплера, Галилея, Ньютона, Гарвея и др., и ничего не знали и не слыхали объ нихъ. Полныхъ переводовъ произведеній классическихъ писателей, по части естествознанія, въ древней Руси вовсе не было, а въ рукописныхъ сборникахъ, въ твореніяхъ нѣкоторыхъ церковно-византійскихъ писателей, напр. Іоанна Дамаскина и т. п., встрѣчаются только кое-какіе безсвязные отрывки изъ физическихъ описаній классическихъ натуралистовъ ††). Усердно переводя, въ теченіе пяти или шести сто-

---

есть починиваться, то и греческую грамоту починивали» и пр. Далѣе доказывается преимущество русской грамоты передъ греческою тѣмъ, что ее сотворилъ именно Кириллъ философъ и притомъ въ извѣстное время, а о происхожденіи греческой грамоты подробности зполнѣ неизвѣстны. «Сборн. Солов. Библ.» № 925 и 90—92.

†) Пекар. I, 193.

††) Такъ напр. знаменитое твореніе Плинія старшаго «Historia naturalis» не было въ славянскомъ переводѣ, но отрывочныя факты и идеи изъ него сообщались византійскими источниками. Такъ напр. въ сказаніи I. Дамаскина о «велицѣ дни и о яйцѣ» (Сборн. Солов. Библ., № 925, л. 70), идея Плинія: «ὅμειον τε ὤου σχήματι κόσμος»—на славянскомъ языкѣ передана такъ: «небу и земли по всему подобно яйце». См. Plinii «Hist. natur.» p. 1. Или въ

лѣтій, книги библейскія, богослужебныя и свято-отеческія, и наполняя ими монастырскія книгохранилища,—древне-русскіе писатели чрезвычайно рѣдко переводили изъ византійскихъ источниковъ даже самыя нехитрыя статейки о природѣ. Тогда какъ напр. «Шестодневовъ» находилось въ одной библіотекѣ экземпляровъ по 13 и болѣе, «Лѣствицъ» по 26 и т. п., статьи о природѣ, заимствованныя изъ византійскихъ источниковъ, были всѣ наперечетъ. Именно, послѣ Святославова изборника 1073 г., въ одномъ Румянцевскомъ сборникѣ XV столѣтія †), находились краткія замѣтки «о широтѣ и долготѣ земли, о землетрясеніяхъ, стихіяхъ, моряхъ, воздушныхъ перемѣнахъ, составныхъ частяхъ человѣческаго тѣла»; въ «Матицѣ златой», также XV в., записаны были краткія сказанія «о кругахъ земномъ, лунномъ и солнечномъ, о звѣздахъ и планетахъ, о знаменіяхъ солнца и луны, о рыбахъ и птицахъ»; въ сборникѣ Кирилла Бѣлозерскаго внесены выписки изъ физическихъ разсужденій Галена о происхожденіи грома и молніи, о падающихъ звѣздахъ, о землетрясеніяхъ, объ океанѣ, о моряхъ, о четырехъ стихіяхъ, объ облакахъ, объ устройствѣ земли ††). Вотъ, кажется, и всѣ, извѣстныя доселѣ, статьи о природѣ, какія переведены были изъ византійскихъ источниковъ до XVI вѣка. Разбросанныя въ двухъ, трехъ сборникахъ, онѣ, очевидно, читались не многими. Гораздо болѣе у насъ имѣли вліянія на міросозерцаніе такія византійскія произведенія, какъ «Шестодневъ» Василія великаго, «Книга о мірѣ» греческаго писателя VI вѣка, Космы Индикоплавта и т. п. Послѣднее сочиненіе, появившееся у насъ въ спискахъ XV вѣка и, по словамъ Гумбольдта, опять обращавшее фигуру земли въ Ѳалесовъ плоскій кругъ (дискъ), укоренило въ русскихъ умахъ ложный взглядъ на міръ, на видъ земли, на свѣтила небесныя и пр. Чтобы видѣть, какое понятіе о естествознаніи распространяло въ русскомъ грамотномъ народѣ ученіе Космы Индикоплавта, достаточно привести слѣдующія его слова: «нѣцыи убо,—говоритъ благ. грекъ Косма, — христіанствовати мняще и божественныя писанія ни во что же помышляюще, но небрегуще и преобидяще, по внѣшнимъ же философамъ кругообразну быти образу небесному мняще,

---

томъ же Сборникѣ помѣщена изъ Плинія статья о «дванадесяти вѣтрахъ» (Сборн. № 925, л. 133). У Плинія въ лат. текстѣ эта статья начинается такъ: Ventorum genera quiquam duodecim enumerarunt. См. Plinii, 16, 46. Index.

†) Опис. Рум. музея, MCCCLVIII.

††) Шевырева, поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, стр. 24.

отъ солнечнаго и луннаго теченія прельщаеми. Прежде всего рекшимъ и льстящимся первое слово есть, яко не мощно есть христіанствовати хотящему быти въ повиновеніи у внѣшнихъ философовъ, ибо аще кто хощетъ пройти эллинскія измѣненія созданія міра, вся обрящетъ не истинныя мудрованія, льстивная.» Далѣе Косма наивно доказывалъ, что земля четыреугольна, небо, въ видѣ полукруга, прикрѣплено къ краямъ ея, и что окрестъ всей земли океанъ †).

Такимъ образомъ классицизмъ не былъ историческимъ началомъ интеллектуальнаго развитія въ Россіи, какимъ былъ на западѣ. Онъ не былъ у насъ, какъ на западѣ, предварительнымъ горниломъ испытанія мыслительности, не былъ предуготовительной школой возбужденія и воспитанія пытливой мысли и духа изслѣдованія. Вслѣдствіе этого у насъ вовсе не было и тѣхъ зачатковъ естествоиспытательнаго стремленія, какіе возбуждены были на западѣ изученіемъ физико-математическихъ, астрономическихъ и географическихъ произведеній классической древности. Напротивъ, при вѣковомъ отчужденіи отъ физическихъ ученій древне-греческихъ натуралистовъ, въ русскомъ народѣ произошло и умственное отчужденіе отъ естествознанія. Это особенно обнаружилось въ концѣ XVII в. «Русскіе—говоритъ Олеарій—нисколько не уподобляются древнимъ грекамъ, хотя прибытіемъ къ нимъ послѣднихъ и происхожденіемъ отъ нихъ они хвалятся, такъ какъ ничего не переняли и не удержали отъ этого умнаго и образованнаго народа, ни въ языкѣ, ни въ искусствахъ. Русскіе не любятъ ни наукъ, ни свободныхъ искусствъ. Естественныя науки, будучи чужды русскимъ, особенно подпадаютъ ихъ грубому и неразумному сужденію, если имъ удается что-нибудь перенять изъ нихъ отъ иностранцевъ: такъ астрономію они считаютъ волшебной наукой; предугадываніе и предвѣщаніе солнечнаго или луннаго затмѣнія, или движенія какой-либо планеты они считаютъ дѣломъ неестественнымъ» ††). Чтобы потомъ возбудить и вкоренить въ умахъ народа довѣріе къ естественнымъ наукамъ, нужно было уже подъ вліяніемъ запада воспитать два или три поколѣнія, нужна была вѣковая проповѣдь о пользѣ естествознанія, начиная отъ Ломоносова до позднѣйшаго времени. Съ другой стороны, вѣковое изстаринное умственное отчужденіе отъ классицизма было причиною того, что онъ потомъ не прививался къ нашимъ училищамъ съ такимъ успѣ-

---

†) Пекар., I, 333.

††) Олеарій, въ «Архивѣ» 1859 г., кн. III, стр. 25.

хомъ, какъ привился на западѣ. Онъ не былъ у насъ историческимъ началомъ интеллектуальнаго возрожденія и развитія, а потому и послѣ не имѣлъ никакой органической связи съ умственною жизнью русскаго народа. Русскому народу, такъ сказать, родившемуся уже на зарѣ новой исторіи человѣчества, когда преемственно-историческій импульсъ и круговоротъ космическихъ, міровыхъ идей цивилизаціи долженъ уже исходить для всѣхъ новыхъ народовъ нетолько не съ востока дряхлаго, импульсировавшаго нѣкогда мыслительность древнихъ грековъ—протогеновъ европейской цивилизаціи, но даже и не изъ классическаго уже міра—Эллады и Рима, а съ запада Европы,—русскому народу закономъ всемірной исторіи суждено было возбудиться, импульсироваться къ умственной жизни уже новымъ, западно-европейскимъ завѣтомъ великихъ, міровыхъ идей и открытій, а не ветхимъ завѣтомъ зачаточныхъ знаній классическаго міра. Послѣ преемственно-историческаго импульса, произведеннаго греческимъ и римскимъ классицизмомъ на мыслительность западно-европейскихъ націй, послѣ такъ-называемаго «возрожденія наукъ», всемірно-историческое, преемственно-традиціонное вліяніе классицизма кончено. Вліяніе это теперь принадлежитъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше будетъ принадлежать, уже передовымъ націямъ и геніямъ западной Европы и Новаго Свѣта — Америки. Въ силу этого вліянія, классицизмъ, какъ отжившая, историко-археологическая сила, не могъ и не можетъ уже возбудительно дѣйствовать и на мыслительность русскаго народа, какъ народа новаго, причисленнаго исторіею уже къ новой всемірно-исторической преемственно-традиціоной школѣ—къ новому общечеловѣческому училищу запада, западнаго реализма, естествоиспытанія. Поэтому, съ XVIII вѣка, съ вѣка Ньютона, Эйлера, Лапласа, Лавуазье, Лагранжа, Кювье, Бюффона, Линнея, Ламарка, Сентъ-Илера, Жюссье и пр., уже поздно было почерпать умственно-образовательныя средства въ произведеніяхъ Аристотеля, Платона, Птолемея, Гиппократа и пр., — когда открыты были уже новыя, всеміриыя умственно-образовательныя средства, напр. въ «Principia mathematica» Ньютона, въ «Philosophie chimique» Лавуазье и вообще въ новыхъ великихъ, міровыхъ открытіяхъ въ области знанія. Потому съ XVIII вѣка классицизмъ въ училищахъ русскаго народа былъ уже анахронизмомъ и мертвою буквою. И московская славяно-греко-латинская академія, основанная въ 1682 г., по настоянію византійскихъ грековъ, при грекахъ Лихудахъ, не могла уже сдѣлать классицизмъ могучимъ умственно-образовательнымъ средствомъ. «Въ 1682 г.—замѣчаетъ кн. Щербатовъ—заведена была въ иконоспасскомъ монастырѣ академія, гдѣ учили по-латыни, по-гречески

и Аристотелевой философіи. Но чему въ этой академіи научались? Научались языкамъ греческому и латинскому, философіи Аристотелевой, его категоріямъ, тонкимъ и часто непонятнымъ разсужденіямъ Платона о богословіи, могли разумѣть всѣхъ лучшихъ писателей Аѳинъ и цвѣтущаго Рима, и св. отцовъ. Но познали ли новыя открытія, сдѣланныя новыми? Познали ли бы новую систему міра, изобрѣтенія въ физикѣ, химіи и механикѣ? Нѣтъ» †). Въ кіевской академіи, которая, по словамъ смоленскаго епископа Гедеона, «имѣла себѣ честь сицевую, что отъ нея, аки отъ преславныхъ оныхъ Аѳинъ, вся Россія источники премудрости почерпала», и въ кіевской академіи схоластическая философія Аристотеля, какъ анахронизмъ, господствовала только до 1752 года. Тамъ преподавались такія напр. руководства по Аристотелю, распространенныя потомъ и по многимъ духовнымъ семинаріямъ: Philosophia Aristotelico-scholastica, anno 1708 per Theoph. Procopowicz, philosophia tripartita, doctrinam Aristetelis de rebus dialecticis, phisicis et methaphisicis comprehendens anno 1715; philosophia ad mentem principis philosophorum Aristotelis stagiritae tradita et explicata anno 1719; Cursus philosophicus in scholis Peripateticorum 1739; Syntagma totius Aristotelicae philosophiae publicis disputationibus illustratum 1745 anno. Ученіе этой схоластической и притомъ искаженной Аристотелевой философіи было самое отжившее. Напр. въ самой лучшей философской системѣ Георгія Конисскаго въ отдѣлѣ physica сообщалось, между прочимъ, ученіе de fortuna et fato, de tempore et aeternitate, de coelis totaliter sumtis, de elementis — de aqua, terra, aere, igne, de differentiis animarum, de anima plantarum ejusque facultatibus, de facultatibus animae vehetativae genetricis и т. п. ††). Но и въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ такая классическая, Аристотелева философія не могла держаться дольше XVIII столѣтія, да и классическіе языки тамъ никогда особенно не процвѣтали, а въ послѣднее время пришли даже въ упадокъ. Въ университетахъ же и гимназіяхъ классическая филологія еще менѣе прививалась, и доселѣ, несмотря на всѣ усилія, не привилась, главнымъ образомъ опять потому же, что не составляла историко-органической потребности умственнаго развитія въ Россіи, и была въ нихъ водворена анахронично и искусственно, а не исторически. Магистръ, г. Новоселовъ, изучая классическую филологію за границей, совершенно справедливо писалъ въ одномъ письмѣ отъ 20 мая 1863 г.: «Съ тѣхъ поръ, какъ занимаюсь классической филологіей, я всегда понималъ все пе-

---

†) «Чт. Общ. 1860 г. о сост. Россіи до П. В.» ст. 25—28.

††) «Ист. Кіевск. дух. академ.» стр. 144—148.

чальное положеніе этой науки въ нашемъ отечествѣ. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на столѣтнее оффиціальное существованіе въ русскихъ университетахъ, едвали можно указать на какую-нибудь науку, которая бы менѣе классической филологіи привилась къ нашимъ университетамъ и менѣе ея была знакома нашему обществу. Я не говорю уже о томъ, чтобы у насъ было сдѣлано что-нибудь для движенія этой науки путемъ серьезной самостоятельной разработки; этого я и не ищу; но мы не имѣемъ почти ничего даже изъ того, что называется зачатками, азами этой науки. Это фактъ, противъ котораго можетъ спорить только мелкое самолюбіе или полное невѣжество. Не далѣе, какъ года два назадъ, одинъ изъ нашихъ филологовъ вотъ что говорилъ объ этомъ предметѣ на одной изъ публичныхъ лекцій: мм. гг.! я долженъ начать мою лекцію съ откровеннаго признанія въ томъ, что наша филологія едвали заслужила такую честь (т. е. что на эту лекцію собрались не обязательные слушатели, а представители образованнаго общества, безъ всякаго, оффиціальнаго отношенія къ университету). Мы сдѣлали — продолжаетъ авторъ,—все или почти все для того, чтобы поселить въ нашемъ обществѣ недовѣріе къ древней филологіи и сомнѣніе въ ея пользѣ. До сихъ поръ мы обыкновенно шли въ этой наукѣ не дальше грамматики, на древнихъ писателей смотрѣли какъ на средство изучить всѣ ея тонкости, да и тѣхъ не изучили. Живыя же стороны древней филологіи до сихъ поръ остаются почти совершенно чуждыми намъ.» Это откровенное признаніе лучшаго представителя филологической науки въ Россіи и наиболѣе компетентнаго судьи въ этомъ дѣлѣ должно навести на глубокое раздумье всякаго, кто дорожитъ дѣломъ отечественнаго образованія. Да, сто лѣтъ труда и издержекъ, и такіе результаты! Между тѣмъ, нельзя сказать, чтобы эта наука или, вѣрнѣе, циклъ науки не служилъ предметомъ заботъ правительства и лицъ, составлявшихъ университетскіе уставы. Филологическій факультетъ являлся въ числѣ первыхъ въ каждомъ вновь открывавшемся университетѣ. Филологическая наука пользуется въ нашихъ университетахъ правомъ гражданства уже цѣлое столѣтіе. Въ такой промежутокъ времени можно бы, кажется, ожидать многаго... Но несмотря на всѣ эти выгоды, мы, въ продолженіе 100 лѣтъ, не ушли дальше грамматики въ дѣлѣ изученія классическихъ наукъ; живыя стороны ихъ намъ чужды, знакомство съ литературой и культурой греческаго и римскаго міра у насъ вовсе не существуетъ доселѣ» †).

†) Двѣ публичныя лекціи проф. Благовѣщенскаго о Ювеналѣ Спб. 1860 г. Ж. М. Н. П. 1863 г. CXIX, отд. II, стр. 59—61.

Такимъ образомъ у насъ не было и нѣтъ своихъ Фридриховъ Августовъ Вольфовъ, Бернгади, Августовъ Маттіэ, Максъ Мюллеровъ, Бёковъ, Ричлей и т. п., потому что и напередъ не было своего Петрарки, Боккачіо, Скалигера, Сомеза, Казобона, Бентли, Валькенера, Рункена, не было древнѣйшихъ классическихъ школъ, въ родѣ французской и голландской, существовавшихъ въ XVII столѣтіи, и русская мыслительность не прошла прежде и самостоятельно этихъ періодовъ: гуманизма, господствовавшаго на западѣ въ XIV, XV и XVI столѣтіяхъ, матеріальнаго изученія классической древности, какое было въ XVII вѣкѣ, и, наконецъ, критическаго изученія классической филологіи, преобладавшаго въ XVIII в. Слѣдовательно, и въ настоящее время господство классицизма у насъ — историческій анахронизмъ, механически или силою навязываемый намъ, какъ педагогическое средство, а въ сущности составляющій анти-національное, анти-историческое и праздное археологическое занятіе умовъ.

Далѣе, церковно-византійское ученіе не имѣло своей задачей, какъ мы сказали, развивать интеллектуальныя способности русскаго народа, разумъ, мысль, а исключительнымъ назначеніемъ и цѣлію его было — распространеніе и укорененіе въ народѣ вѣры и нравственности, или воспитаніе нравственно-религіознаго чувства. Восточно-византійскіе учители имѣли огромное вліяніе на развитіе и укорененіе въ древней Россіи психо-педагогическаго, нравственно-воспитательнаго начала. Извѣстное сочиненіе Златоуста, «περὶ παιδῶν ἀνατροφῆς», переведенное на церковно-славянскій языкъ, было главнымъ руководительнымъ правиломъ нравственнаго воспитанія дѣтей въ древней Россіи, было догматомъ воспитанія. Главная идея этого ученія — воспитаніе дѣтей въ благовѣріи, благочестіи и всякой добродѣтели—ἐν εὐλαβείᾳ καὶ τῇ κτήσει τῆς ἀρετῆς. И нужно сказать, что при первобытной грубости нравовъ русскаго народа, во времена страшнаго господства дикаго произвола и грубой физической силы, нравственно-христіанское ученіе и воспитаніе составляло первую историческую задачу. И византійская нравственно-религіозная система воспитанія въ Россіи всегда неусыпно преслѣдовала эту цѣль. Съ этою цѣлью, всѣ училища, какія учреждались въ древней Россіи отъ временъ Владиміра до московской славяно-греко-латинской академіи, имѣли собственно не умственно-образовательный, а нравственно-воспитательный характеръ. Всѣ эти училища поставляли своею цѣлью не развитіе умственныхъ способностей, разума, мысли, но исключительно — внушеніе и установленіе началъ христіанской и свято-отеческой нравственности, на основаніи ученія вѣры: главные учители

русскаго народа, по словамъ Степенной книги, повелѣвали учить не только «словесемъ книжнаго ученія, а и благонравію, правдѣ и любви, и зачалу премудрости — страху Божію, чистотѣ и смиренномудрію» †). Училища устроялись вовсе не въ видахъ свѣтскаго научнаго образованія, а единственно въ видахъ духовнаго, христіанскаго ученія, и потому въ нихъ не столько преподавались даже «словеса книжнаго ученія», сколько внушались правила вѣры и нравственности ††). При такомъ направленіи, въ древне-русскихъ училищахъ не преподавалась даже философія, которая могла бы развивать въ молодыхъ поколѣніяхъ теоретическую мыслительность, пріучая ихъ къ работѣ мышленія, хотя философія и не исключалась изъ системы воспитанія дѣтей восточно-византійскими учителями; напр. Златоустъ, говоря о воспитаніи дѣтей, исчислялъ три предмета нравственнаго воспитанія: *εὐλαβεία, καὶ ἀρετή, καὶ φιλοσοφία*. Слѣдствіемъ такого исключительнаго господства ѳѳико-теологическаго, нравственно-религіознаго направленія, — свѣтскихъ училищъ, которыя бы развивали интеллектуальныя способности, разумъ, мышленіе, вовсе не было. Точно также не было и литературы свѣтской, научно-образовательной. И въ самой духовной литературѣ, нравственно-назидательное и церковно-обрядовое направленіе, какъ извѣстно, преобладало во всѣхъ произведеніяхъ — во всѣхъ каноническихъ правилахъ русскихъ пастырей, въ посланіяхъ и отвѣтахъ ихъ на вопросы частныхъ лицъ, а тѣмъ болѣе въ церковныхъ словахъ и поученіяхъ. Въ церковныхъ поученіяхъ главнымъ образомъ предлагались нравственно-обрядовыя наставленія, напр. о постѣ вообще и въ частности о филипповомъ, петровомъ, успенскомъ и великомъ, о покаяніи, исповѣди и эпитиміяхъ, о недѣлѣ или воскресномъ днѣ, о благопристойномъ празднованіи праздниковъ, о хожденіи въ церковь и благопристойномъ поведеніи въ ней и т. п.; или же обличались грубые пороки времени подъ общимъ заглавіемъ: «слово, еже како жити христіанамъ», или: «слово о спасеніи души», «слово душеполезно», или, въ частности: «слово о лѣнивыхъ и нерадивыхъ» и т. п. Такихъ вопросовъ догматическихъ или нравственныхъ, которые бы хоть сколько-нибудь вызывали къ дѣятельности теоретическую мыслительность, — поученій, въ которыхъ бы разсказывалась хоть теоретическая, умосозерцательная сторона христіанскаго ученія, въ древне-русской литературѣ мы вовсе не встрѣчаемъ. Да-

†) «Степ. кн.» I, стр. 143.

††) Лавровскаго, «о древне-русскихъ училищахъ», стр. 104—105.

же въ области вѣроученія и нравоученія, нравственно-поучительное начало преобладало надъ догматико-теоретическимъ. Когда касалось дѣло догматическаго ученія вѣры, то духовные русскіе учители считали вполнѣ достаточнымъ сказать въ двухъ-трехъ словахъ въ началѣ своего нравственно-обрядоваго или нравственно-назидательнаго поученія о вѣрѣ въ Святую Троицу, въ жизнь вѣчную и пр. большею частью такъ: «прежде всего, братіе, вотъ какую заповѣдь всѣ мы христіане должны содержать: вѣровать въ единаго Бога, въ Троицѣ славимаго, въ Отца, и Сына, и Св. Духа, какъ научили апостолы и утвердили св. отцы: вѣрую во единаго Бога (до конца)»: вотъ и все ученіе вѣры, а затѣмъ начиналось подробное нравственно-назидательное поученіе †). Если же кто хотѣлъ подробнѣе знать догматическое ученіе, въ такомъ случаѣ вполнѣ довольствовались не обширными догматическими системами, а самыми простыми, такъ сказать, элементарными поученіями св. отцовъ, въ родѣ краткихъ катихизисовъ, или «начатковъ», каковы напр. краткіе вопросы и отвѣты о Троицѣ Кирилла Александрійскаго и изъясненіе о вѣрѣ вкратцѣ св. Максима, «еже вопрошати и отвѣчати всякому православному христіанину». Мысль русская вполнѣ жила вѣрою и не требовала никакихъ доказательствъ и истинности догматовъ, не требовала этой, какъ выражались въ XVIII вѣкѣ, теологической учености (eruditio). Вѣра вполнѣ преобладала надъ мыслью, нравственное начало — надъ разумомъ. Вмѣсто философіи и наукъ, заповѣдывалось учиться только смиренномудрію и книгамъ благодатнаго закона. Въ тѣ времена учили: «братіе, не высокоумствуйте! но въ смиреніи пребывайте, посему же и прочая разумѣвайте. Аще кто ти речетъ: вѣси ли всю философію? И ты ему рцы: эллинскихъ борзостей не текохъ, ни риторскихъ астрономовъ не читахъ, ни съ мудрыми философы не бывахъ, учуся книгамъ благодатнаго закона, аще бы мощно моя грѣшная душа очистити отъ грѣхъ» ††). При отсутствіи свѣтскихъ научно-образовательныхъ училищъ и свѣтской научно-образовательной литературы, развитіе научно-теоретической мыслительности вовсе было не мыслимо. Поэтому умы русскіе, вполнѣ воспитанные въ правилахъ вѣры и смиренномудрія, какъ выражались въ XVII в., вовсе не любили и не способны были отвле-

---

†) Образчикъ такихъ поученій въ «Прав. Собесѣдникѣ», Январь 1858 г. «Слово о постѣ». Рукоп. сборникъ Соловец. библіот. «Измарагдъ» весь есть сборникъ такихъ поученій. № 170.

††) Пекарскій, I, 3.

ченно мыслить и посвящать мысль другимъ предметамъ, кромѣ вѣры и нравоученія. Отцы внушали дѣтямъ: «учися грамотѣ, учися и держати умъ, высочайшаго не ищи, глубочайшаго не испытуй, но елико ти предано отъ Бога, си содержи» †). Слѣдовательно, нетолько не было и зачатковъ мысли пытливой и критической, но и проповѣдывалось безмысліе, смиренномудріе ума, и, по выраженію Симеона Полоцкаго, крайне «мелокъ былъ и грамматическій разумъ» ††). Всякое своемысліе, всякое ученіе разума строго запрещалось. Даже ученые учители вѣры петровскаго времени стояли за одно строго-догматическое ученіе и совершенно исключали всякое участіе разума въ ученіи народномъ. Напр. іеромонахъ Кохановскій въ 1720 году говорилъ: «аще бы и великостепенный человѣкъ училъ отъ своего мозга, не слушай и не пріемли» †††). Все это вѣковое пренебреженіе развитіемъ мышленія особенно невыгодно отозвалось, какъ увидимъ дальше, въ первоначальномъ ученьи дѣтей русскаго народа европейскимъ наукамъ со временъ Петра Великаго.

Преобладаніе религіозно-нравственнаго начала надъ интеллектуальнымъ, нравственности надъ разумомъ, обусловленное отсутствіемъ научнаго интеллектуальнаго развитія въ древней Россіи, отсутствіемъ свѣтскихъ умственно-образовательныхъ училищъ, отозвалось и въ умственной жизни новой Россіи. Во второй половинѣ XVIII вѣка, въ періодъ особенныхъ заботъ о народномъ воспитаніи, въ періодъ дѣятельности Бецкаго и коммиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ (1782), основнымъ, главнымъ принципомъ воспитанія и всѣхъ учебно-образовательныхъ учрежденій, признано было тоже нравственное начало, а не развитіе разума, мысли. Тогда преимущественно требовали развитія изящнѣйшаго сердца, а не разума, наибольшаго умонаклоненія къ добру, къ нравоученію, къ добронравію, а не умонастроенія къ научно-теоретической мыслительности, къ изслѣдованію и знанію. Требовали, чтобы учители и наставители народа ѳеоритическихъ мыслей избѣгали, удалялись, а больше держались бы нравоученія. Всю цѣну ума полагали въ «добронравіи». Гарантію умственныхъ успѣховъ полагали въ доброй нравственности. Въ ученіи и знаніи признавали только средство къ избѣжанію порока праздности и способъ къ нравственному самопознанію. Императрица Екатерина Великая въ извѣстной

---

†) Сборникъ Солов. библіот. № 925, л. 66—68.
††) «Жезлъ правл.» ч. I, л. 23 и 98
†††) Пекарскаго, наука и литер. при Петрѣ Великомъ, I, 497.

инструкціи князю Салтыкову (1784 г.), излагая наставленія: 1) касательно развитія и подкрѣпленія умонаклоненія къ добру, 2) касательно учтивости и 3) касательно знанія, высказала такія требованія относительно воспитанія: «здравое тѣло и умонаклоненіе къ добру—говорила она—составляютъ все воспитаніе. Главное достоинство наставленія дѣтей состоять должно въ любви къ ближнему, въ общемъ благоволеніи къ роду человѣческому, въ добродѣтельности ко всѣмъ людямъ, въ добронравіи непрерывномъ, въ чистосердечіи, въ благородномъ сердцѣ, въ истребленіи горячности сердца, пустаго опасенія, боязливости, подозрительности. Ученіе же и знаніе да будутъ дѣтямъ единственно отвращеніемъ отъ праздности и способомъ къ познанію естественныхъ ихъ способностей, и дабы привыкли къ труду и прилежанію.» Бецкій, какъ извѣстно, полагалъ тѣ же нравственные принципы въ основу своей воспитательной системы. Онъ требовалъ, чтобы «при изящномъ умѣ» воспитывали еще изящнѣйшее серце: «Опытъ показалъ,—говоритъ онъ,—что одинъ только украшенный или просвѣщенный разумъ не производитъ еще добраго, прямаго гражданина, напротивъ одинъ разумъ становится вреднымъ для того, у кого съ юныхъ лѣтъ не вкоренена въ сердцѣ добродѣтель. При недостаткѣ нравственности напрасно ласкать себя ожиданіемъ истинныхъ успѣховъ и въ наукахъ и искусствахъ.» Митрополитъ Платонъ также внушалъ ту мысль, что нравственно-художественное умонастроеніе, воспитаніе и развитіе болѣе необходимо и выше, чѣмъ развитіе интеллектуальное, научное, теоретическое. Въ 1765 г. въ словѣ о воспитаніи онъ говорилъ: «Воспитаніе есть пріуготовленіе къ добродѣтели. Что пользы разсуждать о теченіи небесныхъ круговъ, а сердце имѣть привязаннымъ къ страстямъ земнымъ! Полезны, подлинно, науки, полезны и художества. Науки легко употребить можно во зло, а злоупотребленныя онѣ великій причиняютъ вредъ, а художества, не знаю, можно ли употребить во зло, и потому они всегда полезны.» Вообще митрополитъ Платонъ, также какъ и всѣ въ то время, требовалъ больше развитія нравственности, нравоученія, добродѣтели, чѣмъ разума или теоретической мыслительности, научныхъ теорій и знаній. Воспитателямъ юношества онъ предписывалъ: «чтобъ ученики не въ наукахъ, а болѣе же въ добродѣтели преуспѣвали.» Учителямъ и проповѣдникамъ онъ завѣщевалъ: «чтобы они ѳеоретическихъ мыслей подальше себя вели, чтобы не заблудиться, а больше держались бы нравоученія» †). Новиковъ въ «Утреннемъ свѣтѣ» даже отрицалъ пользу

†) Біографія митрополита Платона.

теорій и утверждалъ, что одно нравоученіе полезно: «сколько полезно нравоученіе, столько безполезны теоріи»,—говорилъ онъ. Наконецъ и Фонъ-Визинъ въ «Недорослѣ» выразилъ такую мысль: «умъ, коль скоро онъ только что умъ,— самая бездѣлица: прямую цѣну уму даетъ благонравіе.» Новоучрежденное общество любителей учености въ 1789 г. объявило задачею на конкурсъ (за 40 голландскихъ червонцевъ): «какими науками начинаться должно просвѣщеніе? Касающимися ли сердца и нравственности, или принадлежащими до разума и остроты?» †). Само собой разумѣется, что въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ нравственное начало проводилось еще дальше и глубже. Въ конспектѣ наукъ духовныхъ академій высказывался, какъ основной законъ, тезисъ: «всякое созерцательное познаніе, не направляемое къ дѣятельности, есть зданіе на воздухѣ или въ одномъ чертежѣ художника» ††). Въ частности, коммиссія духовныхъ училищъ преподавателямъ всеобщей исторіи въ академіяхъ вмѣнила въ обязанность охранять ученіе исторіи: вопервыхъ, отъ усиленнаго критицизма; вовторыхъ, отъ систематизма, усиливающагося дать исторіи единство идеи. Излагая событія просто, кратко, вѣрно, преподаватель долженъ обращать особенное вниманіе въ исторіи на черты нравственныя, на слѣды провидѣнія Божія въ происшествіяхъ общественныхъ, на связь и послѣдовательность въ судьбахъ народовъ, нравственннаго улучшенія или, напротивъ, нравственнаго поврежденія, и т. п. †††). Нечего и говорить о томъ, что въ воспитанникахъ духовныхъ преимущественно требовалось развитіе нравственно-религіознаго чувства, добронравія, вѣры, а не интеллектуальныхъ способностей, не разума. Тутъ и все назначеніе воспитанниковъ — нравственно-образовательное, именно—проведеніе или распространеніе религіозно-нравственнаго образованія въ народѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ древней Россіи преимущественное развитіе нравственнаго начала необходимо обусловлено было отчасти грубостью нравовъ русскаго общества и народа. Но, съ другой стороны, вѣковое запущеніе или устраненіе, во имя его, интеллектуальнаго развитія народа, вѣковое лишеніе научнаго развитія разума, мышленія, было въ свою очередь весьма невыгодно. Вопервыхъ, при неразвитіи такъ-назы-

†) «Истор. моск. унив.» 254.
††) «Исторія С.-Петерб. дух. акад.» Чистовича, 285.
†††) «Исторія С.-Петерб. дух. акад.», 298—299.

ваемаго чистаго, теоретическаго разума, естественно не развивался и самый нравственно-практическій разумъ, и вслѣдствіе того не скоро искоренялась и допетровская грубость нравовъ и нравственныхъ понятій. Потому что теоретическій разумъ, какъ извѣстно, есть главный и естественный законодатель и самыхъ практическихъ, нравственныхъ истинъ и убѣжденій, есть главный управитель и регуляторъ нравственныхъ правилъ и поступковъ. Только съ развитіемъ разума, съ развитіемъ и расширеніемъ умственныхъ истинъ, могутъ развиваться и нравственныя истины и убѣжденія, а вслѣдствіе того усовершаться и нравственныя дѣйствія и поступки. Русская же исторія ясно показываетъ, что чѣмъ меньше развитъ былъ разумъ русскій науками, чѣмъ дальше въ древность, когда вовсе и наукъ не было, тѣмъ грубѣе были нравы русскаго общества. Напр. во времена Петра Великаго, когда разумъ въ дворянствѣ еще не былъ нисколько развитъ науками и когда оно «лѣнью и огурствомъ» уклонялось отъ ученья, — нравы дворянъ были самые грубые: они занимались разбоями, разъѣзжая цѣлыми разбойничьими бандами, кулачный бой считали однимъ изъ пріятныхъ препровожденій времени, безнаказанно изводили и замучивали крестьянъ, тиранили и разоряли ихъ, погрязали въ пьянствѣ, воровствѣ и другихъ порокахъ, вели себя, по выраженію Посошкова, какъ львы въ деревняхъ, уклоняясь отъ ученья залѣзали въ озеро по бородѣ, бѣгали отъ ученья даже въ лѣсные скиты раскольничьяго суевѣрія, словомъ, были такихъ грубыхъ нравовъ, что вызвали противъ себя особую сатиру Кантемира «На гордость злонравныхъ дворянъ». Но вотъ университетскія науки мало по малу развивали разумъ въ дворянахъ, развивали ихъ понятія, преобразовывали ихъ образъ мыслей, и теперь ужъ нѣтъ такихъ дворянъ, которые бы напр. лѣзли отъ ученья въ озеро по бородѣ, или бѣжали въ раскольничьи лѣса, либо разбойничали бандами. Въ войскѣ, какъ извѣстно, умственное развитіе нижнихъ чиновъ изъ простаго и необразованнаго народа гораздо ниже, чѣмъ интеллектуальное развитіе офицеровъ изъ образованнаго класса—дворянъ. И вслѣдствіе этого число подсудимыхъ за преступленія офицеровъ къ общему ихъ числу въ войскѣ относилось въ 1857 г. какъ 1 : 208, въ 1858 г. — 1 : 260; а число подсудимыхъ нижнихъ чиновъ въ 1858 г.—1:147½, въ 1857 г.—1:114½; преступленій противъ правъ на имущество въ нижнихъ чинахъ 3036, а между офицерами только 10. Наконецъ, безъ умственнаго развитія и самая нравственность, воспитанная византійской ѳеикой, всегда являлась большей частью безсмысленною формальностью. Искони русскіе люди, вслѣдствіе неразвитости разума, позволяли себѣ всякіе пороки—

воровали, грабили, дѣлали всякія насилія слабымъ, въ торговлѣ и контрактахъ нагло обманывали, плутовали, постоянно стремились наживаться всякими неправдами насчетъ чужаго труда и пр., — и все это прикрывали формальною наружностью византійской нравственности, вполнѣ успокоивали свою совѣсть тѣмъ, напримѣръ, что усердно ходили въ церковь, въ праздники гуляли и пьянствовали, въ церквахъ и дома усердно клали земные поклоны, ставили свѣчи передъ образами, дѣлали щедрые вклады въ церкви и монастыри и т. п. Вообще, при неразвитости разума, въ одеждѣ византійской нравственности, сплошь и рядомъ открыто и азіатски-чванно господствовало наружное благочестіе и благонравіе, внутренно извращенное всякими противообщественными пороками и неправдами. Вовторыхъ, вѣковое исключительное развитіе религіозно-нравственнаго чувства и совершенное отсутствіе развитія разсудка, мыслительности, вѣковое укорененіе въ народѣ одной вѣры, одного познанія сверхъестественнаго ученія, безъ познанія хоть бы того естественнаго ученія, какое могла дать древне-греческая наука, были причиною того, что народъ слишкомъ отдалился и даже совершенно отчуждился отъ наукъ вообще и въ частности отъ наукъ естественныхъ, погрузился въ разные вредные предразсудки и суевѣрія, сталъ даже бояться свѣта естествознанія и смотрѣть на него непріязненно. Это предубѣжденіе воспитано было главнымъ образомъ византійскимъ супранатуральнымъ ученіемъ, господствовавшимъ въ древней Россіи и отрицавшимъ даже древне-греческую, эллинскую мудрость Эвклидовъ, Пиѳагоровъ, Архимедовъ и т. п. Въ позднѣйшія времена, послѣ вѣковаго отчужденія отъ естественныхъ наукъ, и сами учители вѣры стали иногда признавать необходимость физико-математическихъ наукъ для умственнаго развитія. Напр. ректоръ с.-петербургской духовной академіи, епископъ Аѳанасій, въ 1844 г. представлялъ, что физика необходима для уразумѣнія тѣхъ истинъ философіи, которыя должны прояснять свойства и законы матеріальнаго міра, и сама по себѣ излагаетъ такія познанія, которыя по общему понятію считаются необходимыми для всякаго образованнаго человѣка, воспитывающаго нетолько въ высшихъ, но и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. И св. Сѵнодъ, поэтому, опредѣлилъ преподаваніе физики сдѣлать общимъ для всѣхъ студентовъ †). Точно также, въ кіевской академіи, въ началѣ нынѣшняго столѣтія такая великая наука, какъ математика, нетолько не отрицалась учителями

†) Чистовича, «Истор. с.-петерубрг. дух. академіи», 301.

вѣры и нравственности, а еще особенно поощряема была проф. богословія Иринеемъ Фальковскимъ. «Сей достойнѣйшій наставникъ—говоритъ авторъ «Исторіи кіевской академіи»—своими занятіями и ревностію умѣлъ возбудить въ своихъ слушателяхъ такую любовь къ математикѣ, что классъ ея, посѣщаемый прежде очень немногими, сдѣлался наконецъ однимъ изъ многолюднѣйшихъ классовъ (въ 1803 г. было учениковъ въ немъ 127, въ 1811 г.—309). Будучи уже профессоромъ богословія,Ириней не оставлялъ преподавать и математику и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ содѣйствовалъ ученикамъ своимъ въ составленіи и изданіи календарей для всего Малороссійскаго края» †). Между тѣмъ, какъ и сами нѣкоторые учители вѣры, въ періодъ введенія въ Россіи естественныхъ наукъ, уже переставали смотрѣть на нихъ враждебно, въ народѣ вѣра въ сверхъестественность, вкорененная вѣками, семь или восемь столѣтій совершенно исключавшая естественное ученіе и даже самое развитіе разума, дотого отдалила, отрѣшила смыслъ народный отъ естественнаго міра, что онъ сталъ считать познаніе физическаго міра противнымъ вѣрѣ, такъ что въ XVIII вѣкѣ и даже въ XIX столѣтіи нужно еще было, какъ увидимъ дальше, мирить народный и общественный смыслъ съ идеей естествознанія, нужно было доказывать, что изслѣдованіе и познаніе природы не противно вѣрѣ и т. п. По словамъ Ломоносова, «чтецы писанія и ревнители къ просвѣщенію излишествомъ своей ревности по вѣрѣ препятствовали приращенію высшихъ наукъ» ††). Умы русскіе, воспитанные однимъ ученіемъ вѣры, никогда не знавшіе естественнаго ученія, а большею частью жившіе даже однимъ суевѣріемъ, дотого были проникнуты однимъ суевѣрнымъ, рабскимъ страхомъ грозныхъ силъ природы, что естественнонаучное испытаніе природы считали дерзкимъ и опаснымъ искушеніемъ таинъ воли и премудрости Божіей, «продерзкимъ усиліемъ противиться гнѣву Божію» и т. п. Поэтому, когда извѣстнаго профессора Рихмана, во время производства громоотводныхъ опытовъ, убило громомъ, публику объялъ суевѣрный страхъ, и Ломоносовъ боялся, чтобы этотъ случай не былъ перетолкованъ противъ естественныхъ наукъ. И въ словѣ о воздушныхъ явленіяхъ, происходящихъ изъ электрической силы, 26 ноября 1753 г., Ломоносовъ, по этому поводу, послѣ объясненія теоріи грома, приступая къ объясненію громоотводовъ, долженъ былъ обратиться къ публикѣ

---

†) Булгакова, «Исторія кіевск. дух. академіи», 152.

††) «Сочинен. Ломоносова», изд. 1803 г. ч. III, стр. 342—354.

съ такими увѣщаніями: «симъ предпріятіемъ не уповаю, слушатели, чтобы въ васъ родилось негодованіе или боязнь нѣкоторая. Ибо вы видите, что Богъ далъ и дикимъ звѣрямъ чувство и силу къ своей защитѣ; человѣку же сверхъ того прозорливое разсужденіе къ предвидѣнію и отвращенію всего того, что вредить можетъ его жизни. Не однѣ молніи изъ нѣдръ преизобилующей натуры на жизнь его устремляются, но и многія иныя: повѣтрія, наводненія, землетрясенія, бури не менѣе устрашаютъ насъ, не менѣе вредятъ намъ. И когда лекарствами отъ моровой язвы, плотинами отъ наводненій, крѣпкими основаніями отъ землетрясеній и отъ бурь обороняемся, и притомъ не думаемъ, что мы продерзостнымъ усиліемъ гласу Божію противимся; того ради какую мы можемъ видѣть причину, которая бы запрещала избавляться отъ громовыхъ ударовъ? Посему, должно ли тѣхъ почитать дерзостными и богопротивными, которые для общей безопасности, къ прославленію Божія величества и премудрости, величіе дѣлъ его въ натурѣ грома и молніи изслѣдуютъ? Никакъ, мнѣ кажется, что они еще особливою его щедротою пользуются, получая изобильное за труды свои воздаяніе, т. е. открытіе столь великихъ естественныхъ чудесъ. Видимъ открытыми святилища натуры по открытіи электрическихъ дѣйствій въ воздухѣ, и мановеніемъ натуры во внутренніе входы призываемся. Еще ли стоять будемъ у входа, и прекословіемъ неосновательнаго предувѣренія удержимся? Никоею мѣрою; но напротивъ того, сильно намъ дано и позволено, далѣе простираться не престанемъ, осмотрѣвъ все, къ чему умное око проникнуть можетъ» †). И нетолько въ Ломоносовское время, но и послѣ, и нетолько въ простомъ народѣ, но и въ образованномъ обществѣ, многіе съ предубѣжденіемъ смотрѣли на естествоиспытаніе. Въ то время, какъ Ломоносовъ, въ письмѣ къ Шувалову, скорбѣлъ объ участи проф. Рихмана, убитаго громомъ при громоотводной машинѣ, скорбѣлъ и объ его семействѣ и боялся, чтобы случай этотъ не возбудилъ боязливаго предубѣжденія и даже негодованія противъ естествоиспытанія, — дворянинъ Нащокинъ (1707—1761) въ запискахъ своихъ разсказывалъ о смерти Рихмана нетолько съ неуваженіемъ къ опаснымъ и смѣлымъ трудамъ естествоиспытателя, но даже съ насмѣшкою. «Профессоръ Рихманъ — говоритъ онъ — машиною старался объ удержаніи и грома и молніи, дабы отъ идущаго грома людей спасти; но съ нимъ прежде всѣхъ случилось при той самой сдѣланной машинѣ, съ нимъ, Рихманомъ, о муд-

†) Сочин. Ломоносова, ч. III, стр. 108—110.

рованіи сходно произошло въ древности, какъ Эсхилъ тоже чрезъ астрономію познаъ убіеніе себя верженіемъ сверху: орелъ съ высоты опустилъ желвь (черепаху) и разбилъ лысую голову Эсхила. Такъ и Рихманъ за вымыслы свои получилъ нечаянный конецъ» †). И съ учрежденіемъ физико-математическихъ факультетовъ въ университетахъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, профессора математическихъ наукъ тоже, какъ увидимъ дальше, должны были, подобно Ломоносову, доказывать, что знаніе силъ природы не подрываетъ религіи, а напротивъ того, приводитъ къ ней и т. п.

Далѣе, вѣковое господство одной неосмысленной знаніемъ вѣры, безъ развитія умственныхъ способностей, разума и мысли, породило въ необразованномъ народѣ безсмысленную склонность къ религіознымъ спорамъ, къ богословствованію и множество вредныхъ для его интеллектуальнаго развитія суевѣрій, предразсудковъ, сектъ раскольничьихъ и т. п. Сами учители вѣры сознавали и видѣли на опытѣ, что умственная неразвитость, или, по ихъ выраженію, скудость ума, вредила и благочестію, порождала расколъ. «Мнози и отъ благочестивыхъ, — говорилъ патріархъ Іоакимъ, — за скудость ума своего, послѣдовали расколу» ††). Достаточно прочитать «Розыскъ» Димитрія Ростовскаго, чтобы видѣть, до какихъ сумасбродствъ и нелѣпостей довело темный народъ вѣковое неразвитіе его интеллектуальныхъ способностей, до какого безсмыслія доходила суевѣрная раскольничья мысль, воспитанная однимъ византійскимъ супранатурализмомъ безъ здраваго научнаго ученія. Тогда какъ на западѣ, во времена даже схоластики и мистики, мысль изощрялась во всеобщей самодѣятельности мышленія, напр. въ спорахъ философскихъ школъ — номиналистовъ и реалистовъ, — у насъ мыслительность народная всецѣло была эксплуатирована византійскимъ догматизмомъ. За предѣлами народнаго рабочаго сенсуализма и эмпиризма, для нея не было другой чисто-умозрительной, теоретической сферы, кромѣ византійскаго теологическаго и мистическаго умосозерцанія †††). Вѣковое исключительное развитіе чувственно-образнаго, религіозно-нравственнаго умонастроенія, вѣковое преобладаніе теологическаго направленія умовъ, при совершенномъ отсутствіи разсудочнаго развитія и научно-раціональнаго умонастроенія, породило даже и въ про-

---

†) «Записки» Нащокина, 1707—1761.

††) «Увѣтъ», л. 10.

†††) См. «Розыскъ», гл. III.

стомъ народѣ самый грубый и невѣжественный теологизмъ, или, по выраженію раскольничьяго писателя Павла Любопытнаго, «горячій догматизмъ». Вмѣсто вопросовъ здраваго разсудка и науки, — въ эпоху развитія раскола, даже суевѣрная толпа занималась рѣшеніемъ самыхъ пустыхъ теологическихъ вопросовъ. Іеромонахъ Кохановскій въ словѣ, произнесенномъ въ Ревелѣ въ 1720 г., говорилъ: «воззримъ убо и на другую злобу, которая тако въ народѣ нашемъ укоренилася и тако умножилася, яко ни какимъ способомъ и ни какою силою человѣческою отнюдь не возможно искоренити. Имя той злобы — забобоны, сирѣчь суевѣріе или злочестіе: напр. избрали себѣ мужики въ году 12 пятницъ и крѣпко утвердили и закрѣпили симъ глаголомъ: аще кто до тѣхъ пятницъ постится, молится, и молебенъ имъ наймуетъ, то по различію пятницъ различныя отъ нихъ дарованія пріемлетъ: первая пятница великаго поста избавляетъ отъ незапныя смерти; пятница предъ Благовѣщеніемъ избавляетъ отъ убійства, а которая передъ ильинымъ днемъ избавляетъ отъ вѣчныя муки... Что же когда еще пойдемъ до окаянной мужицкой, а паче до бабской богословіи, сирѣчь до буесловія и смѣхотворныхъ вопросовъ: которую икону почитать, а которую не почитать? Яйцемъ или масломъ письмена старая или новая? На доскѣ ли, на холстѣ или на бумагѣ? Какой крестъ на церквахъ ставити, осьмиконечный или четвероконечный? Которыми персты знаменіе крестное на себѣ полагати? И кто убо подробно изчислить можетъ безчисленные одни — смѣху, а другіе — плачу и рыданію достойныя забобоны? Бабьими баснями и мужицкими забобонами весь міръ наполнился: уже бо нынѣ нетолько священницы и прочіе книжные люди, но и неграмотные мужики и бездѣльныя деревенскія бабы всю тую дьявольскую богословію наизустъ умѣютъ» †).

Наконецъ, главная и всецѣлая задача восточно-византійской доктрины состояла въ умственномъ воспитаніи русскаго народа въ духѣ православнаго востока и въ отчужденіи отъ латинскаго и потомъ «люторскаго» запада. При отсутствіи умственнаго развитія, это вѣковое интеллектуальное подчиненіе русскаго народа восточно-византійскому вліянію, въ связи съ географическими и этнологическими условіями, мало по малу развило въ восточномъ умственномъ складѣ русскаго народа религіозную антипатію къ интеллектуальному вліянію передовыхъ, западно-европейскихъ націй. Въ началѣ русской исторіи, Византія была для Россіи

†) Пекарскій, I, 493.

тѣмъ, чѣмъ со времени Петра Великаго сталъ Западъ. Она сообщила восточному умственному складу русскаго народа восточно-церковное освѣщеніе и утвержденіе, сообщила свой восточно-церковный типъ. Въ древней Руси, въ такомъ же количествѣ вызывались въ Россію византійскіе греки, какъ со времени Петра Великаго вызывались европейцы, нѣмцы. Греки эти назначались учителями русскаго юношества въ училищахъ, какія тогда устраивались князьями †). «Во дни великихъ князей, — по словамъ подлинника 1658 г., — изографы переписывали греческіе подлинники или менологіумы, и образовали византійско-русскую школу иконописи сначала въ Кіевѣ, потомъ въ Новгородѣ ††). Какъ при Петрѣ Великомъ нѣмцы были учителями русскихъ въ разныхъ гражданскихъ искусствахъ, такъ при византійскихъ митрополитахъ греки были главными учителями русскихъ въ церковныхъ искусствахъ, въ пѣніи, зодчествѣ, иконописи и пр. †††). И какъ при Петрѣ Великомъ русскіе ѣздили на западъ «въ науку за море», такъ въ древней Руси они въ большомъ числѣ отправлялись въ Византію учиться церковности. Они жили тамъ въ Студійскомъ и другихъ монастыряхъ и списывали для русской церкви богослужебныя книги ††††). Кромѣ Византіи, русскіе до XVIII в. путешествовали на Аѳонъ, въ Іерусалимъ, въ Индію, вообще на Востокъ. «Всѣ старинныя русскія путешествія — говоритъ г. Пекарскій — можно раздѣлить на два отдѣла: одни предпринимались нашими предками съ благочестивою цѣлію посѣтить мѣста, дорогія для нихъ по воспоминаніямъ изъ священной исторіи, поклониться находящимся тамъ святымъ и, такимъ образомъ, исполнить потребность, развившуюся единственно вслѣдствіе религіознаго настроенія духа. Въ описаніи такихъ путешествій благоговѣніе къ святымъ, полная довѣрчивость и совершенное отчужденіе отъ всего, что не касается главной цѣли «хожденія», составляютъ отличительный и едвали не единственный харак-

---

†) Татищ., III, 196, 220, 238.

††) Буслаевъ, II, 345.

†††) См. въ «Зап. Археол. Общ.» ст. Забѣлина «о металлическихъ производствахъ въ древней Россіи», въ «Русской старинѣ» Мартынова, статью Максютина «о церковномъ зодчествѣ въ Россіи»; также въ «Зап. Археол. Общ.» статью Максютина «объ иконописаніи» и Буслаева «Памятн. русской литер. и искусства» статьи «о подлинникахъ».

††††) П. С. Л. стр. 16. «Странникъ Стефана Новгородца» и «Путеш. діакона Игнатія» у Сахарова въ «Сказаніяхъ русск. нар.» т. 2. Опис. рук. Син. библ. стр. 226, 254, введ. стр. XI. Опис. рук. Рум. Муз. ст. 516, 710, 711.

теръ цѣлаго. Другой отдѣлъ сказаній о чужихъ краяхъ есть тѣ офиціальныя донесенія, которыя представлялись нашими посланниками и извѣстны подъ названіемъ статейныхъ списковъ. До Петра мы не встрѣчаемъ путешественниковъ, которые бы посѣщали другія страны для удовлетворенія своей любознательности» †). Тогда какъ по Россіи путешествовали съ X до конца XVII в. до 270 иностранцевъ,— по западной Европѣ ни одинъ русскій не путешествовалъ съ цѣлью пріобрѣтенія знаній. «Благоразумный читатель,—говоритъ по этому случаю Кошихинъ,—чтучи сего не удивляйся: понеже для наученія и обычая въ иныя государства дѣтей своихъ не посылаютъ, страшась того — узнавъ тамошнихъ государствъ вѣру и обычаи, начали бы свою вѣру отмѣнять и приставать къ инымъ, и о возвращеніи къ домамъ своимъ и къ сродичамъ никакого бы попеченія не имѣли и не мыслили» ††). Національное предубѣжденіе русскихъ противъ западныхъ націй и вслѣдствіе того отчужденіе отъ ихъ интеллектуальнаго вліянія воспитано было главнымъ образомъ вѣковой грековосточной, догматико-обрядовой полемикой противъ латинскаго запада. Уже первые русскіе митрополиты-греки, посредствомъ этой полемики, старались предубѣдить русскихъ противъ латинскаго запада †††). Въ XVI в. Максимъ Грекъ предотвращалъ русскихъ уже нетолько отъ латинянъ, но и вообще отъ научныхъ и литературныхъ произведеній латинскаго запада. Когда переведена была съ нѣмецкаго на церковно-славянскій языкъ энциклопедическая книга «Луцидаріусъ», заключающая въ себѣ общія свѣдѣнія о мірѣ, о звѣздахъ и планетахъ, о землѣ и людяхъ, о животныхъ, о странахъ свѣта и пр.— Максимъ Грекъ вооружился противъ нея. Въ «Посланіи къ нѣкоему мужу на обѣты нѣкотораго латинянина мудреца» онъ подвергъ разбору «Луцидаріусъ» и увѣщевалъ не читать нетолько этой книги, но и всѣхъ латинскихъ и западныхъ сочиненій. «Латиняне — писалъ онъ — много

†) Пекар., I, 144—145.

††) Кошихинъ, о Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича.

†††) Сочиненія первыхъ русскихъ митрополитовъ-грековъ большею частію направлены были противъ латинянъ, каковы напр. посланія митр. Никифора къ Владиміру Мономаху противъ латинянъ («Пам. Росс. слов.» XII в., стр. 153); «Стязаніе съ латины»—Георгія митрополита («Христ. Чтеніе», 1855 г., ч. II, стр 322—323); «Посланіе митр. Іоанна II къ папѣ Клименту III», въ «Учен. Зап. II-го отдѣленія акад. наукъ», отд. 3, стр. 1—20; посланіе Льва митр. росс. къ римлянамъ объ опрѣснокахъ (Врем. моск. общ. ист. книга V)

прельстишася внѣшними учительствы, эллинскими и римскими ученіями и книгами арабскими, и неподобаетъ вамъ внимати ихъ ученію, ниже переводити ихъ на русскій языкъ; берегитесь отъ нихъ, яко же отъ гангрены и злѣйшія коросты... Заповѣдано есть высшихъ себѣ не взыскивать, ни уставляти, о нихъ же ни единому открыся отъ вѣка» †). Съ конца XVI вѣка умственная оппозиція противъ интеллектуальнаго вліянія запада, по мѣрѣ усиливающагося обнаруженія его, все болѣе и болѣе возрастала. Иностранцевъ русскіе называли «зловѣрными, безбожными, погаными» ††). Съ царствованія Бориса Годунова, приливъ иностранцевъ въ Россію, къ неудовольствію русскихъ, сталъ непрерывно возрастать. Вмѣстѣ съ тѣмъ сильнѣе выражалась и народная антипатія къ нимъ †††). По старинному предубѣжденію русскіе отрицали и знаніе иностранныхъ европейскихъ языковъ. Когда Борисъ Годуновъ хотѣлъ завести въ Россіи нетолько училища, но и университеты, для преподаванія разныхъ европейскихъ языковъ и знаній, и съ этою цѣлью приглашалъ въ Москву ученыхъ людей изъ Германіи, Италіи, Испаніи, Франціи, Англіи, то духовенство, по словамъ Буссова и Петрея, воспротивилось такому предпріятію и представило царю, что если въ Россіи настанетъ разноязычіе, то нарушится старое единовѣріе ††††). Въ XVII в. вліяніе западныхъ идей на умственное направленіе русскихъ и приливъ иностранцевъ въ Россіи значительно усилились,—и оппозиція строгихъ блюстителей и воспитателей церковно-восточнаго умственнаго склада русскаго народа возрастала †††††). Они окружными посланіями предохра-

---

†) О «Луцидаріусѣ» Лѣт. русс. лит. 1859 г., кн. I, отд. II, стр. 35—37.

††) П. С. Л., т. III, стр. 283—305; т. V, стр 52 и 73.

†††) Петрей (бывшій въ Россіи въ 1600—1612 г.) говорилъ: Die Reussen in ihren Sinn und Herzen so aufgeblasen und hochtrabent seyn, dass sie alle andere Nationen verachten («Chronic. Moscowit», p. 311). Буссовъ (бывшій въ Россіи въ 1601—1617 г.) говорилъ въ своей хроникѣ: Reussen fremde Nationen paganische heissen (p. 39). Русскіе думали, по словамъ Буссова, что подлѣ нѣмцевъ и поляковъ «alle Russen müssten verschwinden».

††††) Die Geistlichen wollten,—говоритъ Петрей,—es durchaus nicht verstatten und darein verwilligen, sondern brachten vor, ihr Land wäre weit und gross, einig in der Religion, Sitten und Sprachen: würden die Moscoviter andere Sprachen und Zungen lernen, dürfte grosser Zanck und Uneinigkeit unter ihnen erwachsen und dadurch vor ihren alten griechischen Religion abfallen, und der Landes Untergang hieraus erfolgen (Petr. «Chronic. Moscowit», p. 156).

†††††) А. А. Э. III, № 147. А. И., стр. 174, 175 и др.

няли русскихъ отъ ученій и обычаевъ Лютеровъ и Кальвиновъ. «Видимъ бо нѣкія, — съ грустью писалъ Аѳанасій Холмогорскій въ окружномъ посланіи, — кромѣ закона и заповѣданія и преданія ходящія въ чужестранныя нѣкія обычаи, паче же прелести еретическія и сообщающіяся имъ. Нововодныя чужестранныя обычаи помалу вкрадываются тайно въ нашу православную восточную церковь отъ еретическихъ латынъ и Лютеровъ и Кальвиновъ, и ученіе ихъ всякое» †). Въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII ст. призваны были западные европейцы преобразовывать восточный умственный складъ русскаго народа въ европейскій интеллектуальный типъ. И строгій консерватизмъ и ригоризмъ восточно-византійскаго умственнаго склада русскаго народа, какъ естественно было ожидать, весьма враждебно столкнулся съ раціонализмомъ европейскаго интеллектуальнаго умонастроенія. Ревнителямъ и воспитателямъ церковно-византійскаго умонастроенія русской національности, поэтому, особенно ненавистны были западные иноземцы, европейцы. Какъ неблагосклонно смотрѣли въ тѣ времена на иноземцевъ, можно судить напр. по слѣдующимъ отрывкамъ изъ одного завѣщанія, гдѣ преподаны совѣты царямъ Іоанну и Петру, чтобы не держать иностранцевъ въ русской службѣ: «православные христіане по чину и обычаю церковному молятся Богу; а они спятъ, еретики, и свои мерзкія дѣла исполняютъ и христіанскаго моленія гнушаются. Христіане, Пречистую Дѣву Богородицу Марію чествующе, всячески о помощи просятъ и всѣхъ святыхъ; еретики же, будучи начальниками въ полкахъ, ругаются тому, и по прелести ихъ хулы износятъ. Христіане постятся; еретики же никогда, — ихъ, по гласу апостольскому, Богъ чрево... Паки вспоминаю, новыхъ латинскихъ и иностранныхъ обычаевъ и въ платьѣ перемѣнъ не вводить, ибо тѣмъ нѣсть благочестіе христіанскаго царства во удобствіи имать пространятися и вѣра въ Господа Бога возрасти день ото дне... Здѣ чего не бывало, и то еретикомъ повелено» и пр. ††). Вообще, въ первой половинѣ XVIII вѣка ненависть къ иностранцамъ, воспитанная восточно-византійскимъ антагонизмомъ къ латинскому западу, достигла полнаго развитія и выраженія въ оппозиціи раскола, въ проповѣдяхъ духовенства, въ старой партіи князей-бояръ. И старцы-монахи, воспитанные въ духѣ старыхъ церковно-византійскихъ книгъ

---

†) Окружн. послан. Аѳанасія Холмогорскаго. Въ рукопис. проф. В. И. Григоровича.

††) «Ист. царств. Петра Великаго», соч. Устрялова, II, 474 и 477.

монастырскихъ книгохранилищъ, возбуждали ропотъ противъ царя Петра за то, что онъ восточный умственный складъ русскаго народа преобразовалъ въ иноземскій, европейскій, и изъ восточнаго, спальнаго платья переодѣвалъ русскій народъ въ европейскій, дѣловой нарядъ. «Какое нынѣ христіанство?—говорилъ одинъ старецъ ладожскому стрѣльцу въ 1704 г.—Нынѣ вѣра вся по новому; у меня есть книги старыя, а эти книги жгутъ... Нынѣ всѣ стали иноземцы, всѣ въ нѣмецкомъ платьѣ ходятъ, да въ кудряхъ, бороды брѣютъ» †). Въ монастыряхъ таилась оппозиція противъ реформъ Петра Великаго,—и потому монахамъ запрещено было держать чернила и бумагу и писать въ кельяхъ наединѣ ††).

Само собой понятно, какъ вредно было для успѣховъ умственнаго развитія русскаго народа такое вѣковое религіозное отчужденіе отъ передовыхъ западно-европейскихъ націй. Вопервыхъ, русскіе лишались, вслѣдствіе того, всѣхъ благотворныхъ умственно-образовательныхъ результатовъ заграничныхъ путешествій, вовторыхъ — отталкивали отъ себя способныхъ и просвѣщенныхъ европейскихъ учителей, втретьихъ—многіе и въ XVIII в., имѣя средства, ни сами не ѣздили учиться за границу, ни дѣтей своихъ туда не отправляли, ни дома не призывали европейскихъ учителей. Коллинсъ говорилъ: «ни одинъ человѣкъ съ дарованіями и способностями не имѣлъ еще до сихъ поръ возможности быть въ Россіи, потому что русскій народъ очень недовѣрчивъ и подозрѣваетъ всѣхъ иностранцевъ, которые распрашиваютъ о политикѣ или религіи. Онъ совершенно преданъ невѣжеству и не имѣетъ никакой образованности. И видя въ наукахъ чудовища, боится ихъ какъ огня. Только тѣ, кои расширяютъ свои понятія разговорами съ иностранцами, образованнѣе, также и тѣ, которые видѣли польскій бытъ; такъ какъ поляки образованнѣе русскихъ» †††). И въ началѣ XVIII в. многіе опасались европейскихъ учителей. Поэтому Ѳеофанъ Прокоповичъ въ своемъ проектѣ о семинаріи, считая необходимымъ пригласить «изрядныхъ и свидѣтельствованныхъ учителей изъ иностранныхъ академій», долженъ былъ оговориться: «и ненадобѣ опасаться, чтобы оные дѣтей нашихъ не совратили къ своей богословіи, ибо мощно имъ артикулами опредѣлить, чего оные учить будутъ должны, и надсматривать, не учатъ ли

---

†) Соловьева «Исторія Россіи», XV, 135.
††) П. С. З., № 1834.
†††) Коллинсъ, стр. 1, 28, гл. I и XVII.

нѣчто нашему исповѣданію противное. А именно преподавали бы они только ученія внѣшнія, языки, философію, юриспруденцію, исторію и пр., а не богословскіе догматы» †). Въ частности, вѣковое умственное отчужденіе русскихъ отъ европейцевъ особенно вредно было и тѣмъ еще, что оно потомъ въ первомъ разсадникѣ научнаго просвѣщенія въ Россіи—въ академіи наукъ поселило почти полувѣковую вражду и ссору русскихъ съ нѣмцами. Видя ненависть къ себѣ русскихъ, иностранные ученые и съ своей стороны отплачивали русскимъ такою же ненавистью. Секретарь академіи наукъ Волчковъ въ 1761 г., жалуясь на дѣйствія нѣмцевъ въ академіи наукъ противъ него, писалъ: «почти всѣ ученые тамъ люди наиболѣе въ томъ упражняются, что въ безпрестанныхъ между собою ссорахъ и враждахъ за мнимое преимущество свое въ наукахъ своихъ имѣютъ, великое жалованье почти напрасно берутъ, многіе изъ нихъ по-русски, а иные по-французски не знаютъ. Россійскихъ студентовъ профессора весьма мало учатъ, какъ-то профессоръ астрономіи Делиль, Гмелинъ и другіе многіе дѣлали, а особливо россійскихъ людей ненавидя гонятъ, и такъ у нихъ къ пользѣ россійскаго народа ничего не выходитъ» ††). Въ 1742—1743 г., по поводу вражды русскихъ съ нѣмцами, въ академіи наукъ возникло большое слѣдственное дѣло о совѣтникѣ академіи Шумахерѣ. Русскіе, какъ напр. переводчикъ Горлицкій, жаловались на то, что, по проискамъ Шумахера въ пользу однихъ нѣмцевъ, въ 18 лѣтъ ни одного профессора изъ русскихъ не было, что онъ всѣхъ русскихъ ученыхъ поносилъ и попрекалъ негодными, непонятными и неспособными, что Шумахеръ не «проронилъ» угодныхъ людей своихъ нѣмцевъ изъ ихъ земли привесть, а изъ славянскаго народа и изъ русскихъ ни одного профессора не сдѣлалъ и пр. †††). Вслѣдствіе такой почти столѣтней національной вражды русскихъ съ нѣмцами, академія наукъ долго не приносила почти никакой пользы русскому народу, особенно въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Не даромъ и сами безпристрастные нѣмцы признавали тогдашнюю академію наукъ почти совершенно безполезною для интеллектуальнаго развитія русской націи. Напр. Манштейнъ писалъ: «и доселѣ Россія не можетъ еще хвалиться ни малѣйшею существенною

---

†) Пекарскаго «Наука и литер. при Петрѣ Великомъ», I, 563.

††) Чт. общ., 1859 г., кн. 2, отд. V, стр. 155 — 156: жалоба секретаря академіи наукъ Волчкова на дѣйствія академіи наукъ противъ него.

†††) Чтен. общ., 1860 г., кн. 3, отд. V, стр. 83—95.

пользою отъ этого великаго учрежденія. Весь плодъ, какой эта академія въ 28 лѣтъ принесла, состоитъ только въ томъ, что русскіе имѣютъ календарь или мѣсяцесловъ, по петербургскому полуденнику, что могутъ читать на своемъ языкѣ вѣдомости, и что нѣсколько нѣмецкихъ пріобщниковъ академіи сдѣлались довольно искусными въ математикѣ и философіи, чтобы заслужить жалованье отъ 600 до 800 рублей. Что касается до русскихъ, то очень мало находится еще столь ученыхъ, чтобъ могли заступить профессорскія мѣста» и пр. †). И въ университетахъ также долгое время господствовала такая же вредная для успѣховъ образованія вражда иностранныхъ и русскихъ профессоровъ. «Русскіе и иностранцы — говоритъ Роммель — стояли вообще враждебно другъ противъ друга: съ первыми я вступалъ въ союзъ, когда дѣло шло объ интересахъ казны, со вторыми — во всѣхъ ученыхъ предпріятіяхъ. Другіе иностранные профессора обкрадывали казну съ безстыдствомъ» ††).

Какъ ни ломалъ раціоналистически Петръ Великій старый восточно-византійскій складъ народнаго умственнаго воспитанія, но, вслѣдствіе предварительной невоспитанности самостоятельной раціональной мыслительности въ народѣ, при полномъ развитіи и укорененіи стараго восточнаго умонастроенія и міросозерцанія народнаго, завѣщаннаго и утвержденнаго Византіей, и Петръ Великій не могъ всей силой своихъ указовъ вырвать съ корнемъ всѣхъ началъ старой, византійско-московской системы воспитанія. Онъ не могъ устранить главнаго, жизненнаго начала древней Руси — восточно-византійской системы умственной опеки и доктрины, потому что она глубоко вкоренилась въ восточномъ умственномъ складѣ русскаго народа, сроднилась со всѣмъ его міросозерцаніемъ, со всѣми его вѣрованіями и суевѣріями, утверждена была вѣковымъ византійскимъ вліяніемъ. Старыя, до-петровскія умственно-образовательныя учрежденія, основавшіяся на византійской почвѣ, какъ напр. кіево-могилянская и московская славяно-греко-латинская академіи, облекшись въ схоластическія формы средневѣковыхъ католическихъ учебныхъ заведеній, пустили корни свои и обнаружили все свое дѣйствіе и въ умственной жизни новой Россіи. Вліяніе кіевской схоластико-теологической учености и въ XVIII столѣтіи еще сильно преобладало и въ боль-

†) Manstein, 304—305. См. также отзывъ Шлецера: August Ludwig Schlözer, «Oeffentliches und Privatleben von ihn selbst beschrieben», S. 76 и др.
††) Воспомин. Роммеля, 1806—1815 г., стр. 48—49 (Южн. Сборн. 1859).

шой части общества доселѣ преобладаетъ подъ вліяніемъ европейской мысли и науки. «При Петрѣ Великомъ — говоритъ г. Пекарскій — русское образованіе слагалось изъ двухъ стихій — кіевской учености, принесенной изъ Польши, и европейскаго просвѣщенія, заимствованнаго изъ Голландіи, Германіи, отчасти Англіи, Франціи и даже Италіи. Кіевская ученость имѣла перевѣсъ, потому что имѣла за собою право давности; европейское же образованіе, вслѣдствіе причинъ историческихъ, усваивалось съ трудомъ и, за исключеніемъ самого царя, да двухъ или трехъ изъ его приближенныхъ, не имѣло въ Россіи замѣчательныхъ представителей» †). Слѣдующія слова смоленскаго епископа Гедеона ясно показываютъ, какое обширное вліяніе имѣла кіевская духовная академія на интеллектуальное направленіе Россіи. «Изобиловала всегда — говоритъ онъ — учеными людьми кіевская академія, и имѣла себѣ честь сицевую, что отъ нея, аки отъ преславныхъ оныхъ Аѳинъ вся Россія источникъ премудрости почерпала, и вся своя новозаведенныя училищныя колоніи напоила и израстила» ††). Подъ вліяніемъ кіевской академіи, съ 1721—1765 годъ, распространились по всей Россіи, какъ ея колоніи, до 28 новоучрежденныхъ семинарій. И вотъ почему всѣ семинаріи, существующія въ Россіи, суть какъ-бы копіи, снятыя съ древней кіевской академіи. Какъ въ древней Россіи Византія была главнымъ разсадникомъ церковно-догматическаго направленія умственнаго воспитанія русскаго народа, такъ въ новой Россіи, въ XVIII вѣкѣ, кіевская академія была главнымъ источникомъ схоластико-теологической эрудиціи и системы народнаго ученія. Отсюда исходили всѣ эти схоластико-догматическія системы и доктрины, какъ «Theologia scholastica in Academia Kijowo-Mohileana dictata, consuetisque disputationibus illustrata», или «Systemae theologicae, commentariis et disputationibus scholasticis illustratae, didactico-polemice per theoremata et quaestiones expositae, disputationibus theologicis speculative et controverse illustratae, in varios tractatus et paragraphos divi-

---

†) Пекарскій, I, стр. 5.

††) Письмо этого епископа къ кіевскому митрополиту Раѳаилу, писан. въ 1739 г. іюня 17. См. подробности о кіевскомъ вліяніи въ «Исторіи кіевской духовной академіи» іером. Макарія Булгакова, гл. III. Въ журналѣ главнаго правленія училищъ сказано: «духовенство доставило государству болѣе 300 учителей при учрежденіи народныхъ училищъ. И нынѣ въ С.-Петербургскій педагогическій институтъ поступило слишкомъ 100 человѣкъ, въ Харьковскій университетъ 40». Періодическія сочиненія объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія 1805, № VIII, стр. 79—80.

sae» и т. п. Всѣ эти богословскія системы представляли самое праздное и безплодное упражненіе умовъ въ схоластико-логическомъ анализѣ супранатуральной доктрины, по предвзятымъ у западныхъ схоластиковъ аристотелевымъ категоріямъ, были самой безжизненной схоластической анатоміей догматовъ вѣры. Все въ нихъ разложено было въ безконечномъ рядѣ пунктовъ, делинеацій и параграфовъ: punctum primum, secundum, tertium и т. д., argumentum primum, secundum etc., conclusio prima, secunda, tertia и т. д. Все было duplex, triplex и болѣе. Наприм. Богъ разсматривался какъ duplex, какъ Deus ad intra, vel ad extra; свойства его (attributa) тоже дѣлились на absoluta, affirmativa, negativa, relativa и пр., или, какъ въ богословіи Макарія тверскаго, на общія, присвоительныя, самостоятельныя, относительныя, дѣйствительныя, недѣйствительныя, утвердительныя или положительныя. Ангелы имъ тоже были извѣстны in certas species dividendi, altera ex natura, altera ex occidenta и пр. Говорить ли о томъ, какими пустыми, мелочными квестіонами занимались умы духовныхъ воспитанниковъ въ этихъ схоластико-теологическихъ системахъ. Напр. они изощрялись въ рѣшеніи такого рода вопросовъ: quo anni tempore mundus sit creatus, id est, quae pars anni tunc fuerit, verne an aestas, an autumnus, an hyems (въ какую часть года міръ сотворенъ — лѣтомъ, осенью или зимою?), или пускались въ изслѣдованія de loco, in quo creatus sit mundus (о мѣстѣ, на которомъ сотворенъ міръ), de tempore, qualenam fuerit et fuisset Adam in paradiso (о томъ, когда и сколько времени Адамъ былъ въ раю), de contractibus diabolicis и пр., или рѣшали такіе квестіоны: «гдѣ сотворены ангелы? могутъ ли они приводить въ движеніе себя и другія тѣла? какъ они мыслятъ и понимаютъ посредствомъ соединенія, различенія, или какъ-нибудь иначе? Сколь великое по объему мѣсто можетъ занимать ангелъ? и пр. Притомъ всѣ эти квестіоны и дефиниціи излагались самой варварской латынью, въ родѣ словъ: entitas, quidditas (чточество) и т. п. И это схоластико-теологическое направленіе и воспитаніе, съ небольшими измѣненіями, и доселѣ охватываетъ въ Россіи большое число молодаго поколѣнія. Въ настоящее время, какъ извѣстно, считается въ Россіи 4 духовныхъ академіи и 50 духовныхъ семинарій. Всего въ 4-хъ духовно-учебныхъ округахъ числится 254 учебныхъ заведенія. Кромѣ того, при церквахъ и монастыряхъ, въ 1860 году, въ 7,907 школахъ обучалось 133,666 учениковъ, въ томъ числѣ 112,808 мальчиковъ и 20,858 дѣвочекъ †). И число учениковъ теологическихъ

†) Отчетъ оберъ-прокурора Св. Синода за 1860 годъ.

наукъ, исходившихъ изъ кіевской академіи, постепенно возрастало. Въ 1765 году духовныхъ воспитанниковъ было 6,000, въ 1784 году — до 11,329, а въ 1860 году уже до 53,775, въ томъ числѣ въ академіяхъ 351, въ семинаріяхъ 14,630, въ уѣздныхъ духовныхъ училищахъ 37,770, въ приходскихъ духовныхъ училищахъ 1,124. Каково было умственно-образовательное значеніе духовныхъ училищъ, напримѣръ во второй половинѣ XVIII столѣтія, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ инструкціи, данной коммиссіи о церковныхъ штатахъ 29 ноября 1762 г.: «по сіе время архіерейскія семинаріи состоятъ въ весьма маломъ числѣ достойныхъ и надежныхъ учениковъ, въ худомъ учрежденіи для наукъ и въ бѣдномъ содержаніи. Семинаристы нынѣшніе, обыкновенно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, обучаются латинскому и греческому языку отъ неискусныхъ учителей, не знаютъ иныхъ ученій, какъ только самыя школьныя и первыя основанія латинскаго языка, не обучаются ни наукъ философскихъ и нравственныхъ, не знаютъ исторіи церковной, ни гражданской, ниже положенія круга земнаго и мѣстъ, на которыхъ въ разсужденіи другихъ народовъ живутъ. Набираются они въ семинаріи отъ отцовъ и матерей больше неволею и содержатся безъ разбора, способные съ тупыми и негодными, а иногда прибираются по голосамъ, дабы пѣвческую повседневную должность исправляли, которая ихъ и отъ того малаго ученія иногда отводитъ». О кіевской академіи — метрополіи всѣхъ великорусскихъ семинарій, извѣстный визитаторъ школъ на Волыни графъ Чацкій такъ отозвался въ письмѣ къ Колонтаю, послѣ осмотра ея въ 1804 году: «Rewidowalem Akademia Kiowska: to ustanowienie jest satyra rozumu ludskiego; sluzi za nauke — co to jest oddac nauki mnichom» †). Вообще, съ XVIII столѣтія византійская схоластика въ духовныхъ семинаріяхъ и особенно академіяхъ облеклась въ форму такъ-называвшейся учености (eruditio) и смѣшалась съ туманной трансцендентально-метафизической схоластикой нѣмецкой философіи. Еще въ сороковыхъ годахъ XIX столѣтія даровитѣйшіе студенты духовныхъ академій истощали всю силу схоластическаго остроумія на разсужденіяхъ, въ родѣ «Синтетическаго изложенія космологическаго довода бытія Божія»; въ разсужденіяхъ этихъ, страницахъ на 40—50 самаго убористаго письма, сплетали длиннѣйшую паутинную путаницу, напримѣръ, такого рода положеній и отрицаній: «Нѣчто, съ чего началось бытійствующее бытіе, если только оно есть нѣчто, должно быть или бытійственность, или не-

†) Исторія кіевск. универс., стр. 11.

бытійственность... Матеріальнымъ началомъ бытствующаго бытія не можетъ быть ни что-нибудь бытствующее, ни что-нибудь не бытствующее... Бытіе, какъ бытность, не можетъ быть ни въ какой точкѣ достаточной причины своей. поелику послѣдняя не имѣетъ точекъ (XLVI)... Бытіе по положенію LIX должно существовать въ достаточной причинѣ, а по положенію LX не должно... Всякое бытіе по отношенію къ достаточной причинѣ бытія есть ничто» и т. п. Такихъ тезисовъ и антитезисовъ сплетали до 69 и болѣе, означая ихъ цифрами I—LXIX и т. д. †). Мыслительныя силы даровитыхъ духовныхъ воспитанниковъ невольно упражнялись въ такой гимнастикѣ логики и тратились въ такихъ безплодныхъ схоластическихъ мыслеплетеніяхъ, потому что для нихъ почти совершенно закрыта была область экспериментальнаго, точнаго, положительнаго знанія. Естественныя науки изъ всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній, даже изъ академій, или совершенно изгонялись, или находились въ нихъ въ крайнемъ пренебреженіи и запущеніи, считались на самомъ послѣднемъ планѣ. Напр. г. Чистовичъ въ своей исторіи с.-петербургской духовной академіи говоритъ: «по классу физико-математическихъ наукъ труднѣе, нежели по какому другому, можно было найти способныхъ и опытныхъ наставниковъ изъ учителей или воспитанниковъ нашихъ академій и семинарій... Физикѣ и математикѣ до 1844 года обучались только нѣкоторые студенты низшаго отдѣленія по собственному желанію и выбору. По физикѣ не издано академическими наставниками ни руководства, ни учебника» ††). Соотвѣтственно съ такою крайнею ограниченностью преподаванія естественныхъ наукъ, и библіотеки духовныхъ академій и семинарій преимущественно наполнялись богословскими книгами, въ ущербъ физико-математическимъ. Напр. въ библіотекѣ кіевской академіи въ 1843 г. богословскихъ книгъ было 4,744 тома, а физико-математическихъ только 363; въ библіотекѣ с.-петербургской духовной академіи, по реестру, приложенному къ книгѣ г. Чистовича, богословскихъ книгъ числилось 4,466 экземпляровъ, а физико-математическихъ только 838 экземпляровъ †††).

---

†) См. напр. разсужденіе бывшаго студента казанской духовной академіи А. А. Бобровникова, извѣстнѣйшаго потомъ ученаго монголиста, автора замѣчательной монголо-калмыцкой грамматики. «Сибирскій Вѣстн.» 1865 года №№ 42—43.

††) Исторія с.-петерб. дух. академ., стр. 251, 301, 303.

†††) Исторія кіевск. дух. акад. Макарія Булгакова, стр. 218—219. Истор. с.-петерб. дух. акад., стр. 453.

Такимъ образомъ, византійская доктрина, видоизмѣнившись въ новую форму theoogiae schoastiсae и организовавшись въ спеціальную систему духовнаго образованія, по новому семинарскому уставу открываемую для всѣхъ сословій, составляетъ и теперь господствующую силу догматическаго направленія и воспитанія русской мысли. Поэтому, догматико-теологическій элементъ и въ настоящемъ столѣтіи, какъ увидимъ дальше, еще господствовалъ надъ нашей научной и литературной мыслью. Въ 1819—1820 году, при министрѣ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князѣ Голицынѣ, и во всѣхъ университетахъ введена была каѳедра богословія. Магницкіе, Руничи догматическій консерватизмъ поставляли принципомъ, основаніемъ университетской науки. Мысли многихъ университетскихъ профессоровъ, даже натуралистовъ, сильно проникнуты были мистическимъ догматизмомъ. Богословско-догматическая литература, и по численности сочиненій и даже по вліянію, до послѣдняго времени почти преобладала надъ литературой естественно-научной. Напр. въ пятилѣтіе 1801—1806 г. по богословію издано было въ Россіи 213 сочиненій, а по естественнымъ наукамъ только 33 сочиненія, по математикѣ 32, по медицинѣ 52 †). Въ с.-петербургской публичной библіотекѣ въ 1828 г. по теологіи было 1081 книга, а по естественнымъ наукамъ только 239 ††). Или въ 1859—1860 г. по богословію выходило 18 повременныхъ изданій; а по математикѣ только 3, по естественнымъ наукамъ 16 †††). Въ народномъ образованіи духовенство преобладаетъ. Опубликованные отчеты земскихъ управъ и журналы земскихъ собраній показываютъ, что изъ 33-хъ губерній, въ которыхъ введены земскія учрежденія, въ 25-ти самимъ земствомъ признана необходимость поддержать крайне-неудовлетворительныя сельскія школы, основанныя на византійской системѣ. Нѣкоторыя земскія собранія, назначая на поддержаніе этихъ школъ отъ 2,175 до 4,500 рублей, притомъ заявили желаніе имѣть въ школахъ наставниковъ исключительно только изъ среды духовенства, несмотря даже на то, что и до постановленія собранія наставниками въ сельскихъ школахъ были исключительно священники и причетники.

Какъ въ сферѣ нравственно-религіознаго міросозерцанія и воспитанія, вслѣдствіе отсутствія собственнаго мыслящаго класса и самостоя-

†) Шторхъ, о литерат. 1801—1806 г.
††) Erman, Reise, I, 90.
†††) Кольбъ, 260.

тельной самодѣятельности мышленія, русскій народъ всецѣло подчинился вліянію византійской доктрины и духовно-учительскому классу, пришедшему изъ Византіи, такъ въ области физической своей работы и вообще практической жизни и дѣятельности, а затѣмъ и въ умственномъ образованіи своемъ, онъ, вслѣдствіе того же отсутствія во главѣ собственнаго мыслящаго, руководящаго класса и самостоятельной умственной самодѣятельности, всецѣло предался государственной системѣ опеки и воспитанія, и мыслительность его, въ своемъ направленіи и развитіи, всецѣло подчинилась мыслямъ правительства. Самъ всецѣло занятый вѣковой, страдной борьбой за существованіе среди доставшейся ему на долю суровой сѣверной природы и скупой на дары и трудно-доступной физической экономіи русской земли, всецѣло поглощенный борьбой съ суровымъ климатомъ, съ черными дикими лѣсами, съ невоздѣланной почвой, съ дикими звѣрями, съ грубыми азіятскими племенами и ордами и пр., — народъ русскій, естественно, въ періодъ колонизаціоннаго земскаго строенія, и не имѣлъ достаточно досуга думать, и потому всякія умственныя дѣла, заботы и думы невольно долженъ былъ устранить отъ себя на много вѣковъ, и уступить или предоставить ихъ думѣ правительственной, царской думѣ. Съ другой стороны, въ то время, когда народъ всецѣло занятъ былъ колонизаціей и съ топоромъ, косой и сохой врознь бродилъ по великорусской и сибирской землѣ, въ черныхъ дикихъ лѣсахъ, ища, по свидѣтельству актовъ, одного только — теплыхъ и родимыхъ мѣстъ и корма или животовъ и промысловъ для обезпеченія животной жизни въ борьбѣ съ суровой сѣверной природой, — въ то время и думѣ царской легко было свою думу думать за весь народъ и развить полную государственную систему приказной опеки, централизаціи и уставности или регламентаціи. Поэтому уже въ XVII вѣкѣ, когда земскіе люди собирались на земскіе соборы или на земскія думы, они обыкновенно единогласно говорили на тотъ или другой земскій вопросъ: «въ томъ какъ тебя, государя, Богъ вразумитъ и твоя государева мысль и воля: то наши рѣчи». Да къ тому-же, при полномъ господствѣ внѣшнихъ чувствъ надъ разумомъ и мышленіемъ, при отсутствіи могучей естествоиспытательной мыслительности, при крайне-поверхностномъ, непосредственно-чувственномъ познаваніи природы, самъ рабочій народъ былъ умственно безсиленъ въ борьбѣ съ природой. Не въ силахъ будучи умственно владычествовать надъ природой, самостоятельно покорять ее, не вооруженный автократіей науки, естествознанія и не имѣя во главѣ у себя собственнаго мыслящаго класса, могучихъ свободныхъ мыслителей-есте-

ствоиспытателей, народъ не имѣлъ необходимой умственной самостоятельности и самодѣятельности и въ сферѣ своихъ физическихъ работъ, и въ области гражданско-политической самоопредѣляемости и дѣятельности. Проходя, на пути колонизаціи, огромныя пустынныя и дикія пространства, отъ Карпатовъ до Восточнаго океана, онъ завладѣлъ обширной и богатой физической экономіей русской земли. Но эта экономія природы была крайне трудно доступна, а онъ шелъ только съ топоромъ, косой и сохой, умственно руководился только поверхностнымъ указаніемъ пяти чувствъ; ему не сопутствовала могучая раціональная мысль, не сопутствовалъ всепознающій и испытующій разумъ: съ нимъ не было ни «рудознатцевъ», ни книгъ о разныхъ произведеніяхъ природы. «Наше россійское государство—говорилъ Петръ Великій въ указѣ 10-го декабря 1719 года — предъ многими иными землями преизобилуетъ и потребными металлами и минералами благословенно есть, которые до нынѣшняго времени безъ всякаго прилежанія исканы, паче же не такъ употреблены, какъ принадлежитъ: сему пренебреженію главнѣйшая причина была частію, что наши подданные рудокопнымъ дѣламъ, и какъ оныя въ пользу государственную произвести, не разумѣли.» †) Вотъ это-то неразумѣніе, это умственное безсиліе или неумѣнье народа собственными умственными силами справиться съ трудно-доступной физической экономіей русской земли и было основною, существенною причиною умственнаго подчиненія русскаго народа интеллектуально-педагогической государственной опекѣ и заботѣ. «Зато — говоритъ Юрій Крыжаничъ—въ русскомъ государствѣ необходима казенная дума. Первое: ибо нашего народа люди суть коснаго разума, и неудобно сами что выдумаютъ, если имъ не будетъ показано. Второе: ибо у насъ нѣтъ никакихъ книгъ объ земледѣліи и объ иныхъ промыслахъ, какія есть у другихъ народовъ. Третіе: ибо нашъ народъ лѣнивъ и непромышленъ: и сами себѣ не хотятъ сдѣлать добра, если не будутъ принуждены какою-либо силою. Четвертое: ибо здѣсь есть совершенное самовладство, и повелѣніемъ царскимъ можетъ учиниться по всей землѣ всякая поправа, гдѣ что будетъ полезно и потребно ввести въ обычай. А и въ иныхъ земляхъ то не было бы возможно.» ††) Правительство, увидя, съ одной стороны, открытыя народомъ богатства природы, съ другой—умственное безсиліе самого народа въ обладаніи и разработкѣ этого богатства, призвало ученыхъ нѣмцевъ и, вооружившись такимъ

†) П. С. З. IV, 1765 г.
††) Роздѣлъ 3, 42.

образомъ европейской интеллигенціей, умомъ и знаніями Виніусовъ, Марселіусовъ, де-Генниновъ, Саксонцевъ, Лейбницевъ и пр., — неизбѣжно стало во главѣ умственной дѣятельности въ Россіи. По преобладанію поверхностно-сенсуальнаго познанія внѣшнихъ явленій природы надъ раціонально-теоретическимъ пониманіемъ ея силъ и законовъ, — самъ народъ русскій никакъ не могъ додуматься до сознанія необходимости физико-математическихъ наукъ, несмотря на то, что всѣ физическія работы и всѣ непосредственно-сенсуальные опыты и наблюденія его въ сферѣ естественной экономіи русской земли невольно могли возбуждать потребность научнаго естествознанія, — и вотъ необходимо было вводить въ Россіи физико-математическія науки по указу и повелѣніямъ царя—Петра Великаго. Точно также, умъ народа поневолѣ долженъ былъ подчиниться умственной инициативѣ и опекѣ бергъ-коллегій, мануфактуръ-коллегій и камеръ-коллегій, которыя должны были за народъ заботиться о размноженіи рудокопныхъ заводовъ, о всѣхъ ремеслахъ, промыслахъ и рукодѣльяхъ, а также «увѣдомляться о состояніи, натурѣ и плодородіи каждой провинціи, и наипаче о томъ стараться, какъ возможно, запустѣлые дворы и земли паки населять, такожъ земледѣліе, скотскіе приплоды и рыбныя ловли вездѣ умножать и ко приращенію приводить, и того ради съ губернаторы и воеводы прилежно корреспондовать.» Потомъ, народныя школы, гимназіи, университеты, училища —горныя, инженерныя, техническія, земледѣльческія, въ послѣднее время желѣзныя дороги, телеграфы — все стало дѣломъ учрежденій, коммиссій, комитетовъ, «регламентовъ» и «уставовъ» правительства, которое всецѣло думало за народъ, представляло его голову, интеллигенцію. И вся, какъ гражданская, промышленная, такъ и умственная дѣятельность народа вполнѣ подчинилась правительственной опекѣ, регламентаціи, или уставности. По сознанію самихъ государственныхъ дѣятелей, принципъ государственной регламентаціи въ началѣ XIX столѣтія развился уже даже до чрезмѣрности, и они желали ограниченія его и, вмѣсто того, усиленія правительственной заботы объ умственномъ образованіи народа и о развитіи и поощреніи народнаго труда. Мордвиновъ, напр., такъ разсуждалъ объ этомъ развитіи «излишнихъ усилій управлять частную пользу регламентами или уставами»: «Еще въ правительствѣ нашемъ, съ нѣкотораго времени, до излишества воздѣйствовалъ духъ предразсужденія, что можно частную пользу управлять регламентами или уставами.» По мнѣнію адмирала Мордвинова,—говорилъ онъ далѣе,—правительство не должно ни въ какомъ случаѣ принимать на себя управленій занятіями и производ-

ствами частныхъ людей: ибо сіе значило бы тоже, что и принимать на себя учреждать необъятность видовъ частной пользы. Предоставляя самой ей свободу дѣйствовать, правительство можетъ только съ своей стороны способствовать: распространеніемъ хозяйственныхъ и искусственныхъ всякаго рода свѣдѣній, обнародованіемъ новыхъ изобрѣтеній, усовершенствованіемъ по какимъ-либо частямъ хозяйства и искусствъ, умноженіемъ всеобщаго просвѣщенія въ земледѣліи, ботаникѣ, минералогіи, металлургіи, технологіи, химіи, физикѣ и другихъ подобныхъ знаніяхъ, открытіемъ новыхъ источниковъ къ стяжанію богатствъ, введеніемъ удобнѣйшихъ машинъ и лучшихъ орудій и инструментовъ, размноженіемъ и улучшеніемъ путей сообщенія, направленіемъ труда человѣческаго къ прибыльнѣйшимъ занятіямъ и производствамъ, поощреніемъ всякаго общеполезнаго труда, размноженіемъ числа производителей въ разныхъ ремеслахъ и художествахъ и пр. †) Подчинившись, такимъ образомъ, по своей физической работѣ, въ сферѣ своей промышленной дѣятельности, правительственной регламентаціи,—въ умственномъ отношеніи народъ еще болѣе подчинился народообразовательной опекѣ правительства. Въ XVIII вѣкѣ система правительственнаго воспитанія и ученія народа возведена была въ принципъ. Профессоры московскаго университета, въ родѣ Шадена и Рейхеля, говорили рѣчи: «о правѣ обладателя въ разсужденіи воспитанія и просвѣщенія науками и художествами подданныхъ; ††) или о томъ, что науки и художества процвѣтаютъ защищеніемъ и покровительствомъ владѣющихъ особъ въ государствѣ» и т. п. «Самое высшее право самодержца — говорилъ Шаденъ — заключается въ распространеніи между подданными наукъ и художествъ... Одно изъ сильнѣйшихъ средствъ въ рукахъ самодержавія есть чувство чести, устремляющее насъ къ познанію. Законъ монархіи есть благоденствіе обладателя, а въ немъ цѣлость и счастіе подданныхъ!» О высшихъ и среднихъ училищахъ въ государствѣ, учрежденныхъ самодержавіемъ, ораторъ говорилъ: «Училища оныя университетами и гимназіями называются, попеченію которыхъ ввѣряется научить всему тому, чтó споспѣшествуетъ къ сопряженію всего и соединенію въ цѣлость. Итакъ неотмѣнно должны быть они свѣтилами государствамъ; и дѣйствительно будутъ свѣтилами, когда учащихъ содержать, и по достоинству содержать будутъ, любовію къ истинѣ и

†) О прич. разстройства финансовъ въ Россіи. «Чт. Общ.» 1860 г. кн. I, отд. V, стр. 17.

††) «Oratio solennis de eo, quod justum est in jure Principis, circa educationem civium scientiarum artium — que studia.» Шев. 158.

отечеству, любовію къ государю пылающихъ... и существенность и свойство монархіи свѣдущихъ.» Духъ училищъ долженъ быть, по мнѣнію Шадена, согласованъ съ государственными потребностями. †) Окончательно и прочно утвердившись такимъ образомъ, государственная система народообразовательной опеки, въ своемъ послѣдовательномъ усиленіи съ начала XVIII столѣтія до позднѣйшаго времени, на общій взглядъ представляетъ два главныхъ направленія или періода. Въ періодъ 1700—1815 года, когда до-петровскій, исторически-развившійся сенсуально-реалистическій умственный складъ русскаго народа еще большею частью преобладалъ надъ теоретическою мыслительностью народа, — въ правительственной народообразовательной системѣ опеки забота объ устройствѣ низшихъ и высшихъ учебныхъ заведеній и о введеніи и укорененіи европейскихъ, преимущественно реальныхъ, наукъ и художествъ въ Россіи для возбужденія, поощренія и просвѣщенія народной мыслительности еще преобладала надъ заботой объ уставно-дисциплинарномъ направленіи и регулированіи русской мысли. Это былъ еще, такъ сказать, періодъ заботы о первоначальномъ, архитектоническомъ обзаведеніи государства низшими и высшими учебными заведеніями, а также наставниками, учебными руководствами и пр. Внѣшніе характеристическіе факты правительственной народообразовательной заботы въ это время представляли: указы Петра Великаго объ учрежденіи школъ цифирныхъ, математическихъ и хирургическихъ, его же указы и повелѣнія о переводѣ европейскихъ книгъ, сенатскій указъ 12-го января 1724 г. и указъ Екатерины I отъ 21-го декабря 1725 г. объ основаніи императорской с. петербургской академіи наукъ, высочайшее утвержденіе императрицею Елисаветою Петровною проекта Шувалова объ учрежденіи московскаго университета 12-го января 1755 года, коммиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ 7-го сентября 1782 г., уставъ народныхъ училищъ 5-го августа 1786 г., планъ университетовъ 1787 года, учрежденіе министерства народнаго просвѣщенія 8-го сентября 1802 года, уставъ гимназій и училищъ приходскихъ и уѣздныхъ 5-го ноября 1804 года, учрежденіе новыхъ университетовъ — виленскаго, дерптскаго, казанскаго и харьковскаго, первый цензурный уставъ и т. п. Внутреннія характеристическія черты правительственной народообразовательной диктатуры въ этотъ періодъ времени были: преобладающее развитіе внѣшней учебно-устроительной и искусственно-методической системы опеки надъ народнымъ просвѣще-

---

†) Oratio de jure Principis etc

ніемъ и недостатокъ заботы не на словахъ только, а на дѣлѣ собственно объ умственномъ развитіи народа, о возбужденіи и живомъ, свободномъ и естественномъ развитіи народной мыслительности, господство указно-уставнаго, большею частью насильственнаго и регламентарно-искусственнаго навязыванья народу офиціальныхъ училищъ, офиціальныхъ учебныхъ книгъ, офиціальныхъ методовъ ученья, офиціальныхъ учителей и излишнее стѣсненіе свободнаго развитія самобытныхъ народныхъ учебныхъ заведеній, наприм. въ западной Россіи. Несмотря, однакожъ, на излишнее развитіе опекунской системы казенно-офиціальныхъ учрежденій въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, — народообразовательная опека правительства въ періодъ 1700—1815 года не выходила изъ сферы болѣе или менѣе реальнаго направленія, какъ наиболѣе согласующагося съ естественнымъ, исторически-воспитаннымъ сенсуально-реалистическимъ умственнымъ складомъ русскаго народа: объ этомъ свидѣтельствуетъ преобладаніе реальнаго направленія въ школахъ и вообще во всей умственно-образовательной реформѣ Петра Великаго и потомъ въ уставѣ народныхъ училищъ 1786 года и въ уставѣ гимназій и приходскихъ и уѣздныхъ училищъ 1804 года. Только къ концу этого періода, когда идеи западнаго разума оказали вліяніе и на развитіе и направленіе юной русской мысли, — именно съ 1810 и особенно послѣ 1815 года, подъ вліяніемъ идей «Священнаго Союза», въ правительствѣ нашемъ стала возникать реакція противъ реальнаго, естественно-научнаго направленія русской мысли и продолжалась въ слѣдующемъ періодѣ. Поэтому, во второй періодъ, который можно положить съ 1815 по 1850 годъ, въ народообразовательной опекѣ правительства, руководившейся принципами «Священнаго Союза», регламентарно-тенденціозная забота о направленіи и дисциплинарномъ регулированіи русской мысли и всѣхъ учебныхъ заведеній преобладала надъ заботой о развитіи народной мыслительности, и вмѣсто прежняго преобладанія реальнаго направленія, по новому уставу гимназій 1828 года и по установленію 21-го марта 1849 года, дано было преимущество классико-юридическому направленію, классицизмъ и законовѣдѣніе усилены въ ущербъ естествовѣдѣнію. «Дисциплина внутренняя» признавалась «главнымъ ручательствомъ благосостоянія университетовъ», которые подвергались «непрерывному и самому дѣятельному надзору.» †) «Привести образованіе отечества къ закону госу-

†) Инструкція министра нар. просвѣщ. попечителямъ при осмотрѣ ими округовъ, 27 мая 1833 г.

дарственнаго единства, — скажемъ словами г. Шевырева, — обнять въ этомъ образованіи коренное племя русское и вмѣстѣ съ нимъ племена разныхъ языковъ и вѣръ, связанныя съ нимъ союзомъ государственнымъ; основать образованіе русскаго народа на тѣхъ коренныхъ началахъ, которыя опредѣляются его исторіею; открыть и обнародовать для того отечественные источники; передавать блага всемірнаго просвѣщенія отечеству, устраняя вредъ и зло; посылать даровитыхъ юношей во всѣ концы просвѣщенной Европы, строго наблюдая за тѣмъ, чтобы они, какъ пчелы, сосали только медъ съ цвѣтовъ всемірнаго образованія; воздвигать училищныя зданія во всей красотѣ, обширности и величіи, соотвѣтственно могуществу, славѣ и пространству того государства, гдѣ они воздвигнуты; въ другомъ отношеніи, противодѣйствуя матеріализму Запада, освящать весь храмъ народнаго просвѣщенія божіимъ престоломъ, крестомъ и молитвою: вотъ задачи, которыя рѣшались въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ (до 1850 г.) въ исторіи образованія нашего отечества.» †) Министръ народнаго просвѣщенія, Уваровъ, въ циркулярномъ предложеніи попечителямъ университетовъ отъ 21 марта 1833 года, еще опредѣленнѣе выразилъ то направленіе, какое тогда давалось развитію народной мыслительности во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ: «общая наша обязанность въ томъ,—говорилъ онъ,—чтобы народное образованіе, согласно съ высочайшимъ намѣреніемъ августѣйшаго монарха, совершалось въ соединенномъ духѣ православія, самодержавія и народности.» ††) Самъ императоръ Николай Павловичъ такимъ образомъ выражалъ это направленіе: «каждый истинно-русскій отецъ раздѣляетъ нашу заботливость о водвореніи по всему пространству имперіи воспитанія, согласнаго съ духомъ нашихъ учрежденій, и о предохраненіи юныхъ сердецъ отъ впечатлѣній, противныхъ вѣрѣ, нравственности и народному нашему чувству.» †††)

Какъ ни велика заслуга правительственной опеки въ дѣлѣ введенія европейскихъ наукъ и устройства учебныхъ заведеній, все-таки излишнее развитіе ея было весьма невыгодно для самостоятельнаго развитія и проявленія русской мысли. Общество русское, съ самаго начала своего европейскаго мышленія всецѣло положившись на заботы правительства, само уже никогда и нисколько не думало и не заботилось

†) Истор. моск. университ., 468—470.

††) «Журн. мин. нар. просвѣщ.», ч. I, стр. XLIX.

†††) Указъ 25 марта 1834 г. о домашнемъ воспитаніи.

о способахъ и свободномъ направленіи и усиленіи своего умственнаго образованія. Отсюда развились умственное рабство и умственная безпечность народа въ дѣлѣ собственнаго интеллектуальнаго развитія и направленія. Общество русское пассивно подчинялось всякой педагогической мѣрѣ, всякому народообразовательному регламенту или уставу. Со времени екатерининской коммиссіи объ учрежденіи училищъ, нѣсколько разъ уже преобразовывались въ Россіи общественныя учебныя заведенія, издавались новые или измѣненные училищные уставы. И общество наше ко всѣмъ этимъ преобразованіямъ въ области своей умственной жизни относилось одинаково пассивно, дѣтски—покорно. Оно даже было совершенно равнодушно къ нимъ, или принимало все безъ разбору и безразлично. Напримѣръ, одинъ директоръ, заботясь объ учрежденіи училища въ Городнѣ, писалъ въ 1813 году: «Странное дѣло, что общая польза отъ заведенія училища для всѣхъ состояній очевидна, и никто доселѣ ни малѣйшаго порадѣнія не приложилъ въ городницкомъ повѣтѣ объ этомъ.» †) А сколько подобныхъ примѣровъ было. И въ наше время, когда правительство подняло вопросъ: какія больше учреждать гимназіи—реальныя или классическія,—общество, полагаясь на рѣшеніе правительства, тупо и пассивно отнеслось къ этому существеннѣйшему вопросу времени. Кому бы всего больше, сроднѣе подумать объ умственной судьбѣ дѣтей, какъ не отцамъ ихъ? Чей первый и священный долгъ обдумать и рѣшить вопросъ объ общественномъ умственномъ развитіи и направленіи, если не долгъ общества? А отцы дѣтей и все общество преравнодушно промолчали, когда поднятъ былъ этотъ первоосновной соціальный вопросъ, — и вопросъ рѣшился по соображеніямъ и волѣ правительства. Точно также общество наше одинаково пассивно относилось и ко всѣмъ умственно-образовательнымъ идеямъ и ученіямъ, смотря по умственному настроенію правительства. Съ какимъ пассивнымъ умственнымъ рабствомъ оно увлекалось въ прошломъ столѣтіи, по примѣру императрицы Екатерины Великой, идеями французскихъ энциклопедистовъ, — съ такимъ же и еще съ большимъ пассивнымъ рабствомъ оно подчинялось потомъ, особенно послѣ 1810 года, ультра-ретроградным идеямъ графа Joseph de Maistre, Магницкаго, Рунича и т. п. Заговорило въ прошломъ столѣтіи правительство объ европейскомъ разумѣ, объ европейскомъ умственномъ образованіи, — и въ обществѣ господствовала, по выраженію фонъ-Визина, мода на умы. Дозволило правительство и сама императрица Екатерина Великая любила

†) «Ж. м. н. просв.» т. CXXI, отд. III, 29.

читать Вольтера, Руссо, Дидро, Монтескье и пр., — и въ обществѣ, даже въ средѣ унтеръ-офицеровъ, появились вольнодумцы, атеисты, философы по модѣ и т. п. Но наступила затѣмъ реакція: правительство измѣнило свой взглядъ на идеи энциклопедистовъ и философовъ XVIII вѣка,—и въ умственной атмосферѣ общества подулъ другой вѣтеръ: помѣщики, бывшіе до 90-тыхъ годовъ вольтерьянцами, поклонниками разума, чуть не революціонерами, съ перемѣной взгляда правительственнаго, особенно съ 1810 г., стали самыми отсталыми ретроградами, злобно завопили противъ лжеименнаго разума, противъ «обольстительныхъ напѣвовъ нынѣшнихъ сиренъ вольности», противъ Вольтера, Руссо и пр. Общество русское дотого привыкло жить умомъ и мыслью правительства, руководиться его указами и законами, что и въ его собственномъ умонастроеніи развивался и укоренялся принципъ указности, уставности. Жить своимъ умомъ, своею мыслію, по своей умственной, раціональной самоопредѣляемости, считалось предосудительнымъ. Чуть люди жили по своему уму, — имъ дамы высокаго тона и приличія, по словамъ князя Долгорукаго (1724 — 1823) говорили: «Хотите расплодить жанъ-жаковы идеи, и бесѣду бы завелъ, да развѣ ты Вольтеръ, — все хочешь жить на свой особенный манеръ.» Вслѣдствіе вѣковаго правительственнаго педагогизма, умственная жизнь нашего общества не способна импульсироваться собственными интеллектуальными силами, собственными идеями общественной мысли, собственною интеллектуальною энергіею, самостоятельною умственною инціативой и самодѣятельностью. Она воспитывается, направляется и возбуждается только правительственными учрежденіями, регламентами, уставами и указами. Еслибы отъ времени до времени не выходили новые указы, новыя учрежденія, — умственная жизнь нашего общества, кажется, и вовсе не возбуждалась бы ничѣмъ. Не даромъ, въ современныхъ газетахъ нашихъ мы часто читаемъ такія жалобы: «общественная жизнь наша такъ безцвѣтна и однообразна, что еслибы не новыя, напримѣръ, судебныя учрежденія, общество совершенно, кажется, уснуло бы. Благодаря только выдающимся изъ обыденнаго уровня судебнымъ процессамъ, отъ времени до времени появляющимся въ печати, общество оживляется, становится дѣятельнѣе, высказывается. Такъ въ послѣднее время много шуму надѣлала въ обществѣ оппозиція новому суду, заявляемая въ напечатанномъ въ № 197 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» прошеніи контръ-адмирала Арбузова. Оппозиція и своеобразная философія почтеннаго адмирала заняли умы положительно всѣхъ слоевъ общества, дали завязку для самыхъ разнообразныхъ разговоровъ

и толкованій. Менѣе развитая часть публики довольствуется легкими скандалами, да подробностями о какомъ-либо преступленіи, съ планомъ тѣхъ комнатъ, гдѣ оно совершалось» и т. п. †). Въ отдаленныхъ провинціяхъ общественная мысль еще болѣе эксплуатирована и пропитана указнымъ міровоззрѣніемъ. Что писалъ г. Н. Щукинъ о жителяхъ г. Якутска, тоже должно сказать еще о большинствѣ нашихъ провинціальныхъ городскихъ обществъ: «дарованія здѣсь мѣряются знаніемъ указовъ и умѣніемъ употреблять ихъ, по большей части, не кстати. Чтеніемъ книгъ почти не занимаются. Хотя нѣкоторые и получаютъ московскія газеты, но въ нихъ читаютъ одни только законы и, встрѣчаясь другъ съ другомъ, спрашиваютъ: нѣтъ ли новаго указа въ газетахъ?» ††). Воспитываясь и получая направленіе въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, по казеннымъ программамъ, и общественная мысль носитъ на себѣ отпечатокъ казенный, легальный, указно-регламентарный, уставный. Общественное міросозерцаніе не вырабатывается трудомъ раціональнаго общественнаго ученія и научнаго мышленія, энергической и постоянной самодѣятельностью общественной мысли, не почерпается изъ наукъ, изъ самодѣятельности общественнаго разума, а цѣликомъ почерпается только изъ свода законовъ, изъ міросозерцанія, выработаннаго бюрократизмомъ. Въ обществѣ нашемъ и не мыслима самостоятельная выработка общественной, соціальной философіи, общественнаго умственнаго и соціальнаго міросозерцанія. Все это въ извѣстномъ направленіи выработано, указано и установлено головой нашего общества — правительствомъ. Вслѣдствіе вѣковой привычки къ умственной опекѣ, вѣковаго подчиненія умственно-образовательнымъ идеямъ, указамъ и учрежденіямъ правительства, въ обществѣ нашемъ нѣтъ даже привычки думать, жить и работать мыслью. Ни что такъ не чуждо нашему обществу, какъ элементъ раціональной и критической самодѣятельности мышленія, элементъ живой, дѣятельной мысли, живой идеи, живаго слова. Всѣ наши общественныя собранія, разговоры и бесѣды, особенно въ провинціи, характеризуются большею частію безсодержательностью, безсвязнымъ сборомъ болтовни пустомелей, скудостью умственныхъ, мыслительныхъ силъ, вопросовъ и интересовъ, отсутствіемъ или крайнимъ недостаткомъ живой мысли, новыхъ свѣтлыхъ идей, живаго слова. Не даромъ, въ послѣднее время стала почти пословицей

---

†) «С.-Петерб. Вѣд.» 1867 г. №№ 213 и 217.
††) Щукинъ, «Поѣздка въ Якутскъ» 1844 г., 233—234.

слишкомъ часто раздающаяся жалоба, особенно въ разныхъ провинціальныхъ письмахъ: «слова живаго не услышишь». Воспитываясь въ вѣковой школѣ указовъ и учрежденій, вѣчно живя и думая не своею, а правительственною мыслью, общество русское, поэтому, и не выработало, не вынесло изъ прошедшей своей жизни никакихъ новыхъ умственныхъ и соціальныхъ выводовъ, никакихъ вопросовъ, потребностей, идей, не развило въ себѣ самостоятельной соціально-политической мыслительности, не выработало самостоятельнаго умственнаго соціально-политическаго и соціально-экономическаго міросозерцанія. Оно всегда мыслило не собственными идеями, не собственными научными мыслями, понятіями и знаніями, а, такъ сказать, указами, регламентами, уставами и учрежденіями. И факторами его умственной и соціальной исторіи, источниками, причинами скудныхъ, безцвѣтныхъ и однообразныхъ фактовъ и событій его общественной жизни и исторіи служили не идея, не мысль, не разумъ общественный, а тѣ же указы, регламенты, уставы и учрежденія. Вслѣдствіе такого вѣковаго застоя нашей общественной мысли въ заколдованномъ кругу указнаго, уставнаго и регламентарнаго умственнаго горизонта и міросозерцанія, ее не слишкомъ пробуждаютъ къ болѣе живой самодѣятельности даже и самыя новыя правительственныя учрежденія, уже вызывающія общественную и народную мыслительность къ самодѣятельности. Не прошло еще и трехъ лѣтъ существованія земства и земскихъ собраній, а многіе уже стали сожалѣть и воздыхать о прежней опекѣ администраціи надъ народной хозяйственной интеллигенціей. Самые капитальные органы или дѣятели земства, крупные фабриканты и торговое сословіе, выказали полное хладнокровіе къ развитію земскаго самообсужденія, самопознанія и самоуправленія, къ развитію самыхъ земскихъ учрежденій. Многократно и разнообразно высказалась неразвитость самой земской интеллигенціи и мысли. Такъ какъ общественная и народная мысль не привыкла прежде, во времена вѣковой опеки, самостоятельно работать и, постоянно воспитываемая готовыми идеями указовъ, регламентовъ и уставовъ, сама не выработала ранѣе собственнаго запаса идей и вопросовъ, не выработала своего умственнаго и соціальнаго міросозерцанія, то оказывается, что ей нерѣдко почти не съ чѣмъ являться на земскихъ собраніяхъ. У ней не достаетъ запаса зрѣлыхъ, глубоко-обдуманныхъ идей и вопросовъ, не достаетъ яснаго, разумнаго сознанія задачъ, цѣлей и интересовъ земства, не достаетъ раціональныхъ, научныхъ знаній, раціональныхъ доводовъ и силы разумнаго убѣжденія. И неудивительно, что напр. на нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ поднимались, по выраженію

одной провинціальной корреспонденціи, какія-нибудь «овражковыя революціи» и, по поводу ихъ, докладывались предразсудки крестьянъ, какъ доводы. Наконецъ, вслѣдствіе вѣковой привычки къ правительственной умственной инициативѣ и опекѣ, общество наше страдаетъ вопіющею умственною безпечностью, апатіей и безчувственнымъ равнодушіемъ къ самымъ животрепещущимъ, къ самымъ насущнымъ вопросамъ времени. Множество аномалій, умственныхъ и нравственныхъ болѣзней разъѣдаетъ нашъ общественный организмъ, множество вопіющихъ недостатковъ въ нашемъ соціальномъ строѣ. И общество словно не чувствуетъ этихъ болѣзней, не сознаетъ этихъ аномалій и недостатковъ. Оно ждетъ сознанія и леченія ихъ со стороны правительства, или съ восточно-азіатскимъ фатализмомъ предоставляетъ излеченіе ихъ на произволъ судьбы. Еще не такъ давно, даже передовые выразители общественной мысли, вродѣ наприм. Тютчева, взывали къ обществу, чтобы оно не думало, не разсуждало, а съ азіятскою, фаталистическою безпечностью уповало, что всѣ его соціальныя раны заживутъ сами собою, во время его глубокаго умственнаго сна, и безъ всякаго живительнаго лекарства просвѣщенія. Они проповѣдывали обществу:

Не разсуждай, не хлопочи:
Безумство ищетъ, глупость судитъ.
Дневныя раны сномъ лечи,
А завтра быть тому, что будетъ.

Вслѣдствіе вѣковаго отсутствія въ обществѣ умственнаго самоуправленія, при господствѣ правительственной опеки и регламентаціи, въ обществѣ не развивалось и не развито умственное, нравственное и соціальное самосознаніе, не развита способность критическаго самопознанія, самообсужденія. Давно для всѣхъ очевидно было—варварство крѣпостнаго права. И однакожъ, инициатива сознанія и уничтоженія зла принадлежитъ гораздо больше правительству, чѣмъ обществу. Послѣ вопроса объ освобожденіи крестьянъ, поднятаго и рѣшеннаго правительствомъ, самъ собою, по естественной логикѣ событій, выдвигается на очередь вопросъ о реформѣ соціальной организаціи народнаго труда и о всеобщемъ естественно-научномъ ученіи и воспитаніи всѣхъ молодыхъ рабочихъ поколѣній, или вопросъ о естественно-научномъ раціонализированіи народнаго міросозерцанія и труда. Въ рѣшеніи этихъ вопросовъ заключается ключь всей будущности русскаго народа. Вся ложь, всѣ аномаліи, всѣ болѣзни въ современномъ строѣ и организаціи общества проистекаютъ изъ этой аномальной организаціи и ненормальныхъ условій народнаго труда и изъ современнаго вопіющаго аномальнаго

умственнаго разъединенія простаго, рабочаго народа и класса научно-образованнаго. Когда подумаешь внимательно объ этихъ соціальныхъ аномаліяхъ, ужасаешься, какъ терпима доселѣ равнодушно эта вопіющая соціальная ложь. Сколько разъ страшно-скорбно, мучительно-печально скажешь вмѣстѣ съ Шевченкой: «И день иде, и ночь иде, — и голову схопивши въ руки, дивуешься, — чему жъ не иде апостолъ правды и науки!» Вотъ уже, въ вопросѣ крестьянскомъ, въ дозволеніи обществъ распространенія въ народѣ грамотности, показана отчасти иниціатива правительства. Въ литературѣ поднимается вопросъ о высшихъ реальныхъ школахъ. Между тѣмъ бездушная, безпечная общественная мысль наша, несмотря на то, можно сказать, преступно-равнодушна къ этимъ роковымъ, вопіющимъ вопросамъ времени, заключающимъ въ себѣ ключъ къ осуществленію величайшей соціальной истины. И въ особенности тѣ общественные классы, которые зиждутъ свое благосостояніе на эксплуатаціи народнаго труда, на невѣжествѣ массы и которымъ бы, по настоящему, должна принадлежать и умственная и матеріальная иниціатива рѣшенія этихъ вопросовъ о реформѣ соціальнаго положенія и устройства народнаго труда и о реформѣ народнаго міросозерцанія, посредствомъ всеобщаго, всенароднаго естественно-научнаго ученія и воспитанія всѣхъ молодыхъ рабочихъ поколѣній, — эти классы въ особенности преступно-равнодушны и даже эгостически-враждебны иниціативѣ возбужденія и рѣшенія этихъ вопросовъ. Вотъ до чего дошло наше общественное безмысліе, бездушье, вслѣдствіе вѣковаго чрезмѣрнаго развитія правительственной системы опеки и вслѣдствіе вѣковой общественной привычки ждать всякой умственной иниціативы и мысли со стороны правительства.

Почему же, однакожъ, правительственная народообразовательная опека, цѣлыхъ полтора столѣтія заботившаяся объ умственномъ образованіи русскаго общества, не развила въ немъ самостоятельной и послѣдовательно-прогрессивной мыслительности, не воспитала интеллектуальной способности и стремительности къ самостоятельной раціональной иниціативѣ въ тѣхъ или другихъ вопросахъ умственной жизни Россіи? Главныя причины этого грустнаго факта заключались, по нашему мнѣнію, вопервыхъ, въ томъ, что правительственная народообразовательная система опеки имѣла существенной своей задачей не свободное развитіе русской мысли, а согласное съ видами и намѣреніями правительства направленіе и регулированіе ея и сообразное съ тѣмъ покровительство и вспомоществованіе ей казенными средствами и учрежденіями, и вовторыхъ — въ томъ, что непостоянныя, измѣнчивыя направленія

самой правительственной системы опеки были весьма неблагопріятны для непрерывнаго, исторически-послѣдовательнаго развитія русской мысли. Въ органическомъ развитіи государственной народообразовательной системы опеки ничто такъ не было вредно для живаго, нормальнаго и непрерывно-послѣдовательнаго развитія русской мысли, какъ боязливый духъ самой правительственной опеки и развивавшіяся изъ него хроническія реакціонерныя направленія ея, или эти, такъ сказать, хронически-психопатическіе припадки реакцій въ системѣ опеки. Еслибы ровно и непрерывно-послѣдовательно развивались только такія попеченія правительственной народо-образовательной опеки, какъ наприм. заботы Петра Великаго о введеніи европейскихъ реальныхъ наукъ, объ устройствѣ реальныхъ школъ, о переводѣ европейскихъ физико-математическихъ книгъ, или какъ заботы императора Александра I объ усиленіи преподаванія реальныхъ наукъ въ гимназіяхъ и народныхъ училищахъ, о «соединеніи теоретическихъ познаній воспитанниковъ съ практическими, посредствомъ показыванія имъ мастерскихъ и фабрикъ, машинъ, кабинетовъ естественной исторіи и ботаническихъ садовъ, посредствомъ наставленія въ практической геометріи» и пр., то, при непрерывно-послѣдовательномъ развитіи такихъ заботъ, безъ сомнѣнія, и мысль русская развивалась бы также непрерывно-послѣдовательно, безъ остановокъ и застойчивости, безъ болѣзненныхъ, психопатическихъ кризисовъ, вродѣ мистико-новиковскаго, магницко-руничевскаго и т. п. Но въ томъ-то и бѣда, что въ историческомъ развитіи правительственной опеки не было правильно-ровнаго и непрерывно-послѣдовательнаго прогрессивнаго движенія и направленія. Такъ, съ конца XVIII столѣтія, со времени французской революціи, и особенно послѣ 1815 года, послѣ заключенія «Священнаго Союза», въ правительствѣ нашемъ, вмѣсто прежняго безбоязненнаго умственнаго взора на западъ, направленнаго Петромъ Великимъ, сталъ устремляться робкій и боязливый взглядъ на движенія западнаго разума и прогресса. И вслѣдствіе этого направленіе правительственной народообразовательной опеки было самое измѣнчивое. Вначалѣ и направленіе опеки и направленіе русской мысли еще колебались, смотря по личнымъ убѣжденіямъ и воззрѣніямъ императоровъ. Такъ неодинаковые личные взгляды императоровъ Павла I и Александра I на мысль, на книги и цензуру различно регулировали и развитіе, и направленіе русской мысли. Вслѣдствіе этого, и въ указахъ, наприм. о цензурѣ, отражались ихъ личныя убѣжденія. Императоръ Павелъ I-й устрашенный событіями 90-хъ годовъ во Франціи, ограничивалъ, вслѣдствіе этого, приливъ съ Запада средствъ для развитія русской мысли. Объ этомъ

свидѣтельствуетъ слѣдующій указъ его: «Такъ какъ чрезъ вывозимыя изъ-за границы разныя книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія, то отнынѣ повелѣваемъ запретить впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ, на какомъ бы языкѣ оныя не были, безъ изъятія, въ государство наше, равномѣрно и музыку.» †) И указъ этотъ тотчасъ послужилъ нотой для тогдашней публицистики. Панегиристы временъ Павла, въ духѣ этого государя, стали говорить: «Мудрую прозорливость свою императоръ Павелъ доказалъ въ споспѣшествованіи истинному преуспѣянію наукъ чрезъ учрежденіе строгой и бдящей цензуры книжной. Познаніе и такъ-называемое просвѣщеніе часто употреблено во зло чрезъ обольстительные нынѣшнихъ сиренъ напѣвы вольности и чрезъ обманчивые признаки мнимаго счастія. Европейскія правительства, спокойно взиравшія на сей развратъ, возъимѣли, наконецъ, правильную причину сожалѣть о своемъ равнодушіи. Сколь счастливою почитать себя должна Россія потому, что ученость въ ней благопріятными ограниченіями охраняется отъ всегубительной язвы возникающаго всюду лжеученія.» ††) Императоръ Александръ I-й былъ другихъ убѣжденій, любилъ principes libérales,—и вслѣдствіе этого въ началѣ своего царствованія издавалъ другіе указы о цензурѣ и распространеніи идей. Такъ, чрезъ нѣсколько дней по вступленіи на престолъ, онъ отмѣнилъ предъидущій указъ императора Павла I-го о запрещеніи привоза книгъ изъ-за границы и издалъ указъ, въ которомъ всемилостиво объявлялъ: «Желая доставить всевозможные способы къ распространенію полезныхъ наукъ и художествъ, повелѣваемъ: запрещеніе на ввозъ изъ-за границы всякаго рода книгъ и музыки отмѣнить, равномѣрно частныя запечатанныя типографіи распечатать, дозволяя, какъ привозъ иностранныхъ книгъ, журналовъ и прочихъ сочиненій, такъ и печатаніе оныхъ внутри государства.» †††) Вслѣдствіе такого личнаго взгляда императора, — многіе тогда заговорили о свободѣ прессы, о свободѣ преподаванія и изслѣдованія. Товарищъ министра народнаго просвѣщенія, первый попечитель московскаго университета, Муравьевъ, провозглашалъ, что залогъ успѣховъ цивилизаціи и нравственности заключается въ свободѣ изслѣдованія, и указывалъ въ примѣръ умственное превосходство протестант-

---

†) П. С. З. кн. XXVI, № 19,378.

††) «О состояніи наукъ въ Россіи подъ покров. Императора П. I-го», рѣчь, говор. при торж. тезоим. государя 1799 г. на нѣм. яз. проф. моск. университ. Геймомъ.

†††) П. С. З. т. XXVI, № 19,807.

ской Германіи надъ католическою. «Въ различныхъ областяхъ одного народа—говорилъ онъ—примѣчается великое противоположеніе въ поведеніи и общежитіи людей, по мѣрѣ того, какъ просвѣщеніе покровительствуется или утѣсняется. Между тѣмъ, какъ въ католическихъ областяхъ нѣмецкой земли понятія народныя омрачены грубостью суевѣрія и невѣжества, протестантскія земли, гдѣ царствуетъ разумная свобода въ разбирательствѣ мнѣній, отличаются общимъ распространеніемъ просвѣщенія и благонравія.» †) Даже нѣкоторые помѣщики смѣло заявляли желаніе издать различныя изслѣдованія безъ цензуры. Наприм. въ 1810 г. одинъ помѣщикъ въ послѣднемъ распоряженіи своимъ имѣніемъ назначилъ значительныя преміи за разныя научныя изслѣдованія, напр. за сочиненіе сравнительнаго юридическаго руководства для университетовъ 20,000 р., за критическую систему или теорію финансовъ 100,000 р., за руководство къ домоводству 15,000 р. и пр. Въ актѣ, поданномъ императору Александру I, онъ высказалъ такое желаніе: «единое, что я осмѣливаюсь всеподданнѣйше испрашивать, состоитъ въ томъ, что всѣ сочиненія, какія будутъ написаны по симъ предметамъ, могли быть изданы въ свѣтъ безъ задержанія цензуры, хотя, впрочемъ, съ личною отвѣтственностью сочинителей.» ††) Къ сожалѣнію, послѣ 1810 и особенно послѣ 1815 года, послѣ реставраціи престоловъ и алтарей Европы и заключенія «Священнаго Союза», образъ мыслей императора Александра I перемѣнился и, вслѣдствіе этого, въ обществѣ опять началось развитіе сильной реакціи. «Сочувствіе къ университетамъ протестантской Германіи — говоритъ г. Сухомлиновъ—поколебалось, стали являться защитники католической системы воспитанія, возвѣщавшіе приближеніе временъ Рунича и Магницкаго. Іезуиты завладѣли общественнымъ воспитаніемъ, вербуя питомцевъ преимущественно въ богатыхъ и знатныхъ семействахъ. Министру просвѣщенія (Разумовскому) доказывали, что любовь къ наукамъ и забота о нихъ есть опасная ошибка; въ учебныхъ заведеніяхъ, которыя съ такими свѣтлыми надеждами учреждаемы были во всѣхъ краяхъ Россіи, видѣли скопище полузнаекъ самоувѣренныхъ и заносчивыхъ, легкомысленныхъ поклонниковъ моды, всегда готовыхъ разрушать то, чего они не жалуютъ, т. е. все.» Совѣтникомъ и руководителемъ Разумовскаго былъ извѣстный въ литературномъ мірѣ графъ

---

†) Сочин. Муравьева, 1856 г. I, 343 — 344. «Ж. м. н. просвѣщ.» 1865, октябрь: «матеріалы для исторіи образованія въ Россіи».

††) «Чт. Общ.» 1861 г. кн. I, отд. V, стр. 175—176.

Жозефъ де-Местръ, сардинскій посланникъ при русскомъ дворѣ — врагъ естественныхъ и политическихъ наукъ, проповѣдникъ библейскихъ принциповъ въ геологіи или физикѣ земли, въ наукѣ правъ и пр. При министрѣ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія кн. Голицынѣ — учредителѣ богословскихъ каѳедръ въ университетахъ (въ 1819—1820 г.)— развитіе и образованіе русской мысли направлялось въ духѣ началъ «Священнаго Союза», и въ числѣ сотрудниковъ его по главному правленію училищъ и министерству встрѣчаемъ имена: Рунича, Магницкаго, Лаваля, Стурдзы, Фитингофа — брата извѣстной пропагандистки мистицизма, баронессы Криднеръ, и зятя ея Беркгейма. Рѣшительными дѣйствіями такого правительственнаго народообразовательнаго персонала и въ особенности слѣдствіемъ репрессивныхъ принциповъ, проводившихся де-Местромъ, Руничемъ и Магницкимъ, было крайнее стѣсненіе и извращеніе преподаванія наукъ, усиленіе цензуры, и юная русская мысль доведена была до полнаго, крѣпостнаго рабства. Вся общественная мыслительность получила строго цензурное и притомъ мистическое направленіе, и развитіе ея остановлено было лѣтъ на 40 или 50. Въ самомъ родникѣ своего развитія, въ области университетской науки, юная русская мысль подверглась гнету самой репрессивной мистической регламентаціи и диктатуры, заключена была въ рамки аскетическаго мистицизма, подчинилась строжайшему надзору и преслѣдованію инквизиціонной цензуры и привязчивости. Всѣ тѣ науки, которыя прежде свободно и въ реальномъ направленіи преподавались въ главныхъ и малыхъ народныхъ училищахъ, по уставу 1786 года, и потомъ въ гимназіяхъ, по уставу 1804 года,—всѣ онѣ теперь превращены были въ мистическія богословія, иѳики и символики. Тогда какъ въ началѣ царствованія Александра I комитетъ его избранниковъ положилъ издать на русскомъ языкѣ нѣсколько иностранныхъ сочиненій по политической экономіи и по порученію его переведены были: Стюарта «Recherches sur l'économie politique», также «Bibliothèque de l'homme publique» par Condorcet и «Economie politique» par Verri, — теперь политическую экономію обращали въ мистико-аскетическую и нравственно-богословскую иѳику. Преподавателямъ ея предписывалось проводить и развивать въ этой наукѣ такія библейско-аскетическія идеи: «непреложный законъ всякаго домостроительства постановленъ въ сей заповѣди, данной первому человѣку по паденіи его: въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой... Но мы существуемъ не для одного сохраненія кратковременной жизни своей, не для одного тѣлеснаго благополучія своего и даже не для одного благоденствія земнаго отечества. Не пекитесь, говоритъ искупившій насъ отъ

клятвы, о томъ, что съѣсть, чѣмъ утолить жажду, во что одѣться, не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ, просящему дай, хотящему у тебя занять не откажи, и т. п. Посему, преподаватель политической экономіи поставитъ себѣ въ непремѣнную обязанность дѣлать своимъ слушателямъ напоминаніе, что все наше имущество, какъ малое, такъ и большое, содержитъ въ себѣ только условную цѣну, именно, въ качествѣ средства къ достиженію высшихъ благъ, дабы тѣмъ предупредить сколько возможно пагубное вліяніе любостяжанія и суетную расточительность... Преподаватель нетолько долженъ оставлять въ сторонѣ разсужденія, до политики, въ собственномъ смыслѣ взятой, касающіяся, такъ какъ онъ, стоя на средней ступени въ обществѣ, не можетъ видѣть существенныхъ питей ихъ, но долженъ проходить молчаніемъ и всѣ другіе предметы, дѣйствующіе лишь случайно на умноженіе или уменьшеніе богатства, какъ наприм. распоряженія, относящіяся къ торговлѣ и ремесламъ, разныя привилегіи, водвореніе переселенцевъ и т. п., а вмѣсто сего, при всякомъ удобномъ случаѣ долженъ устремлять мысли слушателей къ тому произведенію богатства, къ тому разведенію и потребленію его, которыя превращаютъ оное изъ тѣлеснаго въ духовное, изъ тлѣннаго въ нетлѣнное, сіи случаи встрѣтитъ онъ, говоря наприм. о истинной и обмѣнной цѣнѣ вещей, о выгодахъ и невыгодахъ раздѣленія работы, о сбереженіяхъ, нужныхъ для составленія капиталовъ, о такъ-называемыхъ невещественныхъ произведеніяхъ, о плодотворныхъ и безплодныхъ издержкахъ, словомъ сказать, почти во всякой статьѣ найдетъ онъ соприкосновенность между богатствами міра сего и сокровищами вѣчности, между имуществомъ плоти и духа нашего, и не преминетъ указать, гдѣ теряется между первымъ и вторымъ равновѣсіе, въ ущербъ послѣднему. Такимъ образомъ соединитъ онъ низшую, условную экономію съ высшей, истинной, и составитъ изъ нея науку въ строгомъ смыслѣ нравственно-политическую.» †) Естественныя науки, прежде въ довольно обширныхъ размѣрахъ преподававшіяся въ народныхъ училищахъ, по уставу 1786 года, и въ гимназіяхъ, по уставу 1804 года, теперь почти совершенно изгонялись, или имъ давалось странное мистико-символическое и физико-теологическое значеніе, или же, вмѣсто опыта и наблюденія, предписывалась источникомъ для нихъ Библія и т. п. Въ отвѣтъ на вызовъ министра

---

†) Сухомлинова «Матер. для истор. просвѣщ. въ царств. Александра I». «Ж. м. н. просв.» 1865.

Разумовскаго, Жозефъ де-Местръ, горячій приверженецъ папы и католичества, убѣждалъ главу министерства запретить преподаваніе естественныхъ наукъ, также какъ и политическихъ. Особенно вооружался онъ противъ новѣйшаго геологическаго ученія о физическомъ образованіи земли: «Библіи — говорилъ онъ — совершенно достаточно, чтобы знать, какимъ образомъ произошла вселенная; подъ предлогомъ же различныхъ теорій о происхожденіи міра будутъ наполнять молодыя головы космологическими бреднями новѣйшаго издѣлія; уже и теперь ходитъ по рукамъ напечатанная здѣсь брошюра, въ которой говорится, что человѣкъ и обитаемая имъ планета есть продуктъ естественнаго броженія стихій: этотъ ядъ проникаетъ къ вамъ отовсюду, не открывайте же сами новыхъ ему путей.» †) Профессоръ анатоміи, въ угоду подобнымъ требованіямъ, долженъ былъ «отъ изслѣдованія чудной связи въ частяхъ препаратовъ нашего бреннаго тѣла и дивнаго ихъ отправленія въ процессѣ нашей жизни возносить умы слушателей ко всеблагому творцу, познаваемому здѣсь во всемъ его безпредѣльномъ величіи.» ††) Доходило даже до того, что покушались-было уничтожить анатомическіе театры и запретить обращеніе труповъ въ скелеты, потому что «превращеніе труповъ въ скелеты есть необходимость для науки весьма жестокая въ отношеніи почтенія нашего къ умершимъ.» Профессоръ химіи, воспитавшійся въ мистической школѣ этого времени, въ теоретической части органической химіи излагалъ трактаты о «шестомъ невидимомъ началѣ — душѣ, гдѣ изслѣдывалъ качества души и говорилъ объ «органическомъ духѣ». †††) Даже изъ математики хотѣли сдѣлать мистическую символистику предметовъ и догматовъ вѣры и христіанско-аскетическаго нравоученія. «Въ математикѣ, — говорилъ въ этомъ духѣ профессоръ казанскаго университета, Никольскій, — въ математикѣ содержатся превосходныя подобія священныхъ истинъ, христіанскою вѣрою возвѣщаемыхъ. Напримѣръ, какъ числа безъ единицы быть не можетъ, такъ и вселенная, яко множество, безъ единаго владыки существовать не можетъ. Начальная аксіома въ математикѣ: всякая величина равна самой себѣ; главный пунктъ вѣры состоитъ въ томъ, что единый въ первоначальномъ словѣ своего всемо-

---

†) «Lettres et opuscules inedits du Comte Jos. de Maistre, précédés d'une notice biographique par son fils le Comte Rodolf de Maistre», Paris, 1851, t. II, p. 300, 303, 318—320.

††) Шевырева «Истор. моск. унив.», 452.

†††) Шульгина «Истор. кіевск. универс.», 141.

гущества равенъ самому себѣ. Въ геометріи треугольникъ есть первый самый простѣйшій видъ, и ученіе объ ономъ служитъ основаніемъ другихъ геометрическихъ строеній и изслѣдованій... Святая церковь издревле употребляетъ треугольникъ символомъ Господа, яко верховнаго геометра, зиждителя всея твари. Двѣ линіи, крестообразно пресѣкающіяся подъ прямыми углами, могутъ быть прекраснѣйшимъ іероглифомъ любви и правосудія. Любовь есть основаніе творенію, а правосудіе управляетъ произведеніями оной, ни мало не преклоняяся ни въ которую сторону. Гипотенуза въ прямоугольномъ треугольникѣ есть символъ срѣтенія правды и мира, правосудія и любви, чрезъ ходатая боговъ и человѣковъ, соединившаго горнее съ дольнимъ, небесное съ земнымъ.» Преподаватель философіи, по инструкціи Магницкаго, долженъ былъ основываться на посланіяхъ апостола Павла къ Колоссаямъ и къ Тимоѳею. Въ этомъ духѣ, профессоръ философіи Фесслеръ училъ: «подъ именемъ философіи понимаю я очевидное знаніе разума и дѣятельнѣйшую жизнь духа; я почитаю религію свѣтомъ сей жизни и живоносным началомъ, совершенство философіи поставляю я въ полномъ единеніи и сообразованіи съ единою, вѣчною, божественною религіею Іисуса Христа. Предметъ непосредственной дѣятельности для разума созерцающаго есть міръ невидимый, вѣчный, божественный» и т. п. †) Въ 1816 году былъ высланъ изъ Россіи профессоръ философіи въ харьковскомъ университетѣ, Шадъ, за то, что придерживался новѣйшей германской философіи, и въ особенности Шеллинга, и кромѣ того въ книгѣ своей «Institutiones juris Naturae» изложилъ мысли, несообразныя съ понятіемъ о власти государя, порицалъ существующія въ Россіи учрежденія, противно правамъ объясняя супружескій союзъ и т. п. ††) Въ исторіи, Магницкій предписывалъ слѣдить только по книгѣ Боссюэта пути Промысла Божія и необыкновенно радовался, что одинъ профессоръ казанскаго университета основалъ исторію нетолько на руководствѣ Боссюэта, но и на Четьи-Минеяхъ и житіяхъ святыхъ православной церкви. †††) Когда харьковскій университетъ выбралъ-было къ себѣ профессора русской исторіи, Срезневскаго, то встрѣтилось препятствіе въ томъ, что въ спискѣ, представленномъ при докладѣ объ обозрѣніи попечителемъ казанскаго университета, противъ имени Срезневскаго отмѣчено: «слѣдуя системѣ Якоба, руководствуется духомъ, весьма

†) Чистовича «Истор. с.-петерб. дух. акад.», 193—196.

††) «Журн. м. н. просв.» 1865, окт., 100—101.

†††) Рѣчь Магницкаго, казанск. унив. «Чтен. общ. истор.».

удаленнымъ отъ христіанскаго ученія, и по рѣчи, произнесенной имъ въ торжественномъ собраніи университета, оказывается человѣкомъ, зараженнымъ духомъ деизма.» Особенному преслѣдованію подвергалась наука «естественнаго права». Де-Местръ, отвергая пользу изученія правъ, утверждалъ, что въ первой юности надо знать только три вещи касательно общественнаго устройства: первое — что Богъ сотворилъ человѣка для общества, второе — что для общества необходимо правительство, третье — что каждый обязанъ повиноваться властямъ и быть готовымъ запечатлѣть смертью вѣрность и преданность государю.» †) Магницкій съ фанатическимъ презрѣніемъ называлъ науку «естественнаго права» «изобрѣтеніемъ невѣрія новѣйшаго времени», «системой революціи», «опаснѣйшимъ подмѣномъ евангельскаго откровенія», разрушительнымъ для алтарей и престоловъ и пр., и доказывалъ необходимость изгнанія ея изъ университетовъ. ††) Наукѣ этой предписывалось догматически разсматривать только такого рода положенія: «подтвержденіе той истины, что источникъ власти есть Богъ, а не воля человѣческая; о несомнѣнности грѣхопаденія, сохранившагося въ памяти всѣхъ народовъ земнаго шара; семейство и государство, установленныя самимъ Богомъ чрезъ посредство власти отеческой, опредѣляютъ понятіе о правахъ и обязанностяхъ человѣка, о необходимости закона откровенія; различіе видовъ и формъ правленія ни мало не опровергаетъ происхожденія власти отъ Бога, а не отъ первоначальнаго дѣйствія воли человѣческой.» Однимъ словомъ, все, даже словесность и древніе языки, предписано было преподавать или по библейскимъ книгамъ, указывая въ нихъ высшіе образцы словесности, или по твореніямъ Василія великаго, Аѳанасія, Іоанна Златоуста и т. п., такъ что въ московскомъ университетѣ профессоръ Маттеи ввелъ въ курсъ преподаванія объясненіе избранныхъ мѣстъ изъ твореній Іоанна Златоуста и пр. Такъ, во всѣхъ областяхъ науки, аттиловскимъ образомъ стѣснена, сжата была юная научно-изслѣдовательная мысль русская, заключена была въ убійственные тюремные карцеры мистическихъ программъ и предписаній. И въ то же время, эти тяжолыя, мрачныя времена узурпаторства мистически-репрессивной регламентаціи и диктатуры въ области научной мысли были временами страшнаго цензурно-инквизиціоннаго реакціонернаго террора. Руничъ и Магницкій были почти самодер-

---

†) Сухомлинова «Матер. для ист. просвѣщ.», въ «Ж. м. н. п.» № X.
††) «Чтен. общ. ист.» 1859, кн. IV, стр. 157—159.

жавными диктаторами мистической опеки, настоящими Биронами крѣпостной русской мысли. Такъ Руничъ, изъ сержантовъ лейбъ-гвардіи и усмирителей вятскихъ крестьянъ превращенный въ попечители с.-петербургскаго университета, въ ноябрѣ 1821 года, въ припадкѣ реакціонерной психопатіи, поднялъ ужасную бурю и разъигралъ оскорбительнѣйшую для человѣческой мысли драму инквизиціи надъ невинными профессорами — Германомъ, Раупахомъ, Галичемъ и Арсеньевымъ. Онъ подвергъ этихъ профессоровъ страшному, инквизиціонному суду и преслѣдовалъ только на основаніи какихъ-то, по его словамъ, «гадкихъ, мерзкихъ, смердящихъ тетрадокъ» — записокъ студенческихъ, въ которыхъ онъ видѣлъ «явныя системы невѣрія и безбожія», и давалъ ихъ всѣмъ участвовавшимъ на судѣ «нюхать». На основаніи этихъ записокъ онъ пыталъ совершенно невинныхъ профессоровъ и обвинялъ ихъ въ «маратизмѣ и робеспьеризмѣ», обзывалъ ихъ «бунтовщиками, возмутителями, государственными измѣнниками (rebelle incendiaire), которыхъ надлежало бы, между жандармами съ голыми палашами, заставить за налоемъ писать отвѣты», клеймилъ ихъ «пришлецами, чадами революціи, выходцами изъ отечества Маратовъ и Робеспьеровъ, кричалъ имъ: Vous n'êtes pas baptisés. Vous êtes enfants de la révolution. Vous êtes sortis du pays des Marats et des Robespierres. Vous êtes rebelles. C'est une rebellion, une incendie!» etc. etc. Тогда какъ въ настоящее время ректоры дух. семинарій безбоязненно дозволяютъ и сами даютъ ученикамъ семинаріи читать философію Галича,—Руничъ нападалъ на Галича, какъ на безбожника. Онъ говорилъ Галичу: «я самъ, еслибы не былъ истиннымъ христіаниномъ и еслибы благодать свыше меня не осѣнила, я самъ не отвѣчаю за свое поползновеніе при чтеніи книги Галича. Вы явно предпочитаете язычество христіанству, распутную философію дѣвственной невѣстѣ Христовой, церкви, безбожника Канта самому Христу, а Шеллинга Духу Святому» и т. п. Несмотря на то, что руководства, по которымъ читали обвиненные профессора лекціи, напр. статистика Германа, изданы были главнымъ правленіемъ училищъ и одобрены правительствомъ, Руничъ, потерявши всякую совѣсть и всякое чувство справедливости, кричалъ: «что книга напечатана и одобрена отъ правительства, это вамъ не оправданіе: тогда было время, а теперь другое; что теперь уже 18 разныхъ сочиненій, изданныхъ и одобренныхъ отъ прежняго главнаго правленія училищъ, усмотрѣны (въ два дня?) развратными и скоро будутъ осуждены на истребленіе! Много мнѣ предлежитъ хлопотъ! Но моя ревность все преодолѣетъ! Горе книгамъ, а особливо одобреннымъ отъ

прежняго главнаго правленія училищъ.» «Горе книгамъ», думалъ каждый изъ членовъ интеллектуально-инквизиціоннаго синедріона: до такого страшнаго, умственно-убійственнаго приговора доходилъ цензурно-инквизиціонный судъ и фанатизмъ деспотическихъ диктаторовъ, педагоговъ и опекуновъ юной русской мысли. †) Другой Діоклетіанъ или Неронъ-гонитель юной русской мысли былъ Магницкій, попечитель казанскаго университета. Онъ отрицалъ всякую самодѣятельность русской мысли нетолько въ области философскаго и естественно-научнаго мышленія, но даже и въ области историческаго и библіографическаго изслѣдованія. Осудивъ профессора юридическихъ наукъ — Куницына, Магницкій, по собственному самохвальству его, «съ упорствомъ» возвѣщалъ такія мысли о наукѣ естественнаго права и о необходимости пріостановленія ея во всѣхъ университетахъ: 1) «Наука естественнаго права, безъ котораго обходился древній Римъ, будучи королевствомъ, республикою и имперіею, и не менѣе того оставившій намъ образцы совершеннѣйшаго гражданскаго законоположенія, безъ котораго обходилась Франція въ теченіе 800 лѣтъ, безъ которой обходятся и нынѣ всѣ университеты Англіи и Италіи, которые, однакоже, славятся отличнѣйшими юристами, наука естественнаго права, сія метафизика правъ, не сопредѣльная къ народному, публичному и положительному праву, есть изобрѣтеніе невѣрія новѣшихъ временъ сѣверной Германіи. 2) Она всегда была опасна; но когда Кантъ посадилъ въ преторы такъ-называемый чистый разумъ, который вопросилъ истину Божію: что есть истина? и вышелъ вонъ, тогда наука права естественнаго сдѣлалась умозрительною и полною системою всего того, что мы видѣли въ революціи французской на самомъ дѣлѣ, опаснѣйшимъ подмѣномъ евангельскаго откровенія, ибо не опровергаетъ его, но преходитъ въ молчаніи, начинается съ предложенія, что его никогда не было, исторгаетъ изъ руки Божіей начальное звѣно златой цѣпи законодательства и бросаетъ его въ хаосъ своихъ лжемудрствованій и, наконецъ, отвергаетъ алтарь Христовъ, наноситъ святотатственные удары престоламъ царей, властямъ и таинству супружескаго союза, подпиливаетъ въ основаніи сіи три столба, на коихъ лежитъ сводъ общественнаго зданія. 3) Опасность науки естественнаго права доказана во вчерашнемъ, незабвенномъ въ исторіи нашей, засѣданіи главнаго правленія училищъ: а) христіан-

†) «Чт. общ.» 1862 г., кн. III, отд. V, стр. 172—205: записки о дѣлѣ с.-петербургскаго университета.

скими сильными и, какъ свѣтъ, ясными мнѣніями гг. членовъ правленія; б) разсмотрѣніемъ и осужденіемъ разрушительной системы проф. Куницына и самаго лица его; в) сильнѣйшею рѣчью г. ректора здѣшняго университета» и т. д. Затѣмъ Магницкій дѣлаетъ выводъ: «Я осмѣливаюсь вопросить и съ сей лучшей стороны: можетъ ли быть сія наука безвредной? Можно ли опасаться пріостановить постепенное ея преподаваніе, когда безъ всякаго опасенія утвердить можно, что ни въ одномъ изъ нашихъ университетовъ не выбраны изъ 100 и болѣе классическихъ ея авторовъ ни Мартини, ни Бурламаки, сочинители, ежели не совершенно христіанскіе, то, по крайней мѣрѣ, упоминающіе о Евангеліи, и изъ которыхъ первый, по имянному повелѣнію императора, исключительно допускается въ австрійскихъ университетахъ? Наконецъ, признаюсь, что я трепещу предъ всякимъ систематическимъ невѣріемъ философіи, сколько по непобѣдимому внутреннему къ нему отвращенію, столько и особенно потому, что въ исторіи XVII и XVIII столѣтій ясно и кровавыми литерами читаю, что сначала поколебалась вѣра, потомъ взволновались мнѣнія перемѣною значенія и подмѣною словъ, и отъ сего непремѣннаго и какъ-бы литературнаго подкопа, алтарь Христовъ и тысячелѣтній тронъ древнихъ государей взорваны. Кровавая шайка свободы оскверняетъ главу помазанника Божія и вскорѣ повергаетъ ее на плаху. Вотъ ходъ того, что называли тогда только философіею и литературою, и что называется нынѣ уже либерализмомъ.» †) Какъ всемогущій цензоръ-диктаторъ, Магницкій во все вмѣшивался, вмѣшивался даже не въ свою область. Напр. 24-го мая 1824 г. онъ писалъ отношеніе къ митрополиту новгородскому и с.-петербургскому «о богохуленномъ выраженіи въ персидскомъ переводѣ библіи, изд. библ. обществомъ, о запрещеніи этого перевода и объ увольненіи его изъ членовъ библейскаго общества, вслѣдствіе выпуска такихъ богохульныхъ переводовъ.» ††) Въ тоже время Магницкій пишетъ доношеніе министру народнаго просвѣщенія на издателя библіографическихъ листовъ—Кеппена, за противныя будто-бы правиламъ цензуры статьи, помѣщенныя въ библіографическихъ листахъ. «Статьи сіи,—доносилъ Магницкій, — основанныя на иноземныхъ сочиненіяхъ, содержатъ въ себѣ: 1) обличенія святцовъ нашихъ, церковью утвержденныхъ и изданныхъ, въ невѣрности; 2) совершенно-противное превращеніе жизнеописанія Кирилла и Мееодія, въ опровержені свя-

---

†) «Чтен. Общ.» 1859 г., кн. IV, стр. 157—159.
††) Ibid., 162—163.

щенно-церковной книги Четьи-Минеи, клонящееся къ тому, чтобы доказать, въ противность положительному преданію церкви, что не они переводили наши священныя книги; 3) клевету на Святополка, исповѣдовавшаго православную вѣру, якобы онъ заставлялъ народъ свой вѣровать то Христу, то діаволу, и другія подобныя сему непозволительныя и вредныя нелѣпости.» Кеппенъ долженъ былъ писать въ оправданіе свои «логическія и историческія объясненія» противъ нелѣпаго доноса Магницкаго и доказывать самыя простыя, такъ сказать, азбучныя права изслѣдующаго разума. «Сличеніе мѣсяцеслововъ — писалъ онъ— не есть изслѣдованіе ученій вѣры, ибо нетолько не относится до догматовъ церкви, которые, не подлежа сужденіямъ свѣтскихъ писателей, а и того менѣе людей вовсе неизвѣстныхъ въ ученомъ свѣтѣ по своимъ сочиненіямъ, при таковомъ сличеніи должны оставаться неприкосновенными... Не имѣвъ никогда намѣренія писать, или печатать статей, могущихъ клониться къ исправленію исторической части Четьи-Минеи, я осмѣливаюсь спросить: не противится ли желанію самого св. Димитрія Ростовскаго и не обличаетъ ли себя въ незнаніи Четьи-Минеи тотъ, кто вооружится противъ историческаго усовершенствованія сочиненія, общеполезнаго для христіанъ всякаго состоянія, о чемъ проситъ самъ св. Димитрій всякаго усерднаго читателя его книги? Ужели скромное и благоразумное исправленіе погрѣшностей филологическихъ, хронологическихъ, географическихъ и топографическихъ, археологическихъ и часто историческихъ въ твореніи человѣческомъ (хотя оное и есть твореніе церковнаго писателя) можно назвать опроверженіемъ священно-церковной книги, противнымъ положительному преданію церкви... Ужели въ нашъ XIX вѣкъ по Р. Х. найдутъ недозволительнымъ то, что служитъ единственно къ усовершенію исторіи? Ужели образованность современная станетъ предлагать къ запрещенію всѣ тѣ историческія книги, которыя суть не одни только буквальные списки съ Четьи-Минеи, каковы, напримѣръ, напечатанная по повелѣнію государя императора Петра Великаго исторіографія Мавроурбина, сочиненія Татищева, Шлецера и исторіографа нашего Карамзина... Тогда надобно будетъ запретить вовсе писать отечественную исторію» и пр. †) Таково было положеніе юной научно-изслѣдовательной мысли русской во времена сильнаго развитія и господства произвола реакціонерной диктатуры. Понятно, что при такихъ насильственныхъ ударахъ, задержкахъ и выправкахъ или дисциплинарныхъ артикулированіяхъ мысль русская

†) «Чтен. общ. истор.» 1864 г., кн. 2, отд. V, стр. 143—161.

не могла развиваться здорово, живо, самостоятельно и непрерывно-последовательно. Хроническія реакціонерныя психопатіи невольно разслабляли неокрѣпшія силы юной русской мысли. Непрочность, крутая измѣнчивость des principes libérales правительственной опеки, обыкновенно хронически проявляющаяся во вторую половину или подъ конецъ царствованій, продолжительность и интенсивно возрастающая репрессивность реакціонерныхъ направленій системы опеки, обнимающія иногда цѣлое царствованіе, лѣтъ 35 — 40, и вообще рѣзкая шаткость въ умственныхъ направленіяхъ правительственной опеки и частыя колебанія ея въ ту и въ другую сторону,—все это, естественно, сильно препятствовало непрерывно-послѣдовательному, свободному и здоровому развитію русской мысли, мѣшало свободной выработкѣ опредѣленныхъ учено-литературныхъ направленій, порождало безразличіе или оптимизмъ въ общественныхъ взглядахъ и понятіяхъ, хаосъ и путаницу въ общественныхъ умственныхъ направленіяхъ и стремленіяхъ и, наконецъ, убивало всякую энергію мыслительности, погружало ее въ апатію, бездумье, индиферентизмъ и неподвижность.

Кромѣ хроническихъ реакціонерныхъ дѣйствій, правительственная народообразовательная опека въ рукахъ своихъ имѣла еще одно постоянное учрежденіе или спеціальное интеллектуально-регулятивное орудіе — цензуру, которая, во времена реакцій, тоже, съ своей стороны, становилась реакціонерною. Заботы о предохраненіи русской мысли отъ заблужденій начались еще съ тѣхъ поръ, какъ въ Россіи появился изъ Византіи церковно-іерархическій духовно-учительный классъ, и мыслительность народная, только-что начинавшая чуть-чуть пробуждаться подъ вліяніемъ христіанскаго ученія, подчинилась авторитету византійскаго номоканона, догмата и преданія. Потому-то и невозможно было въ древней Россіи самостоятельное пробужденіе и непрерывное генеративно-послѣдовательное развитіе раціональной теоретической мыслительности народной, что она сдерживалась въ самыхъ зародышахъ своихъ. Вслѣдствіе вліянія византійскаго догматическаго консерватизма, сдержки свободнаго проявленія народной мыслительности особенно начались съ тѣхъ поръ, какъ стали появляться въ Россіи ереси. Уже въ Стоглавѣ 1555 года, между многими правилами положено было: «книги списывать съ добрыхъ переводовъ, да справлять; переписчикъ неисправныхъ книгъ подвергается великому запрещенію, покупающій не можетъ пользоваться такими книгами, а продающій лишается самыхъ книгъ.» †) Сверхъ

†) «Стоглавъ», гл. 27, 28, 41 и 42.

того соборъ просилъ царя, «чтобы запретить великимъ запрещеніемъ, чтобы христіане не читали и не держали у себя книгъ еретическихъ.» Съ XIV вѣка до 1644 года постоянно переписывалось въ сборникахъ и потомъ напечатано было, въ руководство грамотному народу, «правило о книгахъ, ихъ же подобаетъ чести и внимати, и ихъ же не внимати, ни чести не подобаетъ.» [1]) Одинъ соборъ въ XVII вѣкѣ запретилъ продавать книги «со многою ложью» и положилъ «чинить писателямъ смиреніе.» [2]) Но собственно цензура или предварительный просмотръ рукописи появляется у насъ только съ 1720 г. октября 5, по поводу изданія черниговскою и кіевопечерской типографіями книгъ «со многою противностью восточной церкви». [3]) Указомъ 20 марта 1721 года запрещалось продавать «книги писанныя и печатанныя безъ дозволенія, подъ страхомъ жестокаго отвѣта и безпощаднаго штрафованія.» [4]) Далѣе вышло запрещеніе вывозить книги изъ-за границы безъ разсмотрѣнія. [5]) Потомъ, указами 27 октября 1742 года, 19 августа 1748 г., 25 августа 1750 предписывалось, чтобы всѣ книги гражданскаго и богословскаго содержанія пересматривались въ академіи наукъ, въ типографіяхъ или въ губернскихъ правительственныхъ мѣстахъ. [6]) Наконецъ указомъ 3 ноября 1751 года установлена цензура относительно газетъ. [7]) Болѣе же полное изложеніе началъ цензуры, въ сообщенномъ ей значеніи учрежденія, дѣйствующаго отдѣльно отъ законовъ уголовныхъ, до изданія цензурныхъ уставовъ Александра I и Николая I, принадлежитъ указу 1776 года августа 22. [8]) «И образовались въ литературѣ свои катакомбы», какъ замѣчаетъ по поводу этого установленія г. Лешковъ. Не излагая дальнѣйшаго, окончательнаго развитія цензуры и цензурныхъ уставовъ [9]), замѣтимъ здѣсь только, что уже вслѣдствіе одного вѣковаго воспитанія народной мыслительности подъ контролемъ византійскаго догматическаго консерватизма,

---

[1]) См. о чтеніи книгъ или о «почитаніи книжномъ» въ древней Россіи. «Прав. Соб.» 1858 г., іюль, стр. 182.

[2]) А. Н. V, № 75, предл. 14.

[3]) П. С. З. № 3653.

[4]) П. С. З. № 3765.

[5]) П. С. З. № 8832, ук. 1743, дек. 9.

[6]) П. С. З. № 3784 и № 9794.

[7]) П. С. З. № 9903.

[8]) П. С. З. № 14,495.

[9]) См. историч. свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи и статью г. Пятковскаго въ «Дѣлѣ», №№ 1 и 2 1868.

мысль русская не могла развить въ себѣ генеративно-послѣдовательно настолько самостоятельности, чтобы не подчиниться потомъ и свѣтской цензурѣ, цензурнымъ уставамъ. Семь или восемь столѣтій до Петра Великаго, народная мыслительность не могла имѣть никакого свободнаго движенія, ни въ свободномъ раціональномъ ученіи, ни въ занятіи какою-нибудь «отреченною книгою», ни даже въ области житейскаго опыта, наблюденія и обычая, гдѣ была бдительная цензура «старины и пошлины» или «вождя по жизни» и «Домостроя». «Учися держати умъ»—вотъ было общее правило и церковнаго и домашняго воспитанія до Петра Великаго. Удивительно ли, послѣ этого, если русская мысль, послѣ такого предварительнаго, генеративно-послѣдовательнаго воспитанія подъ строгой опекой византійскаго догматическаго консерватизма, и во времена развитія правительственной народообразовательной опеки легко подчинилась цензурѣ. Удивительно ли, что весьма многіе радовались даже, какъ новому благодѣтельному попеченію правительства о развитіи русской мысли, когда при императорѣ Александрѣ I учрежденъ былъ цензурный комитетъ и изданъ первый цензурный уставъ. Напримѣръ, профессоръ московскаго университета Каченовскій, вскорѣ по выходѣ цензурнаго устава, въ «Вѣстникѣ Европы» напечаталъ статью: «о книжной цензурѣ въ Россіи», въ которой приписывалъ цензурѣ такое же благотворное дѣйствіе на развитіе мысли, какое свойственно и критикѣ ученой. «Критика ученая и безпристрастная,—писалъ онъ,—выставляя погрѣшности сочиненій, удерживаетъ неопытныхъ людей отъ смѣлыхъ предпріятій; цензура, налагая узду на дерзость и буйство, искореняетъ зло при самомъ его началѣ. Истинный талантъ не боится критики; писатель благонамѣренный уважаетъ постановленія мудраго правительства и благоговѣетъ въ душѣ своей предъ спасительными узаконеніями, которыми ни мало не стѣсняется свобода мыслить и писать и которыя суть ничто иное, какъ только необходимыя мѣры, принятыя противъ злоупотребленій сей свободы. Для чего нужны книги? Умъ и дарованія образуются подъ руководствомъ содержащихся въ нихъ полезныхъ правилъ и наставленій; сынъ церкви и отечества почерпаетъ изъ книгъ понятія о своихъ обязанностяхъ; гражданинъ узнаетъ изъ нихъ права свои и пр. Но всякая ли книга соотвѣтствуетъ симъ важнымъ назначеніямъ? Вольтеръ хотѣлъ, чтобы дозволено было писать все безъ изъятія, утверждая, что благо и спокойствіе общества не зависятъ отъ напечатанной книги. Постыдный для человѣчества примѣръ неистовыхъ революцій доказалъ неосновательность Вольтерова мнѣнія. Появленіе дерзкихъ сочиненій, сопровождаемое всеобщимъ одобреніемъ, означаетъ послѣднюю

степень развращенія и необузданности, до которой государство достигаетъ... Въ любезномъ отечествѣ нашемъ законы всячески ободряютъ успѣхи просвѣщенія, охраняя вѣру, святость власти, нравственность и личную честь гражданина... Цензура въ запрещеніи печатанія или пропуска книгъ руководствуется благоразумнымъ снисхожденіемъ, удаляясь всякаго пристрастнаго толкованія сочиненія.» Между тѣмъ, наиболѣе раціонально мыслящіе люди тогда же видѣли, какъ невыгодно было для развитія русской мысли цензурное стѣсненіе. Послѣ вѣковаго воспитанія, въ до-петровской школѣ исключительно физической работы, преобладающаго поверхностнаго сенсуализма въ умственномъ складѣ русскаго народа, послѣ вѣковаго господства внѣшнихъ чувствъ надъ теоретическимъ или чистымъ разумомъ и вѣковаго отсутствія предварительнаго генеративно-послѣдовательнаго развитія раціональной теоретической мыслительности, русскому народу еще крайне необходимо было сначала свободное и усиленное развитіе всеобщей самодѣятельности мышленія, раціонально-логической, теоретической мыслительности. Безъ этого въ немъ не могла развиться и естествопознавательная мысль, не могъ развиться могучій естествоиспытательный разумъ—этотъ, по выраженію Фирорта, «умственный глазъ», который собственно и производитъ открытія въ области природы. А между тѣмъ цензура именно это-то предварительное развитіе и изощреніе мышленія и стѣсняла, запрещая напримѣръ теоретическія, философскія сочиненія. И безъ того-то, въ обществѣ русскомъ, вслѣдствіе вѣковой неразвитости раціональной, теоретической мыслительности, по словамъ «Сѣвернаго Вѣстника» (1804—1805), господствовало «предубѣжденіе и недоразумѣніе» относительно «книгъ философическихъ», какъ головоломныхъ и скучныхъ. А цензура еще болѣе поддерживала такое предубѣжденіе противъ философіи—этой, по выраженію Клода Бернара, excellente gymnastique de l'esprit. «Словесность наша—писалъ одинъ анонимный защитникъ свободной прессы при Александрѣ I—всегда была подъ гнетомъ цензуры. Сто лѣтъ, какъ она составляетъ отдѣлъ въ исторіи ума человѣческаго и его произведеній. Мы имѣемъ много хорошихъ поэтовъ, хорошихъ прозаиковъ, видимъ на нашемъ языкѣ сочиненія математическія, физическія и другія, но философіи нѣтъ и слѣда. Можетъ быть, скажутъ, что у насъ есть переводы философскихъ твореній. Это правда, но всѣ наши переводы содержатъ только отрывки своихъ подлинниковъ: рука цензора умѣла убить ихъ духъ.» †) Все, что появлялось на западѣ лучшаго въ обла-

†) «Матер. для истор. просвѣщ. при Александрѣ I» Сухомлинова, 18—19.

сти критической философіи и возбуждало и развивало тамъ могучую мысль, у насъ все это, по крайней неразвитости критическаго мышленія и пониманія, отрицалось цензурой. Напримѣръ, тогда какъ въ настоящее время изученіе Кантовой философіи въ Россіи дозволено и «Kritik der reinen Vernunft» переведена на русскій языкъ,—въ началѣ нынѣшняго столѣтія духовная цензура противъ философіи Канта вооружалась. Архіепископъ рязанскій Феофилактъ, членъ св. синода и коммиссіи духовныхъ училищъ, написалъ критику или осужденіе Кантовой философіи. «Кантовой философіи—доносилъ онъ—цѣль есть двоякая: испровержение христіанства и замѣщеніе онаго не деизмомъ, а совершеннымъ безбожіемъ. Для достиженія первой цѣли Кантъ священному писанію даетъ такой толкъ, что ни пророки, ни апостолы не были богодухновенны, а Христа должно допускать только въ аллегорическомъ смыслѣ, т. е. почитать его не больше, какъ «идеаломъ». Для замѣщенія христіанства безбожіемъ Кантъ вводитъ церковь чистаго разума. Въ сей церкви: 1) никто не вѣритъ бытію Божію; 2) никто не вѣритъ безсмертію души; 3) нѣтъ никакихъ обязанностей въ отношеніи къ Богу, слѣдовательно молиться не кому и не для чего; 4) присяга въ вѣрности къ государю есть одинъ суевѣрный обрядъ; 5) однѣ добродѣтели суть свободныя дѣйствія, а всякій поступокъ, грѣхомъ почитаемый, есть невольное дѣло. Кантова философія въ Германіи славилась не болѣе 20 лѣтъ. Несмотря на сію краткость времени, столько вреда отъ нея послѣдовало, что и религія и политика противъ нея вооружились, и заставили многихъ профессоровъ, закрывши каѳедры Кантова ученія, удалиться изъ Германіи въ Россію. Изъ таковыхъ выходцевъ замѣчательнѣйшіе суть: Фесслеръ, изгнанный изъ с.-петербургской духовной академіи, Буле, вытѣсненный изъ московскаго университета, Паротъ, господствующій въ Дерптѣ, Якобъ, заразившій харьковскій университетъ и оттуда истребованный въ Петербургъ для содѣланія Кантовой философіи классическою книгою для всѣхъ высшихъ училищъ народнаго просвѣщенія.» †) Вообще, хотя, по первому цензурному уставу, цензорамъ вмѣнялось въ обязанность «удаляться всякаго пристрастнаго толкованія сочиненія» и даже сомнительныя или двусмысленныя мѣста въ сочиненіи «лучше истолковывать выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ, нежели преслѣдовать его», но на дѣлѣ скоро и часто сталъ проявляться личный произволъ цензоровъ, особенно во времена реакціи.

---

†) «Чтен. общ. истор.» 1859 г., кн. 2, отд. V, стр. 124.

Вслѣдствіе этого, научно-литературное развитіе русской мысли часто не столько зависѣло отъ самой регламентаціи цензурныхъ уставовъ, сколько отъ личныхъ воззрѣній, отъ умственной неразвитости и узкозоркости самихъ цензоровъ. Многіе писатели наши, поэтому, не столько винили установленіе цензуры, сколько умственную ограниченность и слѣпую фанатичность цензоровъ. Такъ еще Радищевъ говорилъ о цензорахъ своего времени: «одинъ несмысленный урядникъ благочинія можетъ сдѣлать величайшій просвѣщенію вредъ и на многія лѣта остановить движеніе разума, запретя полезное изобрѣтеніе, новую мысль, и лишить чрезъ то всѣхъ великаго. Примѣръ въ малости: въ управу благочинія принесли для утвержденія переводъ романа: переводчикъ, слѣдуя автору, назвалъ любовь лукавымъ богомъ. Мундирный цензоръ, исполненный духа благочестія, почернилъ это выраженіе, говоря: «неприлично божество называть лукавымъ.» Кто чего не разумѣетъ, тотъ въ то да не мѣшается: если хочешь свѣта, удали затмѣніе; если хочешь, чтобы дитя не было застѣнчиво, то выгони лозу изъ училища; въ домѣ, гдѣ плети и батожья въ модѣ, тамъ слуги пьяницы и еще того хуже — воры. Такого же рода цензоръ не дозволяетъ печатать сочиненія, гдѣ упоминается о Богѣ, говоря: «я съ нимъ дѣла никакого не имѣю». Если въ какомъ-либо сочиненіи порочили нравы того или другаго государства, онъ почиталъ это не дозволеннымъ, говоря: «Россія имѣетъ съ нимъ трактатъ дружбы.» Если гдѣ упоминалось о князѣ или графѣ, онъ не дозволялъ того печатать, говоря: «это личность, ибо есть князья и графы между знатными особами.» †) До какой степени регулированіе русской мысли и взгляды на ея направленіе зависѣли отъ личныхъ умственныхъ качествъ цензоровъ, можно судить, напримѣръ, сравнивши между собою «мнѣніе сенатора Муравьева-Апостола по дѣлу д. с. с. Попова о цензурѣ» и «мнѣніе сенатора Сумарокова» по тому же дѣлу. ††) Попова обвиняли въ 3-хъ вещахъ, которыя въ вопросныхъ пунктахъ выставлены такъ: 1) «Поповъ виновенъ въ томъ, что нетолько поправлялъ своею рукою книгу Геснера, но излагалъ собственныя мысли въ томъ же духѣ, въ какомъ вся книга написана; 2) кромѣ сего виновенъ онъ въ томъ, что, будучи извѣстенъ о заключеніи правительства, какъ насчетъ Геснера, такъ и сочиненія его, дозволилъ себѣ и послѣ того, въ письменномъ отзывѣ къ оберъ-полиціймейстеру

---

†) «Путеш. изъ Петерб. въ Москву».

††) «Чт. общ. ист.» 1859 г., кн. IV, отд. V, стр. 37—48.

изъясняться о книгѣ, что она хорошаго духа, а о Геснерѣ, что онъ человѣкъ истинно-христіанскихъ правилъ и образа мыслей; 3) въ особенности же онъ виновенъ въ томъ, что ему не слѣдовало поправлять никакихъ сочиненій или переводовъ, тѣмъ болѣе, что онъ находится директоромъ департамента народнаго просвѣщенія, подъ вѣдѣніемъ коего состоятъ цензоры.» При обсужденіи этихъ обвинительныхъ пунктовъ противъ Попова, сенаторы Муравьевъ-Апостолъ и Сумароковъ разошлись въ сужденіяхъ и мнѣніяхъ единственно потому, что они были разныхъ убѣжденій, имѣли различное умственное развитіе и направленіе. Муравьевъ-Апостолъ, руководствуясь, какъ онъ самъ говоритъ, «внутреннимъ своимъ убѣжденіемъ», опровергалъ всѣ обвинительные пункты противъ Попова, утверждая, что Поповъ только исправлялъ въ книгѣ Геснера слогъ, исполненный германизмовъ, что, какъ занятіе его въ поправленіи перевода было, такъ сказать, механическое, то и образъ мыслей его принужденно сходствуетъ съ толкователевымъ, а не такъ, какъ заключаетъ объ немъ оберъ-полиціймейстеръ, что, однимъ словомъ, ничто не доказываетъ ни отступленія Попова отъ подлинника въ поправленномъ переводѣ, ни порицанія заключенія правительства о Геснеровой книгѣ, ни вліянья на цензора въ разсужденіи печатанья оной, и пр. Напротивъ, сенаторъ Сумароковъ, руководясь своими личными убѣжденіями, осуждалъ Попова, какъ «опаснаго фанатика, котораго усмирить, выдержать потребно, когда напечатанное имъ сочиненіе уже огласилось въ народѣ», и, согласно съ приговоромъ другихъ 5 сенаторовъ, приговорилъ Попова къ заключенію въ монастырь «для прекращенія пагубнаго лжеученія». Мнѣніе сенатора Сумарокова начинается такъ: «сіе дѣло есть необыкновеннаго рода, и надлежитъ отъискать корень, чтобы по отраслямъ убѣдиться въ важномъ преступленіи. Итакъ обратимся къ прошедшимъ временамъ и постепенно дойдемъ до нашихъ дней.» Далѣе сенаторъ-цензоръ порицаетъ идеи, развившіяся съ конца XVII вѣка до революціи и до Геснеровой книги. Затѣмъ онъ положительно и рѣзкимъ тономъ обвиняетъ Попова по всѣмъ 3-мъ пунктамъ, не принимая никакихъ возраженій. «Въ листкахъ Попова, возразятъ, еще нѣтъ ничего противнаго вѣрѣ,—говоритъ онъ;—но часть безвредная принадлежитъ къ вредному цѣлому: нѣсколько строкъ и вся книга суть одно и тоже. Всякій, скажутъ мнѣ, властенъ говорить, думать, какъ хочетъ. Да,—отвѣчаю я,—въ своей комнатѣ, или въ скрытой бесѣдѣ съ равнымъ себѣ еретикомъ. Но возвѣщать нечестіе, а, что болѣе, печатать вредныя правила къ потрясенію вѣры есть первѣйшее преступленіе, вопіющее къ возмездію.» Наконецъ, Сумароковъ, исчис-

ливъ всѣ указы, начиная съ уложенія, военнаго устава, морскаго устава, указы 1683, 1718, 1728, 1800 годовъ о сожженіи богохульниковъ, о лишеніи вольнодумцевъ живота или пожитковъ, о заключеніи ихъ въ желѣзы, или «гнаніи ихъ шпицрутеномъ» и т. п., сенаторъ Сумароковъ рѣшительно осудилъ Попова, какъ «опаснаго фанатика, котораго усмирить, выдержать потребно». †) Вслѣдствіе умственной несамостоятельности и близорукости цензоровъ, — недоразумѣнія и задержки ихъ часто были нетолько причиной остановки развитія мысли, духа изслѣдованія, разработки и распространенія научныхъ идей и знаній, но и причиной задержки распространенія самыхъ необходимыхъ для народа знаній. Такъ напр. въ 1830 г. Н. А. Полевой, редакторъ журнала «Московскій Телеграфъ», писалъ къ князю Н. Н. Голицыну, предсѣдателю цензурнаго комитета: «слухи о появленіи холеры морбусъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи тревожатъ жителей Москвы. Москва увеличиваетъ сіи слухи и самую опасность болѣзни. Отъ медицинскаго совѣта издано описаніе холеры морбусъ и средствъ сохраненія отъ оной. Сія статья и двѣ другія гг. докторовъ Пузырева и Пятницкаго напечатаны въ «Журн. минист. внутрен. дѣлъ». Онѣ могутъ успокоить народъ, а въ случаѣ дѣйствительной опасности показать народу средства охраненія. Но «Журнала минист. внутр. дѣлъ» расходится весьма мало, и чрезъ то статьи, для повсенароднаго чтенія предназначенныя, не достигаютъ своей цѣли. Думая, что долгъ всякаго благомыслящаго споспѣшествовать по мѣрѣ силъ благу ближнихъ, я желалъ перепечатать изъ «Журнала минист. внутрен. дѣлъ» всѣ вышеозначенныя статьи особымъ приложеніемъ при издаваемомъ мною журналѣ: «Московскій Телеграфъ». «Телеграфа» расходится 1,600 экземпляровъ, и во всѣхъ мѣстахъ Россіи: слѣдовательно, это было бы однимъ изъ сильныхъ средствъ успокоить страхъ и распространить спасительныя наставленія. Кромѣ того, хотѣлъ я отпечатать до 3,000 экземпляровъ отдѣльно и раздавать безденежно всякому, отправить въ больницы и пр. Но цензурный комитетъ остановилъ мое намѣреніе, говоря, что онъ разрѣшить не можетъ. Такія недоразумѣнія доводятъ до безполезной и продолжительной переписки съ высшимъ начальствомъ.» ††) Вообще, въ періодъ полнаго господства строгой цензуры, въ области русской науки и литературы образовался особый необъятный отдѣлъ предметовъ и вопросовъ, такъ на-

---

†) «Чт. общ.» 1859 г., кн. IV, отд. V, стр. 38—48.
††) »Чтен. общ. истор.» 1862, кн. 3, отд. V, стр. 212.

зываемыхъ «нецензурныхъ», особенно въ области естественныхъ наукъ, въ области соціологіи, политической экономіи, естественнаго права и пр. Въ области естественныхъ наукъ, напримѣръ, не цензурны были вопросы о физическомъ образованіи земли, о геологическихъ періодахъ, о происхожденіи видовъ, о древности человѣка, о неандертальскихъ, енгисовыхъ и т. п. пещерныхъ черепахъ доисторическаго человѣка, о мѣстѣ человѣка въ ряду органическихъ существъ и объ естественно-исторической или органической связи его съ обезьянами, о значеніи въ природѣ силы и матеріи, о физико-химическихъ и механическихъ теоріяхъ въ области нервной физіологіи и въ особенности въ сферѣ психическихъ актовъ человѣка, о рефлексахъ головнаго мозга, о психопатіяхъ мистицизма и пр. и пр. Въ области соціальныхъ наукъ не цензурны были вопросы о естественныхъ, физико-физіологическихъ основахъ соціальнаго устройства обществъ или вообще о естественно-научныхъ законахъ общежитія, о происхожденіи власти отъ физической силы и воли человѣческой, о деспотизмѣ властей, о крѣпостномъ правѣ, о сословномъ и имущественномъ неравенствѣ людей, о естественномъ правѣ низшихъ классовъ народа на высшее, университетское образованіе, объ утилитаризмѣ, о ложности господствующаго народнаго и общественнаго міросозерцанія, о всеобщемъ, всенародномъ естественно-научномъ образованіи или о радикальной реформѣ народнаго міросозерцанія, о свободѣ мысли, изслѣдованія и печати, о рабочемъ вопросѣ, объ ассоціаціяхъ, и множество т. п. Не говоримъ уже о томъ, какое множество было нецензурныхъ, недозволенныхъ русской публикѣ произведеній западной науки и литературы, нетолько вродѣ сочиненій Вольтера, положительной философіи Конта и пр., но и вродѣ сочиненій о Россіи Коля, Кюстеня и т. п. Еще въ 1855 году изъ привезенныхъ изъ-за границы 1,191,745 томовъ и тетрадей не пропущено было 11,000 томовъ. †) Въ такихъ цензурныхъ рамкахъ должна была развиваться юная русская мысль. Во многихъ областяхъ или вопросахъ науки и литературы ей положительно запрещено было развитіе.

Чѣмъ для развитія научной и литературной мысли была прежняя цензура, тѣмъ для развитія народной мыслительности было слишкомъ строгоограниченное въ умственныхъ правахъ податное и особенно крѣпостное состояніе народа. Простой, рабочій народъ, какъ мы видѣли уже ††), естественно-исторически обреченъ былъ почти всецѣло на одну страдную, физическую работу, и потому не имѣлъ вовсе досуга и возможности са-

†) Кольба Статист., 259.

††) «Дѣло», 1868 г , № 1.

мостоятельно додуматься до научно-интеллектуальной работы. А потомъ, особенно съ XVII вѣка и въ началѣ XVIII столѣтія, онъ особенно обремененъ былъ государственными работами, податями и повинностями, и потому вовсе не могъ принять участія въ усвоеніи европейскихъ наукъ, съ самаго начала умственно-образовательной реформы Петра Великаго. Дальнѣйшая же его исторія, исполненная тираніи бироновщины до вынужденности пугачевщины, еще болѣе не благопріятствовала его интеллектуальному развитію. Вопервыхъ, съ возрастающимъ преобладаніемъ и усложненіемъ матеріальныхъ потребностей огромной имперіи — военныхъ, податныхъ и пр., — въ правительствѣ преобладалъ и увеличивался запросъ не на интеллектуальныя, а на матеріально-производительныя, физическія силы народа, и съ развитіемъ табели о рангахъ и сословности установился взглядъ на простой, рабочій народъ какъ исключительно на податное и государственно-рабочее сословіе, которому вовсе не нужно такое высшее интеллектуальное развитіе, какъ дворянству. Вслѣдствіе этого, податной народъ, обязанный государству рекрутчиной, податями, повинностями и разными государственными работами, вовсе лишенъ былъ возможности преобразовываться или возрождаться, путемъ высшаго европейскаго просвѣщенія, путемъ естественно-научнаго раціонализированія своей міросозерцательной, рабочей и экономической мыслительности, изъ до-петровскаго невѣжественно-рабочаго класса въ классъ образованно-рабочій, естественно-научно работающій и мыслящій. Онъ долженъ былъ только физически работать и выработывать средства Имперіи. Слѣдовательно, ему и некогда было учиться и развиваться интеллектуально. Податное состояніе слишкомъ затрудняло для бѣдныхъ низшихъ, рабочихъ классовъ доступъ къ высшему университетскому ученью. Наприм. указомъ 10 ноября 1809 года повелѣно студентовъ, поступающихъ изъ податнаго состоянія, исключать изъ оклада не прежде, какъ по окончаніи ими полнаго курса ученія въ университетахъ. Причина постановленія такъ выражена первыми словами указа: «Учрежденіемъ въ Имперіи Нашей университетовъ желали мы доставить способы подданнымъ всѣхъ состояній почерпать въ нихъ познанія въ высшей степени. Симъ открыли мы поприще для усовершенія талантовъ отличныхъ; но однимъ вступленіемъ въ университетъ мы не имѣли намѣренія освободить состоянія, въ окладъ положенныя, отъ общей имъ повинности; ибо сіе вступленіе не представляетъ еще отечеству члена, образованнаго по намѣренію нашему.» †) Если мы возьмемъ въ сообра-

†) Истор. москов. унив., 401.

женіе бѣдность наибольшей части податнаго народа, что мы увидимъ дальше въ статьѣ объ экономическихъ условіяхъ интеллектуальнаго развитія въ Россіи, то легко поймемъ, какъ затруднительно было для податныхъ молодыхъ людей прохожденіе, съ бременемъ податныхъ обязанностей, полнаго курса университетскаго ученія. Вовторыхъ, съ усиленіемъ сословныхъ претензій и тенденцій дворянства и съ началомъ и усиленіемъ реакцій, высшее научное развитіе мыслительности рабочаго народа или низшихъ классовъ, по ложному и безчеловѣчному предубѣжденію, навѣянному Де-Местрами, Руничами, Магницкими и ультра-дворянами-крѣпостниками, признавалось вообще ненужнымъ, невыгоднымъ и даже опаснымъ для государства. Въ началѣ XIX столѣтія даже въ литературѣ раболѣпно высказывалась идея сословнаго ограниченія развитія народной мыслительности. Нѣкоторые писатели начертывали для низшихъ классовъ самую ограниченную, сословную программу ученія. Наприм. Пнинъ въ 1804 году писалъ: «земледѣльцевъ довлѣетъ обучить только чтенію, письму, первымъ дѣйствіямъ ариѳметики, сельской механикѣ, скотоводству, обработкѣ полей; мѣщане могутъ взять въ толкъ уже грамматику, географію, введеніе во всеобщую исторію и главныя эпохи русской исторіи, геометрію и даже тригонометрію, естественную исторію, технологію, физику и практическія знанія, полезныя для промышленности.» Въ купеческомъ сословіи, къ этимъ предметамъ присоединяются нѣкоторые другіе, какъ наприм. англійскій языкъ, алгебра, простая и двойная бухгалтерія, исторія коммерціи, товаровѣдѣніе и пр., но вся роскошь познанія приберегается для дворянскаго класса, которому, сверхъ многихъ названныхъ предметовъ, дозволительно изощрять свои умственныя способности изученіемъ юридическихъ наукъ. Въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» (1804—1805) Мартыновъ проводилъ такія же идеи: крестьянину, по его мнѣнію, нужно было давать въ общественныхъ училищахъ только такія познанія, которыя сопряжены съ его отношеніемъ и нуждами его состоянія: поправить соху, употребить простое механическое средство къ уменьшенію числа рукъ въ работѣ есть для него неоцѣненное пріобрѣтеніе. «Но — продолжаетъ авторъ — поселянинъ долженъ пользоваться только практическимъ приведеніемъ въ дѣйствіе и выгодою изобрѣтенія; изученіе же ведущихъ къ тому математическихъ истинъ, сопряженное съ многочисленными предварительными свѣдѣніями, не должно лишать его времени, столь нужнаго для воздѣлыванія земли. Вообще, всякій человѣкъ, снискивающій себѣ пропитаніе тяжелой работой, выходитъ изъ своего состоянія, если возбуждается въ немъ наклонность къ умственнымъ упражнені-

ямъ.» «Сѣверный Вѣстникъ» хвалилъ книгу Гельмана, въ которой границы народнаго образованія опредѣлялись слѣдующимъ образомъ: «не всѣ состоянія народа должны получать одинаковое просвѣщеніе. Науки, такъ-называемыя свободныя художества и всѣ тѣ наставленія, которыя составляютъ воспитаніе человѣка государственнаго, совсѣмъ неприличны для черни и даже вредны въ отношеніи къ общественному благоденствію. Сохрани насъ Богъ, если весь народъ будетъ состоять изъ ученыхъ, діалектиковъ, замысловатыхъ головъ.» †) Этихъ идей тѣмъ съ большею энергіею держалось правительство. Въ 1827 году изданъ былъ высочайшій рескриптъ на имя министра народнаго просвѣщенія, адмир. Шишкова, о недопущеніи дѣтей низшихъ сословій въ университеты. Въ рескриптѣ этомъ высочайшая воля выражена была такъ: «предметы ученія и самые способы преподаванія должны быть повозможности соображаемы съ будущимъ вѣроятнымъ предначертаніемъ обучающихся, и чтобы каждый, вмѣстѣ съ здравыми, для всѣхъ общими понятіями о вѣрѣ, законахъ и нравственности, пріобрѣталъ познанія, наиболѣе для него нужныя; и не бывъ ниже своего состоянія, также не стремился чрезъ мѣру возвыситься надъ тѣмъ, въ коемъ, по обыкновенному теченію дѣлъ, ему суждено оставаться.» Далѣе рескриптомъ этимъ узаконено, чтобы «въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а равно и въ гимназіяхъ и равныхъ имъ по предметамъ преподаванія мѣстахъ, принимались въ классы и допускались къ слушанію лекцій только люди свободныхъ состояній,» чтобы «помѣщичьи крѣпостные крестьяне и дворовые люди могли, какъ и доселѣ, невозбранно обучаться въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ.» ††) Несмотря, однакожъ, на такія ограниченія, благодаря невольному вліянію умственно-возбудительныхъ импульсовъ европейскихъ наукъ, пробуждалась понемногу и мыслительность народная, и въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ приливъ молодыхъ людей изъ низшихъ сословій умножался. Правительство же, съ своей стороны, продолжало смотрѣть несимпатично на это возбужденіе умственныхъ потребностей и стремленій въ низшихъ классахъ народа. Оно утвердилось въ томъ убѣжденіи, что «высшее образованіе для низшихъ слоевъ народа безполезно, составляетъ роскошь для нихъ, выводитъ ихъ изъ круга ихъ первобытнаго состоянія безъ выгоды для себя и для государства.» Вслѣдствіе этого министръ народнаго просвѣ-

---

†) Пятковскаго «Русская журналистика при Александрѣ I». «Дѣло» 1868 г. № 2, стр. 201, и № 3, стр. 211—212.

††) «Ж. м. н. просвѣщ », ч CXXI, отд. II, стр. 160.

щенія въ 1845 году въ докладѣ своемъ писалъ: «имѣя въ виду, что въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ замѣчается очевидно умножающійся приливъ молодыхъ людей, отчасти рожденныхъ въ низшихъ слояхъ общества, для которыхъ высшее образованіе безполезно, составляя роскошь для нихъ и выводя ихъ изъ круга первобытнаго состоянія, безъ выгоды для нихъ и для государства, я нахожу необходимымъ, по собственному убѣжденію и по предварительному соизволенію вашего императорскаго величества, не столько для увеличенія экономическихъ суммъ учебныхъ заведеній, сколько для удержанія стремленія юношества къ образованію въ предѣлахъ нѣкоторой соразмѣрности съ гражданскимъ бытомъ разнородныхъ сословій — возвысить сборъ платы съ учащихся въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.» И плата была возвышена отъ 5 до 30, 40 и 50 рублей. Но такъ какъ въ «приватные слушатели», какіе существовали въ университетахъ до 1847 года, все-таки допускались и лица изъ податныхъ сословій, то въ 1847 году, вслѣдствіе записки министерства народнаго просвѣщенія, высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта, разрядъ приватныхъ слушателей на будущее время совсѣмъ упразднялся. «Эта мѣра — сказано было въ запискѣ — оказывается тѣмъ болѣе необходимою, что она согласуется съ видами правительства ограничить необузданное стремленіе молодыхъ людей изъ низшихъ сословій къ высшему образованію, изъемлющему ихъ изъ первобытнаго состоянія безъ пользы для государства.» Въ тоже время министръ народнаго просвѣщенія повторялъ мнѣніе, что высшее развитіе мыслительности низшихъ классовъ вредно. Онъ утверждалъ, что преимущество въ высшемъ образованіи должно быть отдаваемо дворянамъ, «какъ потомкамъ древняго рыцарства», «тѣмъ болѣе, что лица низшаго сословія, выведенныя посредствомъ университетовъ изъ природнаго ихъ состоянія, не имѣя по большей части никакой недвижимой собственности, но слишкомъ много мечтая о своихъ способностяхъ и свѣдѣніяхъ, гораздо чаще дѣлаются людьми безпокойными и недовольными настоящимъ порядкомъ вещей.»†) Такимъ образомъ, мыслительность низшихъ классовъ народа исключалась изъ сферы естественнаго права общечеловѣческой мыслительности, и заключалась въ неподвижный «кругъ первобытнаго, природнаго состоянія», слѣдовательно въ заколдованный кругъ сенсуально-галлюцинаціоннаго и миѳологическаго міросозерцанія. И потому, непосредственно-натураль-

†) «Журн. мин. нар. просвѣщ.», 1865.

ный сенсуально-реалистическій умственный складъ рабочаго русскаго народа, воспитанный его вѣковой физической, реальной работой въ сферѣ природы, не могъ раціонализироваться научно-теоретическою мыслительностью и физически-рабочее, непосредственно-сенсуальное стремленіе его къ естествознанію лишено было возможности найти полное удовлетвореніе и плодотворное развитіе въ высшемъ раціонально-научномъ естествознаніи, что дальше мы и увидимъ, когда будемъ говорить о слѣдствіяхъ вѣковаго отсутствія предварительнаго генеративно-послѣдовательнаго развитія народной мыслительности.

Наконецъ, мыслительность низшихъ классовъ народа не могла развиваться еще и потому, что она сильно сжата и забита была вѣковой школой ихъ крѣпостнаго состоянія и воспитанія. Крѣпостное право полтораста или двѣсти лѣтъ подавляло въ народѣ всякую разумно-свободную мыслительность, и чѣмъ дальше развивалось, тѣмъ больше отнимало у народа право мысли. Во второй половинѣ XVIII вѣка помѣщики проповѣдывали такіе принципы: «прежде всего надлежитъ стараться, чтобы земледѣльцы и бобыли о своихъ дѣлахъ разсуждали такъ, что они трудятся не для одной только своей пользы, но обязаны быть безпрекословными данниками, не воображая никакихъ въ своемъ званіи невозможныхъ случаевъ, а притомъ представлять себѣ въ примѣръ военныхъ людей, которые за отечество предаются во всѣ опасности и жертвуютъ самою жизнію. Они исполняютъ по волѣ повелителя все, что до ихъ должности принадлежитъ, и ни въ какихъ случаяхъ невозможностію не отрекаются, и изъ сего видно, до чего можно довести людей чрезъ порядокъ и внушеніемъ приличныхъ до званія ихъ мыслей.» †) Такимъ образомъ, учители крѣпостнаго права смотрѣли на естественное право народной мысли съ точки военной дисциплины и отрицали въ народѣ всякое право разумно-свободной мыслительности и умственной самоопредѣляемости. Могло ли тутъ быть интеллектуальное развитіе въ этой вѣковой школѣ военно-крѣпостной дисциплины въ школѣ отрицанія народной мысли и умственнаго безправія народнаго. Помѣщики, находя невыгоднымъ для себя умственное развитіе народа, рѣшительно отрицали развитіе народной мысли. Бецкій говоритъ о помѣщикахъ: «имѣя крѣпостныхъ людей, не думаетъ онъ (помѣщикъ), чтобы они

†) Труды вольн. эконом. общ. ч. XV, собраніе экономич. правилъ, стр. 164 — 244. Смотри брошюру г. Муллова: «заботы объ улучшеніи быта крестьянъ въ XVIII стол.», 55.

полезны и надобны были къ иному чему, кромѣ обыкновенной въ домѣ службы, либо за нимъ ѣздить, утверждаетъ притомъ смѣло, что наставленіе въ нравоученіи, касающемся до гражданской жизни, имъ не только не потребно, но еще не полезно и вовсе ненадобно. Въ заключеніе суровымъ голосомъ скажетъ: «не хочу, чтобы философами были тѣ, кои мнѣ служить должны». Коль бѣденъ человѣкъ, такимъ образомъ ослѣпившійся! Иль того ты не видишь, что тотъ самый крѣпостной, котораго ты столь презираешь, и всѣми мѣрами дѣлаешь свирѣпымъ звѣремъ, первый будетъ наставникъ твоему сыну, въ которомъ, однакожъ, ты все свое полагаешь благополучіе и всю надежду. Тотъ самый крѣпостной или крѣпостная первый будетъ наперсникъ или наперсница, первый другъ или подруга сыну твоему или дочери твоей. Дѣти твои напитаются съ первымъ млекомъ, въ первые годы возраста, всѣми пороками, всею грубостью, всѣми худыми разговорами отъ сихъ рабовъ, которыхъ столь гордо и столь надменно презираешь. Дѣти твои будутъ у нихъ въ рукахъ и въ полной власти до самаго времени юношества и далѣе.» †) Лучшій, просвѣщеннѣйшій изъ помѣщиковъ XVIII вѣка, Рычковъ, сознавался, говоря объ образованіи помѣщичьихъ крестьянъ: «извѣстно, что у насъ существуютъ нетолько небольшія, но и огромныя деревни, въ которыхъ нѣтъ ни одного человѣка, умѣющаго читать и писать. Въ этомъ отношеніи насъ превосходятъ всѣ европейскіе народы. Даже татары, въ нашей имперіи живущіе и содержащіе законъ магометанскій, въ томъ насъ посрамляютъ.» ††) И если нѣкоторые помѣщики учреждали школы для своихъ крестьянъ, то, вопервыхъ, весьма рѣдко, вовторыхъ — съ самой ограниченной и забивающей системой ученья. Напр. тотъ же Рычковъ требовалъ, чтобы «только наиболѣе понятныхъ и надежныхъ мальчиковъ обучать письму, и то, однакожъ, столько, чтобы въ деревнѣ, имѣющей 100 душъ, писать умѣющихъ крестьянъ болѣе 2 или 3 человѣкъ не было: ибо примѣчается, что изъ такихъ людей — научившіеся писать знаніе свое нерѣдко во зло употребляютъ сочиненіемъ фальшивыхъ паспортовъ» и т. п. †††) Въ 1810 г. одинъ помѣщикъ въ своемъ сочиненіи подъ заглавіемъ: «практическое защищеніе противъ иностранцевъ» изложилъ цѣлую оригинальную теорію или систему крѣпостнаго права, требуя образовать изъ по-

---

†) Уст. моск. воспитат. дома, ч. III, гл. VI, ст. 225—228.

††) Мулловъ, «Заботы объ улучш. быта крест. въ XVIII в.», 47.

†††) Ibid., 48.

мѣщиковъ наслѣдственныхъ полиціймейстеровъ государства и раздѣлить губерніи на помѣщичьи полицейскія части. «Крѣпостное право, — писалъ онъ, — поставляющее преграду для вольности, весьма драгоцѣнно въ моихъ глазахъ, и какъ не дорожить имъ? Оно въ пространномъ отечествѣ облегчаетъ всѣ средства къ нравственному надзору и благотворенію, оно на вѣки, что оный пукъ стрѣлъ, въ притчѣ наслѣдованной нами отъ скифовъ, нашихъ предковъ, останется неразвязаннымъ» и пр. Образованіе своихъ крестьянъ этотъ помѣщикъ устроилъ такъ: «Училище состоитъ подъ вѣдомствомъ моей думы. Она отпускаетъ на оное ежегодно цѣну 130 дней рабочихъ (около 40 р.; цѣна дня земледѣльч. работы 30 коп.); цѣна 100 дней работы идетъ на жалованье учителю. При испытаніи учениковъ постороннихъ посѣтителей постановлено за правило не имѣть; ибо въ простомъ семъ училищѣ, основанномъ на началахъ христіан. религіи, не терпится ни одно изъ средствъ, которыя съ нею не согласуютъ. Предметы ученія совершенно усвоены ограниченному кругу зрѣнія земледѣльца, даже преподаются они такимъ образомъ, что, представляя назначеніе учениковъ самымъ благословеннымъ и уваженія достойнымъ, они не производятъ въ ихъ сердцахъ другихъ желаній. На поступленіе въ университетъ могутъ получать отпускную дѣти поселянъ, обнаружившіе таланты необыкновенные, только подъ тѣмъ условіемъ, если губернское начальство возьметъ на себя понужденіе законнымъ порядкомъ выбывающаго молодаго поселянина ко взносу опредѣленной цѣны 2000 дней земледѣльческой работы.» †) При такихъ условіяхъ, понятно, какъ трудно было крѣпостнымъ людямъ поступать въ университетъ. И мы видѣли уже, какъ вообще крѣпостнымъ людямъ затрудненъ былъ доступъ къ университетскому ученью. Ихъ не принимали въ московскій университетъ, и въ проектахъ новыхъ университетовъ, а также во многихъ позднѣйшихъ распоряженіяхъ относительно университетовъ, они также исключались изъ разряда лицъ, имѣвшихъ право поступать въ университеты. Такимъ образомъ, крѣпостное право цѣлыхъ 20 милліоновъ народа лишало умственной жизни, естественнаго права высшаго ученья и мышленія и, проповѣдуя имъ военно-крѣпостную дисциплину тупоумія, обидно съуживая горизонтъ мысли и знанія ихъ рабскими понятіями, забивая ихъ умственныя, мыслительныя способности кодексомъ завѣтныхъ, крѣпостническихъ идей и догматовъ, естественно убивало въ нихъ и всякую охоту и любовь

---

†) «Практич. защищ. противъ иностр.» въ «Чт. общ.», 160, 165—166.

къ ученью и знанію. Удивительно ли, послѣ этого, если крестьяне смотрѣли на помѣщичье, крѣпостное образованіе какъ на барщину. Въ одномъ № «Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1863 годъ въ примѣчаніи къ статьѣ: «о первоначальномъ образованіи нашего народа» выставленъ, какъ доказательство трудности образовать крестьянъ при бывшемъ крѣпостномъ правѣ, фактъ, доказывающій отчасти, до какой степени понятія крестьянъ извращены были крѣпостнымъ правомъ. Именно, въ полтавской губерніи замѣчено было: «послѣ обнародованія положенія 19 февраля въ нѣкоторыхъ деревняхъ губерніи мальчики перестали собираться для ученья въ школы, заведенныя помѣщиками. Когда помѣщики захотѣли узнать, отъ чего это произошло, то оказалось, что отцы учениковъ и сами ученики считали обученіе грамотѣ за панщину и, получивъ волю, не считали нужнымъ уже и ходить въ помѣщичью школу.» Такъ крѣпостное право даже отталкивало народъ отъ ученья, до такой степени самую мысль крестьянъ закабаляло игомъ крѣпостническаго ученья, или преподавало имъ такую тяжелую, отвратительную, убійственную дисциплину умственнаго рабства, что они бѣжали отъ крѣпостнаго ученья, какъ отъ барщины. †) Наконецъ, крѣпостное право и въ самомъ дворянствѣ препятствовало здоровому развитію мысли, извращало его образъ мыслей, складъ понятій и все его міросозерцаніе, особенно соціальное, поселяло въ немъ боязливое недовѣріе и нетерпимость къ разуму, не дозволяло ему, въ качествѣ передоваго сословія, быть раціонально-мыслящимъ классомъ и смѣло идти путемъ строго-послѣдовательной, раціональной, логической мысли. Разумъ и свободная мысль были страшны для помѣщиковъ прошлаго времени, потому что послѣдніе логическіе выводы свободной мысли, послѣднія логическія рѣшенія разума представляли, между прочимъ, страшное для прежнихъ помѣщиковъ и рѣшительное отрицаніе такого аномальнаго, противо-разумнаго «скифскаго пука стрѣлъ», какъ крѣпостное право и т. п. Поэтому, когда, благодаря вліянію идей западнаго разума, со второй половины прошлаго столѣтія, и особенно въ первые годы царствованія императора Александра I-го, стала зараждаться идея освобожденія крестьянъ, наши помѣщики прошлаго времени съ злобой завопили противъ лжеименнаго разума. Они убоялись свободнаго развитія русской мысли и стали его отрицать: «Развѣ не видѣли мы, — восклицалъ одинъ помѣщикъ, опровергая книгу графа Стройновскаго «Объ условіяхъ съ крестьянами», — развѣ не видѣли мы царства разума во Франціи? Развѣ не подъ его

---

†) Очерки, 1863 г. № 43.

владычествомъ ниспроверженъ престолъ и звѣрски истребленъ весь родъ сидѣвшаго на немъ, разрушена вѣра, законы, родство? Развѣ не во имя разума милліоны французовъ отреклись отъ сознанія Всевышняго, дѣти отъ признательности родителямъ, а сіи отъ вѣчной обязанности противъ нихъ, расторглись всѣ связи общежитія, пали всѣ узы, соединяющія людей... Все сіе было и происходило въ глазахъ нашихъ. Кто осмѣлится сказать: нѣтъ!» †) Графъ Растопчинъ, въ такихъ же замѣчаніяхъ своихъ на книгу Стройновскаго, нападалъ на «вольность», на Руссо, на французскую революцію и, излагая свою мудрую философію крѣпостнаго права, писалъ: «такъ какъ есть во всѣхъ сословіяхъ много людей, кои ослѣпляются ложнымъ блескомъ, не имѣютъ довольно силы въ разсудкѣ, или не хотятъ имъ дѣйствовать отъ лѣни и отъ непривычки, то я и намѣренъ представить имъ истину, извлекши ее изъ точнаго положенія сословій въ Россіи. Но для тѣхъ, кои выпускаютъ Россію изъ головы ихъ, какъ Юпитеръ Минерву, кои, уничтожая въ умствованіяхъ старый свѣтъ и сотворя новый, — устроеваютъ въ немъ благосостояніе рода человѣческаго и видятъ предъ собою всякую минуту предбудущаго вѣка, для мудрецовъ, хотя они будутъ писать, говорить, или представлять мнѣ ихъ системы въ китайскихъ тѣняхъ, или въ фантасмагоріи, я и глухъ, и нѣмъ, и слѣпъ.» ††) Украинскій помѣщикъ, Каразинъ, въ мнѣніи своемъ объ указѣ 23 мая 1816 года, возставалъ противъ «репрезентаціи народа», трактуя о «началѣ монархіи разлитомъ во всей вселенной», — изображая плачъ и бѣдствія крестьянъ въ случаѣ освобожденія ихъ и совѣтуя раздѣлить всю Россію «однимъ манифестомъ мудрости» на помѣщичьи губерніи и уѣзды, съ предоставленіемъ помѣщикамъ земской полиціи, также возстаетъ противъ философіи XVIII вѣка и взываетъ: «пора уже смотрѣть на вещи безпристрастно, глазами прямыми, а не въ стекла философіи XVIII вѣка.» †††) Подъ вліяніемъ такого отрицанія разума и свободнаго развитія мысли воспиталась не одна генерація помѣщичьихъ дѣтей.

Таковы были, въ общихъ чертахъ, главныя соціально-бытовыя, историко-педагогическія условія, подъ вліяніемъ которыхъ должна была развиваться народная и общественная мыслительность. Какъ византійская педагогика и доктрина, такъ и государственная народообразовательная си-

---

†) «Чт. общ.» 1860, кн. 2, отд. V, стр. 196.
††) Ibid., 207.
†††) Ibid., 225.

стема не имѣли своей задачей собственно развитіе и изощреніе интеллектуальныхъ, мыслительныхъ способностей народа и всеобщей самодѣятельности мышленія. Главная задача и дѣятельность ихъ состояла въ регулированіи, въ направленіи народной и общественной мысли, въ сообщеніи своего тона и направленія народному умонастроенію и міросозерцанію. Поэтому, всеобщая самодѣятельность мышленія и умственныя, мыслительныя способности народа не могли развиваться и не развивались ни подъ вліяніемъ византійской педагогической доктрины, ни подъ руководствомъ государственной, народообразовательной системы. Вслѣдствіе этого понятно, почему у насъ не было такого предварительнаго, генеративно-послѣдовательнаго историческаго развитія и изощренія теоретической народной мыслительности, какое было на западѣ до XV вѣка, почему у насъ вплоть до Петра Великаго не развивалась генерація раціонально-мыслящаго класса, не образовалась эта школа свободныхъ мыслителей (école de libres penseurs), которая на западѣ была предтечей геніевъ естествоиспытанія — Коперника, Кеплера, Галилея, Ньютона и т. д., и почему, наконецъ, у насъ рабочій народъ, преобладавшій надъ интеллектуальнымъ классомъ, не имѣвшій во главѣ своей умственной жизни мыслящаго класса, несмотря на всю свою естественную, непосредственно-чувственную наклонность къ естественно-научному сенсуализму и реализму, самъ не могъ доработаться и додуматься до раціонально-теоретическаго, естественно-научнаго реализма и міросозерцанія. Вообще, слѣдствія этого характеристическаго факта нашей умственной исторіи — вѣковаго отсутствія предварительнаго развитія мыслящаго класса и изощренія умственныхъ, мыслительныхъ способностей народа посредствомъ всеобщей, теоретической самодѣятельности мышленія — въ высшей степени важны, существенны и доселѣ еще слишкомъ ощутительны въ нашей народной и общественной умственной жизни. Поэтому, мы теперь обратимъ вниманіе хотя на нѣкоторыя изъ этихъ слѣдствій.

Вопервыхъ, вслѣдствіе вѣковаго отсутствія предварительнаго, генеративно-послѣдовательнаго историческаго развитія и изощренія мыслительныхъ способностей русскаго народа посредствомъ всеобщей самодѣятельности мышленія, при неблагопріятныхъ для развитія мысли историко-педагогическихъ условіяхъ, низшія познавательныя способности — внѣшнія чувства и память — долго попрежнему преобладали надъ теоретическимъ разумомъ и мышленіемъ и въ эпоху введенія европейскихъ наукъ въ Россіи. Послѣ тысячелѣтняго періода первобытнаго преобладанія непосредственно-натуральной познавательной дѣятельности низшихъ интеллектуальныхъ способностей — внѣшнихъ чувствъ и памяти — надъ

всеобщею самодѣятельностью мышленія, разсудка, — Петръ Великій, первый въ России геній разума, мысли, сталъ вводить умственную жизнь русскаго народа въ періодъ высшей, разсудочной, логической работы, въ періодъ раціональной теоретической мыслительности. Корбъ такъ изобразилъ эту энергическую рѣшимость Петра Великаго возбудить въ русскомъ народѣ умственную, мыслительную дѣятельность: «заскорузлые въ нелѣпыхъ старинныхъ понятіяхъ бояре говорили: московитяне къ научнымъ занятіямъ не способны, и потому расходы на сей предметъ окажутся совершенно безполезными; вы только изнурите понапрасну и себя и своихъ подданныхъ.» — «По вашему мнѣнію,—отвѣчалъ имъ на это Петръ, — мы родились отъ природы менѣе счастливо, чѣмъ другіе народы; Богъ, по вашему сужденью, далъ намъ душу ни къ чему неспособную! Между тѣмъ, какъ у насъ такія же руки, глаза и тѣлесныя способности, какъ и у людей другихъ народовъ, которымъ даны они для развитія ума; почему же мы только выродки человѣческаго рода и должны имѣть умъ неразвитый? Почему же мы только одни недостойны науки, облагораживающей всѣхъ прочихъ людей? Нѣтъ, такой же умъ и у насъ, мы также будемъ успѣвать какъ и другіе, ежели только захотимъ. Всѣмъ людямъ природа одинаково дала начала и сѣмена добродѣтелей, всѣмъ предназначено ими пользоваться, и какъ только кто возбудитъ въ людяхъ эти сѣмена и начала, то всѣ хорошія качества души вполнѣ пробуждаются.» †) И вотъ, Петру Великому принадлежитъ великая иниціатива возбужденія разума, раціональной, научно-теоретической, разсудочной мыслительности русскаго народа. Въ геніѣ самого Петра, въ раціонализмѣ его умственно-преобразовательныхъ идей, впервые зародился эмбріонъ раціональной, теоретической русской мысли, и потомъ, путемъ генеративно-послѣдовательнаго развитія, унаслѣдывался и выражался такими зачатками научно-раціональной теоретической мысли, какъ наприм. мысль Ѳеофана Прокоповича, Кантеміра, Ломоносова, Татищева, первыхъ лучшихъ русскихъ профессоровъ московскаго университета и т. д.

Но само собою понятно, что въ массѣ русскаго народа и общества, послѣ изстариннаго, тысячелѣтняго, генеративно-послѣдовательнаго воспитанія и господства однихъ низшихъ, сенсуальныхъ познавательныхъ способностей, при неблагопріятныхъ для развитія мысли историко-педагогическихъ условіяхъ, не вдругъ могла зародиться высшая, теоре-

†) «Дневникъ Іоанна Георга Корба» 1698—1699 г. Москва 1868.

тическая мыслительность, высшая, сложнѣйшая логическая работа мышленія, дотолѣ не развившаяся генеративно-послѣдовательно. Именно, это изстаринное, тысячелѣтнее воспитаніе, упражненіе и господство низшихъ, сенсуальныхъ умственныхъ способностей и было, въ свою очередь, первою, существенною причиною медленнаго и ограниченнаго развитія раціональной, теоретической мыслительности русскаго народа. Византійская система ученія и воспитанія, своимъ абсолютнымъ догматизмомъ, не допускавшимъ разсудочнаго мышленія и сужденія, своею чувственно-образною, внѣшне-обрядовою педагогикой и чисто меморіальной доктриной вѣчнаго преданія, поддерживала и укореняла въ народѣ господство внѣшнихъ чувствъ и памяти надъ разумомъ и разсудочною мыслительностью. Вслѣдствіе этого, лишь только зародился отъ генія Петра Великаго самый первый и самый слабый эмбріологическій зачатокъ пытливой раціональной мысли, онъ тотчасъ же вскружилъ и возмутилъ всѣ немыслящія или, по выраженію Петра, безразсудныя дурацкія головы, воспитанныя первобытнымъ грубымъ сенсуализмомъ и восточно-византійскою чувственно-образностью. По свидѣтельству Кантеміра, одни, вродѣ Критона, стоя за твердую память византійскаго преданія вѣры и догматическаго отрицанія мысли, «съ чотками въ рукахъ ворчали — вздыхали, что появилась въ Россіи какая-то пытливая мысль», что «теперь толкуютъ, разсуждаютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину, мало подая вѣры священному чину»; а другіе, вродѣ Сильвана, вопили, что «доводомъ рѣчь утвердить подлыхъ есть дѣло», что «съ ума сошелъ, кто испытываетъ, чтобы строй міра и вещей вывѣдать перемѣну или причину», и кто изучаетъ химію, астрономію, физику, алгебру, геометрію, металлургію, медицину и философію; а третьи, вродѣ Луки-пьяницы, стояли за все то, что «всѣ тяжкія мысли убиваетъ», т. е. что избавляетъ отъ всякаго головоломнаго напряженія мышленія или глубокомыслія. †) Всѣ «хулители» научно-пытливой, разсудочной мысли стояли за старый непосредственно-житейскій, поверхностно-чувственный опытъ, говорили, что внѣшнія чувства и память, въ теченіе жизни, научаютъ человѣка всему нужному и что ему вовсе не нужно ломать голову надъ изысканіемъ причинъ и сущности вещей, не нужно никакихъ теоретическихъ изслѣдованій, никакихъ наукъ. Кантеміръ въ «посланіи къ князю Трубецкому», по этому поводу, долженъ былъ доказывать, что человѣкъ

---

†) Сатира «на хулящихъ ученіе» или «къ уму моему». См. также сатиру «на гордость дворянъ».

становится умнѣе не отъ числа прожитыхъ лѣтъ, слѣдов. не отъ числа отдѣльно запомянутыхъ чувственныхъ впечатлѣній, но отъ умственнаго накопленія и логическаго осмысленія разсудочныхъ выводовъ изъ чувственныхъ данныхъ природы и жизни, слѣдов. отъ развитія мысли,—что поверхностно-чувственный житейскій опытъ, или эмпиризмъ жизни, обогащаетъ насъ только поверхностною опытностью и то въ позднюю пору, а наука дѣлаетъ насъ искусными и въ молодости,—что старые, но неученые люди знаютъ только предметы и явленія, а ученые, хотя и молодые, понимаютъ причины явленій и сущность предметовъ. †) Ломоносовъ тоже кругомъ въ умственной жизни русскаго народа видѣлъ преобладаніе стараго верхоглядно-чувственнаго и потому безсмысленно-суевѣрнаго смотрѣнія и слушанія внѣшнихъ явленій и звуковъ природы и крайнюю неразвитость умственнаго, глубокомысленнаго всматриванья въ сущность вещей. Потому онъ, какъ увидимъ дальше, усиленно доказывалъ, съ одной стороны, крайнюю недостаточность этого стараго, до-петровскаго безсмысленнаго смотрѣнія на внѣшность вещей, съ другой — необходимость умственнаго, естествоиспытательнаго углубленія въ самую сущность и причины вещей и явленій, необходимость логическихъ выводовъ изъ чувственныхъ опытовъ и наблюденій «теоріи» или «мысленныхъ физическихъ предложеній». Органу зрѣнія, не вспомоществуемому мышленіемъ, какъ малосильному органу одного поверхностнаго созерцанія внѣшности вещей, Ломоносовъ противопоставлялъ зрѣніе разсужденія, око остроумія и физическія очи математики. ††) Какъ внѣшнія чувства, такъ и память зрительная, осязательная и особенно слуховая также еще преобладала надъ разсудочною мыслительностью. Потому-то твердая и упорная память старины представляла при Петрѣ Великомъ и послѣ его смерти главную умственную оппозицію противъ европейской раціональной, разсудочной мыслительности. Память, и именно память старины выразилась въ этой боярской партіи старины первой половины XVIII вѣка, которую иностранцы называли partie de vieux. †††) Преобладаніе памяти надъ разсудкомъ выразилось и въ упорно-оппозиціонной раскольничьей памяти старины, или, какъ выражался Петръ, въ «безразсудномъ, дурацкомъ расколѣ». Потому же, у старообрядческихъ писателей

---

†) Галахова, «Истор. русск. литерат.», 323.

††) Сочин. Ломоносова. Спб. 1803, ч. III, стр. 1—5, 9—11, 18, 147—148 и мн. др.

†††) «Cour de la Russie». Также записки Рондо, де-Лиріи.

и доселѣ высшимъ талантомъ признается «память важная, твердая» и пр. Извѣстный библіографъ или историкъ старообрядческій, Павелъ Любопытный, составившій «библіотеку старовѣрческой церкви» или «библіографію 936 сочиненій 43 старобрядческихъ писателей» и «историческій словарь старовѣрческой церкви» (1828) съ характеристикой авторскихъ достоинствъ 86 писателей, — о большей части своихъ писателей отзывался такъ: «памяти важной, памяти крѣпкой, памяти рѣдкой, памяти хорошей, строгій блюститель суевѣрныхъ преданій, великій любитель благочестивыхъ предметовъ древности и оныхъ рѣдкій снискатель, рѣдкій собиратель священныхъ предметовъ древности и предковъ своихъ твореній, соборовъ и мышленій догматизма и обычаевъ, отличный собиратель и хранитель предковъ своихъ догматовъ и церковныхъ ихъ мышленій» и т. п. †) При такомъ преобладаніи внѣшнихъ чувствъ и памяти надъ разсудкомъ, понятно, что и разсудочная, раціонально-теоретическая интеллигенція и мыслительность еще не могла легко и быстро возбудиться въ первомъ послѣ-петровскомъ поколѣніи. Какъ ни заботился Петръ Великій о развитіи мыслящихъ, умныхъ головъ, о возбужденіи ума, мысли, и какъ ни твердили ученики его объ умѣ, вольными науками просвѣщенномъ, о мысленности и т. п.,— почти поголовно все первое послѣ-петровское поколѣніе, исключая немногихъ Ѳеофановъ Прокоповичей, Кантеміровъ, Ломоносовыхъ, Татищевыхъ, еще биткомъ набито было, по выраженію Петра Великаго и его учениковъ, «безразсудными, дурацкими головами», слѣдов. немыслящими, тупыми къ наукѣ умами. По выраженію писателей XVIII вѣка, «дурачество и тупость, непонятливость или неудобность, неприятіе и невзятіе наукъ» — вотъ характеристическія умственныя черты наибольшей части перваго послѣ-петровскаго поколѣнія. Мыслительныя способности русскихъ людей еще дотого были не развиты, что они не способны были еще, путемъ высшихъ, сложнѣйшихъ рефлексовъ головнаго мозга, или абстрактно-логическимъ процессомъ чистаго мышленія, не способны были еще обработывать въ головахъ сво-

---

†) «Чтен. общ. ист.» 1864, кн. 3, отд. II, стр. 1—177. Вмѣстѣ съ памятью у раскольничьихъ мыслителей господствуетъ воображеніе. Тотъ же Павелъ Любопытный такъ характеризуетъ сочиненія нѣкоторыхъ старобрядч. писателей, наприм. Як. Васильева Халина: «слабая и на предразсудкѣ и воображеніи глупой черни основанная апологія, что Наполеонъ Бонапарте врагъ міра и бичъ Европы и пр.; слабое, буквализмомъ и воображеніемъ черни исполненное разсужденіе о употребленіи сахара, что оный христіанствомъ не долженъ быть употребляемъ въ кушаньяхъ.» Ibid., 59.

ихъ даннаго внѣшними чувствами запаса простыхъ, элементарно-конкретныхъ, или непосредственно-предметныхъ впечатлѣній. Поверхностно, безсмысленно они видѣли, слышали, осязали и ощущали разные предметы и явленія природы и жизни. Особенно, вслѣдствіе нововведеній и преобразованій Петра Великаго, они разомъ увидѣли, услышали и вообще всѣми чувствами воспринимали много новыхъ предметовъ, формъ и наглядныхъ образцовъ. Но, вслѣдствіе неразвитости чисто головнаго, разсудочнаго процесса абстрактно-логической переработки сообщаемыхъ чувствами и памятью впечатлѣній, они не могли отчетливо и точно понимать всего того, что видѣли, слышали, осязали и ощущали, не могли, какъ говорится, переварить въ своихъ головахъ всего воспринятаго чувствами и сохраненнаго памятью конкретнаго матеріала. «Аще и видитъ, а подобенъ слѣпому, кто не ученъ и счета вести не умѣетъ», — такъ справедливо отзывался о необразованномъ русскомъ человѣкѣ духовникъ царевича Алексѣя Петровича въ письмѣ къ нему въ 1715 году. †) Особенно маловоспріимчива и тупа была дѣтская интеллигенція и мысль перваго послѣ-петровскаго поколѣнія къ европейскимъ наукамъ — математическимъ и другимъ. Нѣкоторые русскіе люди петровскаго времени, поэтому, даже отчаявались въ умственныхъ успѣхахъ русскаго народа и въ успѣхахъ интеллектуальной реформы Петра. «Напрасны, — говорили они Петру, — напрасны труды твои и издержки: головѣ и уму русскаго народа не доступны науки и знанія, московитяне не способны къ научнымъ занятіямъ.» ††) Въ школахъ цифирныхъ и математическихъ даже элементарныя науки не давались русскому уму. Учениковъ часто высылали изъ школъ назадъ, за неудобностію и непріятіемъ науки, какъ наприм. изъ казанской школы въ 1723 году. Въ новгородской школѣ, съ основанія ея до 1726 года, по извѣстію «Вѣдомостей» «несовершенно выучившихся наукамъ» было 21, а совершенно только 10 учениковъ. Изъ с.-петербургскаго александроневскаго училища, въ 1727 году, изъ 48 учениковъ 42 выбыли — «отстали отъ ученья за невзятіе науки и за скорбію». Изъ нижегородской школы, изъ 48 учениковъ за тупостью уволено было 11. †††) Вслѣдствіе первоначальной непонятливости русскаго молодаго поколѣнія, историкъ Миллеръ думалъ даже, что въ разночинцахъ русскихъ наука будтобы приняться не можетъ, по причинѣ отсутствія у нихъ всякаго пред-

---

†) См. дѣло царев. Алексѣя Петров. и переписку въ «Чтен. общ. истор.».

††) Корбъ.

†††) Пекарскаго «Наука и литер. при Петрѣ Вел.» I, 112, 114, 115, 119.

варительнаго воспитанія. †) Путешествуя заграницей для изученія наукъ, люди перваго петровскаго поколѣнія, по преобладанію сенсуальной воспріимчивости надъ разсудочной силою мышленія, разныя манеры солдатскаго строя, танцевъ и фехтованья по наглядкѣ легко усвояли, «а къ математикѣ приходили — только безъ дѣла сидѣли, понеже учиться невозможно, языку не знали, и наука самая трудная, не принять было.» ††) По причинѣ преобладанія верхоглядпаго сенсуализма надъ разсудочною силою пониманія и сужденія, заграницей у русскихъ не умъ прежде всего увлекался науками, не мысль возбуждалась, не зарождались въ головѣ новыя идеи, а главнымъ образомъ внѣшнія чувства поражались блескомъ и внѣшностью предметовъ, и притомъ увлекались преимущественно предметами церковно-обрядовыми, которые и дома привыкли созерцать больше всего. «Путешественника занимали — говоритъ г. Пекарскій — всего болѣе предметы, относящіеся до разныхъ церковныхъ обрядовъ, чудесъ, одеждъ и пр.; онъ описывалъ охотно и съ большими подробностями все видѣнное въ костелахъ, даже какъ были одѣты церковно-служители, изъ какой матеріи было сшито ихъ платье, цвѣтъ ея, сколько разъ стрѣляли изъ пушекъ въ Пасху, количество чтецовъ евангелія за обѣдней, мѣщанъ, участвовавшихъ въ процессіи, свѣчъ, горѣвшихъ предъ иконами. При видѣ памятниковъ его болѣе интересовала внѣшность памятника, но не мысль, не событіе, которое подало поводъ къ его сооруженію» и пр. †††)

До какой степени туго и медленно развивались разсудочныя, мыслительныя способности русскихъ въ первой половинѣ XVIII вѣка, можно отчасти видѣть также изъ слѣдственнаго дѣла о совѣтникѣ академіи наукъ Шумахерѣ (1742—1743). Переводчикъ Горлицкій говорилъ: «въ прошеніи де написано, что науки не скоро въ народѣ расплодятся, то де Шумахеръ сдѣлалъ такъ, что въ 18 лѣтъ нѣтъ ни одного профессора изъ русскихъ. Да онъ же Шумахеръ выбранныхъ по указу изъ московскихъ училищъ учениковъ, что ни лучшихъ остроумныхъ богослововъ и философовъ порекдъ и порицаетъ негодными и непонятными. И Шумахеръ показалъ, и по слѣдствію явилось, что, дѣйствительно, россійскаго народа ученыхъ людей для науки никого не сыскалось, и присланные изъ Москвы ученики нѣкоторые къ наукамъ явились не способны, а которые явились способны, тѣ обращаются

†) «Истор. москов. универс.», 127.
††) Пекар. I, 143, 150.
†††) Пекар. I, 146.

въ наукахъ.» Горлицкій говорилъ: «по проэкту уставлено ежегодно тремъ публичнымъ ассамблеямъ быть, а Шумахеръ оныя ассамблеи сочинялъ, на которыхъ профессоры разныя изобрѣтенія (по анатоміи, философіи и прочимъ наукамъ) предлагали на чужихъ языкахъ, совершенно для чужестранныхъ, а русскимъ, слышащимъ безъ пользы, нужда была вонъ выходить.» А Шумахеръ показалъ, и по слѣдствію явилось, что русскіе ученые, бывшіе при академіи переводчики: Сатаровъ, Ильинскій и онъ, Горлицкій, никакихъ изобрѣтеній на русскомъ языкѣ показать, изъяснить и истолковать не могли, да и во всю ихъ бытность ничего профессорамъ отъ нихъ никогда предложено не было, и онъ, Горлицкій, самъ о себѣ объявилъ, что онъ философію зналъ, только некако позабылъ... Бывшіе президенты и онъ, Шумахеръ, всячески старались, чтобы сыскать русскихъ ученыхъ, которые бы могли учениковъ обучать и науки въ совершенство приводить, — токмо де и понынѣ сыскать не могли; и чтобы и другія науки отправлять могли русскіе, онъ не знаетъ, ибо и понынѣ сыскать никого было не можно и пр. †) Правда, нѣмецъ Шумахеръ, извѣстный недобросовѣстностью, старался обходить, притѣснять, забивать и вытѣснять изъ академіи молодыхъ русскихъ ученыхъ, и уже дѣйствительно чрезмѣрно унижалъ умственныя способности русскихъ. Но зато и Горлицкій, съ своей стороны, былъ чрезмѣрно пристрастенъ къ русскимъ, тогда какъ на дѣлѣ дѣйствительно тогда юная русская мысль, за весьма немногими исключеніями, оказывалась еще весьма незрѣлою и некомпетентною въ области науки.

Во второмъ послѣ-петровскомъ поколѣніи разсудочная способность, теоретическая мыслительность представляется уже болѣе развитою, но тоже еще не много. Лучшими представителями ея въ это время являются нѣкоторые изъ первыхъ русскихъ профессоровъ московскаго университета, каковы напр. Поповскій, Барсовъ, Афонинъ, Карамышевъ, Зыбелинъ, Аничковъ, Антонскій и другіе, немногіе природные русскіе академики или причастники Академіи Наукъ, какъ Крашенинниковъ, Лепехинъ, Рычковъ, Озерецковскій. Нѣкоторые русскіе историки и публицисты, какъ Болтинъ, Щербатовъ, Бецкій, наконецъ — лучшіе литераторы Екатерининскаго времени и начала XIX столѣтія — фон-Визинъ, Новиковъ до 1777 года, Радищевъ, Пнинъ и нѣкоторые другіе. Хотя

---

†) Слѣдств. дѣло о совѣтникѣ академіи наукъ Шумахерѣ. «Чтен. общ. ист.» 1860, кн. 3, отд. V, стр. 64—122.

научная мыслительность русская еще далеко не развилась до самостоятельной выработки научныхъ теорій и новыхъ выводовъ, а еще вполнѣ рабски руководилась западными авторитетами и источниками, и сплошь и рядомъ была логически не послѣдовательна, противорѣчива, малосильна, въ теоретическомъ, философскомъ мышленіи мелка, но все-таки она, какъ увидимъ дальше, уже значительно усвоила научное направленіе, съ юной энергіей изощрялась въ раціонально-теоретическомъ научномъ мышленіи, все больше и больше обогащалась научнымъ содержаніемъ и научными силами, умѣла прилагать теоріи и выводы европейскихъ наукъ къ практическимъ потребностямъ русской жизни, стояла далеко выше народной и общественной предразсудочной мыслительности и энергично боролась съ общественными предразсудками и суевѣріями. †) Литературная русская мыслительность тоже начинала заявлять себя въ возникшей въ это время журналистикѣ, и хотя до литературной критики еще далеко не доросла, но зато съ значительнымъ успѣхомъ развивалась въ здраво-разсудочной, сатирической критикѣ общественныхъ, умственныхъ и нравственныхъ недостатковъ. ††) Признаками зарожденія раціонально-теоретической, чисто-разсудочной мыслительности служатъ также возбудившаяся, хотя въ немногихъ умахъ втораго послѣ-петровскаго поколѣнія, склонность къ идеямъ западной философіи XVIII вѣка, стремленіе къ обобщенію и уразумѣнію идей или теорій того или другаго философа. Объ этомъ свидѣтельствуютъ переводы болѣе 60 сочиненій западныхъ мыслителей, въ томъ числѣ Бюффона, Гесснера, Кондильяка, а также извлеченія изъ сочиненій французскихъ философовъ, энциклопедистовъ или философскіе сборники, подъ названіемъ «духа» того или другаго мыслителя, напр. «духъ Волтера», «духъ Гельвеція», «духъ Руссо» и пр. Глубокія идеи западной философіи возбудительно дѣйствовали на юную разсудочную, теоретическую мыслительность русской молодежи. Біографія Ушакова, написанная Радищевымъ (1789), даетъ понятіе о томъ, какъ сильно подѣйствовала книга Гельвеція «о разумѣ» на мысль русской молодежи, обучавшейся заграницей. Книгу эту прочитывали до трехъ разъ. Наконецъ о начинавшемся пробужденіи чисто-разсудочной, отвлеченно-теоретической мыслительности свидѣ-

---

†) «Истор. москов. унив.», 152—161, 185, 197—200 и др.

††) А. Аѳанасьева «Русскіе сатирическіе журналы» 1769 — 1774, изд 1859. Его же о журн. сатир. прошл. в. «Москов. Вѣдом.» 1856, № 55. Журналовъ тогда выходило много. Напр. въ семилѣтіе 1769 — 1774 выходило до 16 сатирич. журналовъ, съ 1778 по 1800 г.—до 11 новыхъ журналовъ

тельствуетъ и тотъ фактъ, что русскіе моралисты второй половины XVIII вѣка, вродѣ митр. Платона, а потомъ совратившагося въ мистицизмъ Новикова и другихъ, находили уже нужнымъ ограничивать излишнее развитіе теорій, наставникамъ юношества совѣтовали «подальше себя держать отъ ѳеоретическихъ мыслей, чтобы не заблудиться.» †) И Хемницеръ (1737—1784) не даромъ написалъ свою басню «метафизикъ».

Но затѣмъ, въ огромномъ большинствѣ общества, даже того, которое начинало называться «образованнымъ», раціонально разсудочная, теоретическая сила мышленія еще почти нисколько не была развита, или, если начинала возбуждаться, то проявлялась въ самыхъ незрѣлыхъ, даже уродливыхъ формахъ мышленія. Умственные недостатки перваго послѣ-петровскаго поколѣнія—дурачество, непріятіе и невзятіе наукъ, или непонятливость и тупость, во второмъ послѣ-петровскомъ поколѣніи переродились, по выраженію тогдашнихъ сатирическихъ писателей, въ «недоумство», въ полупонятливость «крѣпколобовъ и недоумовъ», въ «непрямой разсудокъ» и въ «моду на умы». Послѣ того, какъ Петръ Великій и всѣ лучшіе, передовые умы перваго петровскаго поколѣнія постоянно твердили объ умныхъ головахъ, объ умѣ, вольными науками просвѣщенномъ, «къ уму» своему обращались съ сатирическимъ протестомъ противъ допетровскаго невѣжества и осмѣивали дурачество, дурацкія головы и все дурацкое, — послѣ того, во второмъ послѣ-петровскомъ поколѣніи естественно возникла, по характеристическому выраженію фон-Визина, мода на умы. Ктому-же и на западѣ наши недоумы-недоросли видѣли не одни парики и пудры, но и видѣли философовъ—Вольтера, Гельвеція, Руссо и т. д., которые трубили о господствѣ разума, издавали трактаты о разумѣ и цѣлые философскіе словари, подъ заглавіемъ: La Raison. И вотъ, и русскіе «недоумы» стали модничать умами, и французскій raison сталъ въ модѣ. Даже совѣтницамъ «Бригадира», которыя учили, «чтобы голова была наполнена ничѣмъ инымъ, кромѣ любезныхъ романовъ», даже имъ недоумы говорили новомодный комплиментъ: O! vous avez raison! Явились, по свидѣтельству Крылова, и свои философы по модѣ, которые «казались разумными, не имѣя ни капли разума.» ††) Явились свои «волтерьянцы» по модѣ, которые, по

†) Біограф. М. Платона. «Утренній Свѣтъ» Новикова 1777—1780.

††) Полн. собран. сочин. Крылова, т. I, 1847. Статья Крылова въ «Зрителѣ» 1792.

словамъ Теплова, не были вовсе скептиками на самомъ дѣлѣ, и вовсе не понимали Вольтера, «а только желали, чтобъ ихъ считали скептиками, ибо вмѣняли себѣ за стыдъ не быть одного мнѣнія съ Вольтеромъ.» †) Такъ какъ самостоятельная разсудочная сила мышленія была не развита, то «недоумы» поневолѣ, по словамъ фон-Визина, «чужимъ умомъ пустыя головы набивали», и все-таки имѣли «не прямой разсудокъ», оставались «недоумами». При модѣ на умы, въ дѣйствительности разсудочныя, мыслительныя силы втораго послѣ-петровскаго поколѣнія еще очень недалеки были отъ первоначальной непонятливости перваго послѣ-петровскаго поколѣнія. Большинство втораго поколѣнія было еще «поколѣніемъ крѣпколобыхъ недоумовъ». Въ обществѣ множество было людей, которые, подобно Скотинину въ «Недоросли», «крѣпкіе лбы Вавилъ Филалеичей, не разбивавшіеся и объ каменныя ворота, предпочитали мыслящимъ лбамъ ученыхъ. Стародумъ замѣчалъ, поэтому, что «Скотинины всѣ родомъ крѣпколобы.» Многіе изъ знатныхъ и многіе изъ среднихъ особъ, по словамъ «Живописца», не умѣли мыслить. ††) Вообще, разсудочная сила мышленія, интеллигенціи, пониманія и во второмъ послѣ-петровскомъ поколѣніи еще такъ была недоразвита и не самостоятельна, что умы русскіе, даже лучшіе, передовые, не могли, какъ слѣдовало, переварить, понять, усвоить и ассимилировать глубокихъ идей западной философіи и естествознанія XVIII вѣка. Отсюда и проистекло въ концѣ прошлаго столѣтія это печальное, патологическое явленіе въ нашей умственной исторіи — почти поголовный отказъ отъ идей натуральной философіи XVIII вѣка и погруженіе въ мистицизмъ даже такихъ, прежде разсудочно-мыслящихъ людей, какъ Новиковъ и его «Дружеское общество». «Помню, — писала Екатерина Великая, — что въ 1740 году головы, всего менѣе философскія, хотѣли быть философами; по крайней мѣрѣ въ такомъ случаѣ разсудокъ и общій смыслъ не теряли своей силы. Но сіи новыя заблужденія (иллюминатовъ и мартинистовъ) принудили у насъ сдурачиться такимъ людямъ, которые прежде сего не были дураками.» †††) И для мыслительности «сочинителей» глубокомысліе и полномысліе, по требованіямъ Екатерины Великой, составляли еще pia desideria. ††††) О читателяхъ, слѣ-

†) Фон-Визина «Чистосердечное признаніе», 523—524.

††) «Живописецъ», 1772—1773, изд. 7, стр. 116, 120.

†††) Письмо къ Циммерману 1787 г.

††††) Ком. «Были и Небылицы».

довательно, нечего и говорить. Они, по словамъ Новикова, ничему не хотѣли учиться, за стыдъ почитали упражняться въ наукахъ и романы, «Волшебныя сказки и тысячу одну ночь» покупали гораздо болѣе, чѣмъ сколько-нибудь серьезныя сочиненія. †) Издатели болѣе серьезныхъ, учено-литературныхъ журналовъ, какъ напр. Миллеръ и Рейхель, поневолѣ должны были угождать большинству тѣхъ читателей, «которые не имѣли склонности къ глубокомысленнымъ разсужденіямъ», и «для удовольствія и увеселенія» своихъ читателей должны были «выключать изъ своихъ журналовъ тѣ сочиненія, кои ради глубокаго ихъ смысла не всѣмъ ясны и вразумительны были.» ††) Наконецъ, многое множество русскихъ людей и вовсе не долюбливали «разума», «мысли» и не понимали самаго значенія этихъ понятій. Въ «Живописцѣ» Новикова съ характеристическимъ юморомъ изображено, какъ граждане россійскіе еще глумились надъ «разумомъ» и «музу разума» съ позоромъ и насмѣшками выгоняли изъ городовъ. †††) Да и самыя слова: «мысль, разумъ, разсудокъ, разсужденіе» и т. п. для большинства общества были еще почти совершенно новыми и непонятными выраженіями. Не даромъ фон-Визинъ счелъ нужнымъ въ «Опытѣ Сословника» опредѣлить и объяснить всѣ эти слова: «разсудокъ, разумъ, разумѣніе, мысль, понятіе, мнѣніе, разсужденіе, смыслъ, чувство, чувствительность и т. п.» ††††)

И могло ли съ большимъ успѣхомъ развиться мышленіе втораго послѣ-петровскаго поколѣнія, когда и въ немъ старый, до-петровскій поверхностный сенсуализмъ еще значительно преобладалъ надъ теоретическою разсудочною мыслительностью. Нѣкоторые русскіе мыслители второй половины XVIII вѣка, какъ увидимъ дальше, даже отрицали усиленное умственное углубленіе въ познаніе природы посредствомъ усовершенствованныхъ экспериментальныхъ способовъ естествоиспытанія и считали вполнѣ достаточнымъ одного до-петровскаго, поверхностно-чувственнаго созерцанія природы. «Чтобы созерцать природу, — говорилъ напр. Невзоровъ,—для сего не нужны великихъ издержекъ стоящія лабораторіи и пышные химическіе снаряды. Иди безъ всего смотрѣть на природу.» †††††) Барыни, по словамъ «Живописца» Новикова, съ

†) «Живописецъ», 1772—1773, 32—33.

††) Предувѣдомлен. къ «Ежемѣсячн. сочиненіямъ», 1755 г. «Собраніе лучшихъ сочиненій»—журн. Рейхеля 1762 г.

†††) «Живописецъ», 1772—1773, стр. 170—171.

††††) Сочиненія фон-Визина, I, 659—662.

†††††) Галахова «Истор. рус. литер.», I, 569—570.

полнымъ самодовольствомъ убѣждены были, что «очи имъ даны обозрѣвать преизящные предметы», а не углубляться въ познаніе какой-нибудь земли, и хвастались, что убивали въ молодыхъ людяхъ всякую склонность къ размышленію, къ задумчивости. Одна барыня съ торжествующимъ восторгомъ пишетъ къ «Живописцу»: «кто выгоняетъ изъ молодыхъ людей задумчивость? мы женщины.» †) Вообще, и во второй половинѣ XVIII вѣка еще такъ сильно господствовало «излишнее упованіе на внѣшнія чувства», не осмысливаемое и не руководимое критикою разсудка и, вслѣдствіе того, порождавшее разныя ложныя понятія, что нѣкоторые профессора московскаго университета должны были говорить публичныя рѣчи: о превратныхъ понятіяхъ человѣческихъ, происходящихъ отъ излишняго упованія, возлагаемаго на чувства.» ††) Вслѣдствіе вѣковаго застоя теоретическаго интеллекта и господства внѣшнихъ чувствъ надъ дѣятельностью разсудка, грубый, пошлый сенсуализмъ преобладалъ въ обществѣ надъ разсудочными мотивами жизни и дѣятельности, надъ раціональностью понятій и дѣйствій. Поэтому, и нравственно-воспитательная система второй половины XVIII вѣка должна была обращать особенное вниманіе на воспитаніе внѣшнихъ чувствъ, на направленіе чувственной воспріимчивости, такъ какъ неразвитая сила разума оказывалась недостаточною для критическаго воспринятія и обсужденія впечатлѣній слуха и зрѣнія. Бецкій постоянно твердилъ: «зная, что не все то до сердца доходитъ, что разумъ понимаетъ, должно удалять отъ слуха и зрѣнія все то, что хотя тѣнь порока имѣетъ. Направленія сердца и разума къ добродѣтели—говорилъ онъ въ уставѣ коммерческаго училища—не инако достигнуть можно, какъ во всю бытность учениковъ въ училищѣ никогда не дать такого случая ни видѣть, ни слышать, что бы могло производить худыя впечатлѣнія.» †††) Такъ, послѣ вѣковой до-петровской школы грубаго, непосредственно-чувственнаго, сенсуальнаго воспитанія въ области природы, въ сферѣ физической работы и въ сферѣ внѣшняго большею частію пошлаго житейскаго опыта, — «до-петровскій сенсуализмъ, не осмысливаемый и не руководимый разумомъ, казался педагогамъ новаго времени даже вреднымъ для нравственнаго воспитанія «новой породы отцовъ и матерей». Точно также изощреніе памяти по-прежнему еще

---

†) «Живописецъ», 70, 290.

††) «Истор. москов. унив.», 245.

†††) Предварит. изъясн. къ учрежд. воспит. у., XII—XIII. Планъ коммерч. воспит. училища, сост. Бецкимъ 1772 г.

значительно преобладало надъ развитіемъ мышленія. Отцы внушали дѣтямъ изучать и помнить одну только старину и свято держаться ея. «Отецъ совѣтывалъ мнѣ, —говоритъ напр. кн. Шаховскій, —чтиться всегда читать пристойныя моимъ лѣтамъ и обстоятельствамъ честныя и полезныя прежде бывшія дѣла, похвальную память о себѣ оставившія, и научить себя твердымъ духомъ по такимъ путямъ слѣдовать.» †) Память, въ ущербъ мысли, изощрялась въ учебныхъ заведеніяхъ. Мышленіе до такой степени забивалось «выучиваньемъ уроковъ наизустъ», что на самые простые вопросы ученики отвѣчали въ высшей степени безсмысленно. Этотъ способъ притупленія мышленія господствовалъ долго и послѣ. «Въ большой части училищъ, — доносили визитаторы, — учители стараются только о томъ, чтобы ученики выучивали наизустъ, не заботясь о томъ, понимаютъ ли то, что учатъ, отчего выходило, что на вопросы, дѣлаемые ученикамъ съ намѣреніемъ узнать, понимаютъ ли то, что безостановочно отвѣчаютъ, давали они отвѣты, доказывающіе, что они точно то не понимаютъ, напр. на вопросъ ученику: что есть Азія? отвѣчаютъ въ однихъ мѣстахъ, что Азія есть растеніе, а въ другихъ, что Азія есть страна; на вопросъ же, какая страна—правая или лѣвая, отвѣчаютъ: лѣвая.» ††) И не въ ученикахъ только, но и въ ученыхъ исключительное упражненіе памяти забивало разсудокъ и мышленіе. «Тогда ученый, — говоритъ Бецкій, — надѣясь не столько на здравый разсудокъ, сколько на свою память, все знаетъ, что другіе думали, а самъ ничего неумѣетъ мыслить. Многоученіе, наполняя память мелочами, лишаетъ умъ природной силы.» †††) Вслѣдствіе преобладающаго воспитанія памяти, нерѣдко и въ государственныхъ сановникахъ регестральная память бумагъ входящихъ и исходящихъ преобладала надъ разсудочною раціональностью распоряженій и надъ административною мудростью. Нѣкоторые графы, по словамъ графа Ѳ. Растопчина, чрезвычайно удивляли своею памятью, въ силу которой они нетолько по надписямъ узнавали, откуда пакеты, но и писавшихъ называли по имени. ††††) Дашковъ, въ бесѣдѣ любителей словесности, наукъ и художествъ 14 марта 1812 года, говорилъ о трудахъ графа Д. Н. Хвостова: «Труды его необъятны: единый взоръ на нихъ утомляетъ

†) «Записки», изд. въ 2 ч. въ 1810—1821.

††) «Журн. мин. нар. просвѣщ.», CXXI, отд. III, стр. 15.

†††) Собран. предпис. и учрежд. т. I, предв. объясн. XIX.

††††) «Чтен. общ. ист.» 1860 г. кн. 3, отд. V, стр. 163.

память и воображеніе.» Какія интеллектуальныя способности больше дѣйствовали, тѣ больше и утомлялись. †) У іерарховъ преобладаніе памяти церковно-исторической старины и преданія надъ новѣйшимъ научнымъ мышленіемъ и знаніемъ порождало особенную любовь и привязанность къ древле-церковной старинѣ. Одинъ русскій церковный историкъ XVIII вѣка, оканчивая свою исторію концомъ XVII столѣтія, заключилъ: «яко старикъ остаюсь при старыхъ дѣлахъ, а новое предоставляю новымъ.» ††) И въ литературѣ, въ то время, какъ весьма немногіе, подобно Радищеву, отбросивши всякую память старины, «умственнымъ глазомъ» заглядывали впередъ, пророчествовали о будущей свободѣ,—въ то время многіе писатели, какъ кн. Щербатовъ, Болтинъ, Сумароковъ и другіе, вслѣдствіе преобладанія исторической традиціи памяти надъ новыми идеями разума и новымъ, самостоятельнымъ мышленіемъ, съ старовѣрскимъ сочувствіемъ воспоминали о «простотѣ нравовъ и чистотѣ сердецъ» до-петровской древности.

Наконецъ, не столько еще и въ третьемъ, сколько уже въ новѣйшемъ послѣ-петровскомъ поколѣніи мышленіе наиболѣе развитыхъ, передовыхъ русскихъ умовъ, несмотря на сильное стѣсненіе господствовавшей въ это время реакціи, стало понемногу заявлять себя самостоятельными научными изслѣдованіями и въ западной Европѣ. Тогда какъ во второмъ послѣ-петровскомъ поколѣніи русскіе ученые мыслители еще не составляли своихъ научныхъ руководствъ, не представляли своихъ, самостоятельныхъ научныхъ работъ и изслѣдованій и вообще не было еще самостоятельныхъ русскихъ изслѣдователей въ области наукъ, — въ третьемъ послѣ-петровскомъ поколѣніи, какъ увидимъ дальше подробнѣе, уже почти половина профессоровъ напр. московскаго университета составляли свои руководства и книги по разнымъ наукамъ, †††) и являлись уже, хотя еще рѣдко, замѣчательные русскіе ученые мыслители-изслѣдователи, каковы напр. были: Румовскій, Осиповскій, Пе-

---

†) Рѣчь Дашкова въ «Чтен. общ.», 183—186.

††) «Росс. церков. истор.» митроп. Платона.

†††) Въ періодъ времени съ 1801 по 1806 г. вышло: по словесности 125 оригинальныхъ сочиненій при 80 переводныхъ, кромѣ романовъ, по естественнымъ наукамъ 14 оригинальныхъ сочиненій при 19 переводныхъ, по математикѣ 19 оригин. при 13 переводныхъ, по медицинѣ 24 оригинальныхъ при 28 переводныхъ (Шторхъ). Изъ 210 сочиненій, вышедшихъ изъ типографіи харьковскаго университ. съ 1805 по 1815 годъ, 90 сочиненій принадлежатъ профессорамъ и 16 студентамъ («Журн. м. н. просв.» 1865, окт. стр. 119—120).

ревощиковъ, Щуровскій, и особенно Остроградскій, Сомовъ, Пироговъ, въ области историческихъ изслѣдованій—Грановскій, Кудрявцевъ, а въ новѣйшемъ поколѣніи такіе замѣчательные изслѣдователи-естествоиспытатели, какъ Сѣченовъ, Менделѣевъ, Овсянниковъ, Чебышевъ, Бекетовъ, Симоновъ, Зининъ, Бутлеровъ и другіе. Въ литературѣ мышленіе тоже подвинулось нѣсколько впередъ. Въ третьемъ послѣ-петровскомъ поколѣніи Карамзинъ, а въ новѣйшемъ поколѣніи — Бѣлинскій и Чернышевскій образуютъ два отличительные періода въ нашемъ литературномъ мышленіи. Вообще разсудочное направленіе въ литературѣ представляется уже гораздо болѣе развитымъ, чѣмъ въ литературѣ предъидущаго поколѣнія. Это замѣчали уже и западные писатели. Напр. Эрманъ въ 1828 г. писалъ: «въ Россіи вообще, въ образованномъ классѣ, разсудочное сужденіе (Verständige Urtheil) преобладаетъ надъ выраженіемъ чувства, и преимущественно обнаруживается въ особенной склонности и любви къ математическимъ знаніямъ. И въ новѣйшихъ произведеніяхъ русской поэзіи очень замѣчательно обнаруживается также это преобладающее разсудочное направленіе (Verständige Richtung). Въ литературѣ русской мало склонности къ романтизму, также какъ недостаетъ и чисто оригинальныхъ произведеній (романтическихъ), между тѣмъ какъ являются дѣйствительно замѣчательные таланты преимущественно къ исторической, эпиграмматической поэзіи, и пользуются всеобщимъ сочувствіемъ. Таковы сочиненія Пушкина, имѣющія цѣлью изобразить народный характеръ въ разныхъ его типахъ и отличающіяся вѣрнымъ пониманіемъ и остроумнымъ сужденіемъ, и особенно чрезвычайно оборотливымъ и легкимъ выраженіемъ. Еще болѣе замѣчательнымъ кажется намъ драматическое произведеніе: «Горе отъ ума», въ которомъ Грибоѣдовъ съ большимъ талантомъ понялъ существующія отношенія и жизненныя воззрѣнія образованнаго класса въ Россіи и, параллелизируя ихъ съ господствующимъ классомъ въ Европѣ, очень умно представилъ ихъ.» †) Въ новѣйшее время прежнее, болѣе идеалистически-разсудочное развитіе русской литературы, благодаря иниціативѣ реальной критики Бѣлинскаго и потомъ особенно новѣйшей реальной и естествоиспытательной мысли, стало принимать болѣе реально-разсудочное направленіе.

Въ большинствѣ же такъ-называемаго образованнаго общества разсудочная сила мышленія или раціонально-теоретическая мыслительность

---

†) Erman, «Reise», I, 89—90.

все-таки представляется еще весьма мало развитою и въ третьемъ и даже послѣднемъ послѣ-петровскомъ поколѣніи. Полупонятливость, недоумство и мода на умы втораго послѣ-петровскаго поколѣнія въ большинствѣ третьяго послѣ-петровскаго поколѣнія переродились въ роскошь полузнаній, въ стремленіе къ познаніямъ легкимъ и поверхностнымъ, въ равнодушіе къ строгому непрерывному умственному упражненію и труду и т. п. Комитетъ устройства училищъ 1828 года такъ характеризовалъ степень развитія и энергіи мышленія въ молодомъ поколѣніи первой четверти XIX столѣтія: «два главные недостатка давно уже были замѣчены въ воспитаніи нашего юношества: 1) поверхностное обученіе многихъ предметовъ вмѣстѣ или, какъ сіе изображено въ манифестѣ 13 іюля 1826 года, роскошь полузнаній, и 2) склонность заниматься предметами легкими и нѣкоторый родъ отвращенія или равнодушія къ занятіямъ, коихъ пріобрѣтеніе предполагаетъ навыкъ къ труду и строгое непрерывное упражненіе. Отсюда—отвращеніе отъ труда, стремленіе къ познаніямъ легкимъ и поверхностнымъ, а наконецъ праздность ума и бездѣйствіе душевныхъ способностей.» †) Тоже говорилъ Румовскій о молодомъ поколѣніи, выходившемъ изъ казанскаго университета, «что многіе, непоказавъ въ университетѣ успѣховъ и способностей, по выходѣ изъ университета совсѣмъ переставали напрягать силы разума своего и оставались на вѣкъ полуучеными:» «мы видимъ—прибавлялъ Румовскій—живой сему примѣръ въ россійскихъ стихотворцахъ.» ††) Карамзинъ также высказывалъ жалобу, что и въ московскомъ университетѣ многіе воспитанники учились временно, мимоходомъ и рѣдко доучивались.» †††) И вообще въ университетахъ умственныя способности студентовъ оказывались мало подготовленными къ высшимъ наукамъ. Поэтому многіе изъ студентовъ первыхъ выпусковъ казанскаго университета продолжали учиться въ высшихъ классахъ гимназій, слушая въ тоже время лекціи въ университетѣ. Въ харьковскомъ университетѣ вынуждены были учредить приготовительный курсъ, въ которомъ молодые люди предварительно подготовлялись къ слушанію высшихъ наукъ. ††††) Наконецъ,

---

†) Матер. для истор. гимназіи. «Ж. м. н. просв.», ч. XXI, отд. II, стр. 156—157.

††) «Ж. м. н. просв.», 1865, X, 123.

†††) «Вѣстн. Европы», 1803, т. 8, стр. 317.

††††) «Ж. м. н. пр.», 1865, X, 67, 120.

о поверхностномъ научномъ развитіи мышленія прежняго поколѣнія свидѣтельствуетъ и стихъ Пушкина:

Мы всѣ учились по немногу
Чему-нибудь и какъ нибудь...

Развитіе или изощреніе памяти еще преобладало надъ развитіемъ разсудка, мышленія. Поэтому министръ народнаго просвѣщенія въ циркулярѣ 1810 года писалъ: «усмотрѣно, что во многихъ училищахъ учители стараются болѣе обременять, нежели изощрять память, и вмѣсто развитія разсудка постепеннымъ ходомъ, притупляютъ оный. †) Преимущественное упражненіе и господство памяти, преобладавшее надъ живымъ и свободнымъ движеніемъ разума и надъ развитіемъ и дѣятельностью точнаго, реальнаго, естествоиспытательнаго мышленія, выражалось, между прочимъ, какъ увидимъ дальше, въ преобладаніи въ наукѣ и литературѣ археологіи, древней исторіи, палеографіи, вообще древностей славяно-россійскихъ, греческихъ, римскихъ и восточныхъ, а также въ развитіи славянофильства, которое есть ничто иное, какъ систематическая, ученая школа или партія памяти до-петровской московской старины, и ушедшая, по сознанію самихъ славянофиловъ, въ дѣлѣ наукъ извѣстныхъ остальной Европѣ не дальше знакомства съ азами.» ††) Послѣ этого неудивительно, что разсудочная сила мышленія или теоретическая мыслительность весьма мало была развита и въ третьемъ послѣ-петровскомъ поколѣніи. Особенно выдающихся глубокомысленныхъ и даровитыхъ русскихъ мыслителей-изслѣдователей въ первой четверти XIX столѣтія почти вовсе не было, исключая весьма не многихъ лучшихъ профессоровъ университетовъ. Математикъ Осиповскій жаловался: «отличные таланты рѣдки, а пролазъ было множество.» †††) Карамзинъ тоже признавался, что въ Россіи мало авторскихъ талантовъ съ «логическимъ умомъ», и задумывался надъ этимъ фактомъ, стараясь отыскать причины его. ††††) «У насъ — писалъ анонимный авторъ въ «Вѣстникѣ Европы»—такъ мало авторовъ, что нестоитъ и пугать ихъ

---

†) Період. сочин. объ усп. народ. просвѣщ. 1811 г. № 28, стр. 559.
††) Безсоновъ въ предисл. къ сочиненію Юрія Крыжанича о московск. государствѣ XVII в., стр. IX.
†††) Сухомлинова Матер. для истор. просвѣщ. «Ж. м. н. п.» 1865 окт. стр. 133.
††††) «Вѣстн. Европы».

критикой.» †) Попечитель московскаго университета Муравьевъ, видя малоспособность молодыхъ русскихъ ученыхъ къ логическому развитію и изложенію своихъ мыслей и знаній, старался, такъ сказать, искусственно развить въ нихъ способность авторскаго мышленія и изложенія мыслей. «Весьма желательно,—говорилъ онъ,—чтобы молодые наши магистры и кандидаты заблаговременно пріучались къ сочиненію нужныхъ для ученія книгъ и чтобы упражненіемъ достигли они до нѣкоторой силы въ искусствѣ писанія. Съ симъ намѣреніемъ поручилъ я магистру Загорскому переводъ Монжевой представительной геометріи, Жукову Біотову геометрію, Николаеву Біотову астрономію, Воинову начала философическія Ньютона» и пр. ††) При слабомъ развитіи теоретической мыслительности, преобладающее сенсуально-реалистическое умонастроеніе третьяго послѣ-петровскаго поколѣнія выражалось въ преимущественной наклонности къ практическимъ, реальнымъ наукамъ; а слабость, неразвитость теоретической мыслительности или разсудочной способности отвлеченнаго мышленія высказывалась въ малоспособности русскихъ умовъ къ философіи. «Вообще,—замѣчаетъ бывшій профессоръ харьковскаго университета Роммель въ воспоминаніяхъ своихъ за 1806—1815 годы,—высказывалось преобладающее стремленіе русскихъ къ практическимъ наукамъ, зато пониманіе высшей философіи было имъ почти недоступно.» †††) Не даромъ, русская публика, по словамъ Мартынова, не любила «заглядывать въ философическія книги», «по недоразумѣнію» считая ихъ «невнятными». ††††) Если же въ болѣе развитыхъ, передовыхъ умахъ и возбуждалась теоретическая, философская мыслительность, то она еще была очень несамостоятельна и некритична. Таково напр. было философское размышленіе Карамзина, этого «Ливія, не подлежавшаго критикѣ», какъ называли исторіографа поклонники его таланта. Г. Лыжинъ, сопоставивши философскія мысли Карамзина, высказанныя въ его «Альбомѣ» и въ «Запискѣ о древней и новой Россіи», съ философскими идеями Канта и Руссо, пришелъ къ такому заключенію о мышленіи Карамзина, какъ практическаго философа: «Нельзя не остановить вниманіе на сходствѣ убѣжденій Карамзина, высказанныхъ словами Руссо и другихъ писателей, со взглядами Канта относительно добродѣтели, дружбы, монархическаго правленія.» Сходство идей Карам-

†) «Вѣстн. Европы», ч. 1, № 1.
††) «Истор. москов. унив.», 348.
†††) «Южный Сборникъ», 1859. Одесса.
††††) «Сѣверный Вѣстникъ», 1804—1805.

зина съ идеями Канта убѣждаетъ насъ въ томъ, что Карамзинъ слѣдилъ за современнымъ ему развитіемъ философіи на западѣ, и издавна знакомый съ сочиненіями Руссо, онъ не могъ не остановить вниманія на ученіи мыслителя, значеніе котораго, какъ практическаго философа, заключается именно въ томъ, что онъ формулировалъ идеи Руссо, конечно отчасти видоизмѣнивъ ихъ... Лучшимъ доказательствомъ тому, что Карамзинъ не приписывалъ себѣ одному тѣхъ истинъ, которыя высказалъ въ Запискѣ о древней и новой Россіи, служатъ его же слова: «Какое имѣю право судить о настоящемъ? — любовь къ отечеству, монарху, нѣкоторыя можетъ быть данныя мнѣ Богомъ способности, нѣкоторыя знанія, пріобрѣтенныя мною въ лѣтописяхъ міра и въ бесѣдахъ съ мужами великими, т. е. въ ихъ твореніяхъ.» †) Философская мыслительность доморощенныхъ русскихъ философовъ такъ была не разборчива и не философична, что они видѣли философовъ напр. во Владимірѣ Мономахѣ, въ Сковородѣ и т. п. ††)

Коренная, внутренняя причина слабаго развитія разсудочной силы, мышленія и, особенно, самостоятельной теоретической, положительно-философской мыслительности заключалась опять въ томъ, что старый до-петровскій поверхностный сенсуализмъ еще и въ третьемъ послѣпетровскомъ поколѣніи значительно пересиливалъ теоретическую самодѣятельность мышленія. Молодое поколѣніе еще не могло одолѣвать своимъ незрѣлымъ и малосильнымъ мышленіемъ теоретическихъ научныхъ системъ и крайне нуждалось въ сенсуальной наглядности, осязательности и ощутительности. Поэтому, напримѣръ, мѣстные педагоги (въ 1830 — 1860 г.) замѣчали, что ученики гимназій не могли понимать и усвоять естественныхъ наукъ въ теоретической системѣ, и потому предлагали совѣтъ, чтобы естественныя науки преподавались не въ системѣ, а х о д я п о л ѣ с а м ъ и п о л я м ъ. †††) Воспитанники александроневской академіи безъ вещественной наглядности не могли изучать новѣйшихъ языковъ, въ особенности нѣмецкаго, и потому сами изобрѣли домашній, практическій, сенсуально-наглядный способъ. «Всякую науку, не приспособленную къ практикѣ, — писали они въ 1807 г. къ м. Амвросію,—понимать трудно; то употребленіе языка надобно начать практически: 1) научить произносить окружающія насъ вещи, а чтобы легче запомнить названія оныхъ, прилѣпить на каждую вещь карточку, на-

†) Г. Лыжина «Матер. для характерист. Карамзина, какъ практическаго философа». «Лѣтоп. рус. литер.» 1859, кн. 3, стр. 1—12.

††) «Исторія философіи» архим. Гавріила.

†††) «Ж. м. н. просвѣщ.», 1864, ч. CXXI, отд. III, стр. 48.

примѣръ, на кровати: Bett des Schülers NN и пр.; 2) но не всякая вещь случается въ камерѣ: то для сего сдѣлать табличку и перемѣнять на оной слова каждый день приспособительно къ обстоятельствамъ. Напримѣръ, въ воскресенье студенты ходятъ въ городъ: то на сіе слово и прибрать приличныя имена существительныя, прилагательныя, глаголы и пр.» †) Въ обществѣ также господствовалъ поверхностный сенсуализмъ. Публика созерцала звѣринцы, зоологическіе и ботаническіе сады и выставки, физическіе и минералогическіе кабинеты, еще больше того созерцала разные физическіе предметы и явленія въ натурѣ; но естественно-научно ихъ не понимала и не умѣла объяснить; мышленіемъ своимъ не углублялась въ сущность и значеніе естественныхъ предметовъ и явленій, нисколько не чувствовала стремленій и любознательности естествоиспытательной мысли. Точно также, общество постоянно видѣло разнообразныя аномаліи общественной жизни, постоянно слышало извѣстія о разныхъ вопіющихъ общественныхъ фактахъ, но осмыслить, понять, обсудить ихъ критически своимъ общественнымъ разумомъ не умѣло, потому что верхоглядный сенсуализмъ преобладалъ надъ неразвитой общественной логикой. Постоянно видѣло общество наприм. повсемѣстное нераціональное состояніе сельскаго хозяйства, и часто слышало о неурожаяхъ и голодахъ во многихъ губерніяхъ; но понять и обсудить общественной интеллигенціей или логикой коренныя причины зла и придумать общественнымъ разумомъ радикальныя мѣры противъ него общество наше было не въ состояніи: оно даже вовсе и не помышляло, не задумывалось объ этомъ. И могло ли быть иначе, когда старый, до-петровскій верхоглядный сенсуализмъ еще сильно преобладалъ надъ общественной логикой, надъ анализирующею и обобщающею самодѣятельностью общественнаго мышленія. Внѣшнія, сенсуальныя впечатлѣнія и увлеченія какъ въ обществѣ, такъ, въ частности, въ молодомъ его поколѣніи пересиливали и заглушали высшія мыслительныя стремленія и интересы. Умственная жизнь, вообще, еще больше управлялась одними непосредственными впечатлѣніями внѣшнихъ чувствъ, безъ всякой критики, разсудочнаго анализа ихъ, чѣмъ глубокими мыслями, живыми идеями, логическими принципами разсудка. Графъ Северинъ-Потоцкій такъ изображалъ это преобладаніе въ молодомъ поколѣніи и въ обществѣ сенсуальныхъ увлеченій надъ разсудочными стремленіями научной мыслительности: «возьмемъ молодаго человѣка отъ 16 до 18 лѣтъ наилучшихъ свойствъ и имѣющаго даже природную склонность къ уче-

†) Чистовича, «Истор. с.-петерб. дух. акад.», 115.

нію. Вначалѣ предается онъ ему съ жаромъ, но вскорѣ представляется множество предметовъ, могущихъ прохладить и разсѣять его. При дворѣ камеръ-юнкеры, такъ прекрасно одѣтые и провождающіе время среди толикихъ забавъ; въ гвардіи офицеры и унтеръ-офицеры, коихъ щеголеватые и ловкіе мундиры привлекаютъ молодыхъ дѣвушекъ къ окнамъ, когда они идутъ на вахтпарадъ. И въ какомъ бы онъ домѣ ни былъ, по случаю развѣ встрѣтитъ кого изъ своихъ профессоровъ, чрезвычайною скромностію только избѣгающаго отъ насмѣшекъ; но самъ онъ, конечно, не спасется отъ нихъ, если слово вздумаетъ сказать о томъ, чему онъ въ тотъ день учился изъ статистики, правъ, эстетики, или гигіены. Онъ будетъ слышать, что глупостію почитаютъ то ученое разсужденіе, надъ коимъ онъ столько ночей трудился: его назовутъ педантомъ, будутъ отъ него отворачиваться, чтобъ слушать празднолюбца, разсказывающаго о сегоднешней оперѣ, или вчерашнемъ балѣ. Въ смущеніи и горести, петербургскій нашъ студентъ возвратится домой скрыть свое уничиженіе. Пусть спросятъ всякаго, имѣющаго нѣкоторое о воспитаніи свѣдѣніе, будетъ ли сей несчастный имѣть еще и послѣ сего довольно духа, чтобы заниматься своими книгами и тетрадями? Неужели обратитъ онъ мысль болѣе къ наукамъ, безъ коихъ столь легко обходятся и надъ коими издѣваются, нежели къ зрѣлищамъ и баламъ, о коихъ можно говорить такъ много привлекательнаго? Найдется ли, наконецъ, изъ 100 молодыхъ людей одинъ, коего прилежаніе могло бы противостоять, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, сему вихрю?..» †) Отъ профессоровъ и учителей общество, особенно провинціальное, требовало не умственныхъ талантовъ — глубины, силы и основательности научнаго мышленія и изслѣдованія и т. п., а однихъ наружныхъ, чувственно-привлекательныхъ качествъ, напримѣръ — пріятной для глазъ наружности и ловкости движеній, жестовъ, танцевъ, пріятнаго для слуха чистаго голоса и свободнаго изъясненія по-французски, а не провинціальнаго какого-нибудь разговора, шикарнаго выѣзда на хорошихъ экипажахъ и лошадяхъ и т. п.; «впрочемъ же, — какъ представлялъ директоръ училищъ саратовской губерніи, — не требуются глубокія, профессорамъ приличныя свѣдѣнія». И всѣ эти сенсуалистическія требованія общества въ представленіяхъ и проектахъ директоровъ губернскихъ училищъ подвергались на обсужденіе въ совѣтѣ и въ правленіи университетовъ, а иногда восходили и въ другія инстанціи. ††) Вслѣд-

---

†) Мнѣніе объ учрежд. унив. въ С.-Петерб. «Чтен. Общ. Ист.» 310—311.
††) Сухомлиновъ въ «Ж. м. н. просв.» 1865 окт. 140—141.

ствіе преобладающей потребности чувственныхъ ощущеній и впечатлѣній и неразвитости потребностей и стремленій мышленія, — чувственно-образныя, театральныя наклонности и пристрастія въ большинствѣ молодаго поколѣнія и въ обществѣ преобладали надъ научными занятіями и впечатлѣніями мысли. Поприщемъ для сенсуальныхъ увлеченій и разгула молодежи обыкновенно служили въ прежнее время театры. Студенты университетовъ были больше восторженные поклонники сценическихъ талантовъ и театральныхъ представленій, чѣмъ европейскихъ геніевъ науки, новыхъ европейскихъ книгъ и научныхъ изслѣдованій и открытій. †) Если въ молодомъ поколѣніи сенсуализмъ театральныхъ увлеченій преобладалъ надъ раціонализмомъ научнаго мышленія, то въ обществѣ театрально-туалетный сенсуализмъ еще болѣе подавлялъ и заглушалъ потребности мысли. Извѣстная писательница г-жа Сталь, имѣвшая прекрасный случай изучить петербургское общество и оцѣнившая его съ тонкимъ тактомъ, свойственнымъ умной женщинѣ, поражена была даже въ высшемъ русскомъ обществѣ «полнѣйшимъ отсутствіемъ умственныхъ интересовъ или литературныхъ разговоровъ»: «Здѣсь считается — говоритъ она — за mauvais genre говорить о какомъ-либо предметѣ умственныхъ занятій; всякій разговоръ о чемъ-либо, кромѣ нарядовъ, танцевъ, jolie tournure, считается педантствомъ. ††) Кюстинъ говоритъ: «здѣсь принято за общее право, что никто не долженъ говорить ни слова такого, которое могло бы живо заинтересовать другихъ: изъ всѣхъ умственныхъ способностей здѣсь уважаютъ только тактъ.»†††) Другой писатель, Коль, даже презрительно замѣчаетъ, что «въ Россіи немногіе заглядывали въ глубины науки». ††††) Вслѣдствіе такого отсутствія научно-мыслительныхъ интересовъ и «незаглядыванья въ глубины науки» сенсуальныя, зрительныя и слуховыя общественныя удовольствія, театральныя, музыкальныя, вообще сенсуально-эстетическія,

---

†) Сухомлинова «Матер. для ист. просвѣщ. въ Россіи», стр. 143.

††) «Lettr. Balt.» II, p. 233.

†††) «Russie en 1839», vol. I, p. 321. Эрманъ такъ характеризуетъ это чисто внѣшнее, сенсуально-форменное общественное образованіе въ Россіи 20-хъ годовъ: «Als einer mehr summarischen Schilderung fähig wäre daher hauptsächlich das zu erwähnen, was man unter geselliger Bildung zu verstehen gewohnt ist. Hier zeigt sich als charakteristisch für die nationellen Kreise der Gesellschaft ein mehr als gewöhnlicher Grad von Gewandtheit in den mannichfachen Verhältnissen des Umganges, ein sehr wichtiges und geübtes Gefühl für äussere Schicklichkeit» и пр. «Reise», I, 87.

††††) Kohl, «Russie», 1842, 142.

каковы напримѣръ театры, разныя зрѣлища и цирки, концерты и музыкальныя утра и вечера, балы съ музыкой, блестящіе наряды, созерцаніе живыхъ картинъ, восковыхъ фигуръ, панорамъ, маневровъ войскъ, конскихъ скачекъ, разныхъ фокусниковъ и фигляровъ и пр., — вотъ такія и подобныя, чисто сенсуальныя увлеченія составляли господствующій мотивъ и характеръ общественной мысли и жизни. И могло ли быть иначе, когда разсудочная способность пониманія публики была еще весьма мало развита. Не даромъ Пушкинъ называлъ русскую публику двадцатыхъ годовъ «дѣтскою публикою», которая, не понимая, «хлопала и хохотала, и даже «геній и труды» Гнѣдича считалъ «слишкомъ высокими для этой дѣтской публики». †) Каковы были понятія публики, такова была и журналистика. И въ журналистикѣ, особенно до 30-хъ и 40-хъ годовъ, сообразно съ вкусомъ публики, преобладали статьи о предметахъ, относящихся больше къ наслажденіямъ или удовольствіямъ внѣшнихъ чувствъ и къ упражненію памяти. Почти всѣ журналы 20-хъ и 30-хъ годовъ преимущественно наполнялись статьями и извѣстіями, развивавшими только вкусъ къ сенсуальнымъ увлеченіямъ общества и потомъ археологическую, военно-историческую и анекдотическую память. Раскроемъ наприм. «Отечественныя Записки» хоть за 8 или 9 лѣтъ, съ 1818 по 1825 годъ. Тутъ мы найдемъ, напримѣръ подъ рубрикой: С.-Петербургскія современныя лѣтописи за 1820 годъ, такія легонькія статейки и извѣстія: 1) увеселенія публики въ прошедшемъ великомъ посту; концерты филантропическаго общества, другіе концерты, живыя картины, бенефисы, панорамы, труппы балансеровъ и эквилибристовъ, звѣринецъ, восковыя фигуры, о игрѣ Фильда; 2) гулянье 1 мая и на Троицынъ день въ Екатерингофѣ, на Духовъ день и передъ Петровымъ постомъ въ лѣтнемъ саду, смотръ невѣстъ, семикъ въ ямской; 3) лотерея С.-Петербургскаго опекунскаго совѣта; фехтованье— представленія г. Гризе. ††) Во второй части: маневры нашихъ войскъ;

---

†) Въ 1822 г. Пушкинъ писалъ къ Гнѣдичу: «Я очень знаю мѣру понятія, вкуса и просвѣщенія русской публики. Есть у насъ люди, которые выше ея: этихъ она недостойна чувствовать; другіе ей по плечу: этихъ она любитъ и почитаетъ. Помню, что Хмѣльницкій читалъ однажды мнѣ своего «Нерѣшительнаго». Услыша стихъ: «И должно честь отдать, что нѣмцы акуратны», я сказалъ ему: «вспомните мое слово, при этомъ стихѣ все захлопаетъ и захохочетъ. А что тутъ остраго, смѣшнаго... Вы, коего геній и труды слишкомъ высоки для этой дѣтской публики, что вы дѣлаете?» и пр. («Соврем. Обозр.» 1868 г. № 1: матеріалы для истор. литературы и общества, стр. 142).

††) «Отеч. Зап.» 1820 № 1, стр. 125, № 2, стр. 32, 98.

о г. Каталани — цыганкѣ; пѣніе въ частныхъ домахъ и отзывъ ея о придворныхъ пѣвчихъ; о гуляньяхъ на Крестовскомъ островѣ въ воскресные дни, о современныхъ модахъ и пр. За 1821 годъ въ V-й части: религіозная церемонія хода на іордань въ Крещеніе; придворный балъ, встрѣча новаго года у Д. Л. Нарышкина (и его собранія картинъ и драгоцѣнныхъ камней); балъ П. А. Шувалова, вечера Куракиной, Голицыной и пословъ англійскаго и баварскаго; способъ играть на гитарѣ гармоническими звуками—отечественное изобрѣтеніе г. Акенова; масляница: горы, лубошные театры, конскій бѣгъ, маскерадъ, катанье, красный кабачекъ и пр.; въ VI-й части: вербное гулянье на вербной недѣлѣ великаго поста: продажа вербъ, восковыхъ херувимовъ; гулянье подъ качелями: новые виртуозы и новаго рода увеселенія и зрѣлища; пѣвицы и музыканты; преполовеньевъ день: о крестномъ ходѣ въ петропавловской крѣпости; въ VII части: парадъ въ Царицыномъ лугу; линейное ученіе въ 1 кадетскомъ корпусѣ и т. п. †) Подобныя же извѣстія и въ слѣдующихъ годахъ. Изрѣдка только къ нимъ присоединяются библіографическія извѣстія о новыхъ, впрочемъ пустыхъ и малопоучительныхъ книгахъ, еще рѣже—о дѣятельности ученыхъ обществъ, объ опытахъ физическихъ и химическихъ и т. п. Изъ всѣхъ 323 статей, помѣщенныхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1818—1825 г., до 21 статьи занимаются описаніемъ битвъ, сраженій, походовъ, вообще военными экзерциціями и дѣлами, и только около 9 статей касаются промышленности и политической экономіи, и 8 статей, большею частію поверхностныхъ, сенсуально-описательныхъ, посвящено естественно-научнымъ предметамъ, въ родѣ описанія войны моржей съ сивучами въ нашихъ американскихъ колоніяхъ, естественнаго описанія Бессарабской области и т. п. ††) Затѣмъ остальныя статьи занимаются чисто сенсуальнымъ обозрѣніемъ и описаніемъ монастырей, соборовъ съ ихъ иконостасами, образами, ризами и пр., русской церковной музыки, константинопольскихъ мечетей, памятниковъ благочестія Войска Донскаго, или состоятъ изъ рѣчей митрополитовъ и епископовъ, изъ анекдотовъ о солдатахъ, о карлахъ, великанахъ и скороходахъ, о гренадерскомъ словѣ и т. п., изъ инструкцій посланникамъ въ Порту Оттоманскую, въ Кадиксъ, изъ статеекъ вродѣ бесѣды старца съ сыномъ своимъ XVII вѣка, и пр. †††) Въ «Вѣстникѣ Европы», основанномъ Карамзи-

†) «Отеч. Зап.» 1821, №№ 9, 10, 11, 12, 13, 14 и 17.

††) «Отеч. Зап.» 1818 г. стр. 134, 1823, ч. XVII, № 46, стр. 305.

†††) См. Указатель стат. въ «Отеч. Зап.», составл. Аѳанасьевымъ, въ Архивѣ—Калачева, Прилож. II.

нымъ и существовавшемъ 29 лѣтъ (1802 — 1830), сенсуально-изобразительная описательность и сантиментальная, идеально-романтическая увлекательность, а потомъ историко-археологическое направленіе, доставлявшее больше пищу памяти, чѣмъ мысли, также преобладали надъ глубокими и живыми идеями мысли. Самъ Карамзинъ въ статьѣ «Къ читателямъ Вѣстника» говоритъ: «мы издаемъ журналъ для всей россійской публики и хотимъ не учить, а единственно занимать ее пріятнымъ образомъ, не оскорбляя вкуса... Честолюбіе наше не простирается далѣе.» †) Жуковскій, издавая «Вѣстникъ Европы» съ 1808 г. по 20-й № 1809 г., и съ 21 № по 1811 годъ вмѣстѣ съ Каченовскимъ, тоже писалъ: «Русскіе, судя по выбору чтенія и книгамъ, которыя предпочтительно почитаются передъ другими, читаютъ единственно для разсѣянія... Пока чтеніе будетъ казаться однимъ постороннимъ дѣломъ, которое позволено пренебрегать; пока не будемъ увѣрены, что оно принадлежитъ къ однимъ изъ важнѣйшихъ и самыхъ привлекательныхъ обязанностей образованнаго человѣка, по тѣхъ поръ не можемъ ожидать отъ него никакой существенной пользы, а романы, самые нелѣпые, будутъ стоять на первой полкѣ въ библіотекѣ русскаго читателя. Пускай воспитаніе перемѣнитъ понятія о чтеніи. Пускай оно скажетъ просвѣщенному юношѣ: «обращеніе съ книгою приготовляетъ къ обращенію съ людьми». И то и другое равно необходимы. «Политическими вопросами неразвитые русскіе умы, воспитанные подъ опекой правительства, не чувствовали никакой потребности заниматься. Ихъ не волновали никакіе соціально-политическіе вопросы: за нихъ думало и дѣлало правительство. «Политика въ такой землѣ,—прибавлялъ поэтому Жуковскій,—гдѣ общее мнѣніе покорно дѣятельной власти правительства, не можетъ имѣть особенной привлекательности для умовъ беззаботныхъ и миролюбивыхъ.» ††) Поэтому, въ періодъ изданія «Вѣстника Европы» Карамзинымъ (1802—1803) и Жуковскимъ (1808), въ немъ нравственно-назидательное, филантропически-патріотическое и отчасти историческое направленіе преобладало надъ положительнымъ научно - образовательнымъ и философско - соціологическимъ направленіемъ. †††)

---

†) «Вѣстн. Европы» 1802 г. № 23, стр. 227.

††) Указатель стат. въ «Вѣстн. Европы», стр. IX. «Чтен. Общ Истор.», 1860, кн. IV, отд. V.

†††) Такого рода напр. слѣд. статьи: о любви къ отечеству и народной гордости (ч. 1, № 4), о благодѣяніи (ч. 2, № 5), о русской честности (ч. 3,

Затѣмъ, когда сталъ издавать «Вѣстникъ Европы» Каченовскій, особенно одинъ (1811 — 1813 и съ 1815 по 1830 годъ), въ немъ стало преобладать направленіе историко-археологическое, антикварно-нумизматическое и археолого-библіографическое, направленіе, воспитывавшее больше память, чѣмъ мысль. †) Вообще, тогда какъ археолого-историческихъ статей, дающихъ больше пищи памяти, чѣмъ мысли, «Вѣстникъ Европы» сообщилъ больше 150, — по экономическимъ и промышленнымъ наукамъ, долженствовавшимъ наиболѣе затрогивать и возбуждать реальную общественную мыслительность, онъ, въ теченіе 29 лѣтъ, предложилъ публикѣ только около 20 статей, большею частію сухо-описательныхъ, но не раціонально-теоретическихъ,—по соціально-физическимъ наукамъ, какъ наприм. по гигіенѣ и пр., не больше 6 статей или даже просто краткихъ извѣстій, далеко не затрогивавшихъ глубины современной науки—соціальной физики, созданной Кетле, и, наконецъ, по естественнымъ наукамъ, наиболѣе развивающимъ мысль своимъ реальнымъ содержаніемъ, «Вѣстникъ Европы» далъ всего меньше статей—только 4 статейки, и то поверхностныя, сенсуально-описательныя. ††)

Такъ медленно развивалась въ русскомъ обществѣ высшая разсудочная сила мышленія, или раціональная теоретическая мыслительность, вслѣдствіе вѣковаго, исторически, генеративно-послѣдовательно развившагося преобладанія низшихъ сенсуальныхъ способностей — внѣшнихъ чувствъ и памяти зрительной, слуховой и осязательной надъ разви-

№ 10), мысли объ уединеніи (ч. 3, № 10, стр. 227—233), о чувствительномъ и холодномъ двухъ характерахъ (ч. 11, № 19), о твердости духа нѣкоторыхъ Россіянъ, о «русскомъ Леонидѣ полковникѣ кіевскаго гренадерскаго полка» (ч. 16, № 13), «пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени» (ч. 3, № 12) и пр.

†) Преобладали напр. такого рода статьи: «нѣчто о толкованіи одного мѣста въ Несторѣ» (ч. 133, № 4), «Еще объ одномъ мѣстѣ Нестора» (ч. 133, стр. 283), «Варяги-русь 862 года не суть варяги-русь 859 г.» (ч. 134, № 7), «О варягахъ» (ч. 157, № 1), «Пояша по себѣ всю Русь» (ч. 153, № 11), о толкованіи темныхъ мѣстъ въ граматахъ новгородскихъ, «О гипербореяхъ, макровіяхъ и счастливыхъ» (ч. 79, № 2), «Изслѣдованіе баннаго строенія по лѣтописи Нестора» (ч. 42, № 1), «Изложеніе споровъ о банномъ строеніи» (ч. 60, № 22), «Окончаніе изложенія споровъ о банномъ строеніи» (ч. 61, № 1), «Еще нѣсколько словъ о банномъ строеніи» (ч. 65, № 17), «О знамени Дим. Іоан. Донскаго» (ч. 155, № 20), «О времени рожденія Святослава» (ч. 52, № 15) и т. п.

††) Указат. стат. «Вѣстн. Европы» 1802—1830 г. въ «Чт. Общ.» 1860 г., кн. IV, отд. V.

тіемъ мышленія, логики, разума. Между тѣмъ, для дѣйствительнаго, всесторонняго, живаго и правильнаго умственнаго прогресса русскаго народа какъ въ разработкѣ и развитіи наукъ, такъ и въ соціальномъ благоустройствѣ, столько же необходимо развитое, могучее мышленіе, сколько необходимы и внѣшнія чувства. Одни внѣшнія чувства и память, безъ развитой силы мышленія, разума, — весьма мало значатъ. Глазъ народный цѣлыя тысячелѣтія созерцалъ природу и явленія жизни; но безъ «умственнаго глаза», безъ мощной силы мышленія, не могъ сдѣлать ни одного открытія, ни одного изобрѣтенія въ области естественныхъ и соціальныхъ наукъ. И всякій экспериментаторъ хоть всю жизнь будетъ созерцать одними глазами наприм. небо, воздухъ, организмъ растительный или животный и пр., — но безъ помощи сильнаго мышленія никогда не досмотрится до такого великаго открытія, до какого домыслились и допытались своимъ могучимъ мышленіемъ или разумомъ Ньютонъ, Лавуазье, Дарвинъ и т. п. Самый опытъ естественно-научный немыслимъ безъ мышленія, безъ разума. L'expérience—говоритъ Клодъ Бернаръ — est le privilège de la raison... Dans la méthode expérimentale, comme partout, le seul criterium réel est la raison. †) Точно также, хоть сто лѣтъ живи и вычитывай, собирай изъ всѣхъ лѣтописей, актовъ и мемуаровъ и запомнивай всю груду историческихъ фактовъ, но съ одной памятью, безъ мышленія Нибура, Ранке, Шлоссера и Бокля, никогда не будешь историкомъ. Наконецъ, и вообще, весь человѣческій прогрессъ, все возвышеніе человѣческаго счастія, въ концѣ концовъ, основывается единственно на развитіи силы разума, мышленія. ††) Понятно, слѣдовательно, какъ важно, какъ необходимо въ воспитаніи молодыхъ поколѣній обращать вниманіе на развитіе самой способности мышленія, на воспитаніе разума, и во всемъ обществѣ—на воспитаніе и развитіе раціональной теоретической мысли-

---

†) «Introduction à l'étude de la Médecine expérimentale» par M. Claude Bernard. Paris 1865, p. 23, 93.

††) Ларомигьеръ прекрасно развиваетъ эту мысль. A l'homme seul—говоритъ онъ — appartient de vérifier ses pensées, de les ordonner; à l'homme seul appartient de corriger, de rectifier, d'améliorer, de perfectionner et de pouvoir ainsi tous les jours se rendre plus habile, plus sage et plus heureux. Pour l'homme seul, enfin, existe un art, un art suprême dont tous les arts les plus vantés ne sont que les instruments et l'ourage: l'art de la raison, le raisonnement (Laromiguière, «Discours sur l'identité». Oeuvres, t. I, p. 329. Claude Bernard, «Introduction», p. 23).

тельности. Дальнѣйшее наше изложеніе еще болѣе подтвердитъ эту мысль.

Вовторыхъ, вслѣдствіе вѣковаго отсутствія предварительнаго, генеративно-историческаго развитія мышленія и раціонально-мыслящаго класса въ средѣ народа, при всенародномъ распространеніи и укорененіи византійскаго сверхъестественнаго міросозерцанія, — народъ русскій самъ собою, путемъ своего естественнаго чувственно-реальнаго міросозерцанія, никакъ не могъ дойти до раціонально-теоретическаго, естественно-научнаго міровоззрѣнія. Напротивъ, онъ неминуемо долженъ былъ закоснѣть въ пассивно-сенсуальномъ и даже сенсуально-галлюцинаціонномъ міросозерцаніи. Въ доисторическія времена языческой миѳологіи, когда непосредственно-чувственное воспріятіе внѣшнихъ впечатлѣній вполнѣ преобладало надъ абстрактно-разсудочною, отвлеченно-мыслительною переработкою ихъ, высшая разсудочная способность раціональнаго естествоиспытанія, соединяющая съ раціональнымъ опытомъ и наблюденіемъ глубокое и сильное теоретическое мышленіе, очевидно, вовсе не могла развиваться. Тогда вовсе не возможно было еще и мышленіе отвлеченное, теоретическое, мышленіе безъ непосредственнаго созерцанія предметовъ a priori. Вся умственная дѣятельность нашихъ предковъ тогда была чисто сенсуальная—зрительная, слуховая, осязательная и т. д. и состояла еще только въ собираніи, въ копленіи, посредствомъ чувствъ, первоначальнаго матеріала мышленія — элементарнаго запаса отдѣльно-предметныхъ или конкретныхъ представленій и понятій. Это былъ дѣтскій періодъ умственнаго развитія народа, періодъ воспитанія и преобладающей и даже исключительной познавательной дѣятельности внѣшнихъ чувствъ и памяти. Какъ въ дѣтскомъ возрастѣ, такъ и въ этомъ періодѣ народнаго воспитанія весь послѣдовательный процессъ или механизмъ умственнаго развитія шолъ, вопервыхъ, путемъ однихъ только сенсуальныхъ и общихъ органическихъ ощущеній. Затѣмъ всѣ акты первоначальнаго познаванія или мышленія совершались: a) путемъ ассоціаціи разнообразныхъ ощущеній и представленій, полученныхъ отдѣльно изъ всѣхъ сферъ чувствъ, или посредствомъ совершенно непроизвольнаго заучиванія послѣдовательнаго ряда явленій во всѣхъ сферахъ чувствъ; b) путемъ анализа конкретныхъ впечатлѣній и ощущеній или разложенія сложныхъ представленій, напримѣръ зрительно-осязательно-слуховыхъ, на составные элементы; c) путемъ дизассоціаціи или анализа, разобщенія соединенныхъ, осложненныхъ конкретныхъ ощущеній и представленій. И наконецъ, весь этотъ аггрегатъ конкретныхъ представленій и знаній такимъ образомъ копился медленно и сохранялся въ

памяти—зрительной, слуховой, осязательной и пр., въ качествѣ скрытыхъ слѣдовъ предметныхъ впечатлѣній или конкретныхъ и ассоціированныхъ представленій. Такимъ образомъ, подобно дѣтскому развитію познавательныхъ способностей, органы чувствъ были главными и даже единственными факторами въ развитіи умственныхъ представленій, языка и міросозерцанія нашихъ предковъ. Возьмемъ, напримѣръ, органы зрѣнія и слуха. Мозгъ древне-русскаго человѣка, совершенно какъ у ребенка, былъ такъ устроенъ, что, напримѣръ, цвѣтъ чѣмъ ярче, тѣмъ больше на него дѣйствовалъ, звукъ чѣмъ громче, тѣмъ сильнѣе его поражалъ. Отсюда, напримѣръ, солнце и громъ, по рѣзко-впечатлительному дѣйствію на органы зрѣнія и слуха, при совершенной неразвитости и слабости разсудочнаго анализа и пониманія, при невольномъ возбужденіи чувства радости или оживленія при видѣ яркаго, весенняго солнца и чувства страха при слышаніи грома,—солнце и громъ такимъ образомъ рѣзко отмѣтились въ его первобытномъ, непосредственно-чувственномъ міросозерцаніи. †) Одинъ органъ зрѣнія былъ важнѣйшимъ факторомъ въ созданіи первобытнаго міросозерцанія. Напримѣръ, отъ одного впечатлѣнія, произведеннаго на органъ зрѣнія яркимъ весеннимъ солнцемъ и, вслѣдствіе того, отъ одного представленія и слова ярь, путемъ аналогіи, родился цѣлый рядъ такихъ, напримѣръ, представленій и словъ: ярь — яркое, солнечное весеннее, свѣтлое время, весна и весенній посѣвъ, ярое — все свѣтлое, все весеннее, все красивое, все веселое, все живое, ярило—божество солнца, весны, свѣта, жизни, яръ — рѣзко бросающійся въ глаза, крутой красный утесъ на берегу рѣки, и т. п. Всякое внезапное, необыкновенное впечатлѣніе, поражавшее органъ зрѣнія, естественно порождало чувство страха. Видѣлъ древній предокъ нашъ, напримѣръ, затмѣніе солнца, и тотчасъ, безъ всякаго размышленія, путемъ рефлекторнаго, отраженнаго дѣйствія зрительнаго впечатлѣнія на всѣ чувствующіе органы тѣла, приходилъ въ страхъ и ужасъ: «погибе, — говоритъ лѣтописецъ, — погибе все солнце: о великъ страхъ!». ††) Точно также, видъ необычайной звѣзды, поражая зрѣніе, производилъ, путемъ рефлекторнаго дѣйствія на всѣ чувствующія мышцы организма чувство страха и тревожнаго движенія: «явися — говорили — звѣзда образомъ страннымъ, отъ видѣ-

---

†) Богъ-Громъ, Перунъ, богъ-Солнце, Хорсъ, Дань-богъ. Миѳы о громѣ и солнцѣ.

††) Ипат. Лѣт., стр. 202.

нія сея звѣзды страхъ объя вся человѣки и ужасть. †) Составивши путемъ непосредственныхъ ощущеній понятія о широтѣ, высотѣ и глубинѣ, народъ придалъ имъ въ своемъ эпосѣ особенную многознаменательность. ††) Вообще естественная, физіологическая связь органа зрѣнія со свѣтомъ, исходящимъ отъ солнца, путемъ послѣдовательнаго ряда ощущеній и чувственныхъ ассоціацій, породила въ народномъ міросозерцаніи тьму разнообразныхъ миѳологическихъ комбинацій-представленій и примѣтъ о солнцѣ, свѣтѣ и глазѣ. †††) Точно также копился элементарный матеріалъ для всей первоначальной умственной жизни, путемъ совершенно непроизвольнаго заучиванія явленій въ сферѣ слуха, осязанія, обонянія, вкуса и всѣхъ органическихъ ощущеній. Осложнялся и увеличивался онъ посредствомъ ассоціаціи или самаго разнообразнаго сочетанія между собою данныхъ внѣшними чувствами впечатлѣній или ощущеній, путемъ анализа составныхъ конкретныхъ представленій или дизассоціаціи, разобщенія осложненныхъ конкретныхъ ощущеній. Такимъ образомъ явилась тьма болѣе или менѣе полныхъ представленій о предметахъ, или элементарныхъ, конкретныхъ знаній о вещахъ въ ихъ простѣйшихъ, непосредственно данныхъ природою условіяхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ слагался чувственно-образный языкъ и развивалось чувственно-фантастическое міросозерцаніе въ народныхъ былинахъ и пѣсняхъ. Воспроизводящая ощущеніе способность, память—зрительная, слуховая, осязательная, по физіологическимъ законамъ, сохраняла весь этотъ элементарно-конкретный, чувственно-эмпирическій запасъ и матеріалъ первоначальныхъ представленій и знаній. И такимъ образомъ, непосредственно-чувственный характеръ всей первоначальной умственной жизни, вслѣдствіе первобытно-познавательнаго господства чувствъ, рѣшительно преобладалъ въ умственной дѣятельности и языкѣ народа. Все, что на русской землѣ, на пути колониза-

---

†) Густын. лѣт., стр. 344—345.

††) Такъ, что древне-русскія народныя стихотворенія обыкновенно начинались такимъ припѣвомъ: «высота ли, высота поднебесная, глубота—глубота Океанъ море, широко раздолье по всей землѣ.»

†††) См. въ Архивѣ Калачева, кн. II, полов. 1, ст. г. Афанасьева: «миѳическая связь понятій: свѣта, зрѣнія, огня, металла, оружія и жолчи». Напр., отъ свѣта и зрѣнія слова: зрѣть, озоръ, зоркій и зоръ-свѣтъ, зоря, зорница-отдаленная молнія, зорница-утренняя звѣзда, видѣть и видѣло-свѣтъ, дивиться—смотрѣть (*див* санскр. свѣтъ), мѣсяцъ смотритъ, солнце глядитъ и пр. стр. 1—18.

ціоннаго, географическаго распространенія и самоустройства русскаго народа, особенно рѣзко и постоянно дѣйствовало на его чувства, больше всего бросалось въ глаза,—все то особенно рѣзко выразилось и въ умственномъ складѣ его, въ областныхъ нарѣчіяхъ, въ пословицахъ, въ примѣтахъ, въ присловьяхъ и пр. При такой преобладающей познавательной дѣятельности органовъ чувствъ, въ умѣ народномъ не развивалась высшая способность обобщенія идей и понятій. Вслѣдствіе неразвитости теоретической силы обобщенія, при преобладающемъ наблюдательномъ значеніи органовъ чувствъ, господствовалъ одинъ грубый, непосредственно натуральный чувственный эмпиризмъ, нисколько не основанный на мышленіи, синтезѣ и сравнительномъ методѣ познанія. И потому невозможны были никакія естественно-научныя теоріи и обобщенія. Это подтверждаютъ даже такіе наши историки, которые слишкомъ идеализируютъ умственное состояніе древней Россіи. «Какая это была наука въ древней Россіи?—говоритъ г. Лешковъ:—сельское хозяйство, начала, образующіяся въ мастерскихъ, и правила, вытекающія изъ познанія торговыхъ оборотовъ. Это науки опытныя, составляющіяся изъ опытовъ или извлекаемыя изъ опытовъ... Чего же не было? Общаго всесторонняго обобщенія, которое бы создавало изъ тѣхъ или другихъ данныхъ систему русскаго сельскаго хозяйства, русской технологіи, русской торговли. Не находимъ теоріи,—но такая теорія, сообщая изучающему болѣе, чѣмъ сколько можетъ онъ провѣрить своимъ опытомъ и примѣнить къ дѣлу, такая теорія требуетъ для своей дѣятельности много образованія, которое не у всѣхъ предполагается даже въ наше время.» †) И дѣйствительно, сѣя напримѣръ хлѣбъ, по словамъ актовъ, «для опыту», и «въ присутствіи братіи дѣлая опытъ, сколько изъ сотенной копны выйдетъ зерна изъ добраго, средняго и плохаго хлѣба», предки наши умѣли только составлять «посѣвные, ужинные и умолотные списки», но не могли и помыслить ни о физіологіи хлѣбныхъ растеній, ни о земледѣльческой химіи, ни о теоріи раціональной агрономіи. Постоянно имѣя передъ глазами небо и землю, мѣсяцъ и звѣзды и не слыша ничего ни объ астрономическихъ открытіяхъ геніальныхъ современниковъ своихъ—Коперника, Кеплера, Галилея и Ньютона, ни о древней астрономіи Птоломея и т. п., русскіе умы не могли составить никакого космическаго или астрономическаго обобщенія. До научнаго обобщенія идеи космоса, мірозданія дѣтскій славянскій

---

†) «Русск. народъ и государство», 403—410.

умъ, разумѣется, никакъ не могъ возвыситься силою теоретическаго мышленія и для выраженія ея долженъ былъ прибѣгнуть къ самому ограниченному чувственно-конкретному представленію, соразмѣрному съ кругозоромъ зрѣнія. Космосъ онъ представлялъ конкретно-собраніемъ населенія или заселеннымъ пространствомъ, и назвалъ его вселенной или міромъ-общиной. «Переводчикамъ Св. писанія — говоритъ г. Буслаевъ—нужно было выразить всеобъемлющій смыслъ греческаго слова *κόσμος* (вселенная, mundus). Славянское слово міръ, запечатлѣнное извѣстнымъ юридическимъ смысломъ, казалось переводчикамъ слишкомъ органиченнымъ и тѣснымъ сравнительно съ необъятнымъ значеніемъ греческаго *κόσμος*. Надобно было слово міръ какъ-нибудь расширить, распространить, и они, согласно съ свойствомъ языка, произвели эту любопытную операцію прибавивъ къ этому рѣченію мѣстоименіе весь, которое въ древности означало и всякій. Потому-то во всѣхъ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ нашихъ греческое *κόσμος* переводится не просто міръ, но весь міръ, т. е. всякій міръ, всѣ міры.» †) Наконецъ, достаточно посмотрѣть въ Сборникѣ пословицъ, составленномъ Далемъ, всѣ пословицы подъ словами: вселенная, небо, стихіи, погода, мѣсяцесловъ, человѣкъ, животное, примѣты и пр., чтобы окончательно убѣдиться, какъ чувственно-образно, поверхностно и конкретно это исключительно сенсуальное міросозерцаніе нашего простаго народа, выразившееся въ его языкѣ и пословицахъ. Точно также память, этотъ нервный резервуаръ, сохраняющій въ скрытомъ состояніи въ нервныхъ аппаратахъ всѣ данные органами чувствъ звуки, образы, слѣды и вообще всякія ощущенія, память зрительная, осязательная, слуховая и пр., какъ тоже низшая познавательная способность, не обусловливала высшаго естественно-научнаго интеллектуальнаго развитія, а только сохраняла и упрочивала тотъ скудный запасъ умственныхъ представленій и ощущеній, какія вырабатывались органами чувствъ. Въ силу того, что у большинства людей, вслѣдствіе условій воспитанія ихъ чувствъ, слуховыя ощущенія несравненно сильнѣе зрительныхъ, дѣятельность слуха находилась въ особенно тѣсной связи съ дѣятельностью памяти, увеличивала въ ней запасъ скрытыхъ слѣдовъ, звуковъ и образовъ. Отъ этого преобладанія памяти и слуха происходило то, что изъ рода въ родъ, испоконъ вѣка, отцы и дѣды, безъ всякой разсудочной критики, разсказывали дѣтямъ и внукамъ одни и тѣ же космо-

---

†) Очерки. «Р. Слово» 1, стр. 106.

логическія сказанія, миѳы, сказки; передавали, какъ неизмѣнный догматъ, одни и тѣ же физическія примѣты и пословицы. †) Древнѣйшій космогоническій стихъ о Голубиной книгѣ, составляющій и доселѣ догматъ у духоборцевъ, кончался словами: «старымъ людямъ на послушанье, а молодымъ людямъ для памяти.» Многія другія сказанія кончались также стихомъ: «то старина, то и дѣянье, какъ бы добрымъ людямъ на послушанье, молодымъ молодцамъ на перениманье.» Вслѣдствіе такихъ условій умственнаго развитія, при преобладающемъ воспитаніи низшихъ познавательныхъ способностей, чувствъ и памяти, естественно, въ русскомъ народѣ не развивалась съ такою генеративною послѣдовательностью и наслѣдственностью, какъ на западѣ, нетолько естествоиспытательная мысль, но и вообще теоретическая мыслительность. Далѣе, при неразвитости высшей разсудочной силы мышленія, первоначальное общее впечатлѣніе или дѣйствіе, произведенное грозными и поразительными явленіями природы на чувства зрѣнія или слуха и въ тоже время, путемъ рефлексовъ, на всѣ чувствующіе органы тѣла и выразившееся въ инстинктивно-самосохранительномъ чувствѣ страха, было основною исходною точкою развитія для всего религіозно-миѳологическаго міросозерцанія. Общій страхъ непостижимыхъ силъ природы, которыя непонятно, непредвидѣнно и неотразимо, но постоянно дѣйствовали на всѣ чувства, на жизнь, здоровье, хозяйство и благосостояніе народа,— этотъ общій страхъ природы проникалъ потомъ и всѣ прочія возбуждаемыя природой ощущенія и представленія внѣшнихъ чувствъ, и такимъ образомъ составлялъ, такъ сказать, основную идею или primum movens всего религіозно-языческаго воззрѣнія на природу. Этотъ же страхъ природы господствовалъ и въ христіанскія времена, когда, по свидѣтельству лѣтописей и актовъ, при всякомъ необычайномъ или непонятномъ физическомъ явленіи, «страхъ и ужасъ обнималъ всѣхъ», всѣ «зѣло обстрашались», и когда сами лѣтописцы съ трепетомъ восклицали: «о ужасъ, о страхъ!» Только византійская теологическая доктрина перевоспитала этотъ языческій страхъ природы, оживила его чувствомъ «страха Божія». Но и языческій страхъ природы сохранялся въ народѣ во всей силѣ, такъ что и въ XVII вѣкѣ, по свидѣтельству актовъ, «невѣгласи» такъ же обстрашались при видѣ наприм. метеора или болида, какъ и въ VIII — IX вѣкѣ. И вотъ этотъ-то суевѣрный страхъ природы, наслѣдованный отъ язычества, при не-

†) Буслаевъ, Очеркъ 11, стр. 18, 44, 111.

развитости раціональной теоретической мыслительности, былъ новымъ препятствіемъ къ развитію смѣлаго пытливаго взгляда на природу, смѣлаго испытанія природы, смѣлаго размышленія и разсужденія объ ея силахъ и явленіяхъ. Подъ вліяніемъ византійской педагогической доктрины, вслѣдствіе вѣковаго преобладанія страха природы, страха Божія и чувства вѣры надъ разумомъ и мышленіемъ, — въ народѣ даже развилось и укоренилось, какъ мы сказали уже, недовѣріе къ естествоиспытательному уму и, вслѣдствіе того, вообще къ естествознанію. Начало вѣры, нравоученія и страха Божія, воспитывавшееся въ древне-русскихъ училищахъ, воспреобладало надъ разумомъ и мыслью. Мы видѣли, какъ отцы, на основаніи византійской педагогической доктрины, внушали дѣтямъ: «учися держати умъ, высочайши себе не ищи: высочайши бо тебе — небесное измѣреніе (измѣрительная астрономія), высокопаривая мысль, ея же не возможно постигнуть.» †) Видѣли мы также, какъ, на основаніи византійской педагогической системы, учили «не высокоумствовать, но въ смиреніи держать умъ, не бесѣдовать съ риторскими астрономы» и пр. Вслѣдствіе такого умонастроенія, народъ, хотя и невольно всѣми своими физическими работами, наталкивался на познаніе природы, постоянно созерцалъ, осязалъ, ощущалъ физическіе предметы и явленія, но умственно, теоретическою мыслью онъ не углублялся въ ихъ сущность, не допытывался изслѣдовать ихъ физическое значеніе, взаимную причинную связь, причинное соотношеніе и т. п. Онъ даже избѣгалъ, боялся подобнаго изслѣдованія природы. Потому что испытаніе природы считалъ дерзкимъ испытаніемъ таинъ и воли Божіей, слѣдовательно грѣхомъ и даже волшебствомъ. Олеарій говоритъ: «естественныя науки, будучи чужды русскимъ, особенно подпадаютъ ихъ грубому и неразумному сужденію, если имъ удастся что-нибудь перенять отъ иностранцевъ; такъ астрономію считаютъ они за волшебную науку. Такъ предугадываніе или предсказаніе солнечнаго или луннаго затмѣнія, или движеніе какой-либо планеты они считаютъ дѣломъ неестественнымъ. Поэтому, когда стало извѣстно въ Москвѣ, что великій князь назначилъ меня своимъ астрономомъ, то въ народѣ, отъ нѣкоторыхъ, пошла такая молва, что въ Москву скоро де вернется назадъ волшебникъ, состоящій при Голштинскомъ посольствѣ, который будетъ предсказывать будущее. Нѣкоторые начали уже питать ко мнѣ отвращеніе, что, вмѣстѣ съ другими

---

†) «Сбор. Сол. Библ.» № 925, л. 66—68.

причинами, заставило меня отказаться отъ этой должности. Камеръ-обскуру русскіе также считали волшебствомъ, анатомію—колдовствомъ,» и пр. †) Вслѣдствіе такого взгляда, умъ народный, очевидно, не могъ возвыситься до идеи раціональнаго естествоиспытанія, до смѣлаго разумнаго изслѣдованія природы. Тѣмъ болѣе, что византійское сверхчувственное, супранатуральное ученіе почти всецѣло замѣнило въ народномъ міросозерцаніи всю, превышавшую сферу внѣшнихъ чувствъ, теоретическую, умозрительную область высшихъ, раціональныхъ, физико-математическихъ теорій и обобщеній. Пневматологическія идеи замѣняли всѣ умозрительныя естественно-научныя идеи физическихъ силъ и законовъ. Своими внѣшними чувствами народъ воспринималъ элементарно-конкретныя или отдѣльно-предметныя впечатлѣнія, познавалъ предметы и явленія природы въ ихъ отдѣльности и наружности, въ непосредственно-чувственной видимости и осязаемости. Но сущности, взаимной причинной связи, причинныхъ соотношеній предметовъ и явленій природы, особенно сложнѣйшихъ, онъ вовсе не понималъ, потому что эти отношенія уже выходили изъ непосредственной сферы чувственной воспріимчивости, требовали научно-развитаго, соображающаго, сравнивающаго и обобщающаго теоретическаго мышленія. И поэтому, все что превышало непосредственно-натуральную сферу чувственнаго воспріятія, — все то народъ объяснялъ готовыми, сверхчувственными, супранатуральными идеями византійскаго міросозерцанія. Теологическія умосозерцанія замѣняли всѣ физико-космическія идеи. При созерцаніи напр. небеснаго свода въ умахъ русскихъ созерцателей природы не рождалось никакой другой идеи, кромѣ страха Божія и теологической идеи величія, славы и всемогущества Божія. «Сіи суть поселяне, — говоритъ наприм. жизнеописатель яренгскихъ чудотворцевъ Іоанна и Логгина, инокъ Сергій, — сіи-рѣчь ту живущіе въ веси Яренги жители извыкоша добродѣтель исправити мудростію, не иному тѣхъ учащу, смысломъ бо научаются мудрости: зряху бо солнце, познаваютъ присносущнаго свѣта; видяху небеса, разумѣваютъ творчю славу; землю зряху, внимаютъ величеству владычню; море видѣху, познаваютъ силу владѣющаго; пріемля измѣненіе доброчинное временъ, чудятся лѣпотѣ строящаго міръ; взирающе звѣзднаго теченія и лика учиненія, взимаются къ добротѣ сочетовающаго то; смотряюще луну, удивляются сіянію положившаго ю.» Главнымъ осно-

†) Олеарій, 25—26.

ваніемъ и конечною цѣлію человѣческой мудрости и всего міросозерцанія благочестивые предки наши признавали страхъ Божій. «Главизна доброты — продолжаетъ тотъ же жизнеописатель — и зачало премудрости страхъ Господень, то полагаютъ въ сердцѣ своемъ: лѣпо бо зиждителя, животомъ и смертію властвующа, миловати же и мучити силу имущаго, боятися и трепетати и говѣти.» †) Тамъ, гдѣ естествоиспытующій разумъ познаетъ законъ или слѣдитъ за взаимнодѣйствіемъ и видоизмѣненіемъ физическихъ силъ,—тамъ умъ народный представлялъ и представляетъ какого-нибудь духа, ангела или демона и т. п. Тамъ, гдѣ естествоиспытатель или физикъ видитъ простое дѣйствіе физическихъ силъ, ясно понимаетъ самый процессъ ихъ проявленія, тамъ чувствамъ темнаго народа, особенно при господствѣ сенсуально-галлюцинаціоннаго міросозерцанія, мерещились и мерещатся силы и образы не земные, сверхчувственные. Созерцая органомъ зрѣнія разныя физическія явленія, при неразвитости раціональной мыслительности, умственнаго, естественно-научнаго взгляда, онъ не могъ объяснить этихъ явленій раціонально, и, вмѣсто раціональнаго физическаго, естественно-научнаго понятія, въ объясненіи ихъ вставлялъ готовую сверхчувственную, супранатуральную идею, внушенную византійскимъ міросозерцаніемъ. Патологическія субъективныя ощущенія, галлюцинаціонные образы внѣшнихъ чувствъ способствовали такому объясненію. ††) Исторія народнаго міросозерцанія преисполнена фактами подобнаго происхожденія народныхъ заблужденій. Не углубляясь въ древнее народное міросозерцаніе, довольно заглянуть въ современныя извѣстія о проявленіяхъ умственной жизни нашего народа. Недавно напр. въ мѣстныхъ замѣткахъ «Виленскаго Вѣстника», сообщено было, между прочимъ, что Виленскаго уѣзда, 1-го стана, около имѣнія Лешно помѣщика Саковича, на лугахъ его, Саковича, протекаетъ ручей; съ нѣкотораго времени къ этому ручью стало стекаться много простаго народа, по тому поводу, что будто-бы ручей этотъ имѣетъ какое-то святое изображеніе. Поэтому приставъ 1-го стана, вмѣстѣ съ Молодечневскимъ благочиннымъ, 4 іюля 1867 года отправился на мѣсто, гдѣ, по ихъ осмотру мѣстности и дознанію, оказалось: на лугахъ, вблизи имѣнія Лешно, въ ручьѣ на днѣ открылся ключъ, и выходящая изъ земли вода, мутя известковый мусоръ, съ теченіемъ своимъ образуетъ въ по-

---

†) «Сборн. Солов. Библ.», № 172.

††) См. объ этомъ въ «Дѣлѣ» 1868 г. № 5 и 6.

лукружіи разныя тѣни, и при напряженіи глазъ рисуются разные узоры, а при свѣтѣ солнечныхъ лучей происходитъ блескъ. Этотъ обыкновенный истокъ ключа простолюдины называютъ чудеснымъ явленіемъ, представляя себѣ, будто-бы это изображеніе фигуры Матери Божіей со Спасителемъ; на самомъ же дѣлѣ это одно лишь суевѣріе, такъ какъ подобныхъ изображеній не видно, а только усматривается изъ тѣней мутное сходство человѣческаго рисунка. Крестьяне, признавая это чудеснымъ явленіемъ, приходятъ постоянно изъ окрестныхъ деревень, а въ особенности изъ мѣстечка Лебедева къ этому мѣсту молиться, и дѣлаютъ приношенія.» †) При такомъ сверхчувственномъ, супранатуральнопневматологическомъ настроеніи, мысль народная очевидно не могла имѣть раціональнаго направленія и развитія. Хотя всѣми чувствами своими, всѣми физическими, реальными работами народъ всецѣло тяготѣлъ къ физической природѣ, къ реальному міру, но мыслями, идеями онъ всецѣло тяготѣлъ къ сверхчувственному міросозерцанію. Все реальное, земное, что выходило изъ сферы ощутимаго, доступнаго воспріятію, или подлежало уже не чувствамъ, а отвлеченнымъ понятіямъ, логическимъ обобщеніямъ,—все это народъ не могъ и не старался иначе объяснять, какъ готовыми, сверхчувственными, супранатуральными идеями. Вслѣдствіе этого и мысль его не могла развиваться. Потому что, за сферой непосредственной области чувственнаго міросозерцанія, за феноменальной и ощутимой сферой вещей и явленій, внѣ области абстрактно-познавательныхъ законовъ, или невидимыхъ физическихъ силъ, внѣ области естественно-научныхъ идей и обобщеній,—нить послѣдовательнаго, логическаго, реальнаго мышленія постоянно прерывалась и останавливалась въ неподвижности, въ сферѣ давно готовыхъ, супранатуральныхъ идей византійскаго міросозерцанія. Мысль народная и не работала, не доискивалась до раціональнаго объясненія той стороны физическихъ явленій, которая выходила изъ непосредственной сферы внѣшнихъ чувствъ, потому что для объясненія всего сверхчувственнаго однажды навсегда даны были готовыя супранатуральныя идеи. Такимъ образомъ, за непосредственно-чувственной сферой поверхностнаго рабочаго сенсуализма и реализма, абстрактная, всеобщая самодѣятельность чисто-разсудочнаго процесса, мысль народная не имѣла реальнаго индуктивно-логическаго саморазвитія. Вслѣдствіе этого, въ народѣ и не развилась реально-теоретическая сила мышленія, и онъ не способенъ былъ къ глубокому, фи-

---

†) «С.-петер. вѣд.» 1867 г., № 210, авг. 1.

лософскому сужденію и пониманію вещей, къ раціональному изслѣдованію и отчетливому теоретическому анализу сообщаемаго внѣшними чувствами матеріала. И поэтому, рабочій народъ, при всей непосредственно-чувственной наклонности своей къ реализму, никогда не могъ домыслиться до раціонально-теоретическаго естествознанія и міросозерцанія. Наконецъ, вслѣдствіе такого подавленія и застоя мыслительности, рабочій народъ, имѣя дѣло въ работѣ съ одними физическими предметами, не чувствовалъ умственнаго интереса или потребности въ познаніи сущности и причинной связи вещей и явленій въ природѣ. По причинѣ вѣковаго отдѣленія или отчужденія непосредственно-рабочаго, чувственно-реальнаго, утилитарно-практическаго народнаго опыта и знанія отъ всеобщей самодѣятельности мышленія, вслѣдствіе неразвитости теоретической, разсудочной любознательности, народъ и не стремился вовсе дойти до разработки раціонально научнаго опытнаго естествознанія, несмотря на то, что всѣ физическія, естественно-реальныя работы его, по самой природѣ и физической сферѣ своей, суть естественно-научныя, сродны съ естественно-научными работами, существенно обусловливаютъ необходимость естествознанія. Онъ только и могъ составлять, на основаніи непосредственно-чувственнаго обозрѣнія и осязанія, по наглядкѣ, топографическіе «чертежи» русской земли, «межевыя дозоры и досмотры», сенсуально-эмпирическіе «Травники» и т. п. Затѣмъ сенсуализмъ рабочаго народа, безъ развитаго мышленія, былъ безсиленъ въ теоретической обработкѣ непосредственно-чувственныхъ данныхъ рабочаго опыта и наблюденія. †) Сколько внѣшнія чувства народа, путемъ работы, тяготѣли къ природѣ, воспитывались подъ вліяніемъ ея впечатлѣній, копили непосредственно-натуральный матеріалъ чувственно-рабочаго опыта и знанія, столько же мысль народа была далека отъ познанія законовъ природы, отъ раціонально-математическаго, умозрительнаго физическаго міросозерцанія, и потому не способна была къ раціональной мыслительной разработкѣ, въ логическомъ процессѣ отвлеченнаго сравненія, индукціи и обобщенія, элементарно-конкретнаго матеріала, взятаго чувствами изъ сферы физическихъ работъ и природы. Работа физическая, разработка естественныхъ матеріаловъ, произведеній и предметовъ, въ сферѣ природы, не шла рука объ руку съ работой интеллектуальной, съ теоретической, раціональной разработкой въ

---

†) См. объ этомъ въ «Дѣлѣ» 1868 г. № 4 статью «о сенсуализмѣ и реализмѣ рабочаго народа».

мышленіи сенсуально-эмпирическихъ, чувственныхъ данныхъ непосредственно-натуральнаго рабочаго опыта. И вслѣдствіе этого, сколько развивался непосредственно-чувственный реализмъ, столько же не работала и не развивалась теоретическая естествоиспытательная мысль и не вырабатывался разумно-отчетливый, естественно-научный, физико-математическій реализмъ. Народъ созерцалъ, осязалъ, ощущалъ разные предметы и явленія природы, слушалъ разные звуки въ природѣ, слушалъ разные разсказы о недоступныхъ его непосредственному созерцанію и слуху предметахъ и явленіяхъ природы, но мыслью, умственно не углублялся въ нихъ; не всматривался, не вникалъ въ сущность ихъ своимъ умозрительнымъ взглядомъ—мышленіемъ, не соображалъ ихъ сравненіемъ. И такимъ образомъ, сколько чувствами онъ привыкалъ къ впечатлѣніямъ природы, столько же, такъ сказать, отвыкалъ, отчуждался отъ нея мыслью, особенно когда уносился въ заоблачный, сверхчувственный, супранатуральный міръ. И въ такомъ пассивно-сенсуальномъ отношеніи его къ природѣ проходили цѣлые вѣка. И вотъ онъ мысленно, такъ сказать, притупѣлъ къ природѣ, пришелъ въ пассивное сенсуально-физіологическое согласіе и соотвѣтствіе съ природой и сталъ жить и работать въ ней, можно сказать, одними внѣшними чувствами и однѣми физическими, мускулярными силами, а не мыслью, не разумомъ. Вообще, всѣми своими чувствами онъ дотого приспособился и притупѣлъ къ впечатлѣніямъ природы, что дальше внѣшности физическихъ предметовъ и явленій не видѣлъ и не видитъ ничего своимъ умственнымъ глазомъ, вовсе не имѣетъ привычки и способности умственно углубляться, вдумываться въ сущность предметовъ и явленій природы, давать себѣ ясный разумный отчетъ въ каждомъ чувственно-физическомъ, непосредственно-натуральномъ впечатлѣніи или наблюденіи, стараться отчетливо познавать и различать всѣ индивидуальные отличительные признаки и свойства каждаго физическаго предмета и явленія, потомъ сопоставлять и сравнивать ихъ между собою, однородныя чувственныя данныя обобщать въ общіе выводы или идеи, и такимъ образомъ изощрять мыслительность, развивать, подготовлять мыслительныя способности къ разработкѣ раціональнаго естествознанія и копить для него матеріалъ. Вообще, народъ привыкъ относиться къ природѣ крайне пассивно, безсознательно, безсмысленно. Отсюда произошелъ въ рабочей и умственной жизни народа печальный разладъ, расколъ между работой и наукой, между рабочей практикой и научной теоріей, между чувственно-рабочимъ реализмомъ и реализмомъ раціонально-теоретическимъ, естественно-научнымъ. Печальныя слѣдствія такого отчужденія

физической работы отъ физическихъ наукъ впослѣдствіи стали сознавать иногда и сами рабочіе люди, особенно самоучки-натуралисты. Вѣчно работалъ и вращался въ сферѣ природы рабочій народъ, постоянно и невольно вызывался и наталкивался на естествознаніе. По всему этому онъ, повидимому, невольно долженъ былъ бы вырабатывать, посредствомъ неизбѣжныхъ рабочихъ физическихъ опытовъ и наблюденій въ сферѣ природы, если ужъ не спеціальныя естественно-научныя истины, теоріи и открытія, то, по крайней мѣрѣ, элементарныя естественно-научныя теоретическія правила, начала и руководства для своихъ физическихъ работъ и производствъ. Но ничего этого не бывало, потому что, при работѣ чувствъ и мускуловъ, мысль народная не работала въ сферѣ природы съ такою раціональною, естествоиспытательною силою, чтобы выработать что-нибудь подобное. Поэтому еще въ XVII вѣкѣ Юрій Крыжаничъ, подробно разсматривая народные промыслы жаловался, что промышленный, рабочій народъ русскій не имѣлъ никакихъ книгъ о разныхъ физическихъ предметахъ своихъ работъ и производствъ. «Земледѣліе есть разумѣніе, наука, — писалъ онъ, — но у насъ нѣтъ никаковыхъ книгъ о земледѣліи и объ иныхъ промыслахъ, какія есть у другихъ народовъ. На умноженіе и на усовершенствованіе земледѣлія потребно бы было вкратцѣ перевесть хорошія книги, которыя пишутъ: 1) о житѣ всякомъ—о хлѣбныхъ растеніяхъ всякаго рода; 2) о сочивѣ всякомъ—горохѣ, бобахъ и пр.; 3) о кореньяхъ, цвѣтахъ и сѣменахъ приправныхъ; 4) о зельяхъ огородныхъ; 5) о растеніяхъ врачебныхъ, о коихъ есть цѣлыя книги; 6) о цвѣтахъ благовонныхъ — шипицѣ, маіоранѣ, лиліи, мятѣ, божьемъ деревцѣ, клинцахъ, вышкахъ, тулипахъ и прочихъ; 7) о деревьяхъ красильныхъ—ревенѣ, синилѣ и другихъ; 8) о деревьяхъ овощныхъ—бумажномъ деревѣ, маслинѣ, винной лозѣ, яблоняхъ, орѣхахъ и прочихъ; 9) о деревьяхъ лѣсныхъ; 10) о каменьяхъ простыхъ и драгоцѣнныхъ; 11) о рудахъ; 12) о рудикахъ и краскахъ — о соли, сѣрѣ, селитрѣ, чернилѣ, киновари, бѣлилѣ, каменномъ углѣ и другихъ; 13) о животныхъ четвероногихъ—домашнемъ скотѣ и лѣсныхъ звѣряхъ; 14) о животныхъ пернатыхъ — о птицахъ домашнихъ и дикихъ; 15) о животныхъ водныхъ — о рыбахъ рѣчныхъ и морскихъ; 16) о насѣкомыхъ и пресмыкающихся — змѣяхъ и всякихъ гадахъ, мухахъ, осахъ, паукахъ и о всякихъ червяхъ, и, въ частности, о тѣхъ, которыя полезны—о пчелахъ и шелковичныхъ червяхъ и пр. Книги обо всемъ этомъ подробно раскрываютъ всѣ эти произведенія природы, и показываютъ всякія части тѣхъ вещей, и что̀ полезно или выгодно изъ нихъ, и какъ, въ какое время всего того смотрѣть и

пріобрѣтать, и приглядать, и какъ сохранять и употреблять. Несчетны въ нашемъ народѣ домовые хозяева, которые въ земледѣліи и хозяйствѣ состариваются и умираютъ, а однакожъ многихъ полезныхъ или выгодныхъ земленыхъ произведеній и ихъ пріобрѣтенія и употребленія не знаютъ. Aldrowandus же написалъ книги объ животныхъ, гдѣ изображаетъ красками всякое животное въ его видѣ. А Колеръ написалъ книги о земледѣліи полевомъ и огородномъ.» †) Точно также, архангелогородскій писатель Крестининъ въ концѣ прошлаго столѣтія жаловался на то, что жители Поморскіе, работая въ поляхъ и промышляя на морѣ, не имѣли никакихъ научныхъ руководствъ, никакихъ книгъ, относящихся къ ихъ работамъ и промысламъ, показывая въ этомъ отношеніи умственное превосходство ихъ европейскихъ сосѣдей—норвежцевъ, съ которыми они имѣли торговыя сношенія. «Наши горожане и холмогорцы — говоритъ онъ — ежегодно посѣщаютъ Норвегію для торговъ, государство сосѣдственное, въ Европѣ по скудости жителей послѣднее. По сказаніямъ ихъ о норвежскихъ поселянахъ, можно сравнить сихъ сосѣдовъ противъ двинскихъ и поморскихъ нашихъ крестьянъ... Каждый норвежскій поселянинъ знаетъ грамоту своего языка, а многіе знаютъ и ариѳметику; напротивъ того въ двинскомъ народѣ въ двухъ уѣздахъ, архангелогородскомъ и холмогорскомъ, гдѣ находится 25,924 души муж. пола, считается грамотныхъ людей только 1,842 человѣка. Въ тѣхъ же округахъ числится женскаго пола 27,949 душъ; но грамотныхъ изъ нихъ не сыщется, какъ думать должно, 300 человѣкъ... Норвежскій поселянинъ упражняется на землѣ и на водѣ въ своихъ промыслахъ съ основательнымъ знаніемъ о семъ дѣлѣ, и увеличивать можетъ оное изъ книгъ о сельской экономіи: напротивъ того въ обоихъ означенныхъ уѣздахъ двинскаго народа между земледѣльцами, на поляхъ и пожняхъ работающими по преданію своихъ дѣдовъ и отцовъ, не возможно сыскать въ нынѣшнее время ни одной книги изъ преизрядныхъ наставленій о сельскихъ трудахъ и пособіяхъ Вольнаго Экономическаго С.-Петербургскаго общества. Норвежскіе изъ поселянъ кормщики ластовыхъ яхтъ, употребляемыхъ между Вардгаузомъ и Бергеномъ, не всѣ навигаторы по наукѣ, но всѣ грамотные люди, и имѣютъ нужныя въ морскомъ пути пособія — печатныя карты и проспекты мысовъ Норвежскихъ береговъ: напротивъ того наши бѣломорскіе, мурманскіе, шпицбергенскіе и ново-

---

†) О московскомъ государствѣ, роздѣлъ 3, стр. 43.

земельскіе кормщики изъ поселянъ всѣ почти безграмотные люди, равными пособіями не пользуются и пользоваться не могутъ, а потому повержены бываютъ большимъ несчастіямъ и потерѣ жизни своей на морѣ и въ зимовьяхъ на Новой Землѣ и Шпицбергенѣ» и пр. †) Сами промышленные, рабочіе люди, особенно самоучки-натуралисты также сознаются, что непосредственно-зрительная, глазная переимчивость въ рабочемъ народѣ преобладаетъ надъ интеллектуально-научнымъ разумѣніемъ и пониманіемъ, также какъ физическія, рабочія силы и способности въ нихъ преобладаютъ надъ научно-интеллектуальнымъ производствомъ работъ и промысловъ, и что, вращаясь на промыслахъ въ сферѣ природы, рабочіе и промышленные люди не знаютъ природы, не имѣютъ основательныхъ научныхъ знаній даже о тѣхъ предметахъ природы, надъ которыми работаютъ, или промышляютъ. Такъ архангельскій самоучка-натуралистъ, купецъ Фоминъ пишетъ въ своемъ «естественно-историческомъ опытѣ о морскихъ рыбахъ и звѣряхъ», говоря о китахъ и китоловствѣ: «обнаруживающаяся сѣверныхъ моихъ соотечественниковъ охота къ китоловному промыслу обязываетъ меня, любя ихъ преимущественно, открыть имъ мое чистосердечное мнѣніе. Справедливость велитъ признательно сказать, что россійскіе наши промышленники проворностью и смѣлостью не токмо не уступаютъ всѣмъ народамъ прочихъ европейскихъ націй, но преимуществуютъ передъ ними въ сихъ способностяхъ. Валовая ихъ поколка моржовъ на льдахъ, или на лудахъ, а особливо сраженіе съ оными на водѣ, при видѣніи иностранцевъ близъ Шпицбергена бывающее, приводитъ сихъ въ содрогательное удивленіе. Наши, видая тамъ часто китоловство иностранныхъ, съ запальчивою ревностью хвалятся, что они бы въ томъ никогда имъ не уступили. Но я открываюсь беззазорно, что понятія ихъ, не приваженныя еще ни малымъ просвѣщеніемъ къ отдѣленію идей, что слѣдующая изъ того неспособность къ точному проницанію истинныхъ причинъ творимаго иностранными промышленниками каждаго дѣйствія, и слѣдовательно, употребленія также орудій и снастей съ ихъ пропорціею, крѣпостію и прочими свойствами, заграждаетъ имъ стези къ основательной переимчивости и неошибочному подражанію; и сіе загражденіе неразумѣніемъ иностранныхъ языковъ, и слѣдственно непонятіемъ изъясненій, наиболѣе затемняется. Въ доказательство сей, одними глазами пріобрѣ-

†) **Путеш. Лепех. 1805 г., ч. IV, стр. 423—425.**

тенной переимчивости и слѣдовательно рановременнаго на себя надѣянія, служатъ слѣдующія два неудачныя въ китоловствѣ предпріятія, одно заведенное въ городѣ Онѣгѣ компаніею, а другое заонѣжскимъ старообрядскимъ обществомъ. Сіи два отпускаемыя въ море промысловыя заведенія, несмотря на ихъ самохвальство, ежели когда привозили съ промысловъ кита, то излавливая его или мертваго, или льдомъ раздавленнаго, или иностранными промышленниками поколотаго. Заонѣжцы въ 1788 году при Кольскихъ или Финмарскихъ берегахъ кололи болѣе десяти звѣрей, но ни одного не могли достать въ свои руки. Иногда гарпунъ ихъ, вонзенный въ звѣря, выплывалъ, иногда переламывался, а иногда лишь перервавшись упускалъ добычу. Сказывали тогда къ извиненію своему промышленники, что колотые ими киты, получа гарпунъ тотчасъ опускались въ глубину, гдѣ вертѣлись и терлись о каменистое дно морское, и чрезъ то гарпунъ вышатывали, переламывали, и веревку перетирали. Но сообразя все промысловое обращеніе легко усмотрѣть можно, что при сихъ опытахъ не доставало: 1) познанія звѣриныхъ родовъ, твердости ихъ кожи и слабыхъ мѣстъ къ поколотію способныхъ; 2) показанія кузнецамъ точной пропорціи выковки и закалки инструментовъ, также мягкости или упругости употребляемаго въ нихъ желѣза и стали; 3) наблюденія потребной толщины линя и употребленной въ пряжу его чистоты и плотности пеньки... Но да не огорчаются на меня за сіе откровенное извѣстіе соотчичи мои, отпускатели и промышленники; ибо я отнюдь не желаю осмѣивать неудачность ихъ промысловъ, но стараюсь для пользы ихъ, чрезъ показаніе ошибокъ, изъяснить пособія, подающія къ тому руководство. Неудачи похвальнаго ихъ рвенія достаточно извиняютъ недостатки многихъ средствъ, въ дозрѣлость у насъ еще не приведенныхъ. Кормщики наши, управляющіе промыслами, не знаютъ еще разности родовъ китовыхъ, въ чемъ заморскіе корабельные командиры достаточно свѣдущи; носовщики не умѣютъ анатомически различить въ наружности китовой твердыхъ и слабыхъ мѣстъ, способныхъ къ вонзанію и удержанію въ тѣлѣ гарпуна или носка, къ чему иностранные гарпуньеры достигли долголѣтнимъ наученіемъ и практикою» и пр. Поэтому самоучка-зоологъ Фоминъ въ своемъ зоологическомъ или естественно-историческомъ опытѣ посвятилъ, для наученія своихъ земляковъ, цѣлую главу описанію разныхъ породъ китовъ (Balaena)—Balaena Mysticetus Lin., Balaena Physalus и др., гдѣ подробно описалъ, по системѣ Линнея и другихъ натуралистовъ, анатомическіе и физіологическіе при-

знаки разныхъ породъ китовъ, и затѣмъ показалъ раціональные способы ихъ лова англичанами, голландцами, датчанами и др. †)

Такимъ образомъ, вслѣдствіе вѣковаго отсутствія предварительнаго, генеративно-послѣдовательнаго развитія и изощренія философско-теоретической мыслительности и вѣковаго преобладанія поверхностной непосредственно-натуральной наблюдательности внѣшнихъ чувствъ надъ высшими, сложнѣйшими теоретическими комбинаціями и выводами мышленія, — русскій народъ и не могъ своей физической работой доработаться и своимъ умомъ додуматься до теоремъ чистой математики и до теоретическаго естествознанія, или до естественно-научныхъ теорій и обобщеній. Для того, чтобы въ умахъ русскихъ развить способность и возбудить любовь къ математическому и естественно-научному мышленію и знанію, надобно было, вопервыхъ, явиться во главѣ русскаго народа генію, образовавшемуся подъ вліяніемъ западнаго разума, и энергично предпринять систематическое ученіе молодыхъ поколѣній математикѣ и естественнымъ наукамъ; вовторыхъ, необходимо было начинать, такъ сказать, съ азбуки, математики и естествознанія и все, относящееся къ этимъ наукамъ, начиная съ ариѳметики и кончая астрономіей, заимствовать на западѣ, гдѣ геніи Коперниковъ, Декартовъ, Кеплеровъ, Ньютоновъ и Лейбницевъ давно обогатили естественныя и математическія науки великими открытіями и воспитали уже цѣлыя поколѣнія естествоиспытателей и математиковъ. И вотъ, Петръ Великій является первымъ нововводителемъ, въ дѣлѣ реальнаго, естественно-научнаго воспитанія и развитія молодыхъ поколѣній въ Россіи. Онъ первый водворилъ въ Россіи западныя математическія и естественныя науки. Отъ генія его впервые зародилась естествопознавательная мысль въ Россіи, и отъ него ведетъ свое начало генерація нашихъ естествоиспытателей. Желая просвѣтить народъ рабочій, практическій, такъ сказать, по самому сенсуалистическому умственному складу своему преимущественно реалистическій, — Петръ Великій и съ запада заимствовалъ наиболѣе такія реальныя, математическія и естественныя науки, которыя преимущественно возбуждаютъ и воспитываютъ реалистическое умонастроеніе и мышленіе и относятся прямо или косвенно къ реальнымъ, физическимъ работамъ народа, къ народному и государственному хозяйству и благосостоянію. На естествознаніе онъ больше смотрѣлъ съ утилитарной точки зрѣнія, и потому велѣлъ переводить

†) Пут. Леп. IV, стр. 352—370.

больше Художества или практическія, прикладныя математическія и физико-механическія науки. «Для переводу — говорить онъ — зѣло нужны переводчики, а особливо для художествъ. Художества же (переводить) слѣдующія: математическое хотя до сферическихъ тріангуловъ, механическое, хирургическое, архитектуръ-цивилисъ, анатомическое, ботаническое и тому подобныя.» †) Такъ какъ въ народѣ русскомъ нисколько не развита была математическая и естествопознавательная мысль и утилитарныя практическія потребности преобладали надъ теоретическими, чисто умственными интересами, то и физико-математическое образованіе его Петръ Великій долженъ былъ начать, такъ сказать, съ азбуки математическихъ и естественныхъ наукъ, съ ариѳметики, съ начальныхъ основаній алгебры, геометріи, астрономіи, географіи, механики и притомъ болѣе или менѣе примѣнительно къ практическимъ, хозяйственнымъ потребностямъ народа и государства. Именно, по повелѣнію Петра Великаго, переводились съ европейскихъ языковъ такого рода книги: Въ 1699 г. въ Амстердамѣ, въ типографіи Тессинга напечатано было «Краткое и полезное руковеденіе въ ариѳметику, или въ обученіе и познаніе всякаго счету, въ сочтеніи всякихъ вещей, по указу великаго государя царя Петра Алексѣевича.» Въ 1703 г. издана въ Москвѣ ариѳметика Магницкаго— ученика Московской духовной академіи. Содержаніе двухъ частей этой ариѳметики, по опредѣленію сочинителя, было такое: «въ первый, еже именуется политика, вся гражданскія потребы, купеческія убо и воинскія, и различныхъ чиновъ ради людей, многіе приклады и образы положихомъ; пропорціи рудъ и различныхъ царствъ и временъ, разнство денегъ, и вѣсовъ, и мѣръ, и разливающихся веществъ, тяготу и ины многіе образцы, яко да всякъ кто усердствуетъ, можетъ извѣстно во всякихъ случаяхъ недоумѣніе въ числахъ разрѣшити, насмотряяся различныхъ задачь въ нашемъ собраніи. Въ другой, именуемой логистика, собрана и положени суть, яже къ геометріи, сіе есть къ землемѣрію, и къ навигаціи, сіе есть, къ мореплаванію, надлежатъ. И ради сея мореплаванія науки, объявихомъ отчасти о фигурѣ міра, сіе есть, земли и небеси, и о раздѣленіи ихъ, и о движеніи солнца, и о рожденіи луны и о прочихъ тѣмъ приличныхъ.» Г. В. въ обстоятельномъ описаніи ариѳметики Магницкаго даетъ ей такую оцѣнку: «главное достоинство сочиненія Магницкаго есть полнота: это не просто ариѳме-

---

†) П. С. З. VII, № 4,438.

тика, какъ означено въ заглавіи, но цѣлый курсъ математики съ приложеніемъ ея къ мореплаванію. Впрочемъ, и ариѳметика въ книгѣ Магницкаго обработана съ большею полнотою: видно, что авторъ особенно заботился объ этой части своего сочиненія, имѣя въ виду, конечно, болѣе необходимое приложеніе ея къ жизни, чѣмъ другихъ частей математики.» †) Въ маѣ 1703 г. напечатаны въ Москвѣ «Таблицы логариѳмовъ и синусовъ, тангенсовъ, секансовъ къ наученію мудролюбивыхъ читателей повелѣніемъ великаго государя царя Петра Алексѣевича.» Въ 1716 году книга эта напечатана была въ московской гражданской типографіи вторымъ изданіемъ «со изъясненіемъ удобнѣйшимъ возможно разрѣшати вся треугольники прямолинейные и сферическіе и множайшими вопросами астрономическими, за повелѣніемъ царскаго величества, во употребленіе и знаніе маѳематико-навигацкимъ ученикамъ.» Послѣ напечатанія таблицъ Логариѳмовъ 1703 года, библіотекарь В. Кипріяновъ, извѣстный какъ издатель всѣхъ вообще учебныхъ пособій математическихъ, равно и географическихъ, издалъ: «новый способъ ариѳметики ѳеорики, или зрительныя, сочинена вопросами ради удобнѣйшаго понятія.» «Ариѳметика — говоритъ авторъ—есть сирѣчь числительная, сочинена въ толикомъ удобномъ образѣ, яко кіиждо можетъ исчислить всяко исчисленіе веліе въ продажахъ и купляхъ, мѣрахъ и вѣсахъ, во всякой цѣнѣ и во всякихъ деньгахъ, во вся царства всего міра; и служитъ еще во еже раздѣлити кому всякую вещь во многой части, и доли раздѣлити въ товариществахъ» и пр. ††) Въ мартѣ 1708 г. «повелѣніемъ» Петра Великаго напечатана въ Москвѣ «Геометрія», славянское землемѣріе, которая въ рукописи прислана была «изъ военнаго походу», съ поправками рукою Петра «въ премногихъ мѣстахъ». Въ приступѣ «о геометріи вообще» прежде всего объяснено, что «геометрія есть слово греческое, на русскомъ же языкѣ есть оно землемѣріе и художество поля измѣряти, и имѣетъ между искуствами математическими первенство, и безъ онаго способу не могутъ трудности освидѣтельствоватись.» Далѣе, геометрія раздѣлена на ѳеоретику и практику, и доказывается, что одна практика безъ теоретической стороны науки не достаточна. Во второй и третьей статьяхъ говорится «о пользѣ и о начатіи мѣры художествія».

---

†) «Моск. вѣд.» 1857 г. №№ 68, 69 и 74: первая печатная ариѳметика въ Россіи.

††) Пекарскаго «Матеріалы для исторіи науки и литературы при Петрѣ Великомъ», 1, стр. 273.

Затѣмъ слѣдуетъ «истолкованіе къ тому употребленію словесъ: общественныя знаемости (аксіомы); обѣщанія или допущенія; первая книга о предметахъ наименьшихъ, вторая книга о плоскихъ фигурахъ; четвертая книга о круго-описанныхъ фигурахъ; пятая книга о пропорціональныхъ линіяхъ; шестая книга о корпусахъ или тѣлесахъ.» Вся геометрія заключается въ практическихъ задачахъ. †) Въ 1722 г. издано было краткое руководство для механики, подъ названіемъ: «наука статическая или механика», составленная Григ. Скорнековымъ-Писаревымъ. О характерѣ этой «Механики» можно судить по слѣдующимъ опредѣленіямъ: «что есть механика? Механика есть художество познавати вѣсы и малыми силами черезъ способъ машинъ великія бремена двигати и подъимати. Чесому учитъ художество сея науки? Учитъ оное всякія машины для движенія и подъемовъ всякихъ бременъ устрояти. Въ какихъ вещахъ состоитъ фундаментъ науки сего художества? Фундаментъ механики состоитъ въ вѣскахъ, контарѣ и рычагѣ вверхъ гнущемъ, и со онаго фундамента различныя машины для движенія и поднятія великихъ бременъ употребляются. Главнѣйшія же машины раздѣляются на 7. Первыя устрояются перевѣсомъ; вторыя рычагомъ, вверхъ гнущимъ; третьи колесами и стоячими воротами; четвертыя зубатыми колесами и шестернями; пятыя клиномъ; шестыя шурупами или винтами; седьмыя блоками.» Затѣмъ изложены 7 задачъ для объясненія всѣхъ исчисленныхъ родовъ машинъ. ††) По части астрономіи тоже довольно переведено было книгъ. Петръ Великій выписалъ очень хорошіе телескопы, инструменты и книги, необходимые при астрономическихъ наблюденіяхъ. Перри, видавшій царя, разсказываетъ, что государь любилъ самъ наблюдать затмѣнія, дѣлать замѣтки о нихъ и потомъ разсуждать, въ присутствіи бояръ и придворныхъ, о причинахъ подобныхъ явленій и о движеніи небесныхъ тѣлъ по системѣ знаменитаго Ньютона. Въ Вѣдомостяхъ 1706 г. было напечатано «Изъявленіе о затмѣніяхъ», какія имѣли быть въ этомъ году. Въ календарѣ на 1724 г., для объясненія русскимъ читателямъ настоящей причины затмѣній и для разсѣянія суевѣрныхъ толковъ, помѣщена статья: «Вѣденіе, откуда затмѣнія происходятъ», написанное на основаніяхъ, принимаемыхъ наукою. По волѣ Петра Великаго, дважды издано было въ русскомъ переводѣ, въ 1717 и 1724 годахъ, произведеніе

†) Пекарскаго, I, стр. 275.
††) Пекарскаго, II, стр. 569.

извѣстнаго въ свое время астронома Гюйгенса — Κοσμοθέωρος или Cosmoteros sive de terris celestibus earumque ornatu conjecturae, подъ славяно-русскимъ заглавіемъ: «Книга мірозрѣнія или мнѣніе о небесноземныхъ глобусахъ и ихъ украшеніяхъ.» Русскій переводъ этого сочиненія замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что въ немъ впервые принята и возвѣщена въ Россіи система Коперника, которой не далѣе какъ въ географіи, напечатанной у насъ въ 1710 году, предпочиталось мнѣніе Тихо де-Браге. †) По части геологіи, переведено было сочиненіе Томаса Бурнета—telluris theoria sacrae: orbis nostri originem et mutationes generales, quas olim subiit et subiturus est complectens, подъ славянскимъ заглавіемъ: «Священная ѳеорія земли, обдержащая начатіе и общественныя премѣны нашего міра, которыя или возъимѣли уже или впредь возъимѣютъ быть.» По части географіи, издано было нѣсколько руководствъ. Таковы напримѣръ: «географія или краткое земнаго круга описаніе», напеч. повелѣніемъ царскаго величества въ Москвѣ въ 1710 г. и потомъ въ 1716 г. Въ описаніи каждой страны говорится о границахъ, о почвѣ, о произведеніяхъ, о правленіи, о доходахъ, о главномъ городѣ и о характерѣ каждаго народа. Въ 1718 г. Поликарповъ перевелъ по повелѣнію Петра geographia generalis англичанина Бернгарда Варенія, подъ заглавіемъ: «географія генеральная — небесный и земноводный круги съ ихъ свойствы и дѣйствы.» Въ 1719 г. переведены «Kurtzen Fragen aus der neuen Geographie» Іоанна Гибнера, подъ переводнымъ заглавіемъ: Земноводнаго круга краткое описаніе изъ старыхъ и новыхъ географій. Это сочиненіе, въ свое время, пользовалось огромною извѣстностью, выдержало въ Европѣ 36 изданій и разошлось въ 100,000 экземплярахъ. ††) По части гидравлики или гидростатики, по повелѣнію Петра переведена и напечатана была въ 1708 г. въ Москвѣ: «книга о способахъ, творящихъ водохожденіе рѣкъ свободнымъ.» Это собственно архитектура гидравлическая, имѣющая предметомъ столь важное въ Россіи судоходство, устройство и углубленіе каналовъ, также шлюзы, доки и т. п., съ изображеніемъ машинъ для углубленія кана-

†) Пекарскій, I, стр. 282, II, 14. Въ 1700 г. въ Амстердамѣ напечатано было «Уготованіе и толкованіе ясное и зѣло изрядное краснообразнаго поверстанія круговъ небесныхъ ко употребленію (sic) списано есть на картинѣ, съ подвигами планетъ, сирѣчь солнца, мѣсяца и звѣздъ небесныхъ на пользу и упражненіе любящихъ астрономію».

††) Пекарскій, II, 453.

ловъ, для поднятія изъ воды потонувшихъ грузовъ, для устройства мостовъ и т. п. †) Для того, чтобы распространить въ русскомъ народѣ естественно-историческія знанія о хозяйственныхъ животныхъ и растеніяхъ и вообще объ естественныхъ условіяхъ сельскаго хозяйства, Петръ велѣлъ переводить книгу о Садоводствѣ — Le Jardinage de Quintiny и книгу Вольфганга Гельмгарда Гохберга: «Georgica curiosa, oder des adelische Land und Feld Leben», гдѣ изложено все сельское и домашнее хозяйство, заключаются обширные трактаты о земледѣліи, о пчелахъ и червяхъ шелковыхъ, о водахъ и лѣсахъ и пр. Въ 1724 г. Петръ самъ просматривалъ переводъ этой книги и для руководства переводчикамъ «выправилъ въ ней трактатъ о хлѣбопашествѣ». ††) Въ точно такомъ же родѣ много было переведено, по повелѣнію Петра Великаго, и другихъ книгъ физико-математическихъ и технологическихъ. Въ то же время, чтобы возбудить въ Россіи реальную, естествопознавательную мыслительность, Петръ Великій ввелъ въ Россіи систему реальнаго умственнаго развитія молодыхъ поколѣній. Съ этою цѣлью имъ учреждены были школы цифирныя, математическія, навигацкія и хирургическія. Въ математико-навигацкихъ школахъ учили ариѳметикѣ, геометріи, тригонометріи, въ приложеніи къ геодезіи и нѣкоторой части астрономіи. †††) Ученики учились по тѣмъ математическимъ и физическимъ руководствамъ, какія переведены были при Петрѣ Великомъ. Учители были большею частію западные, какъ напр. въ математико-навигацкой школѣ англичане Грейсъ, Форварсонъ и Гвинъ, въ московско-хирургической школѣ извѣстный докторъ Петровскихъ временъ Бидлоо.

Вслѣдствіе такого умственнаго возбудительнаго импульса, произведеннаго геніемъ Петра Великаго, подъ руководствомъ переведенныхъ съ европейскихъ языковъ математическихъ, физическихъ и техническихъ книгъ, а также подъ вліяніемъ новооткрытыхъ реальныхъ школъ— математико-навигацкихъ и хирургическихъ, — въ первомъ же петровскомъ молодомъ поколѣніи, дѣйствительно, сталъ зарождаться первый, эмбріональный зачатокъ математической и естествопознавательной мысли. Вопервыхъ, зачатки ея обнаружились въ новооткрытыхъ реальныхъ школахъ—математическихъ, навигацкихъ и хирургическихъ. Въ 1703 г. извѣстный прибыльщикъ Петра Великаго, дьякъ Оружейной Палаты, Курбатовъ писалъ про математико-навигацкія школы: «по 16 іюля

†) Пекарскій, II, 182—183.

††) Пекарскій, I, 214.

†††) «Очеркъ Истор. Моск. Кадет. Корпуса Веселаго». Спб. 1852, 46—47.

прибраны и учатся 200 челвѣкъ, и англичане (Грейсъ, Форварсонъ и Гвинъ) учатъ наукѣ чиновно.» Потомъ Курбатовъ писалъ: «прибрано учениковъ со 180 человѣкъ охотниковъ всякихъ чиновъ людей и учатся всѣ ариѳметикѣ, изъ которыхъ человѣкъ съ десять учатъ радиксы и готовы совершенно въ геометрію, только имѣютъ нужду въ лишеніи инструментовъ... надобно, чтобъ вывезено было (изъ-заграницы) той науки инструментовъ хоть сту человѣкамъ, для того, что въ ариѳметикѣ ученики недолго пробавятся, а въ геометріи безъ инструментовъ быть не возможно. А нынѣ многіе изъ всякихъ чиновъ и прожиточные люди припознали тоя науки сладость, отдаютъ въ тѣ школы дѣтей своихъ, а иные и сами недоросли и рейторскіе дѣти и молодые изъ приказовъ подъячіе приходятъ съ охотою не малою.» †) И въ «Московскихъ вѣдомостяхъ», начавшихъ издаваться съ 1703 года, на первомъ же листкѣ объявлялось: «повелѣніемъ его величества московскія школы умножаются, и 45 человѣкъ слушаютъ философію и діалектику окончали. Въ математической штурманской школѣ больше 300 человѣкъ учатся и добрѣ науку пріемлютъ.» При первомъ военномъ госпиталѣ въ Москвѣ Петръ Великій основалъ школу хирургическую. Извѣстный докторъ Петровскихъ временъ, Бидлоо, бывшій въ этой школѣ преподавателемъ, такъ писалъ объ ея успѣхахъ: «еще я болѣе нежели единаго человѣка работу студентами, елико мнѣ въ сіе краткое время возможно было, на себя принялъ, т. е. оныхъ въ анатоміи, хирургіи и въ искуствѣ травъ научати. И въ семъ мню я, что они во время отъ 4 до 5 лѣтъ толико въ анатоміи и хирургіи обыкли, что я лучшихъ изъ сихъ студентовъ вашего царскаго величества особѣ или лучшимъ господамъ рекомендовать не стыжусь, ибо они не токмо имѣютъ знаніе одной или другой болѣзни, которая на тѣлѣ приключается и къ чину хирурга надлежитъ, но и знаютъ генеральное искусство о всѣхъ тѣхъ болѣзняхъ отъ главы даже и до ногъ съ подлиннымъ и обыкновеннымъ обученіемъ, какъ ихъ лечить.» ††) Конечно, все это были еще самыя примитивныя, самыя поверхностныя элементарныя знанія въ области естественнаго ученія, но надобно замѣтить, что до Петра Великаго не было и такого естество-испытательнаго сосредоточенія и воспитанія мысли. Далѣе, зачатки

†) Соловьева «Истор. Россіи», XV, 99—100.
††) Пекарскій, I, 131.

математической и естествопознавательной мысли замѣтны были и въ лучшихъ, передовыхъ писателяхъ и дѣятеляхъ Петровскаго времени. Феофанъ Прокоповичъ, по словамъ фон-Гавена, имѣлъ «глубокія свѣдѣнія въ математикѣ и неописанную охоту къ этой наукѣ.» †) Дмитрій Кантеміръ, по собственнымъ словамъ его, «сотворилъ близъ шести лѣтъ въ снисканіи таковыя натуральныхъ вещей науки.» ††) Антіохъ Кантеміръ въ прошеніи Петру Великому въ 1724 г. писалъ: «крайнее желаніе имѣю учиться... Имѣю къ математическимъ наукамъ не малую охоту.» †††) Не даромъ Кантеміръ и въ сатирахъ своихъ противъ «хулящихъ ученіе» особенно отстаивалъ естествоиспытательную мысль, стремящуюся «испытывать строй міра и перемѣну или причину вещей», и доказывалъ пользу алгебры, геометріи, физики, астрономіи и медицины. ††††) Татищевъ, хотя не зналъ основательно естественныхъ наукъ, но тоже умъ его уже значительно проникнутъ былъ естественно-научнымъ раціонализмомъ. Суевѣрія древней Россіи и своего времени онъ критиковалъ уже чисто съ естественной точки зрѣнія. Движимый потребностью реальной мысли, реальнаго знанія, онъ занимался Сибирской географіей и въ «предисловіи о сочиненіи исторіи и географіи россійской» высказалъ потребность обширнаго естественно-историческаго и физико-географическаго изученія Россіи. Говоря напр. «о свойствѣ и дѣйствѣ воздуха», онъ предлагаетъ запросы о силѣ и продолжительности зимы, о вскрытіи и замерзаніи рѣкъ, о дождяхъ, градѣ, громѣ, молніи, зарницѣ, сѣверномъ сіяніи и пр. Въ отдѣлѣ «о водахъ» требуетъ точныхъ знаній о географіи морей, о наводненіяхъ и упадкахъ водъ, объ островахъ, мысахъ или косахъ и о судоходныхъ рѣкахъ, объ озерахъ, колодезяхъ, цѣлебныхъ ключахъ и т. п. Въ главѣ «о природномъ состояніи земли» Татищевъ требуетъ точныхъ свѣдѣній о почвѣ и ея произведеніяхъ, также о мѣстныхъ родахъ хлѣбовъ, овощей, о мѣстныхъ звѣряхъ, домашнихъ животныхъ, рыбахъ и птицахъ, причемъ дѣлаетъ собственныя естество-историческія замѣчанія и указанія, пріобрѣтенныя собственнымъ наблюденіемъ. Въ отдѣлѣ «о подземностяхъ» Татищевъ задаетъ вопросы нетолько о различныхъ

---

†) Пекарскій, I, 488.

††) Отрывокъ изъ письма Дм. Кантеміра, отъ 23 ноября 1719 г. Пекарскій, I, 571.

†††) Пекарскій, I, 578

††††) Сатиры и др. соч Кантеміра, 1762 г.

родахъ металловъ и минераловъ, но и о различныхъ ископаемыхъ окаменѣлостяхъ, напр. желаетъ знать: «находятся ли нашихъ животныхъ кости въ землѣ, въ какой глубинѣ, какой великости, или тягости и цвѣта; нѣтъ ли какихъ окаменѣлыхъ вещей, или при рѣкахъ обрѣтенныхъ, яко: разныхъ видовъ раковины, рыбы, деревья и травы, или подобныя каменья коимъ либо плодамъ, яко яблокамъ, грушамъ и сѣменамъ, и т. п., таковые собирать и въ академію сообщать», и т. д. Зачатокъ реальнаго направленія мысли выразился и въ томъ убѣждени Татищева, что исторія безъ географіи не мыслима: «исторія—замѣчаетъ онъ—безъ землеописанія (географіи) совершеннаго удовольствованія къ знанію намъ подать не можетъ.» †) Но всего доказательнѣе зародышъ естествопознавательной мысли выразился въ естество-испытательной мысли Ломоносова. Это былъ собственно первый русскій естествоиспытатель. Отъ него ведетъ свое начало, свою генеалогію генерація нашихъ національныхъ натуралистовъ, естествоиспытателей. ††) Ломоносовъ уже нетолько зналъ математику, физику, химію, астрономію, метеорологію и пр., но и самъ, первый въ Россіи, производилъ физико-химическіе опыты и разныя естественно-научныя наблюденія. Это былъ первый русскій натуралистъ, который выработалъ кое-какія свои новыя, какъ онъ выражался, ѳеоріи, или сдѣлалъ нѣкоторыя открытія и вообще выработалъ свою систему физической химіи. Такъ напр. онъ не много раньше Франклина и потому независимо отъ него объяснилъ разныя явленія воздушнаго электричества и дошелъ до своей «громовой ѳеоріи». Первенство Ломоносова въ этихъ открытіяхъ признавали нѣкоторые современные ученые его товарищи, и побудили его высказать въ «словѣ о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ», читанномъ 26-го ноября 1753 г., слѣдующее объясненіе: «погруженію и восхожденію атмосферы кратко коснулся славный господинъ Франклинъ въ своихъ письмахъ; однако, что я въ моей теоріи о причинѣ электрической силы въ воздухѣ ему ничего не долженъ, изъ слѣдующаго явствуетъ. Вопервыхъ, о погруженіи верхняго воздуха я уже мыслилъ и разговаривалъ за нѣсколько лѣтъ; Франклиновы письма увидѣлъ впервые, когда моя рѣчь была почти готова, въ чемъ я ссы-

---

†) Н. Поповъ, «Татищевъ и его время», М. 1861, 664—676.

††) Поповскій выразилъ это значеніе Ломоносова такимъ стихомъ:
Открылъ натуры храмъ богатымъ словомъ Россовъ,
Примѣръ ихъ остроты въ наукахъ, Ломоносовъ.

лаюсь на своихъ господъ товарищей. Вовторыхъ, погруженіе верхней атмосферы Франклинъ положилъ только догадкою въ нѣсколькихъ словахъ. Я свою теорію произвелъ изъ наступающихъ внезапно великихъ морозовъ, т. е. изъ обстоятельствъ въ Филадельфіи, гдѣ живетъ Франклинъ, неизвѣстныхъ. Втретьихъ, доказалъ я выкладкою, что верхній воздухъ въ нижнемъ не токмо погрузиться можетъ, но иногда и долженъ. Вчетвертыхъ, изъ сего основанія истолкованы мною многія явленія съ громовою силою бывающія, которыхъ у Франклина нѣтъ и слѣду. Все сіе не того ради здѣсь прилагается, чтобъ я хотѣлъ себя ему предпочесть; но послѣдовало изволеніе господъ товарищей, которые сіе къ моему оправданію присовокупить мнѣ приговорили.» †) И дѣйствительно, въ томъ же самомъ словѣ о воздушныхъ явленіяхъ, отъ электрической силы происходящихъ, гдѣ Ломоносовъ излагаетъ свою теорію грома, онъ высказалъ много такихъ мыслей или выводовъ, которые видно что добыты были отчасти и его собственными размышленіями, опытами и наблюденіями, какъ напр. о вліяніи морей и континентовъ на климатъ, подтверждаемомъ метеорологическимъ наблюденіемъ въ Россіи и Сибири, о происхожденіи внезапныхъ морозовъ зимой, вслѣдствіе погруженія или ниспусканія воздуха изъ среднихъ слоевъ атмосферы въ нижніе, о вліяніи природы веществъ или тѣлъ на поглощеніе тепловыхъ лучей, объ испытаніи съ электрическимъ приборомъ чувствительности къ электрической силѣ американскаго растенія Sensitiva, для дознанія вліянія электрической силы, производимой солнечными лучами въ воздухѣ, на раскрытіе днемъ листьевъ у нѣкоторыхъ растеній и т. п. ††) Въ «словѣ о происхожденіи свѣта, новую ѳеорію о цвѣтахъ представляющемъ», читанномъ 1-го іюля 1756 года, Ломоносовъ ясно высказалъ идею единства силъ природы относительно электрической силы, теплоты и свѣта, слѣдовательно доходилъ до нея своимъ умомъ, самостоятельно, задолго до разработки этой идеи Мелони, Карно, Майеромъ, Грове, Фарадеемъ и Гельмгольцемъ. Ломоносовъ, опровергая теорію Ньютона и Гассенди о происхожденіи свѣта «отъ текучаго, на подобіе рѣки разливающагося движенія отъ свѣтящихся тѣлъ тончайшей жидкости, отнюдь не осязаемой матеріи», высказалъ такую свою теорію, что свѣтъ, теплота и электричество суть ничто иное, какъ разныя формы частичнаго (молекулярнаго) движенія

---

†) Сочин. Ломоносова, изд. 1803 г. ч. III, стр. 64.
††) Сочин. Ломоносова, ч. III, стр. 58—60, 66—67, 69—77.

въ тѣлахъ. «Доказано мною въ разсужденіи о причинѣ теплоты и стужи, — говоритъ Ломоносовъ, — что теплота происходитъ отъ коловратнаго движенія частицъ, самыя тѣла составляющихъ. Желѣзо, когда куютъ, нагрѣвается; собственная его матерія, стѣсняясь треніемъ и обращеніемъ частицъ, разгорается. Когда мѣдь или другой металлъ въ крѣпкой водкѣ растворяется. или известь водою будетъ помочена, тогда безъ всякаго согрѣвающаго тѣла теплота въ нихъ производится сама собою.... И такъ теплотворная матерія принята произвольно... Изъ животныхъ безпрестанно теплота простирается, и нагрѣваетъ приближенныя къ нимъ вещи. Многія изъ оныхъ никогда теплой пищи не принимаютъ. Поборники и защитники теплотворной матеріи, истолкуйте, какою дорогою входитъ она въ животныхъ нечувствительно, чувствительно выходитъ?.. Всѣ сіи затрудненія, или, лучше сказать, невозможности уничтожаются, когда положимъ, что теплота состоитъ въ коловратномъ движеніи нечувствительныхъ частицъ, тѣла составляющихъ. Не нужно будетъ странное и непонятное теплотворной нѣкоторой матеріи изъ тѣла въ тѣло перехожденіе, которое не токмо не утверждено доказательствами, но нижѐ ясно истолковано быть можетъ. Коловратное движеніе частицъ на изъясненіе и доказательство всѣхъ свойствъ теплоты достаточно. Для большаго о семъ увѣренія отсылаю охотниковъ къ разсужденію моему о причинахъ теплоты и стужи и къ отвѣтамъ на критическія противъ оной разсужденія.» †) Далѣе, Ломоносовъ, объясняя свои выводы о явленіяхъ теплоты и свѣта, какъ различныхъ видоизмѣненіяхъ или формахъ движенія, точно также, съ механической точки зрѣнія, разсуждалъ о происхожденіи свѣта: «доказавъ невозможность текущаго эѳирнаго движенія, безъ сомнѣнія принять мы должны зыблющееся его движеніе за причину свѣта. Напримѣръ всѣмъ знающимъ извѣстно, что круглая жидкая капля послѣ удару о твердое тѣло трясется, сжимаясь и расширяясь; такимъ образомъ приводитъ эѳиръ въ трясущееся движеніе, которое свѣтъ рождаетъ. Такъ свѣтитъ фосфоръ и другія ему сродныя матеріи, безъ жару сіяющія.» Механическими законами движенія Ломоносовъ объяснялъ и всѣ явленія въ нервной сферѣ человѣка и животныхъ. Высказавъ свою идею «о совмѣстныхъ или сцѣпляющихся другъ съ другомъ нечувствительныхъ первоначальныхъ частицахъ, тѣла составляющихъ», и о частицахъ «несовмѣстныхъ или несцѣпляющихся и недвижущихся», Ломоносовъ

---

†) Сочин Ломоносова, ч. III, стр. 160—163.

дальше говоритъ: «вообразивъ сіе основаніе, ясно себѣ представить можете всѣхъ чувствъ дѣйствіе и другихъ чудныхъ явленій и перемѣнъ въ натурѣ бывающихъ. Жизненные соки въ нервахъ таковымъ движеніемъ возвѣщаютъ въ голову бывающія на концахъ ихъ перемѣны, сцѣпясь съ прикасающимися имъ внѣшнихъ тѣлъ частицами. Сіе происходитъ нечувствительнымъ временемъ для безпрерывнаго совмѣщенія частицъ по всему нерву отъ конца до самаго мозгу. Ибо по механическимъ законамъ извѣстно, что многія тысячи такихъ шаровъ или колесъ, когда они стоятъ въ совмѣстномъ сцѣпленіи безпрерывно, должны съ однимъ повернутымъ внѣшнею силою вертѣться, съ остановленнымъ остановиться, и съ нимъ вмѣстѣ умножать или умалять скорость движенія. Такимъ образомъ кислая матерія, въ нервахъ языка содержащаяся, съ положенными на языкъ кислыми частицами сцѣпляется, перемѣну движенія производитъ, и въ мозгѣ оную представляетъ. Такимъ образомъ рождается обоняніе. Такъ происходятъ химическіе растворы, спуски, кипѣнія. Симъ путемъ или орудіемъ электрическая сила дѣйствуетъ, и ясно представлена, и истолкована и доказана быть можетъ, безъ помощи непонятнаго вбѣгающихъ и выбѣгающихъ безъ всякой причины противнымъ движеніемъ чудотворныхъ матерій. Представимъ только, что чрезъ треніе стекла производится въ эѳирѣ коловратное движеніе его частицъ, отмѣнною скоростію, или стороною отъ движенія прочаго эѳира. Отъ поверхности стекла простирается оное движеніе по удобнымъ къ тому, особливо водянымъ или металлическимъ скважинамъ. Не требуется здѣсь непонятное текущее движеніе частицъ эѳира, но токмо легкое вертѣніе оныхъ... Электрическая искра и чувство болѣзни, громовые удары и другія явленія и свойство по бывшимъ нынѣ толкованіямъ еще больше чудны, нежели ясны остались. По сей системѣ совмѣщенія частицъ (или коловратнаго движенія совмѣстныхъ частицъ) представляются легко, понятнымъ механическимъ образомъ.» †) Много оригинальныхъ мыслей Ломоносовъ высказалъ также въ своей теоріи цвѣтовъ, въ «словѣ о рожденіи металловъ отъ трясенія земли», чит. 6 сентября 1757 г., въ «разсужденіи о большей точности морскаго пути», чит. 8 мая 1759 г., гдѣ онъ говоритъ, между прочимъ, «о составленіи истинной магнитной ѳеоріи», «о сочиненіи ѳеоріи морскихъ теченій», «о предсказаніи погодъ, а особливо вѣтровъ», въ «словѣ о явленіи Венеры на солнцѣ, наблюденномъ въ с.-петербургской академіи наукъ мая 26 дня 1761 г.»,

---

†) Тамъ же, 169—172.

и пр. Но для насъ достаточно извлеченныхъ мыслей его, чтобы убѣдиться, что въ умѣ Ломоносова дѣйствительно былъ уже зародышъ раціональной естествоиспытательной мысли. И мысль эта такъ живо проникала и энергично двигала его умъ, что онъ былъ въ тоже время первымъ, такъ сказать, публицистомъ или пропагандистомъ естествознанія. Онъ первый читалъ русской публикѣ курсъ экспериментальной физики. И каждое слово его о природѣ, раскрывалъ ли онъ программу своихъ публичныхъ чтеній по физикѣ, — или говорилъ слово о пользѣ химіи, слово о происхожденіи свѣта и пр., — каждое его слово начиналось воодушевленнымъ, энергическимъ призывомъ русскаго общества къ естествознанію, убѣжденіемъ его нетолько въ пользѣ, пріятности, но и въ святости естествознанія. Только мыслитель, самъ всецѣло проникнутый естествопознавательною мыслью и глубокою любовью къ естествознанію,— только такой мыслитель могъ отъ всей души, отъ всего сердца призывать общество—полюбить естественныя науки, «испытаніе натуры».

Но если математическая и естествопознавательная мысль и зародилась въ первомъ послѣ-петровскомъ поколѣніи, то она была еще эмбріональна, зачаточна, и потому крайне не зрѣла, не самостоятельна и не послѣдовательна, и потомъ зародилась она еще только въ весьма не многихъ умахъ, а массѣ общества и народа была еще попрежнему совершенно чужда. Вопервыхъ, воспитанный вѣковой, исключительно физической работой народа въ сферѣ природы, непосредственно-натуральный сенсуалистическій умственный складъ народа, не вооруженный сильнымъ, философскимъ мышленіемъ, послѣ вѣковой запущенности или вѣковой эксплуатаціи теоретическаго развитія высшихъ мыслительныхъ способностей народа, оказался на первыхъ порахъ крайне малоспособнымъ къ математическому и естественно-научному мышленію и теоретизму. Вслѣдствіе вѣковаго господства непосредственно-натуральной наблюдательности или воспріимчивости внѣшнихъ чувствъ надъ логическою, мыслительною переработкою чувственныхъ данныхъ,—русскіе на первыхъ порахъ естественно только глазѣли, видѣли и осматривали разные предметы и явленія природы, но мыслью, умомъ не углублялись въ сущность ихъ и не понимали ихъ значенія. Ученики и путешественники, ѣздившіе при Петрѣ Великомъ «въ науку за море», при видѣ наприм. естественно-научныхъ музеумовъ, анатомическихъ театровъ и т. п., только глазами хлопали, а сути, естественно-научнаго смысла, интереса и значенія ихъ не понимали. Напр. одинъ неизвѣстный по имени русскій путешественникъ, бывшій на западѣ въ 1697 и 8 годахъ, съ удивительнымъ безпристрастіемъ и безразличіемъ описываетъ подъ-рядъ и

совершенно одинаковымъ тономъ и штуки какого-нибудь фокусника и замѣчательныя произведенія природы. Осмотрѣвши замѣчательный анатомическій кабинетъ Рюйша, онъ ограничился однимъ поверхностнымъ видѣніемъ всѣхъ физическихъ достопримѣчательностей его, и все, что видѣлъ, безъ всякой идеи и мысли записалъ въ свой дневникъ: «видѣлъ — говоритъ онъ — у доктора анатоміи кости, жилы, мозгъ человѣческій, тѣлеса младенческія и какъ зачинается во чревѣ и родится; видѣлъ сердце человѣческое, легкое, почки, и какъ въ почкахъ родится камень; и вся внутренняя разнята разно, и жила та, на которой легкое живетъ, подобно какъ тряпицы старой; жилы, которыя въ мозгу живутъ; видѣлъ пятьдесятъ тѣлесъ младенческихъ въ спиртусахъ отъ многихъ лѣтъ нетлѣнны; видѣлъ, какъ тѣло мужское и женское четырехъ лѣтъ возраста нетлѣнно, и кровь знать, глаза бѣлы и тѣла мягки, а лежатъ безъ спиртусовъ; у женскаго пола внутренняя, сердце и печень поднято; кишки, желудокъ—все нетлѣнно; видѣлъ кожу человѣческую, выдѣлана толще бараньей, и кожа, которая на мозгу живетъ — вся въ жилкахъ; косточки маленькія будто молоточки, которыя въ ушахъ живутъ; животныя отъ многихъ лѣтъ собраны и нетлѣнны въ спиртусахъ; мартышки и звѣрки индѣйскіе, змѣи предивныя, лягушки, рыбы морскія и многія птицы разныя, зѣло удивительныя: крокодилъ — змѣй съ ногами, главы долгія; змѣй о дву головахъ. Звѣря тутъ же видѣлъ, который родится чрезъ естество, собою въ большую мышь, безъ шерсти, а родитъ отъ себя подобну себѣ скотину, и видѣлъ тутъ же многихъ маленькихъ, половина вышла больше двадцати; тутъ же жуки предивные и бабочки великія собранныя, зѣло изрядныя.» †) Видѣть «предивные» естественные предметы и описывать ихъ номенклатуру древне-русскимъ языкомъ, наподобіе межевыхъ записей, еще могли; но понимать естественные предметы, понимать естественныя науки, особенно тѣ, которыя наиболѣе требовали развитаго, сильнаго мышленія, какъ математика, — это уже большею частію было не подъсилу русскимъ умамъ. «Наука опредѣлена мнѣ самая трудная, — такъ писалъ напр. изъ-за границы въ 1711 г. кн. Мих. Голицынъ, —послали изучать математико-навигацкія науки: хотя мнѣ всѣ дни живота своего на той наукѣ себя трудить, а не принять будетъ.» ††) И удивительна ли эта первоначальная непонятливость русскихъ умовъ, особенно при

†) Пекарскій, I, 149.
††) Тамъ же, 143.

изученіи математики, когда вѣковое господство примитивнаго, непосредственно-натуральнаго сенсуализма дотого исключало развитіе мыслительныхъ способностей народа, что умъ его, наконецъ, оказывался вовсе неспособнымъ ни къ какому абстрактному, отвлеченному процессу мышленія и соображенія. Дошло дотого, что безъ наглядки, безъ помощи рубежей и счетовъ большая часть русскихъ вовсе не умѣла считать. По свидѣтельству капитана Перри, до XVIII вѣка у насъ всѣ математическія выкладки въ присутственныхъ мѣстахъ и частныхъ дѣлахъ производились на счетахъ. Перри по этому случаю затѣйливо описалъ наше старинное математическое орудіе, и добавилъ, что въ его время въ Россіи людей, знавшихъ ариѳметику, было весьма мало; они считались остроумнѣйшими головами, одаренными блестящими способностями. †) Поэтому же, когда стали въ Россіи въ XVII вѣкѣ издаваться переводныя ариѳметики,—грамотники русскіе воздавали дань удивленія остроумію и замысловатости ариѳметическихъ правилъ: «составлено дивное, — говорилось напр. въ предисловіи къ одной ариѳметикѣ XVII в., — дивное и премудрое считаніе тройное... Книга сія по истинѣ разумѣніемъ и вымышленіемъ дальнимъ учинена и предана.» ††) Вообще, вслѣдствіе вѣковаго преобладанія верхоглядняго сенсуализма и по неразвитости теоретической мыслительности, или способности размышленія, русскіе, безъ помощи сенсуальныхъ, наглядныхъ показаній обсерваторій, лабораторій, почти еще вовсе не могли понимать теоретическаго ученія естественныхъ наукъ, напр. теоретической механики и т. п. Поэтому, служившій въ академіи наукъ профессоръ оптики и механики I. Г. Лейтманъ далъ такой отзывъ о русскихъ ученикахъ: «въ 1731 году прислали мнѣ русскаго, Петра Ремезова, знающаго по-русски и по-нѣмецки: онъ учился у меня теоретической механикѣ; болѣе не нашлось желающихъ у меня учиться конечно потому, что наука моя требуетъ размышленія, упражненія и лабораторіи. †††)

Поверхностное сенсуалистическое воззрѣніе на предметы природы еще вполнѣ преобладало надъ научнымъ изслѣдованіемъ ихъ нетолько у немногихъ любителей «натуралій», но и въ самой академіи наукъ, въ ея ученомъ персоналѣ. Научнаго взгляда напр. на собранія зоологическаго

†) «Etat présent de la Russie», 1717, 258—259. Пекарскій, I, 269.

††) Пекарскій, I, 265.

†††) «Атеней» 1858 г. ч. II. Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи. П. П. 383.

кабинета еще не было. На нихъ смотрѣли еще или какъ на поразительныя для глазъ «диковины», «раритеты» и «куріозы», и для этого собирали преимущественно рѣдкіе, необычайные, аномальные и искусственно передѣланные предметы природы, или же особенно выдающіяся «натураліи» разсматривали какъ «диво» или «чудо Божіе». †) Вообще, по словамъ Брандта, до 1742 года или даже до Палласа (1766) на зоологическій музеумъ при академіи наукъ смотрѣли еще какъ на собраніе достопримѣчательностей, раритетовъ и курьезовъ; научныхъ работъ и изслѣдованій при помощи академическаго кабинета до 1742 г. еще вовсе не было, даже ни разу еще не былъ публикованъ каталогъ зоологическаго музеума, хотя коллекція его уже вполнѣ заслуживала научнаго вниманія и взгляда, такъ какъ въ зоологическомъ кабинетѣ въ 1742 г. было уже 212 млекопитающихъ, 755 птицъ, 900 амфибій, 470 рыбъ, 218 раковъ и другихъ морскихъ животныхъ и нѣсколько тысячъ насѣкомыхъ. ††) Точно также однимъ верхоглядным, поверхностнымъ взглядомъ пользовались коллекціи минералогическаго кабинета, заключавшія въ себѣ въ 1760 г. до 4,098 штукъ однихъ не-русскихъ минераловъ и до 266 штукъ разныхъ камней, и древнѣйшіе гербаріи Рюйша и Аммана, изъ коихъ послѣдній содержалъ въ себѣ 4,676 видовъ: только уже въ 1745 г. составлены и изданы были первые печатные каталоги минералогическаго и ботаническаго музеевъ. †††) Далѣе, вѣковое господство внѣшнихъ чувствъ надъ разумомъ, непо-

---

†) «Bulletin de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg», t. VII, № 4: Von F. Brandt, Das zoologische Museum, S. 11. Именно Брандтъ говоритъ: Man zu seiner Zeit dieselben (Sammlunger zoologischer Gegenstände) gewöhnlich nur als Merkwürdigkeiten anstaunte und bizarren, anomalen oder künstlich verzerrten Formen ganz besondere Aufmerksamkeit schenkte, so dass die Sammlungen mehr ergötzlichen Unterhaltung als zur Belehrung dienten, oder die auffallenden Objecte derselben als göttliche Wunder angeschaut wurden.

††) Брандтъ такъ характеризуетъ первый періодъ существованія зоологич. музеума академіи наукъ: Die erste Periode umfasst den Zeitraum, wo sie (zoologischen Sammlungen) offenbar nur als Merkwürdigkeiten angesehen wurden. Sie repräsentirten also zu jener Zeit einen Verein von Raritäten, kein eigentliches Museum im Sinne der Neuzeit. Auch wurde damals, so viel bekannt, über dieselben noch keine wissenschaftliche Arbeit, ja nicht einmal ein Catalog publicirt. Ibid., S. 24.

†††) «Bulletin de l'Acad. de Scienc. de St.-Pet.», t. VII, № 4: Zur Geschichte der Museen der kaiser. Acad. der wissensch. von Ruprecht und von Ad. Goebel.

средственно-эмпирическаго сенсуализма надъ раціональнымъ теоретизмомъ дотого развило въ умственномъ складѣ русскаго народа привычку ограничиваться верхоглядньмъ, непосредственно чувственнымъ міросозерцаніемъ, что умы русскіе и не чувствовали потомъ, въ эпоху введенія въ Россію естественныхъ наукъ, никакой наклонности и потребности углубляться въ сущность и причины физическихъ явленій. Вслѣдствіе этого представителямъ юной естествопознавательной мысли въ Россіи въ первомъ послѣ-петровскомъ поколѣніи, да и послѣ, необходимо было еще возбуждать, воспитывать въ обществѣ потребность и наклонность къ умственному углубленію въ предметы и явленія природы, нужно было раскрывать и доказывать, что одного поверхностнаго чувственнаго созерцанія природы не достаточно, что необходимъ глубокій разсудочный анализъ предметовъ и явленій природы: что при «чувственномъ окѣ», какъ выражался Ломоносовъ, необходимо еще «зрѣніе разсужденія, око остроумія». †) Въ программѣ публичнаго чтенія на русскомъ языкѣ физики съ опытами въ 1750 году, Ломоносовъ говорилъ публикѣ: «Смотрѣть на роскошь преизобилующей натуры, слушать тонкій шумъ трепещущихъ листовъ и внимать сладкому пѣнію птицъ — есть чудное и духъ восхищающее увеселеніе. Но хотя и эти истинныя блаженства рода человѣческаго и безпорочныя преимущества столь пріятны, вожделѣнны, полезны и святы, однако могутъ быть приведены въ несравненно высшее достоинство, чего должны искать въ подробномъ познаніи свойствъ и причинъ самыхъ вещей, отъ которыхъ сіи блаженства и преимущества происходятъ. Кто знаетъ свойства и смѣшенія малѣйшихъ частей, составляющихъ чувствительныя тѣла, изслѣдовалъ расположеніе органовъ и движенія законы, — коль вящшее увеселеніе имѣетъ онъ предъ тѣмъ, кто только на внѣшній видъ вещей смотритъ и вмѣсто самихъ почти одну тѣнь оныхъ видитъ... Изъ всего сего явствуетъ, что блаженства человѣческія увеличены и въ высшее достоинство приведены быть могутъ только яснѣйшимъ и подробнѣйшимъ познаніемъ натуры, котораго источникъ есть натуральная философія, обще-называемая физика. Она раздѣляетъ смѣшеніе, различаетъ сложеніе частей, составляющихъ натуральныя вещи, усматриваетъ въ нихъ взаимныя дѣйствія и союзъ, показываетъ ихъ причины, описываетъ непоколебимые естественные уставы и въ умѣ воображаетъ, что отъ чувствъ нашихъ долготою времени, дальностью разстоянія или

---

†) Сочиненія Ломоносова, III, 147—148.

дебелостью великихъ тѣлъ закрыто, или по безмѣрной тонкости чувствамъ не подвержено. Сей столь полезной и достохвальной науки основаніемъ суть надежные и достовѣрные опыты надъ тѣлами и ихъ дѣйствіями, изъ которыхъ выводятъ и поставляютъ мысленныя физическія предложенія (теоріи), показываютъ и доводами утверждаютъ причины натуральныхъ перемѣнъ и явленій. Того ради императорская академія наукъ, по узаконенію премудраго основателя ея, желающихъ учиться натуральной философіи на физическіе опыты призываетъ, ничего инаго отъ нихъ не желая, какъ только постояннаго слушанія.» †) Чтобы еще яснѣе и убѣдительнѣе раскрыть русскому обществу всю ограниченность и мелкость міросозерцанія, сообщаемаго одними внѣшними чувствами и простою памятью, и показать безмѣрное преимущество міросозерцанія, выработаннаго естествоиспытательною мыслью, Ломоносовъ противопоставляетъ безсмысленному и малопамятному верхогляду-дикарю глубокомысленный и многообъемлющій умъ натуралиста, или мыслителя-естествоиспытателя. «Представьте разность обоихъ въ мысляхъ вашихъ,—говоритъ онъ.—Представьте, что одинъ человѣкъ не многія нужнѣйшія въ жизни вещи, всегда предъ глазами его обращающіяся, только назвать умѣетъ; другой—не токмо всего, что земля, воздухъ и воды рождаютъ, имена, свойства и достоинства языкомъ изъясняетъ, но и чувствамъ нашимъ отнюдь не подверженныя понятія ясно и живо словомъ изображаетъ. Одинъ выше числа перстовъ своихъ въ счетѣ происходить не умѣетъ; другой не токмо чрезъ величину тягость безъ вѣсу, чрезъ тягость величину безъ мѣры познаетъ, не токмо на землѣ неприступныхъ вещей разстояніе издалека показать можетъ, но и небесныхъ свѣтилъ ужасныя отдаленія, обширную огромность, быстротекучее движеніе и на всякое мгновеніе ока перемѣнное положеніе опредѣляетъ. Одинъ лѣтъ своей жизни, или краткаго вѣка дѣтей своихъ показать не знаетъ; другой не токмо прошедшихъ временъ многоразличныя и почти безчисленныя приключенія, въ натурѣ и въ обществахъ бывшія, по лѣтамъ и мѣсяцамъ располагаетъ, но и многія будущія предвозвѣщаетъ» и пр. ††) Послѣ вѣковаго господства одного «чувственнаго ока» въ созерцаніи природы, Ломоносовъ призывалъ умы русскіе устремить «очи остроумія и разужденія» на испытаніе причинъ физическихъ явленій, и какъ бы ни было это на первыхъ

---

†) Соч. Ломон. 1803 г. ч. III, стр. 1—7.
††) Ibid., стр. 9—11.

порахъ трудно для «зрѣнія разсужденія», все-таки онъ настоятельно требовалъ умственнаго труда въ дѣлѣ познанія природы. «Какъ чувственное око — говорилъ онъ въ словѣ о свѣтѣ — прямо на солнце смотрѣть не можетъ, такъ и зрѣніе разсужденія притупляется, изслѣдуя причины происхожденія свѣта и раздѣленіе его на разные цвѣты. Чтожъ намъ, оставить ли надежды? Отступить ли отъ труда? Отдаться ли въ отчаяніе о успѣхахъ? Никакъ! Поднявшись выше всякаго мрака предупрежденныхъ мыслей, устремимъ, сколько возможно, остроумія и разсужденія очи для испытанія причинъ происхожденія свѣта и раздѣленія его на разные цвѣты.» †) Наконецъ, вслѣдствіе вѣковаго преобладанія непосредственно-натуральнаго верхоглянднаго сенсуализма надъ умозрительною силою интеллигенціи, — русскіе хотя и видѣли вокругъ себя богатыя сокровища естественной экономіи русской земли, наприм. богатыя золотомъ горы, но сами своимъ умомъ, безъ помощи западной интеллигенціи, ничего не могли открыть и добыть. Одинъ изъ отличнѣйшихъ знатоковъ горнаго дѣла въ свое время, де-Геннинъ писалъ Петру Великому о русскихъ заводчикахъ Строгоновыхъ, просившихъ у него совѣтовъ и наученія въ горномъ дѣлѣ: «Строгоновы, видя нынѣ, что Богъ открылъ много руды, а прежде сего жили они, какъ танталусъ весь въ золотѣ и огорожены золотомъ, а не могли достать, въ такомъ образѣ, что жили они въ мѣди, а голодны, и нынѣ просили меня, чтобъ я съ ними товарищъ былъ и показалъ имъ, какъ плавить и строить.» ††) Рудопріискатели—справедливо замѣчаетъ г. Н. Поповъ— мало обращали вниманіе на природу, среди которой кипѣла ихъ дѣятельность. Они знали только, что горный кряжъ, идущій изнутри Башкиріи до самаго Верхотурья, состоитъ изъ горъ не очень дикихъ, прикрытыхъ черноземомъ, хорошими травами и лѣсомъ; что кряжъ, уходившій на сѣверъ отъ Верхотурья, гдѣ замѣтнѣе другихъ вершинъ были Косвинскій и Павдинскій Камни, состоялъ изъ горъ чрезъ мѣру высокихъ, голыхъ и дикихъ, отчасти поросшихъ мхомъ, отчасти малымъ лѣсомъ; что всѣ рѣки, бѣгущія изъ Каменнаго пояса въ полуденную сторону, прошли въ Сибирь, а текущія на полночь, ушли въ Русь, что въ первыхъ нѣтъ ни раковъ, ни форели, а во вторыхъ и тѣ и другія водятся.» †††) Слѣдовательно всѣ физико-географическія знанія о природѣ

†) Ibid., 147—148

††) Н. Поповъ, «Татищевъ и его время», 45.

†††) Ibid., 135.

новооткрытыхъ странъ ограничивались сенсуально-поверхностнымъ обозрѣніемъ и представленіемъ однихъ видимыхъ, осязаемыхъ и невольно выдающихся на взглядъ предметовъ уральско-сибирской природы.

Далѣе, вслѣдствіе вѣковаго господства внѣшнихъ чувствъ надъ разумомъ и вѣковаго отсутствія постепеннаго развитія раціональной мыслительности,—народъ русскій логически послѣдовательно не приготовленъ былъ къ убѣжденію въ пользѣ естественныхъ наукъ, къ умственному примиренію съ ихъ раціонализмомъ. Вслѣдствіе вѣковаго преобладанія вѣры и суевѣрья надъ разумомъ и мыслью, психопатическое, сенсуально-галлюцинаціонное міросозерцаніе никакъ не могло согласоваться съ раціональнымъ, естественно-научнымъ міросозерцаніемъ. Поэтому, старое, сенсуально-галлюцинаціонное, суевѣрно-религіозное предубѣжденіе противъ естественныхъ наукъ въ первомъ послѣ-петровскомъ поколѣніи господствовало еще въ высшей степени и сильно мѣшало развитію національной, естествопознавательной мыслительности. Въ первомъ послѣ-петровскомъ поколѣніи кругомъ множество было людей, которые, подобно осмѣиваемымъ въ сатирѣ Кантеміра «на хулящихъ ученіе» — Критону и Сильвану, «съ чотками въ рукахъ ворчали—вздыхали, что сѣмя естественныхъ наукъ вредно», что «испытывать строй міра и вывѣдывать вещей перемѣну или причину, мало подая вѣры освѣщенному чину», грѣхъ и сумасшествіе. Люди эти, вовсе не понимая своимъ неразвитымъ умомъ теорій естественно-математическаго ученія, съ фанатической злобой роптали и возставали противъ распространенія въ Россіи дотолѣ вовсе невѣдомыхъ и немыслимыхъ новыхъ естественно-научныхъ теорій, системъ и открытій. Такъ ханжи нападали на переводъ сочиненія Гюйгенса — Cosmoteros: возвѣщенная въ немъ система Коперника казалась русскимъ читателямъ еретическою, противною св. писанію, поэтому, переводъ снабженъ былъ предисловіемъ, гдѣ говорится: «и не буди читателю россійскому чюжо (странно), что нашъ земный глобусъ, купно съ прочими тремя малыми планетами Марсомъ, Венусомъ и Меркуріемъ, такъ зѣло малыми зернышками, примѣромъ противъ солнца почитая, представлены суть; луна же убо такова мала и незнатна, что едва видѣть возможно... Всѣ астрономическія обсерваціи и изъ иныхъ произведенные геометрическіе доводы необманно даютъ знать, якоже опымъ, иже искусство во ариѳметикѣ и геометріи имѣютъ, легко показати возможно, прочіимъ же общей пословицы (людямъ простаго сословія), чтобъ искусному и обученому художнику въ его ремеслѣ или художествѣ вѣрити, держаться надлежитъ, и того для стерещися, дабы таковыя ихъ понятію или выразумѣнію трудныя дѣла

не за смѣхъ или басни почтены были.» Изъ этихъ словъ видно, что русскому обществу или первому послѣ-петровскому поколѣнію казалось даже еще странною, чюжею аксіома, что земля наша есть не болѣе, какъ зернышко, песчинка въ космической системѣ, и вообще вся система Коперника, трудная понятію или выразумѣнію русскаго общества, не знавшаго математики, казалась смѣшною и баснословною. И несмотря на примирительное предисловіе «книга мірозрѣнія» въ свое время считалась самою богопротивною и противъ нея въ рукописяхъ извѣстны жестокія выходки нашихъ ханжей. †) Точно также западныхъ ученыхъ, распространявшихъ у насъ математическія и естественныя науки, русскій народъ считалъ чернокнижниками. «Извѣстна репутація Брюса въ Россіи XVIII столѣтія, какъ чернокнижника и астролога,—говоритъ г. Пекарскій.—Такъ напр. легенда сохранила, что «Брюсъ, умирая, вручилъ Петру склянку съ живой и мертвой водой, съ тѣмъ, что если онъ пожелаетъ видѣть его ожившимъ, то велѣлъ бы вспрыснуть его трупъ этою водою. Прошло потомъ нѣсколько лѣтъ, и Петръ вспомнилъ о завѣщанной Брюсомъ склянкѣ, велѣлъ разрыть могилу его; къ ужасу присутствовавшихъ оказалось, что покойникъ лежалъ въ могилѣ, какъ живой, и у него даже отросли длинные волосы на головѣ и бородѣ и ногти на рукахъ. Царь былъ такъ пораженъ этимъ, что велѣлъ скорѣе зарыть могилу, а склянку разбилъ.»» Подобная же легенда нѣсколько короче сообщена о Брюсѣ въ «Очеркѣ морскаго кадетскаго корпуса» ††). Вообще, предубѣжденіе противъ естествознанія, являющееся естественнымъ слѣдствіемъ вѣковаго преобладанія до Петра Великаго внѣшнихъ чувствъ надъ раціональнымъ мышленіемъ и слѣпой вѣры надъ развитіемъ разума, было столь сильно въ первомъ послѣ-петровскомъ поколѣніи, что Ломоносовъ долженъ былъ всякими доводами доказывать нетолько пользу, но и безгрѣшность естествознанія. Одни считали «испытаніе природы продерзостнымъ испытаніемъ таинъ и дѣлъ Творца», и въ несчастномъ пораженіи Рихмана при производствѣ опытовъ надъ громоотводами видѣли подтвержденіе своего предразсудка. Поэтому Ломоносовъ, говоря слово о воздушномъ электричествѣ, долженъ былъ такимъ образомъ защищать естествоиспытателей отъ этого суевѣрнаго нареканія: «Когда употребленіе наукъ—говорилъ онъ—не токмо въ добромъ управленіи государства, но и въ обновленіи, по примѣру Петра

---

†) Пекарскій, I, 283.
††) Ibid., I, 289—290.

Великаго, весьма пространно; того ради истиннымъ симъ доказательствомъ увѣреннымъ намъ быть должно, что оныхъ людей, которые бѣдственными трудами, или паче исполинскою смѣлостію тайны естественныя испытать тщатся, не надлежитъ почитать продерзкими, но мужественными и великодушными, ниже оставлять изслѣдованія натуры, хотя они скоропостижнымъ рокомъ житія лишились... Не думаю, чтобы внезапнымъ пораженіемъ нашего Рихмана натуру испытующіе умы устрашились и електрическія силы въ воздухѣ законы извѣдывать перестали; но паче уповаю, что все свое раченіе на то положатъ съ пристойною осторожностію, дабы открылось, коимъ образомъ здравіе человѣчества отъ оныхъ смертоносныхъ ударовъ могло быть покрыто. Посему и мнѣ о електрическихъ явленіяхъ на воздухѣ предлагающему и вамъ слушающимъ много меньше опасаться должно... Симъ предпріятіемъ не уповаю, слушатели, чтобы въ васъ негодованіе или боязнь нѣкоторая родилась. Ибо вы вѣдаете, что Богъ далъ и дикимъ звѣрямъ чувство и силу къ своему защищенію; человѣку сверхъ того прозорливое разсужденіе къ предвидѣнію и отвращенію всего того, что жизни его вредить можетъ... Посему должно ли тѣхъ почитать дерзостными и богопротивными, которые для общей безопасности къ прославленію Божія величества и премудрости величіе дѣлъ его въ натурѣ молніи и грома изслѣдуютъ? Никакъ, мнѣ кажется, что они еще особливою его щедротою пользуются, получая пребогатое за труды свои мздовоздаяніе, то есть, толь великихъ естественныхъ чудесъ откровеніе. Отворено видимъ святилище его по открытіи електрическихъ дѣйствій въ воздухѣ, и мановеніемъ натуры во внутренніе входы призываемся. Еще ли стоять будемъ у порога, и прекословіемъ неосновательнаго предувѣренія удержимся? Никоею мѣрою; но напротивъ того, сколько намъ дано и позволено, далѣе простираться не престанемъ, осматривая все, къ чему умное око проникнуть можетъ.» †) Другіе вообще убѣждены были, что «испытаніе натуры»—грѣхъ, противно вѣрѣ, откровенію, св. писанію. Поэтому Ломоносовъ доказывалъ, наоборотъ, что «испытаніе натуры свято» и нисколько не противно откровенію и вѣрѣ. «Испытаніе натуры трудно, слушатели, — говорилъ онъ, — однако пріятно, полезно, свято.» ††) «Природа и вѣра никогда между собою въ распрю придти не могутъ, развѣ кто изъ нѣкотораго тщеславія и показанія

---

†) Соч. Ломоносова, 52, 108—110.
††) Слово о происх. свѣта, стр. 146.

своего мудрованія на нихъ вражду вскленлетъ. Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги. Въ одной показалъ свое величество, въ другой свою волю. Первая видимый сей міръ, вторая—св. Писаніе. Въ оной книгѣ сложенія видимаго сего міра, физики, математики, астрономы и прочіе изъяснители божественныхъ въ натуру вліянныхъ дѣйствій суть таковы, каковы въ оной книгѣ св. Писанія пророки, апостолы и церковные учители.... Не здраво разсудителенъ и Богословіи учитель, если онъ думаетъ, что по псалтирѣ можно научиться астрономіи и химіи.» †) Наконецъ, борясь съ народнымъ предубѣжденіемъ противъ естествознанія, Ломоносовъ раскрывалъ умственно-просвѣтительное значеніе естественныхъ наукъ и необходимость ихъ для разсѣянія народныхъ суевѣрій и предразсудковъ. «Сіе рѣдко случающееся явленіе—говорилъ онъ въ разсужденіи о явленіи Венеры—требуетъ двоякаго объясненія. Первымъ должно отводить отъ людей непросвѣщенныхъ никакимъ ученіемъ всякія неосновательныя сомнительства и страхи, кои бываютъ иногда причиною нарушенія общаго покоя. Нерѣдко легковѣріемъ наполненныя головы слушаютъ, и съ ужасомъ внимаютъ, чтó при таковыхъ небесныхъ явленіяхъ пророчествуютъ бродящія по міру богадѣленки, кои не токмо во весь свой долгій вѣкъ о имени Астрономіи не слыхали, да и на небо едва взглянуть могутъ, ходя сугорбясь... Но сіе больше касается до простонародья, которое о наукахъ никакого понятія не имѣетъ. Крестьянинъ смѣется астроному, какъ пустому верхогляду. Астрономъ чувствуетъ внутреннее увеселеніе, представляя въ умѣ, коль много знаніемъ своимъ его превышаетъ, человѣка себѣ подобно сотвореннаго. Второе изъясненіе простирается до людей грамотныхъ, до чтецовъ писанія и ревнителей къ православію, кое святое дѣло само по себѣ похвально, еслибы иногда не препятствовало излишествомъ своимъ высокихъ наукъ приращенію. Читая здѣсь о великой атмосферѣ около планеты Венеры, скажетъ кто: сіе де надобно Коперниковой системѣ, противно де закону. Отъ таковыхъ размышленій происходитъ споръ о движеніи и стояніи земли. Но сей споръ имѣетъ начало отъ идолопоклонническихъ, а не христіанскихъ учителей... Коперникъ возобновилъ солнечную систему, коя его имя нынѣ носитъ; показалъ преславное употребленіе ея въ астрономіи, которое послѣ Кеплеръ, Ньютонъ и другіе великіе математики и астрономы довели до такой точности, какую нынѣ видимъ въ предсказаніи небесныхъ явленій, чего по земностоятельной системѣ отнюдь достигнуть не возможно.» ††)

†) Ibid., 350—352.
††) Соч. Ломоносова, 342 — 346.

Далѣе, вѣковое преобладаніе физической, промышленной работы надъ дѣятельностью интеллектуальной, рабочихъ, промышленныхъ интересовъ надъ потребностями умственными, непосредственно-чувственной воспріимчивости надъ теоретическою мыслительностью, во время введенія въ Россіи физико-математическихъ наукъ и реальныхъ, промышленныхъ искусствъ западныхъ, естественно отозвалось наибольшею склонностью народа къ рабочимъ, промышленнымъ, практически прикладнымъ наукамъ, чѣмъ къ теоретическимъ—къ чистой математикѣ и т. п. Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 25-го августа 1719 г. (№ 18) объявлено было, что когда устроены были фабрики шпалерныя, подъ вѣдѣніемъ французскихъ мастеровъ, мануфактуры шелковыя, штофныя, ленточныя, чулочныя и шерстяныя, «къ работамъ на эти фабрики и мануфактуры съ 200 человѣкъ охотныхъ робятъ для науки записалось, и простой народъ къ симъ наукамъ особливую охоту показуетъ.» †) Такъ наглядные образцы практически-полезныхъ, промышленныхъ приложеній естествознанія гораздо больше согласовались съ сенсуалистическимъ умонастроеніемъ народа и больше возбуждали въ немъ охоту, чѣмъ теоретическія физико-математическія науки. Фактъ этотъ показываетъ, что рабочій народъ нашъ съ надлежащимъ успѣхомъ и скорѣе всего можетъ быть введенъ въ область естествознанія только путемъ практическаго, нагляднаго, промышленнаго примѣненія естествознанія, путемъ физическихъ, реальныхъ работъ на фабрикахъ и заводахъ, на практикѣ земледѣлія, скотоводства и т. д. Потому-то и Петръ Великій, геній котораго представлялъ прототипъ народнаго сенсуально-реалистическаго умственнаго склада, былъ, по выраженію Руссо, génie imitatif, ††) и который самъ изучалъ европейскія науки по нагляднымъ образцамъ, разсматривая разныя машины, модели, натуральные музеи и кабинеты, а также наглядные физическіе и химическіе опыты, — вводилъ въ Россіи преимущественно тѣ естественныя и математическія науки, которыя наиболѣе приложимы были къ практическимъ, хозяйственнымъ потребностямъ государства и народа, которыя относились наприм. къ устройству необходимыхъ въ практическихъ работахъ машинъ, къ архитектурѣ, къ торговлѣ и промышленности, къ мореплаванію и рѣчному судоходству, къ сельскому хозяйству и т. п., и такимъ образомъ практическимъ реальнымъ пу-

---

†) Пекарскій, II, 464.

††) Pierre avait *le génie imitatif*, — говоритъ Руссо. Contrat Social du peuple, Livr. II, C. VIII.

темъ, указаніемъ наглядныхъ образцовъ практическаго приложенія естествознанія, вводилъ народъ въ область теоретическаго естествоиспытанія или физико-математическихъ наукъ. «Монархъ, къ великимъ дѣламъ рожденный, — говоритъ Ломоносовъ, — тогда усмотрѣлъ ясно, что ни полковъ, ни городовъ надежно укрѣпить, ни кораблей построить и безопасно пустить въ море нельзя, не употребляя математики; ни оружія, ни огнедышащихъ машинъ, ни лекарствъ безъ физики приготовить, словомъ ни во время войны государству надлежащаго защищенія, ни во время мира украшенія безъ вспоможенія наукъ не возможно... Того ради ввелъ въ Россіи математическія и естественныя науки. Коль великія употребилъ иждивенія на пріобрѣтеніе вещей драгоцѣнныхъ, многообразною натуры и художества хитростію произведенныхъ, которыя къ распространенію науки въ отечествѣ удобны быть казались. И такъ, когда употребленіе наукъ не токмо въ добромъ управленіи государства, но и въ обновленіи, по примѣру Петра Великаго, весьма пространно, — того ради намъ должно быть увѣренными истиннымъ симъ доказательствомъ, что оныхъ людей, которые съ исполинскою смѣлостію тайны естественныя испытать тщатся, не надлежитъ почитать продерзкими, но мужественными и великодушными, ниже оставлять изслѣдованія натуры, хотя они скоропостижнымъ рокомъ живота лишились.» †) Потому же, и самъ Петръ Великій смотрѣлъ на естественныя науки больше съ практической точки зрѣнія, какъ на реальныя искусства, и потому называлъ ихъ «художествами»; напримѣръ — «художества математическое, механическое, хирургическое, архитектуръ-цивилисъ, ботаническое» и т. п. ††) Съ другой стороны, вслѣдствіе того же вѣковаго преобладанія практическихъ работъ и интересовъ народа надъ умственными потребностями и теоретическою мыслительностью и любознательностью, народъ не имѣлъ досуга и охоты углубляться въ изученіе теоретическихъ естественныхъ наукъ. Ктому-же, реформа Петра Великаго прибавила народу множество новой практической работы. Поэтому, и самъ Петръ Великій, повелѣвая переводить и издавать для народа математическія и естественныя книги, въ тоже время заботился о сокращеніи этихъ книгъ, чтобы понапрасну не отвлекать народъ отъ работъ и не отбить у читающаго класса послѣдней охоты къ изученію переводныхъ естественныхъ книгъ.

---

†) Сочин. Ломоносова, 49—52.
††) П. С. З VII, № 4,438.

Такъ наприм. Петръ Великій, просматривая въ 1724 г. переводъ книги Land und Feld и собственноручно сокративъ въ ней одинъ трактатъ для примѣра переводчикамъ, писалъ: «трактатъ о хлѣбопашествѣ выправилъ и для примѣра посылаю, дабы посему книги переложены были безъ излишнихъ разсказовъ, кои время только тратятъ и чтущимъ охоту отъемлютъ.» †) Поэтому, и переводчики заботились о краткости издаваемыхъ книгъ, чтобы тоже не отвлекать слишкомъ читателей отъ ихъ практическихъ трудовъ. Напр. въ «Географіи или краткомъ земнаго круга описаніи», напечатанной въ Москвѣ въ 1710 г., на стр. 104 сказано: «сіе краткое описаніе сотворихомъ точію на пользу таковымъ, иже охоту къ вѣдѣнію расположенія круга и частей его и государствъ въ нихъ содержащихся имутъ; но толикаго времени, за трудами своего званнаго чина, къ прочитанію великихъ книгъ не имѣютъ; егда же сіе, аще и малое, имутъ прочитати внятно, возможно по малу и о иныхъ искусство воспріяти, и со всякимъ пришельцемъ искусно о всякой странѣ разговоры имѣти.» ††) Точно также издатель «Науки Статической или механики», напечатанной въ 1722 г., въ предисловіи оговаривался: «здѣ краткое нѣкое истолкованіе онаго художества; здѣ пространное истолкованіе оставлено, дабы въ науку художества сего вникающимъ многословіемъ охоты не отнять.» †††) Наконецъ, по преобладанію въ народѣ практическаго, промышленнаго умонастроенія, и всѣ первые любители естествознанія въ Россіи доказывали обществу преимущественно практическую пользу естественныхъ наукъ. Ломоносовъ, чтобы возбудить и воспитать въ обществѣ любовь къ глубокому теоретическому познанію естественныхъ наукъ, въ одно и тоже время доказывалъ обществу, что основательное и глубокое изученіе «натуральной науки» или «испытаніе натуры»— причинъ, связи и свойствъ «натуральныхъ вещей» сколько доставляетъ умственное наслажденіе, столько же приноситъ и практическую пользу. «Испытаніе натуры трудно, слушатели, — говорилъ онъ, — однако пріятно, полезно. Чѣмъ больше таинствъ ея разумъ постигаетъ, тѣмъ вящшее увеселеніе чувствуетъ сердце. Чѣмъ далѣе раченіе наше въ испытаніи натуры простирается, тѣмъ обильнѣе собираетъ плоды для потребностей житейскихъ.» ††††) Въ программѣ публичныхъ чтеній

†) Пекар., I, 214.
††) Ibid., II, 240.
†††) Пекар., II, 569.
††††) Соч. Ломоносова, 146.

физики Ломоносовъ говорилъ: «кто мысленныя разсужденія о натуральныхъ вещахъ въ гражданскихъ или домостроительныхъ предпріятіяхъ въ дѣйствіе производитъ, того надежда объ окончиваемыхъ его дѣлахъ тѣмъ тверже есть и увеселительнѣе, тѣмъ безопаснѣе и полнѣе есть его удовольствіе по окончаніи оныхъ вещей» †). Слово о пользѣ химіи, говоренное Ломоносовымъ 6-го сентября 1751 года, все есть ничто иное, какъ доказательство практической пользы не только химіи, но математики, физики, геометріи, механики, оптики и даже медицины ††).

Наконецъ, и зародившаяся уже въ немногихъ передовыхъ умахъ математическая и естествопознавательная мысль, въ первомъ послѣ-петровскомъ поколѣніи была еще весьма не зрѣла, малосильна, одностороння и непослѣдовательна. Вся сила ея заключалась еще только въ убѣжденіи въ пользѣ естественныхъ наукъ, а самостоятельная разработка наукъ еще и не мыслима была. Одинъ только Ломоносовъ, какъ мы видѣли, начиналъ самостоятельно работать въ области химическаго и физическаго испытанія природы. Но и онъ не могъ обходиться безъ западныхъ физическихъ руководствъ: публичныя лекціи физики онъ читалъ по руководству экспериментальной физики Вольфа. И самостоятельныя его химико-физическія разсужденія, часто выводимыя a priori, нерѣдко отзываются парадоксальностью, незрѣлостью, схоластицизмомъ. Господствующій взглядъ его на природу, конечно, сообразно съ духомъ времени и съ умонастроеніемъ русскаго общества — былъ натуръ-философическій, или иногда даже физико-теологическій. Наконецъ, Ломоносовъ, несмотря на то, что былъ натуралистъ, естествоиспытатель, химикъ, все-таки не былъ строго-послѣдовательнымъ, полнымъ реалистомъ. Въ Словахъ о природѣ, о пользѣ химіи, о свѣтѣ, о воздушномъ электричествѣ и пр. онъ былъ реалистъ естествоиспытатель, хотя отчасти съ примѣсью физико-теологическихъ воззрѣній на природу; въ такихъ одахъ, или поэмахъ, какъ ода о пользѣ стекла, онъ тоже является реалистомъ; но въ высокоторжественныхъ одахъ и вообще во всемъ своемъ стихотворствѣ онъ является идеалистомъ †††). И вообще, отъ естествоиспытательной мысли, отъ открытій и теорій

---

†) Ibid., 4.

††) Ibid., 9—46.

†††) Ломоносовъ, какъ видно, не сочувствовалъ скептико-критическому раціонализму Вольтера. Посылая Шувалову стихи Вольтера, написанные въ 1751

Ломоносова еще слишкомъ далеко было доростать русской естествопознавательной мысли до геніевъ, теорій и открытій Ньютоновъ, Кеплеровъ, Галилеевъ, Лейбницевъ, Эйлеровъ и пр. Ктому-же юная естествопознавательная мысль русскихъ умовъ, на первыхъ порахъ, была еще столь не зрѣла и не самостоятельна, что очень легко ошибалась въ выборѣ для изученія естественно-научныхъ книгъ на западѣ. Хотя Петръ Великій большею частію съ тактомъ и умѣньемъ выбиралъ и указывалъ книги для перевода, но все-таки не всѣ книги удачно были выбраны. Такъ напр. переводъ астрономіи Гюйгенса только тѣмъ развѣ и полезенъ былъ, что въ ней принята и изложена система Коперника. Но затѣмъ она исполнена странныхъ мечтаній, наприм. объ обитаемости звѣздъ, о звѣздахъ, созданныхъ будто-бы для человѣка и т. п. Вообще, по свидѣтельству Деламбра, это одно изъ слабѣйшихъ сочиненій Гюйгенса, написанное имъ уже въ старости. Потомъ, еще неудовлетворительнѣе выборъ былъ въ переводѣ геологической книги Томаса Борнета—Telluris theoria sacrae. Она тѣмъ только и заслуживала вниманіе, что впервые вводила въ Россіи идею геологіи. Ляйель такъ говоритъ объ этой книгѣ: «заглавіе этого сочиненія какъ нельзя лучше характеризуетъ вѣкъ Борнета (1690): «Священная теорія земли», содержащая описаніе происхожденія земли и всѣхъ общихъ измѣненій, которымъ она подвергалась и которымъ должна будетъ подвергаться до скончанія всѣхъ вещей.» Самъ Мильтонъ въ своей поэмѣ не увлекался такъ сильно воображеніемъ, какъ увлекся Борнетъ при описаніи картинъ Творенія и Потопа, Рая и Хаоса. Онъ объяснялъ, почему первобытная земля наслаждалась непрерывною весною до потопа; показывалъ,

---

г. къ Фридриху II — Au Roi de Prusse, Ломоносовъ писалъ къ меценату 3-го окт. 1752 года: «не могу преминуть не прислать Волтеровой музы новаго исчадія, которое объявляетъ, что онъ и его государь безбожникъ. Приличнѣе примѣра найти во всѣхъ Волтеровыхъ сочиненіяхъ невозможно, гдѣ бы виднѣе было его полоумное остроуміе, безсовѣстная честность и ругательная хвала, какъ въ сей панегирической пасквилѣ» (Зап. Акад Наук. 1862 г., т. I, кн. I, прил. стр. 23). Впрочемъ, надобно замѣтить, что въ то время «такой знаменитый европейскій математикъ, какъ Эйлеръ, въ письмахъ своихъ — Lettres à une princesse II Allemagne sur quelques sujets de physique et de philosophie (3 T. Petersb. 1768—1772) и въ сочин. «Rettung der Offenbarung gegen die Einwürfe der Freygeister» (Berlin 1747) являлся защитникомъ спиритуализма. Поэтому Д'Аламберъ о немъ говорилъ: «нашъ другъ—великій аналистъ, но довольно плохой философъ» (Зап. Ак. Н. 1864, т. VI, 60—707).

какъ кора земнаго шара давала разсѣлины отъ «солнечныхъ лучей», и прорвавшись наконецъ, дала дилювіальнымъ водамъ свободный выходъ изъ предполагаемой центральной бездны. Не довольствуясь этимъ, онъ заимствовалъ изъ разныхъ авторитетовъ воззрѣнія на будущіе перевороты земнаго шара, изображалъ страшную картину разрушенія міра огнемъ, доказывалъ, что новое небо и новая земля возникнутъ изъ втораго хаоса — и что засимъ наступитъ благословенный милленніумъ... О мѣстонахожденіи рая (надъ облаками) Борнетъ трактуетъ съ должною важностью. Ботлеръ осмѣялъ эту мечту въ своей сатирѣ. Пересчитывая многочисленныя совершенства Гудибраса, онъ говоритъ:

Онъ вѣдалъ мѣстонахожденье рая,
И могъ сказать, подъ какимъ онъ градусомъ лежитъ;
А еслибъ захотѣлъ, то доказалъ бы,
Что ниже онъ луны, или даже и надъ ней.

Слогъ «Священной теоріи» Борнета краснорѣчивъ, и вся книга выказываетъ необыкновенную изобрѣтательность ума. Въ сущности, она ничто иное, какъ прекрасный историческій романъ, каковымъ впослѣдствіи Бюффонъ и назвалъ ее. Но при жизни автора она считалась за сочиненіе глубоко ученое, и была воспѣта Адиссономъ въ латинской одѣ, между тѣмъ какъ Сталь восхвалялъ въ журналѣ «Spectator» †). Даже и «Ариѳметики», притомъ лучшія, были еще не совсѣмъ удовлетворительны, не возбуждали мысли, силы разсужденія. Наприм. г. В., подробно разсматривая ариѳметику Магницкаго (1703), замѣчаетъ: «методъ изложенія истинъ науки у Магницкаго довольно ясный, но, нашимъ понятіямъ, неудовлетворительный: авторъ учитъ только производить дѣйствія, не представляя причинъ, почему такъ, а не иначе дѣлается; почти не разсуждаетъ самъ и не даетъ возможности учащемуся сознательно узнать и вполнѣ убѣдиться въ непреложности математической истины. Въ геометріи изложены только самыя необходимыя и поверхностныя свѣдѣнія» ††).

Во второмъ послѣ-петровскомъ поколѣніи естествопознавательная мысль развилась уже въ большемъ числѣ умовъ, приняла болѣе научный характеръ, имѣла больше способовъ для своего развитія, но тоже еще далеко не проникла общественный смыслъ и нисколько не приви-

---

†) Ляйель, «Основныя начала Геологіи», т. I, стр. 35—36.
††) «Моск. вѣдом.» 1857 г., №№ 68, 69 и 74: «первая печатная ариѳметика въ Россіи».

лась къ массамъ рабочаго народа. Развитіе ея обусловливалось, вопервыхъ, развитіемъ естественныхъ наукъ въ первомъ русскомъ университетѣ—московскомъ, основанномъ 12 января 1755 года. Здѣсь, вскорѣ по основаніи университета, рядомъ съ западно-европейскими профессорами — Шаденомъ, Дильтеемъ, Ростомъ, Керштенсомъ, Эразмусомъ и многими другими, — являются первые русскіе натуралисты, получившіе естественно-научное образованіе заграницей, какъ-то: Афонинъ, Зыбелинъ, Веніаминовъ, Аничкинъ, Антонскій, Сохацкій и другіе. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. Афонинъ и Карамышевъ, изучали естественныя науки у знаменитыхъ натуралистовъ XVIII вѣка—у Линнея и Валлерія и отъ нихъ перенесли въ русскій университетъ первое сѣмя естествознанія †). Естественно, что съ самаго начала молодые русскіе умы еще не могли самостоятельно разработывать естественныя науки и должны были еще только усвоять ихъ по западнымъ руководствамъ. Такъ напр. Афонинъ читалъ минералогію, ботанику съ гербаризаціей въ лѣтнее время и зоологію, слѣдуя во всемъ Линнею. Веніаминовъ читалъ врачебное веществословіе и теоретическую химію, съ химическими опытами, по Фогелю. Зыбелинъ преподавалъ анатомію по Винслову, а хирургію — по Лудвигію. Аничковъ и потомъ Аршеневскій читали геометрію и тригонометрію по Вейдлеру. Кандидатъ Сибирскій по Лудвигію преподавалъ патологію, терапію, физіологію, діететику, физіологію спеціальную и физіологическую семіотику. Для физики употребляли сначала Крафтовы praelectiones in Physicam, физику Винклера, профессора, который въ Лейпцигѣ славился въ то время, «подражая своими электрическими опытами молніи и грому», и опытную физику Ноллета. Въ 1769 году Винклеровы Institutiones physices замѣнены были Кригеровымъ сокращеніемъ физики (Epitome), и профессоры заботились о пе-

†) Афонину Линней далъ такой аттестатъ: Studiosum Nobilem D-m Matth. Aphonin, Ruthenum Dissertationen de Usu Historiae naturalis in vita communi, meo sub moderamine, die XVII Maji praesentis anni, in Academia Upsaliensi ad Auditorum omnium vota et plausum strenue defendisse et vindicasse testor, ut que laborum durissimorum justa reportet praemia ipsi animitus exopto. 1766 d. 10 junii Car. von Linne. Валлерій далъ такой аттестатъ Афонину и Карамышеву: Nobilissimos, eggregiae spei studiosos, juvenes, Dom. Matth. Aphonin et Alex. Karamyschew, Russos, mea privata usos fuisse opera, in Docimasticis, Metallurgicis atque Chemicis, plurimumque exinde utilitatus, in vita communi, eosdem cum tempore praestare posse, scio, atque hisce, in eorum laudem, testari volui et debui. 18 julii 1766 an. Joh. Gotsch. Vallerius. «Исторія московск. унив.», стр. 144.

реводѣ этой книги на русскій языкъ †). Съ 179²/₃ г. опытную физику преподавалъ Страховъ, по руководству Бренсона. Естественныя науки преподавались на философскомъ и медицинскомъ факультетахъ. Въ философскомъ факультетѣ преподаваніе математическихъ и частію естественныхъ наукъ сначала соединено было вмѣстѣ съ науками философскими, словесными и историческими. Къ замѣчательнымъ явленіямъ, обнаруживающимъ успѣхъ естествопознавательной мысли (въ періодъ времени отъ 1778 до 1796 г.) принадлежатъ: отдѣленіе математики, какъ единственной философіи природы, отъ метафизической философіи, которыя передъ тѣмъ изучалъ и преподавалъ одинъ профессоръ (Аничковъ)—ариѳметику, геометрію и тригонометрію по Вейдлеру, и вмѣстѣ съ тѣмъ—логику и метафизику по Баумейстеру; введеніе естественной исторіи, какъ науки, независимой отъ медицинскихъ и философскихъ наукъ; расширеніе сравнительной анатоміи введеніемъ анатоміи различныхъ животныхъ и вивисекціи ††). Молодые русскіе натуралисты начинали уже упражняться въ производствѣ физическихъ опытовъ, какъ напр. докторъ медицины Политковскій, только-что возвратившійся изъ-за границы, приступая къ преподаванію натуральной философіи, обѣщалъ произвести опыты надъ разными газами и особенно надъ водородомъ. Для полученія ученыхъ степеней и каѳедръ при университетѣ, молодые русскіе ученые начинали уже представлять и защищать свои естественно-научныя диссертаціи. Напр. въ 1766 г., 17-го мая, Афонинъ защищалъ въ упсальскомъ университетѣ свою диссертацію: «о приложеніи естественной исторіи къ общественной жизни» и получилъ одобрительные аттестаты отъ знаменитаго Линнея и Валлерія. Въ 1791 г. кандидатъ медицины Барсукъ-Моисеевъ защищалъ диссертацію о дыханіи и первый получилъ право доктора медицины †††). Нѣкоторые русскіе профессоры-натуралисты иногда переводили и издавали кое-какія книги и руководства по естественнымъ наукамъ. Напр. профессоръ Аничковъ перевелъ съ латинскаго языка Ариѳметику, Алгебру, Геометрію и Плоскую Тригонометрію Вейдлера и издалъ въ 1765 году: эти книги расходились потомъ многими изданіями. Съ 1788 г. профессоръ Антонскій былъ главнымъ редакторомъ «Магазина Натуральной Исторіи, Физики и Химіи». Профессоръ Десницкій перевелъ анг-

†) «Ист. моск. унив.», 145—149, 186—189.
††) Шев., 230—238.
†††) «Истор. моск. унив.», 255

лійское сочиненіе практическаго эконома Томаса Боудена и напечаталъ его въ 1780 году подъ заглавіемъ: «Наставникъ Земледѣльческій или краткое англійскаго хлѣбопашества показаніе въ приготовленіи земли новымъ способомъ подъ хлѣбъ» †). Значительная степень возбужденности естествопознавательной мысли выразилась также въ публичныхъ рѣчахъ первыхъ русскихъ натуралистовъ. Усвояя естественныя знанія изъ западныхъ естественно-научныхъ источниковъ, русскіе натуралисты старались, по возможности, распространять ихъ и въ обществѣ. Рѣчи ихъ направлены были или къ естественно-научному раціонализированію народнаго міросозерцанія, къ разсѣянію предразсудковъ народнаго невѣжества, враждебныхъ естествознанію и вредныхъ въ жизни, или къ естественно-научному раціонализированію и улучшенію общественной и народной жизни по отношенію къ гигіенѣ, хозяйству и т. п. Такъ наприм. профессоръ медицины Зыбелинъ, съ цѣлію разсѣять нѣкоторые предразсудки народнаго невѣжества и обратить вниманіе на общественную гигіену, говорилъ публичныя рѣчи: о пользѣ прививной оспы и о преимуществѣ оной предъ естественною, съ моральными и физическими доказательствами противъ неправомыслящихъ; о вредѣ, проистекающемъ отъ содержанія себя въ теплотѣ излишней; о правильномъ воспитаніи съ младенчества въ разсужденіи тѣла, служащемъ къ размноженію въ обществѣ людей; о сложеніяхъ тѣла человѣческаго и способахъ, какъ оныя предохранить отъ болѣзней; о способѣ предупрежденія, немаловажной, между прочимъ, причины медленнаго умноженія народа, состоящей въ неприличной пищѣ, даваемой младенцамъ въ первые мѣсяцы ихъ жизни, гдѣ профессоръ предлагаетъ, между прочимъ, совѣты полезные для содержанія младенцевъ, основанные на свойствахъ развитія человѣческой природы. Въ рѣчи о дѣйствіи воздуха въ человѣкѣ и о путяхъ, которыми въ него входитъ (1766), Зыбелинъ указывалъ на необходимость связи между познаніемъ природы и медициною. Профессоръ Афонинъ говорилъ рѣчь: о пользѣ, знаніи, собираніи и расположеніи чернозема, особенно въ хлѣбопашествѣ. Профессоръ Антонскій—о началѣ, успѣхахъ и современномъ значеніи естественныхъ наукъ (1791). Политковскій 30-го іюля 1785

---

†) Ibid., 240, 257.

г. читалъ публичную рѣчь: о происхожденіи и о пользѣ натуральной исторіи; другая его рѣчь — о связи натуральной исторіи съ физикою, химіею и медициною. Профессоръ Сибирскій произнесъ химическое разсужденіе о сгораемыхъ тѣлахъ, естествомъ и искусствомъ произведенныхъ (1778). Въ 1799 году, 30-го іюня, профессоръ Брянцевъ сказалъ слово: о всеобщихъ и главныхъ законахъ природы; ясно изложилъ ихъ по Лейбницу, Картезію, Бильфингеру и Мендельсону. Профессоръ математики Панкевичъ говорилъ обширное слово: о подлинной цѣли математическихъ наукъ, и о сообразномъ ей расположеніи и упражненіи въ оныхъ (1792); другой профессоръ математики Аршеневскій читалъ рѣчь: о началѣ, связи и взаимномъ пособіи математическихъ наукъ и пользѣ оныхъ (1794) †). Въ то же время и иностранные профессоры-натуралисты, преподававшіе естественныя науки въ московскомъ университетѣ, точно такими же естественно-научными рѣчами возбуждали и воспитывали юную естествопознавательную мысль русскую. Такъ профессоръ анатоміи, Эразмусъ, затруднявшійся въ полученіи труповъ для анатомированія и замѣчавшій въ обществѣ и народѣ предубѣжденіе противъ анатоміи, сказалъ, въ опроверженіе этого предразсудка, двѣ латинскія рѣчи, переведенныя на русскій языкъ: 1) «о противностяхъ анатомическаго ученія, увеселеніемъ и великою онаго пользою несравненно превышаемыхъ», и 2) «о нынѣшнемъ состояніи врачебной науки въ Россіи». Кромѣ того, Эразмусъ въ 1762 году издалъ діететическую книгу: «наставленіе, какъ каждому человѣку вообще въ разсужденіи діэты, а особливо женщинамъ въ беременности, въ родахъ и послѣ родовъ себя содержать надлежитъ». Онъ же перевелъ и напечаталъ въ университетской типографіи «анатомическія таблицы Шааршмидта». По преобладанію практическихъ вопросовъ и потребностей въ Россіи надъ вопросами теоретическими, — и иностранные профессоры-натуралисты, присмотрѣвшіеся къ физико-климатическимъ условіямъ Россіи и къ физическому быту русскаго народа, часто невольно давали естествознанію прикладное, практическое значеніе. Напр. профессоръ Керштенсъ 22-го августа 1769 г. произнесъ замѣчательную рѣчь, содержащую «наставленія и правила врачебныя для деревенскихъ жителей, служащія къ умноженію недовольнаго числа людей въ Россіи». Подъ этимъ заглавіемъ рѣчь вышла тогда на русскомъ

---

†) «Ист. моск. унив.», 301

языкѣ и была пущена въ народѣ. Профессоръ обращалъ вниманіе на причины, вредящія умноженію русскаго народонаселенія, и на то ужасное явленіе, что четвертая часть младенцевъ умираетъ въ Россіи. Всѣ наблюденія врача надъ нравами и обычаями народа служатъ только введеніемъ къ изслѣдованію болѣзней, особенно господствующихъ въ русскомъ народѣ, и къ предписанію врачебныхъ пособій, которыя врачъ указываетъ въ мѣстныхъ же средствахъ народной жизни. Керштенсъ, между прочимъ, хвалитъ нашу баню, простоквашу, квасъ съ мятой, пищу изъ тертаго хлѣба. Травы, полезныя во врачебномъ отношеніи, наименованы здѣсь латинскими и народными русскими названіями †). Профессоръ Ростъ, воспользовавшись изслѣдованіями современныхъ ему ученыхъ Роберта Бойля, Гамбергера и другихъ, говорилъ рѣчь «о проницательномъ дѣйствіи малѣйшихъ частицъ, которыя изъ тѣлъ, особливо животныхъ, проистекаютъ», гдѣ давалъ полезные совѣты о благоустройствѣ жилищъ въ городахъ и домахъ, объ удаленіи кладбищъ изъ городовъ, изъ оградъ церковныхъ и т. п. Онъ же, зная, какъ важно въ Россіи производство соли, говорилъ рѣчь: «о удобнѣйшемъ приготовленіи лучшей соли изъ соляныхъ источниковъ» (1769). Съ $177^2/_3$ академическаго года Ростъ читалъ публичный курсъ экспериментальной физики по руководству Кригера и, кромѣ студентовъ, приглашалъ всѣхъ постороннихъ — «всякаго званія и обоего пола любителей и рачителей наукъ къ слушанію лекцій и къ смотрѣнію чинимыхъ физическихъ опытовъ». Судя по продолжительности этого курса, онъ имѣлъ успѣхъ въ публикѣ, возбуждалъ, если не серьезную любознательность, то простое любопытство ††). Наконецъ, возбуждалась мало по малу и въ студентахъ естествопознавательная мысль. Такъ на актѣ 30-го іюня 1769 года, студентъ Ив. Сибирскій читалъ по-латыни свое разсужденіе — «опытъ минералогической технологіи, о тѣлахъ сгораемыхъ, искусствомъ произведенныхъ, выкапываемыхъ изъ земли». Студентъ Окуловъ въ 1781 г. читалъ на французскомъ языкѣ разсужденіе «о свойствѣ и силѣ воздуха, о Коперниковой системѣ міра и о движеніи и расположеніи небесныхъ тѣлъ по оной» †††). О зачаткахъ потребности математическаго знанія свидѣтельствуетъ отчасти и тотъ фактъ, что въ гимназіи при московскомъ университетѣ наибольшее чи-

---

†) Ibid., 154.
††) Ibid., 190.
†††) Ibid., 165, 251—252.

сло учениковъ обучалось въ математическихъ классахъ, а именно 311 †). Что касается до естественно-научнаго просвѣщенія массы народа, то въ учрежденныхъ, по уставу 5-го августа, 1786 года, въ главныхъ народныхъ училищахъ преподавались, кромѣ ариѳметики и архитектуры, общія основанія геометріи, механики, физики, естественной исторіи и начала космографіи или географіи общей и русской. Въ тоже время коммиссіею объ учрежденіи народныхъ училищъ 1782 года изданы для нихъ нѣкоторые учебники по естественнымъ наукамъ, напр. руководство къ механикѣ 2-е изд. 1790 г., краткое руководство къ физикѣ 1787 г. Содержаніе этихъ книгъ было отчасти приспособлено къ понятіямъ и потребностямъ народа. Напр. физикѣ давалось такое опредѣленіе: «физика есть сколько пріятная, столько и полезная наука, толкующая свойства предметовъ, насъ окружающихъ; она просвѣщаетъ нашъ разумъ, освобождаетъ отъ суевѣрій, заблужденій, страха и ужаса, происходящаго отъ ложнаго понятія о вещахъ: такъ не почитаемъ теперь уже болѣе кометъ за предвѣстниковъ всякихъ несчастій, не вѣримъ вліянію аспектовъ на дѣла человѣческія; затмѣнія не предъявляютъ болѣе гнѣва Божія, но случаются по законамъ, въ самомъ естествѣ основаннымъ». Къ сожалѣнію, недостатокъ средствъ и нерадѣніе общественныхъ приказовъ были причиною того, что народныя училища и устроивались съ трудомъ и учебными пособіями по естественнымъ наукамъ снабжались крайне скудно. То и дѣло встрѣчались жалобы, что напр. классъ математическій не имѣетъ барометра и термометра, классъ естественной исторіи не имѣетъ нетолько кабинета, но ни одной изъ натуральныхъ вещей; классъ географіи не имѣетъ ландкартъ. Рѣдко были отрадныя извѣстія вродѣ того, что для народнаго училища куплены приказомъ общественнаго призрѣнія: натуральный кабинетъ, воздушный насосъ, Эпинусовъ микроскопъ, электрическая машина, барометръ, термометръ, магнитъ и компасъ, а также книги: Путешествіе Палласа, Гмелина и Лепехина, Зрѣлище природы, естественная исторія графа де-Бюффона ††). Но при всемъ томъ и народныя училища хотя нѣсколько воспитывали естествопознавательную мысль. Въ нѣкоторыхъ лучшихъ народныхъ училищахъ, въ третьемъ классѣ ученики изучали геометрію, физику, географію, и «изъ

---

†) «Ист. моск. унив.», 580.

††) Учил. и народное образованіе въ Черниговъ. губерн. г. Сухомлинова. «Ж. м. н. п.» 1864 г. ч. CXXI, отд. III, стр. 16.

зрѣлища вселенныя выучивали три главы, да выучивали на память изъ зрѣлища вселенныя двѣ глава по-нѣмецки, изъ естественной исторіи проходили до вопроса: сколько нужно пищи для тѣлъ органическихъ» и т. п. †). Изъ нѣкоторыхъ народныхъ училищъ изрѣдка выходили даже извѣстные натуралисты, какъ напр. изъ вологодскаго народнаго училища вышелъ Мудровъ — извѣстный медикъ-натуралистъ, профессоръ московскаго университета ††).

Далѣе, возбужденію естествопознавательной мысли и усиленію интереса къ естественнымъ наукамъ много способствовали, нетолько во второмъ, но еще болѣе въ третьемъ послѣ-петровскомъ поколѣніи, знаменитыя естественно-научныя экспедиціи XVIII вѣка: 1) экспедиція датскаго естествоиспытателя доктора Даніеля Готлиба Мессершмидта изъ Данцига; 2) экспедиція Беринга, Штеллера, Гмелина и Крашенинникова; 3) великая сѣверная экспедиція или экспедиція для съемки всего сѣвернаго берега Сибири, въ которой участвовали Павловъ, Муравьевъ, Скуратинъ, Сухотинъ, Малыгинъ, Селифонтовъ, Овцынъ, Мининъ, Кошелевъ, Стерляговъ, Прончищевъ, Харитонъ Лаптевъ, Шербининъ; 4) знаменитая экспедиція Палласа, Фалька, Георги, Лепехина, Рычкова со студентами Соколовымъ, Зуевымъ, Кошкаревымъ, Озерецковскимъ и др. Всѣ эти экспедиціи были естественно-историческимъ результатомъ и выраженіемъ начинавшаго созрѣвать сознанія того кореннаго умственнаго недостатка древней Россіи, который былъ главною, основною причиною умственно-экономическаго безсилія ея въ борьбѣ съ природой или физической экономіей русской и сибирской земли, — именно недостатка физико-географическаго и естественно-историческаго самопознанія Россіи. Составляя, такимъ образомъ, капитальный, многознаменательный фактъ въ умственной жизни Россіи XVIII вѣка, — всѣ эти естественно-научныя экспедиціи, въ то же время, были новымъ живымъ импульсомъ къ возбужденію и дальнѣйшему развитію юной естественно-научной мысли въ Россіи. Онѣ впервые практически возбуждали интересъ къ естествознанію и, въ частности, къ всестороннему естественно-научному или, по выраженію Палласа и его сотрудниковъ, «физикальному» самопознанію Россіи. «Путешествія, — говоритъ К. Риттеръ въ «Землевѣдѣніи Азіи», — путешествія, которыя, вслѣдствіе Мессершмидтова, Петербургская академія не щадя издержекъ устроивала для науки

---

†) Ibid., 12.
††) «Ист. моск. унив.», 253.

и политики, при вспомоществованіяхъ Императрицъ Анны и Елисаветы (1741 — 1762) и послѣдующихъ государей, до императрицы Екатерины II, въ теченіе столѣтія, должно причислить къ самымъ блестящимъ и благоуспѣшнымъ предпріятіямъ для науки, просвѣщенія и народнаго благополучія Россіи. Это обширное государство, только посредствомъ такихъ путешествій, могло достигнуть до самопознанія и самосознанія своихъ частей, природныхъ силъ и ихъ благотворнаго употребленія для своихъ подданныхъ» †). Съ путешествіемъ Мессершмидта по Сибири впервые возсіяла въ Россіи заря самостоятельныхъ естественно-научныхъ изслѣдованій на русской землѣ. Мессершмидтъ съ изумительнымъ успѣхомъ одинъ изслѣдовалъ въ Сибири: 1) географію страны, 2) натуральную исторію, 3) медицину, лекарственныя растенія и эпидемическія болѣзни, 4) сибирскую этнографію и филологію, 5) памятники и древности и 6) вообще все достопримѣчательное. Онъ первый и до сихъ поръ одинъ только изслѣдовалъ такія страны въ Сибири, куда послѣ него не заходилъ ни одинъ ученый, напр. страну по Нижней Тунгускѣ, гдѣ онъ сдѣлалъ много минералогическихъ открытій, какъ напр. подъ 63° и 62° 2′ с. ш. открылъ графитъ, или черный пишущій мѣлъ (Schwarzerkreide oder weichen Schreiberschiefer, grauer Kreide), подъ 60° 27′ с. ш. открылъ пласты или толщи каменнаго угля (Steinkohlenbrocken), ключи и источники поваренной соли (Cochsalzquellen), мраморъ (Marmor) и пр. Какъ велики были труды Мессершмидта, можно судить по одному образчику: одни наблюденія его надъ птицами — Mantissa ornithologica составляютъ 18 томовъ in 8 ††). Обширныя и богатыя естественно-научныя изслѣдованія Мессершмидта, хотя относятся по времени къ первому, послѣ-петровскому поколѣнію, но стали оказывать свое дѣйствіе на духъ естествоизслѣдованія уже со временъ Палласа, который и пользовался ими. Далѣе, экспедиція Беринга, Штеллера, Гмелина и Крашенинникова также значительно способствовала расширенію естествопознавательнаго кругозора юной научной мысли русской и доставила много новыхъ естественно-научныхъ идей и знаній для возбужденія и развитія естествопознавательной мысли въ Россіи. Не говоря о знаменитомъ открытіи Беринга, скажемъ только словами Бэра о заслугахъ другихъ естествоиспытателей, уча-

†). «Землев. Азіи», т. II, 344.

††) «Neue nordische Beiträge zur physical. Naturgesch.», von Pallas. S.-Petersb. 1782. Bd. III: Messerschmidt's siebenjahrige Reise in Sibirien, S. 97 — 158

ствовавшихъ въ экспедиціи Беринга. «Много новыхъ знаній пріобрѣтено,—говоритъ Бэръ,—и для естественныхъ наукъ трудами Гмелина, Штеллера и Крашенинникова. Ученый міръ въ первый разъ услышалъ о неравномъ распредѣленіи температуры подъ однимъ и тѣмъ же параллельнымъ кругомъ. Неоконченная, къ сожалѣнію, сибирская флора (Flora sibirica) Гмелина дала довольно точное и подробное понятіе о растительномъ царствѣ Сибири. Собраны свѣдѣнія о нѣкоторыхъ замѣчательныхъ сибирскихъ животныхъ, въ особенности о пушныхъ звѣряхъ. Труды Штеллера не такъ обширны, но зато они заключаютъ въ себѣ навсегда упроченный интересъ. Штеллеръ имѣлъ случай долго наблюдать большое морское млекопитающее (Ritina Stelleri), вскорѣ потомъ истребленное и не видѣнное съ тѣхъ поръ уже ни однимъ естествоиспытателемъ; кромѣ того, онъ изучалъ образъ жизни многихъ породъ тюленей, дотолѣ никогда не возмущаемыхъ присутствіемъ людей. Изъ его наблюденій узнали, что животныя вдали отъ людей имѣютъ что-то вродѣ общественнаго быта, который не замѣченъ у животныхъ, постоянно преслѣдуемыхъ и угнетаемыхъ» †). Съемка всего сѣвернаго берега Сибири, гдѣ еще никогда не появлялся секстантъ, составляетъ уже одно изъ величайшихъ, если не величайшее, географическое предпріятіе всѣхъ временъ. Въ этой экспедиціи прославились умственною энергіею и дѣятельностью до 16 русскихъ дѣятелей. Бэръ, воздавши всю справедливость неимовѣрнымъ лишеніямъ, трудамъ и мужеству русскихъ, замѣчаетъ: «за исключеніемъ Шелагскаго носа, весь сѣверный берегъ нашего отечества, отъ Архангельска до Шелагскаго носа снятъ, несмотря на величайшія трудности, подъ надзоромъ Беринга, такъ вѣрно, что наблюденія, сдѣланныя черезъ 100 лѣтъ гг. Бережнымъ, Врангелемъ, Анжу и Миддендорфомъ, послужили только къ незначительнымъ поправкамъ на составленныхъ тогда картахъ... Еслибы собранныя тогда свѣдѣнія были обнародованы, то извѣстія о природѣ на крайнемъ сѣверѣ обогатили бы физическую географію и заслуги экспедиціи были бы оцѣнены тогда же, какъ оцѣнены онѣ теперь, когда не опредѣленъ еще, послѣ столькихъ попытокъ, сѣверный берегъ Америки» ††). «Не ослѣпляясь пристрастіемъ,—замѣчаетъ Врангель,—мы невольно должны

---

†) «Зап. Геогр. Общ.» 1849 г. кн. III, стр. 244: о заслугахъ Петра Великаго по части распространенія въ Россіи географ. знаній. Здѣсь подробно разсмотрѣны результаты экспедиціи Беринга.

††) Ibid., 245—246.

признаться, что подвиги лейтенантовъ Прончищева, Ласиніуса, Харитона и особенно Дмитрія Лаптевыхъ заслуживаютъ удивленіе потомства» †). Наконецъ, знаменитая экспедиція Палласа, Фалька, Георги, Лепехина, Озерецковскаго и другихъ, доставивши новую массу знаній и открытій въ области естественныхъ и антропологическихъ наукъ въ Россіи, весьма возбудительно импульсировали юную естественно-научную мысль русскую. Это самый блистательный фактъ въ исторіи нашей естествопознавательной мысли въ XVIII вѣкѣ, фактъ, богатѣйшій и плодотворнѣйшій по результатамъ. По справедливости, всѣ съ восторгомъ привѣтствовали новую эпоху въ умственной исторіи Россіи въ этомъ стремленіи «познать физическія силы Россіи и знаніе это благотворно обратить къ счастью народа» ††). «Physikalische Reisen» и «дневныя записки путешествій» натуралистовъ, подробно изслѣдовавшихъ тогда физическую экономію, географію, геогнозію и естественную исторію Россіи и Сибири, представляютъ новое, поучительнѣйшее естественно-научное чтеніе для публики. «Physikalische Reisen» тогда же или вскорѣ по выходѣ переведены были на русскій языкъ. Одинъ Палласъ, этотъ знаменитѣйшій естествоиспытатель XVIII вѣка, стоящій наряду съ Бюффономъ, Соссюромъ, Жюссье, Лапласомъ, Линнеемъ, Ламаркомъ, Кювье и пр.,—одинъ Палласъ обогатилъ естественныя науки массой новыхъ фактовъ и открытій, особенно по части естественной исторіи и, въ частности, зоологіи и ботаники, по части геологіи и палеонтологіи, этнологіи и этнографіи. Палласъ открылъ эгагра, разработалъ географическое распредѣленіе животныхъ и растеній, открылъ законъ образованія горныхъ цѣпей первичныхъ породъ, открылъ замѣчательный геологиче-

---

†) Врангель, «Путеш. по сѣв. берегу Сибири», ч I, стр. 83.

††) Напр. одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ и сотрудниковъ этой экспедиціи, Георги говоритъ: Der auf Veranlassung Astronomischer Verschickungen gefasste Akademische Entschluss, einen Theil der in aller Absicht merkwürdigen, nach ihren Naturschätzen nicht genug bekannten Staaten des Russischen Reichs durch Naturforscher bereisen zu lassen und die von einigen Herren von der Akademie freywillige Uebernahme dieses gleich nüsslichen und schweren, auch wie der Erfolg gezeigt, mislichen, Geschäfts, ist nach dem Urtheile der Welt der Epoche Katharinens, Ihres Beyfalls und Ihrer Unterstüzzung würdig gewesen. Diese Physikalische Reisen gehören zu den Denkmählern der Eifers des grossen Kayserin, Ihre Monarchie nach ihren innern Kräften zu kennen, und diese Kenntnisse zum Glücke der Völker wohlthatig an zuwenden и пр. Georgi, «Bemerkungen einer Reise in Russ. Reichs», 1775. Bd 1.

скій фактъ отступленія Каспійскаго моря и пр. Его записка объ ископаемыхъ въ Сибири обратила вниманіе ученыхъ на одно изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій геологіи: онъ открылъ цѣлаго носорога, съ кожей и мясомъ въ мерзлой почвѣ сѣверной Сибири, и пр. †). «Zoographia rosso-asiatica», главный плодъ путешествія Палласа, составляетъ, можно сказать, эпоху въ исторіи зоологическихъ знаній въ Россіи. Наконецъ, его «Путешествіе по Россіи и Сибири» составляетъ поучительнѣйшее и занимательнѣйшее чтеніе для публики, сообщающее массу знаній и новыхъ идей, тѣмъ болѣе, что оно написано довольно популярно. Самъ Палласъ въ предисловіи къ своему путешествію говоритъ: «Въ выборѣ примѣчаній, чтобы сдѣлать ихъ пріятными и полезными читателямъ всякаго званія, я не полагалъ слишкомъ строгихъ ограниченій, но записывалъ вѣрно все то, что только казалось достопримѣчательнымъ. Кто найдетъ что-нибудь въ замѣчаніяхъ лишнее, тотъ долженъ разсудить, что найдется не мало и такихъ читателей, для которыхъ подробности моихъ замѣтокъ могутъ быть не безполезны. Напротивъ того, я сообщилъ по крайней мѣрѣ все самое достопримѣчательное изъ естественныхъ рѣдкостей, и имѣлъ счастіе открыть много и такого, чего прежде меня путешественникамъ не удалось примѣтить» ††). Подъ руководствомъ Палласа развивались и потомъ самостоятельно занимались естествознаніемъ и природные русскіе натуралисты—Лепехинъ съ Озерецковскимъ и студенты Зуевъ, Кошкаревъ и Соколовъ. Достойно замѣчанія, что Палласъ съ похвалой отзывался о самостоятельныхъ научныхъ изслѣдованіяхъ этихъ студентовъ-натуралистовъ, которыя онъ поручалъ имъ во время своего съ ними путешествія и реляціи или отчеты ихъ внесъ въ свои записки. Наконецъ, всѣ эти естественно-научныя экспедиціи, и особенно Палласовская, возбудительно подѣйствовали и вообще на духъ естественно-научнаго изслѣдованія и на развитіе интереса къ естествознанію въ Россіи. Не даромъ, къ концу XVIII вѣка и въ началѣ XIX-го и профессоры московскаго университета особенно часто заговорили публичныя рѣчи о важности естественной исторіи и т. п. Зоологическими, ботаническими и минералогическими изслѣдованіями Палласа и Фалька особенно возбужденъ былъ интересъ къ естественной исторіи. Благодаря богатымъ естественно-научнымъ матеріаламъ, собраннымъ учеными экспедиціями натуралистовъ, уже въ пе-

---

†) Ляйель, «Основн. нач. Геологіи», I, 50.
††) Pallas, «Reise», I, S. 1—2.

ріодъ времени съ 1742 до 1822 г. появилось 161 сочиненіе по однимъ зоологическимъ, анатомическимъ, физіологическимъ, сравнительно-анатомическимъ и палеонтологическимъ вопросамъ естествознанія †).

Наконецъ, и великое, могуче-двигательное философско-натуралистическое движеніе западнаго разума въ XVIII вѣкѣ не могло не отразиться возбудительнымъ импульсомъ на развитіе естествопознавательной мысли въ Россіи. То былъ вѣкъ нетолько Вольтера, Руссо, Гельвеція, Кондильяка, Локка, Канта и пр., но и вѣкъ Бюффона, Линнея, Жюссье, Гаю, Ламарка, Кювье, Лапласа, Лавуазье, Сентъ-Илера и т. д. Постоянное и все болѣе и болѣе внимательное устремленіе русскихъ умовъ на западъ, въ страну міровыхъ естественно-научныхъ геніевъ и открытій, однажды навсегда установленное геніемъ Петра Великаго, дѣлало неизбѣжнымъ вліяніе западно-европейскаго естествоиспытательнаго разума. И самъ по себѣ могучій напоръ философско-натуралистическихъ идей XVIII вѣка былъ неотразимъ. Естествознаніе тогда тѣмъ болѣе дѣйствовало возбудительно на умы, что оно отпечатлѣвало на себѣ общій, философскій типъ времени, именовалось «Натуральной Философіей». По примѣру «Principia mathematica philosophiae naturalis» Ньютона, Ламаркъ свои зоологическія изслѣдованія озаглавилъ: «Philosophie zoologique», Сентъ-Илеръ свою анатомію—«Philosophie anatomique», Лавуазье свою химію—«Philosophie chemique» и т. п. Подъ вліяніемъ такого философско-натуралистическаго движенія западнаго естествоиспытательнаго разума, не могла не импульсироваться и юная естествопознавательная мысль русская. Переводческій департаментъ при академіи наукъ (1767—1783) и другіе любители европейскихъ наукъ, въ числѣ 60 западныхъ писателей, переводили и произведенія европейскихъ натуралистовъ и математиковъ, напр. Бюффона и др. Далѣе, постоянныя и живыя сношенія русскихъ ученыхъ съ западными натуралистами и математиками поддерживали связь юной естественно-научной мысли русской съ могучею естествоиспытательною мыслью запада. Еще во времена перваго послѣпетровскаго поколѣнія западные учители, образовавшіе первыхъ русскихъ натуралистовъ, давали знать членамъ с.-петербургской академіи наукъ о своихъ естественно-научныхъ изслѣдованіяхъ ††). Знаменитые

---

†) «Bulletin de l'Academie», t. VII, № 4, suppl. II, стр. 20—21.

††) Напр. Христіанъ Вольфъ 14 ноября 1734 года писалъ Шумахеру: ich versehe mich bald einer geneigten Antwort, und da ohne dem wegen Fortsetzung meiner philosophischen Werke an die Sammlung physikalischer

натуралисты Линней и Галлеръ вели естественно-научную переписку съ Гмелинымъ старшимъ, бывшимъ членомъ с.-петербургской академіи наукъ съ 1728 по 1747 годъ, авторомъ сочиненія «Flora Sibirica». Линней въ письмахъ своихъ сообщилъ чрезвычайно любопытныя мнѣнія о нѣкоторыхъ вопросахъ естествознанія, нынѣ частію уже рѣшенныхъ, частію же и теперь еще занимающихъ ученый міръ, какъ напр. вопросъ о томъ, происходятъ ли виды изъ помѣси разновидныхъ растеній, или же черезъ постепенное образованіе новыхъ отличительныхъ признаковъ,—вопросъ, по которому еще Линней допускалъ гипотезы, подобныя тѣмъ, на которыхъ въ новѣйшее время Дарвинъ основалъ свою знаменитую теорію. Но особенную важность для науки и ближайшимъ образомъ для флоры Россіи представляютъ замѣчанія Линнея и Галлера о сибирскихъ растеніяхъ, которыя Гмелинъ присылалъ имъ въ свѣжемъ или въ сушеномъ видѣ; эти замѣчанія и въ настоящее время могутъ служить драгоцѣннымъ пособіемъ для вѣрнаго обозначенія растеній «сибирской флоры» номенклатурою нынѣшней системы †). Кромѣ сообщенія такихъ идей и замѣчаній, Линней былъ одинъ изъ главнѣйшихъ сѣятелей въ Россіи перваго сѣмени естествознанія, образовалъ нѣсколько русскихъ натуралистовъ, какъ напр. Афонина, Карамышева и др., и система его долгое время была единственнымъ руководствомъ въ университетскомъ преподаваніи. Ученикомъ Линнея въ натуральной исторіи былъ и П. Г. Демидовъ, извѣстный собиратель предметовъ натуральной исторіи, пользовавшійся также знакомствомъ съ Добантономъ и Бюффономъ. Зоологія обязана Демидову вѣрнымъ опредѣленіемъ корсака, животнаго, котораго Линней, по опредѣленію Демидова, внесъ въ систему природы ††). Точно также знаменитый европейскій математикъ Эйлеръ имѣлъ вліяніе на возбужденіе и развитіе русской математической мысли. Когда онъ былъ въ берлинской академіи, его наставленіями въ Берлинѣ пользовались русскіе математики Румовскій и Котельниковъ, а молодой графъ Разумовскій даже жилъ въ его домѣ. Григ. Тепловъ, сопутствовавшій Разумовскому въ

Materie gedenken und die bei Zeiten zum voraus untersuchen muss; so werde Gelegenheit haben auch an andere Materien zu gedenken, ob ich gleich hauptsächtlich die theoriam vegetationis und deren applicatio ad agri et horti culturam zu excoliren, mir vorgenommen. «Bulletin de l'Acad. impériale des sciences de St. Pétersbourg», t. VI, № 3, p. 323.

†) «Записки» с.-петербургской акад. наукъ, 1862 г. т. I, кн. I, стр. 24—25.

††) «Ист. моск. унив.», 369.

его заграничномъ путешествіи, въ одномъ французскомъ письмѣ къ Шумахеру писалъ между прочимъ: «г. Эйлеръ, вполнѣ заслужившій пріобрѣтенную имъ извѣстность, дѣлаетъ наше пребываніе въ Берлинѣ чрезвычайно пріятнымъ и полезнымъ» †). Такое же воспитательное вліяніе оказывали на юную естествопознавательную мысль русскую и многіе другіе знаменитые западные естествоиспытатели.

Таковы были, въ общихъ чертахъ, главныя условія, средства и успѣхи развитія естествопознавательной мысли во второмъ послѣ-петровскомъ поколѣніи. Успѣхи были несомнѣнны, но, съ другой стороны, они были еще весьма недостаточны. Несмотря на всѣ замѣтные успѣхи, все-таки видно еще, что естествопознавательная мысль укоренилась еще въ весьма немногихъ умахъ и была очень не зрѣла и не самостоятельна. Только немногіе натуралисты московскаго университета и академіи наукъ и поддерживали и воспитывали ее. Но и сами эти натуралисты были еще, можно сказать, младенцы, дѣти по отношенію къ европейскимъ естествоиспытательнымъ умамъ и къ европейской наукѣ естествознанія. Естествопознавательная мысль ихъ всецѣло руководствуется пѣстунствомъ западныхъ натуралистовъ, воспитывается подъ вліяніемъ западныхъ естественно-научныхъ источниковъ, выражается словами и ученіемъ западнаго естествознанія. Это былъ еще періодъ буквальнаго усвоенія западнаго естественно-научнаго ученія. И всѣ наши Афонины, Зыбелины, Веніаминовы, Аничковы, Антонскіе, а также Крашенинниковы, Лепехины, Озерецковскіе были еще только ученики Линнея, Лудвигія, Винклера, Крафта, Кригера, Палласа и пр. Довольно сравнить «Дневныя Записки Путешествія Лепехина» и «Physikalische Reise» Палласа, чтобы видѣть, какъ не зрѣла, не глубока и не самостоятельна была естествопознавательная мысль русскаго натуралиста въ сравненіи съ естествопознавательною мыслью знаменитаго европейскаго натуралиста. Не говоря о неодинаковой глубинѣ и основательности естественно-научныхъ мнѣній и теорій Лепехина и Палласа, замѣтимъ только, что самъ Лепехинъ, — разсматривалъ ли напр. какого-нибудь зоофита или описывалъ природу какой-либо мѣстности, изслѣдованной и Палласомъ, — во всякомъ случаѣ полагался на авторитетъ Палласа, утверждался въ своемъ мнѣніи заключеніемъ этого «весьма искуснаго наблюдателя и не находилъ ничего больше сказать, что́ бы ученымъ перомъ г. профессора Палласа не было замѣчено.» Мало того, Лепехинъ

†) «Зап. акад. наукъ» 1864 г., т. VI, 60—61.

въ нѣкоторомъ отношеніи былъ даже ученикомъ Палласа, пользовался его наставленіями относительно путевыхъ наблюденій природы русской земли. Съ этого цѣлью онъ, во время путешествія, остался даже зимовать въ Симбирскѣ вмѣстѣ съ Палласомъ. «Сообщество довольно прославившагося въ ученомъ свѣтѣ мужа г. профессора Палласа, — говоритъ Лепехинъ—побуждало и меня переѣхать въ Симбирскъ, дабы въ зимнее время пользоваться его наставленіями» †). Далѣе, во всемъ третьемъ послѣ-петровскомъ поколѣніи не было еще ни одного замѣчательнаго русскаго естествоиспытателя, который бы ознаменовался какимъ-нибудь открытіемъ и имѣлъ европейское значеніе. Притомъ, юная естествопознавательная мысль русская была еще такъ малосильна и малообъемлюща, что не успѣвала слѣдить за быстрымъ прогрессивнымъ движеніемъ естественныхъ наукъ на западѣ, не успѣвала усвоять всѣ новыя естественныя открытія и произведенія западныхъ естествоиспытателей. Говорилъ ли рѣчь русскій натуралистъ конца XVIII вѣка, какъ напр. Брянцевъ въ 1799 году, о всеобщихъ и главныхъ законахъ природы, — онъ излагалъ ихъ, вопервыхъ, несамостоятельно, не по своимъ изслѣдованіямъ и обобщеніямъ, а по руководствамъ западныхъ изслѣдователей, и вовторыхъ—не по новымъ западнымъ изслѣдованіямъ и открытіямъ, напр. Бюффона, Ламарка, Лавуазье, Лапласа и т. п., а по давнишнимъ западно-европейскимъ источникамъ—по Лейбницу, Картезію и т. п. На русскомъ языкѣ до первыхъ годовъ XIX столѣтія не было самыхъ капитальныхъ естественно-научныхъ произведеній западныхъ естествоиспытателей, какъ-то: химіи Лавуазье, Небесной механики Лапласа, «Principia Mathematica» Ньютона, астрономіи и геометріи Біо, геометріи Монжа и многихъ другихъ. Даже въ библіотекѣ московскаго университета до начала XIX столѣтія не было многихъ первоклассныхъ естественно-научныхъ твореній западныхъ геніевъ XVIII вѣка. «Съ давняго времени, — писалъ въ 1803 году Муравьевъ, попечитель московскаго университета, — библіотека университетская оставалась въ скудномъ состояніи, и университетъ лишенъ былъ единственнаго способа соразмѣрять постепенные успѣхи свои съ распространеніемъ наукъ въ Европѣ. Въ библіотекѣ университета не было еще новѣйшихъ великихъ писателей, которые распространили въ краткое время предѣлы человѣческихъ знаній въ химіи, высокой геометріи и

---

†) Путеш. Лепехина, Спб. 1795, ч. I, 238, также 26, 527.

экономіи политической †). Астрономія преподавалась единственно въ теоріи. Обсерваторіи не было. Не было необходимыхъ астрономическихъ инструментовъ, наприм. Грегоріанскаго телескопа Керіевой работы, Арнольдова хронометра и пр., и студенты математики еще не пріучались къ употребленію астрономическихъ орудій. Не было химической лабораторіи. Физическій кабинетъ университета былъ обиленъ машинами и снарядами, но всѣ они требовали радикальныхъ перемѣнъ, сообразныхъ съ новыми открытіями и улучшеніями на западѣ ††). Такъ еще недостаточно владѣла естественно-научная мысль русская самыми европейскими способами экспериментальнаго естествоиспытанія. Ей необходимо было еще пѣстунство и покровительство попечителей. Далѣе, незрѣлость естествопознавательной мысли вторагo послѣ-петровскаго поколѣнія видна еще изъ того, что реальное направленіе естественно-научной мысли русскихъ натуралистовъ еще не было строго послѣдовательное, вполнѣ выдержанное. Напр. профессоръ Аничковъ, нѣсколько лѣтъ читавшій чистую математику, на званіе ординарнаго профессора написалъ разсужденіе изъ Натуральнаго Богословія: о началѣ и произшествіи натуральнаго богопочитанія, въ которомъ выразилъ нѣсколько мыслей, противныхъ будто-бы религіи. Разсужденіе это, хотя и пропущено было факультетской цензурой, въ засѣданіи университетской конференціи 24-го августа 1769 г., осуждено было профессорами — Дильтеемъ, Керштенсомъ, Ростомъ, Барсовымъ, Рейхелемъ и Лангеромъ. И Аничковъ, послѣ того, отказался отъ своихъ мыслей и старался загладить вину своего перваго увлеченія весьма строгимъ религіозно-нравственнымъ воззрѣніемъ на свою науку. Будучи профессоромъ математики, онъ потомъ говорилъ публичныя рѣчи: 1) «о томъ, что міръ сей есть яснымъ доказательствомъ премудрости Божіей» (1767); 2) «о невещественности души человѣческой и изъ онаго происходящемъ ея безсмертіи» (1777); 3) «о разныхъ способахъ, тѣснѣйшій союзъ души съ тѣломъ изъясняющихъ» (1783). Почти сплошь и рядомъ, и рѣчи другихъ профессоровъ-математиковъ и натуралистовъ проникались взглядами мистико-религіозными, физико-теологическими, или вообще спиритуалистическими †††). Въ литературѣ втораго послѣ-петровскаго поколѣ-

---

†) Внизу написаны имена: Лавоазьера, Фуркруа, Лаланда, Монжа, Прони, Смита, Стюарта, Бентама и прочихъ

††) «Ист. моск. унив.», 328—329, 348.

†††) Ibid., 142, 155, 199, 245 и др.

нія естествопознавательная мысль еще менѣе привилась. Журналистика тогдашняя еще и не помышляла серьезно возбуждать и воспитывать ее въ обществѣ. Если въ нѣкоторыхъ журналахъ, какъ напр. въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ Миллера, и помѣщались иногда статьи естественно-научныя, то онѣ почти незамѣтно терялись въ безсвязномъ сборникѣ всякихъ другихъ статей, и въ томъ числѣ даже музыкальныхъ, живописныхъ и т. п. Въ предисловіи къ «Ежемѣсячнымъ Сочиненіямъ» такъ выражено содержаніе ихъ: «предлагаемы будутъ здѣсь всякія сочиненія, какія только обществу полезны быть могутъ, а именно: не одни токмо разсужденія о собственно такъ-называемыхъ наукахъ, но и такія, которыя въ экономіи, въ купечествѣ, въ рудокопныхъ дѣлахъ, въ мануфактурахъ, въ механическихъ рукодѣльяхъ, въ архитектурѣ, въ музыкѣ, въ живописномъ и разномъ художествахъ, и въ прочихъ, како ни есть, новое изобрѣтеніе показываютъ, или къ поправленію чего-нибудь поводъ подать могутъ... Мы за должность свою признаемъ писать не только для пользы, но и для увеселенія читателей.» Поэтому, рядомъ съ реальными, естественно-научными описаніями, допускались въ изданіе, между прочимъ, и сны †). Послѣ «Ежемѣсячныхъ Сочиненій» Миллера и журнала Рейхеля, лучшія ученыя статьи по естественнымъ наукамъ и географіи являлись еще только въ «С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ» (1778 — 1781); но тутъ же помѣщались также извѣстія о танцахъ, о театральныхъ въ Россіи представленіяхъ и т. п. ††).

При такомъ состояніи естествопознавательной мысли въ наукѣ и литературѣ, понятно, что въ обществѣ и народѣ она еще менѣе могла привиться. Вопервыхъ, старый, до-петровскій исключительно сенсуалистическій умственный складъ, лишенный силы теоретической мыслительности, способности умственнаго углубленія въ сущность предметовъ и явленій природы, — и теперь представлялъ еще столь грубую кору, сквозь которую съ трудомъ могла проникать теоретическая естествопознавательная мысль. Вѣковое господство внѣшнихъ чувствъ надъ теоретическимъ разумомъ сопровождалось, съ одной стороны, грубостью чувственныхъ представленій, не обработанныхъ и не осмысленныхъ теоретической силой чистаго разума, съ другой стороны—галлюцинизмомъ и ложностью многихъ чувственныхъ представленій, не провѣренныхъ

---

†) «Ежемѣс. Сочин.» 1755 г. I, 4, 5, 8.

††) «С.-Петерб Вѣстн.», 1779, окт., 252, а также авг. и сент.

критикой чистаго разума. Поэтому профессоры московскаго университета находили необходимымъ обращать вниманіе общества, съ одной стороны, на воспитаніе чувствъ, съ другой на ограниченіе излишней довѣрчивости къ однимъ непосредственно-чувственнымъ познаніямъ. Такъ профессоръ Шаденъ въ публичныхъ рѣчахъ своихъ училъ, что въ Россіи нужно дѣйствовать на чувства воспитаніемъ, образованіемъ, потому что у народовъ сѣвера груба чувствительность. Профессоръ Аничковъ считалъ нужнымъ протестовать передъ русскимъ обществомъ противъ «излишняго упованія на чувства» въ дѣлѣ познанія, и поэтому въ 1779 году говорилъ рѣчь: «о превратныхъ понятіяхъ человѣческихъ, происходящихъ отъ излишняго упованія, возлагаемаго на чувства». Точно также въ рѣчи: «о разныхъ причинахъ, не малое препятствіе причиняющихъ въ продолженіи познанія человѣческаго» (1774), онъ указывалъ на обманы чувствъ, какъ на препятствія науки въ стремленіи къ истинѣ †). Несмотря, однакожъ, на такіе доводы, еще и во второй половинѣ XVIII вѣка, и притомъ въ средѣ знаменитаго «Дружескаго общества Новикова» — нашей первой народообразовательной ассоціаціи, были люди, которые стояли за одно поверхностное, верхоглядное, непосредственно-чувственное созерцаніе природы и почти отрицали всѣ усовершенствованные экспериментальные способы познанія природы, какъ-то: химическія лабораторіи, тигли и т. п. Невзоровъ, напримѣръ, несмотря на то, что изучалъ медицину заграницей, высказывалъ предубѣжденіе противъ экспериментальнаго метода и признавалъ достаточнымъ одно поверхностное, непосредственно-чувственное созерцаніе природы: «въ публичныхъ школахъ и университетахъ — говорилъ онъ — болѣе гораздо стараются знать природу, нежели то нужно для общежительнаго состоянія. Чтобы созерцать славу Божію и видѣть таинства Его творенія, для сего не нужны великихъ издержекъ стоющія лабораторіи и пышные химическіе снаряды. Иди, безъ всего смотрѣть, какъ сѣмя, брошенное въ землю, гніетъ, возрождается, растетъ и дѣлается новымъ сѣменемъ; поди всякій съ пастушьимъ посохомъ къ муравью, пчелѣ, бобру и другимъ животнымъ, и смотри, какъ всеобщій промыслительный отецъ всякой твари далъ свой смыслъ и способность свойственнымъ себѣ образомъ пещись о своемъ благосостояніи и пропитаніи; поди ко всякому насѣкомому и смотри, какъ оно родится въ яйцѣ, дѣлается червякомъ, личинкою,

---

†) «Истор. моск. унив.», 159, 198, 245.

получаетъ крылья и въ прекрасномъ видѣ и нарядѣ летаетъ по воздуху» †). Съ другой стороны, и та часть публики, которая во второй половинѣ XVIII столѣтія уже безъ предубѣжденія шла на публичныя лекціи и опыты, напр. по физикѣ, еще вовсе не проникалась серьезнымъ, глубоко-сознательнымъ умственнымъ интересомъ къ естествознанію, а просто увлекалась верхоглядныиъ любопытствомъ, шла посмотрѣть на физическіе опыты, какъ на поразительные для глазъ фокусы: въ теоріяхъ или въ теоретическихъ физическихъ истинахъ большая часть публики вовсе не нуждалась. Поэтому, вѣроятно профессоръ Ростъ, читая съ 177²/₃ академическаго года публичный курсъ экспериментальной физики по руководству Кригера, иногда отдѣлялъ опыты отъ лекцій: теоретическій, объяснительный курсъ читалъ для желающихъ до обѣда, а опыты предлагалъ послѣ обѣда, вѣроятно, для той публики, которая собиралась только посмотрѣть на опыты, какъ на диковинки ††). Публика любила созерцать «куріозныя и удивительныя штуки, которыхъ дѣйствія такъ удивительны, что всѣхъ зрителей устрашаютъ, куріозныя самодѣйствующія машины, въ родѣ самодѣльной канарейки, удивительныя штуки — весьма куріозные эксперименты великолѣпной электрической машины, движущихся лягушекъ и разныя движущіяся и перемѣняющіяся весьма куріозныя, чрезвычайныя и удивительныя картины и фигуры» †††). Вслѣдствіе преобладанія реально-сенсуалистическаго умонастроенія надъ теоретико-естествопознавательнымъ, — и въ высшемъ, наиболѣе образованномъ классѣ общества, обладавшемъ большими средствами для занятія естественными науками, сенсуально-верхоглядная склонность къ собиранію наглядныхъ физическихъ или натуральныхъ образцовъ развилась прежде серьезнаго теоретическаго изученія естественныхъ наукъ, и страсть къ собиранію этихъ наглядныхъ образцовъ или рѣдкостей — минералогическихъ, зоологическихъ и ботаническихъ еще преобладала надъ способностью и стремленіемъ къ систематическому и глубоко-основательному изученію естественныхъ наукъ. И во второмъ послѣ-петровскомъ поколѣніи еще большинство не понимало и не любопытствовало знать естественно-научнаго значенія всѣхъ этихъ коллекцій физическихъ предметовъ или образцовъ, а смотрѣло на нихъ просто какъ на диковины, удивительныя

---

†) Галаховъ, «Истор. русск. литер.», I, 569—570

††) «Истор. моск. унив.», 190—191.

†††) «Московск. Вѣдомости», 1759 г. №№ 11 и 23.

раритеты или рѣдкости и куріозы, какъ выражались и люди петровскаго времени †). По словамъ Брандта, еще и въ это время даже нѣкоторые «мужи науки смотрѣли на зоологическія собранія не болѣе какъ на куріозитеты» и зоологическій музеумъ при Академіи «еще напоминалъ старый *Curiositäten-Cabinette*» ††). Точно также, и сенсуалистическій умъ простаго народа, если теперь изрѣдка и начиналъ соприкасаться съ областью естествознанія, то, вопервыхъ, проникалъ въ сферу естествознанія не силою теоретическаго мышленія и знанія, а путемъ непосредственно-чувственной наглядности, и проникалъ не въ самую глубину теоретической области естествознанія, не въ сферу физико-математическихъ теоремъ, или теоретическихъ истинъ, объясненій и обобщеній, а въ сенсуально-демонстративную, чувственно-наглядную и осязательную область естествознанія, именно въ область предметовъ и наружныхъ феноменовъ, наглядныхъ образцовъ и чувственно-уловимыхъ практическихъ приложеній и изобрѣтеній естествознанія. Такъ Кулибинъ видѣлъ европейскія машины и разнаго рода механизмы, и по наглядкѣ научился дѣлать ихъ, сталъ даже самъ изобрѣтать и устроять кое-какіе механизмы; но отчет-

---

†) Между собирателями коллекцій физическихъ или натуральныхъ образцовъ и предметовъ и составителями натуральныхъ кабинетовъ, въ періодъ времени 1762 — 1800 г., извѣстны, между прочимъ: вологодскій помѣщикъ Засѣцкій — собиратель рѣдкихъ произведеній природы, титулярный совѣтникъ Стариковъ, подарившій свое минералогическое собраніе московскому университету въ 1794 г., князь Яблоновскій — собиратель «Натуральнаго кабинета», пожертвованнаго потомъ тоже университету, графъ А. С. Строгоновъ — составитель анатомическаго и зоологическаго кабинета, пр. Ак. Демидовъ, который самъ съ необыкновеннымъ стараніемъ собралъ гербарій, пожертвованный женой его въ 1789 г. московскому университету, Ак. Ник. Демидовъ — составитель минералогическаго кабинета, состоявшаго изъ 6,000 штукъ, П. Г. Демидовъ и кн. А. А. Урусовъ — собиратели богатѣйшихъ музеевъ натуральной исторіи, оцѣненныхъ до 450,000 р., Дашкова, составившая въ теченіе 30 лѣтъ кабинетъ натуральной исторіи и другихъ рѣдкостей, въ которомъ было 12,125 предметовъ, въ томъ числѣ: животныхъ, натуральныхъ и ископаемыхъ 4,806, растеній сухихъ, плодовъ и пр. 765, камней и рудъ 7,924, антиковъ-отпечатковъ 1,636 и др. Изъ всѣхъ этихъ собирателей натуральныхъ предметовъ или образцовъ наиболѣе знакомы были съ естественными науками развѣ только П. Г. Демидовъ — ученикъ Линнея и другъ Добантона и Бюффона, и А. А. Урусовъ — авторъ «Опыта естественной исторіи» (1780).

††) «Bulletin de l'Academie», t. VII, № 4, suppl. II, p. 24.

ливо-теоретически или физико-математически онъ не зналъ и не могъ объяснить тѣхъ теоремъ или истинъ и формулъ механики и физики, которыя самъ на практикѣ безсознательно или безотчетно осуществлялъ въ устроиваемыхъ имъ механизмахъ. Кулибинъ самъ говоритъ, что дѣлалъ разные механическіе приборы по видѣннымъ образцамъ. «По случаю увидѣлъ я—говоритъ онъ—електрическія силы машину, и, по согласію съ товарищемъ купцемъ М. А. Костроминымъ, таковую же електрызацыю сдѣлалъ. По случаю получилъ я для посмотрѣнія зрительный телескопъ съ металными зеркалами англинской работы, который разобравъ какъ въ стеклахъ, такъ и въ зеркалахъ, сталъ искать къ солнцу зажигательныя точки, и снимать отдаленную отъ тѣхъ зеркалъ и стеколъ до зажигательныхъ точекъ мѣру, по которымъ бы можно было познать, каковой вогнутостію и выпуклостію для стеколъ и зеркалъ потребуется сдѣлать мѣдные формы для точенія на пескѣ зеркалъ и стеколъ оныхъ, и со всего того телескопа сдѣлалъ рисунокъ, потомъ сталъ дѣлать опыты, какъ бы противъ того составить металлъ въ препорцію; а когда твердостію и бѣлостію сталъ выходить на оный сходственъ, и изъ того по образцу налилъ зеркалъ и сталъ ихъ точить на пескѣ, на реченныхъ и уже сдѣланныхъ выпуклистыхъ формахъ, и изъ тѣхъ точеныхъ зеркалъ началъ дѣлать опыты, какіемъ бы способомъ найти такую же чистую полировку, въ чемъ и продолжалось не малое время. И выпробовалъ одно зеркало въ полировкѣ изъ мѣдной формы, натирая оную сожженымъ оловомъ и деревяннымъ масломъ, и такъ тѣмъ опытомъ изъ многихъ сдѣланныхъ зеркалъ вышло одно большое зеркало и другое противное малое въ препорцыю, и помощіею Божіею сдѣлалъ такой же телескопъ» †). Въ остальной массѣ рабочаго народа, и посредствомъ чувственной наглядности и осязательности, посредствомъ созерцанія и осязанія разныхъ реальныхъ, наглядныхъ образцовъ, примѣненій и изобрѣтеній естествознанія, напр. на фабрикахъ и заводахъ, все-таки не могла еще пробудиться естествопознавательная мысль, именно — вслѣдствіе крайней неразвитости мыслительности. Купецъ-писатель Фоминъ совершенно справедливо поэтому говорилъ въ 1772 г. о нашихъ самоучкахъ-промышленникахъ, «одними глазами перенимавшихъ въ XVIII вѣкѣ западныя реальныя знанія и искусства». «Я открываюсь беззазорно, — говорилъ онъ,—что не приваженныя еще ни малымъ просвѣще-

---

†) Матеріалы о Кулибинѣ въ «Чт. общ. ист.», 179—180.

ніемъ къ отдѣленію идей понятія нашихъ промышленниковъ и слѣдующая изъ того неспособность къ точному проницанію истинныхъ причинъ творимаго иностранными промышленниками каждаго дѣйствія и, слѣдовательно, употребленія такъ же орудій и снастей съ ихъ препорціею, крѣпостію и прочими свойствами, заграждаютъ нашимъ промышленникамъ стези къ основательной переимчивости и неошибочному подражанію: и сіе загражденіе неразумѣніемъ иностранныхъ языковъ и, слѣдственно, непонятіемъ изъясненій еще болѣе затемняется. Они одними глазами пріобрѣтаютъ переимчивость и потому рановременно на себя надѣются» †).

Далѣе, вѣковое развитіе исключительно чувственнаго, сенсуалистическаго умонастроенія, не соединенное и не осмысленное равносильнымъ развитіемъ теоретической умозрительности и мыслительности, послѣ ознакомленія съ блестящею на взглядъ и пріятною для ощущенія внѣшностью европейской роскоши и чувственности, породило во второмъ послѣ-петровскомъ поколѣніи наибольшую наклонность къ тому, что пріятно было для чувствъ, а не къ европейскимъ естественнымъ и математическимъ наукамъ. Вслѣдствіе исключительно чувственнаго, сенсуалистическаго увлеченія обаятельною для чувствъ внѣшностью европейской роскоши и матеріальной жизни, старое, до-петровское суевѣрно-религіозное отрицаніе европейскихъ естественныхъ наукъ въ большей части общества замѣнилось грубо-матеріалистическимъ, чувственно-эпикурейскимъ индифферентизмомъ къ естествознанію, предпочтеніемъ естественнымъ наукамъ чувственныхъ удовольствій, «нѣжностей тѣлесныхъ», «созерцанія преизящныхъ предметовъ» и т. п. Одна барыня въ «Живописцѣ» Новикова такъ выражаетъ это грубо-сенсуалистическое, чувственное умонастроеніе и предубѣжденіе противъ естественно-научныхъ изысканій: «не за безуміе ли должно почесть,—разсуждаетъ она,—если данныя намъ очи обозрѣвать всѣ преизящныя творенія потупимъ мы въ землю, устроенную для разсматриванія подлымъ хлѣбопашцамъ? Не слѣдуетъ ли всему естественному вещей порядку превратиться, если органамъ, которыми одарены для собственной нашей пользы, мы запретимъ дѣйствовать? Сіе-то называется дойти до крайняго невѣжества» ††). Большинство молодаго поколѣнія, увлекаясь только созерцаніемъ внѣшней красоты и ощущеніемъ чувствен-

†) Лепехина, «Путеш.» 1805 г., ч. IV, 362.
††) Новикова, «Живописецъ» 1772—1773, изд. 7, стр. 70.

ныхъ благъ, желая только того, что пріятно дѣйствовало на чувства, и, по неразвитости раціональной, теоретической силы мышленія и пониманія, не понимая теоретической силы и практической пользы естественно-научныхъ знаній, цинически отрицало всѣ математическія и естественныя науки, считая ихъ безполезными и ненужными для себя. «Что въ наукахъ, — говоритъ напр. Наркисъ въ «Живописцѣ» Новикова: астрономія умножитъ ли красоту мою паче звѣздъ небесныхъ? нѣтъ: на что же мнѣ она? Математика прибавитъ ли моихъ доходовъ? нѣтъ: чортъ ли въ ней? Физика изобрѣтетъ ли новыя таинства въ природѣ служащія къ моему украшенію? нѣтъ: куда она годится? Географія сдѣлаетъ ли меня любезнѣе? нѣтъ: такъ она и недостойна моего вниманія. Прочія всѣ науки могутъ ли произвесть чудо, чтобы красавицы въ меня влюблялись? нѣтъ: это невозможность; слѣдовательно для меня всѣ онѣ безполезны» †). Тогда какъ въ настоящее время, благодаря могучей силѣ естествознанія, мы видимъ уже и въ Россіи появленіе женщины-естествоиспытательницы,—во второмъ послѣ-петровскомъ поколѣніи женщины русскія еще презрительно отрицали естественныя науки, нисколько не сознавая естествопознавательнаго призванія и достоинства своего разума, а чувствуя только одну чувственную обаятельность своей физической, плотской красоты. Въ томъ же «Живописцѣ» Новикова «Щеголиха» говоритъ: «какъ глупы тѣ люди, которые въ наукахъ самые прекрасные лѣта погубляютъ. Ужесть какъ смѣшны ученые мужчины; а наши сестры ученыя—о! онѣ-то совершенныя дуры. Безпримѣрно, какъ онѣ смѣшны. Не для географіи одарила насъ природа красотою; не для математики дано намъ острое и проницательное понятіе; не для физики вложены въ насъ нѣжныя сердца. Для чего же одарены мы сими преимуществами? Чтобы: быть обожаемы. Въ словѣ—умѣть нравиться всѣ наши заключаются науки» ††).

Наконецъ, первоначальная умственная тупость и непонятливость, какую обнаруживало первое послѣ-петровское поколѣніе при изученіи физико-математическихъ наукъ, вслѣдствіе преобладанія грубаго, верхоглязднаго сенсуализма надъ разсудочною силою или теоретическою мыслительностью, во второмъ послѣ-петровскомъ поколѣніи обратилась въ грубое полупониманіе естественныхъ наукъ, въ моду на умы и «натуру», въ недоумство въ области естествознанія. Явились въ обществѣ

---

†) Ibid., 15.
††) Ibid., 19—20.

свои доморощеные недоумы-натуралисты, которые, не занимаясь сами серьезнымъ изученіемъ природы и не будучи способны раціонально, естественно-научно отвѣтить на требованіе объясненія необычайныхъ явленій жизни законами природы, безотчетно и голословно твердили по модѣ: натура! Эта мода на «натуру» была первымъ протестомъ незрѣлой естествопознавательной мысли «недоумовъ» противъ стараго допетровскаго супранатурализма ханжей. Поэтому Ханжихина, въ комедіи Екатерины Великой, съ чувствомъ суевѣрной антипатіи говоритъ этимъ недоумамъ-натуралистамъ: «такъ вы ничему ныньче не вѣрите: у васъ все натура!» У другихъ, даже передовыхъ мыслителей и писателей втораго послѣ-петровскаго поколѣнія недоумство въ области естествознанія и модное резонерство относительно естественныхъ наукъ доходило даже до странныхъ понятій и разсужденій о естественно-научныхъ вопросахъ, открытіяхъ и теоріяхъ. Юная естествопознавательная мысль русская, въ большинствѣ мыслящихъ людей этого поколѣнія, переживала психопатическій фазисъ средневѣковой схоластики и мистики и, далеко еще не доразвившаяся и не укрѣпившаяся въ своей разсудочно-философской или теоретической силѣ мышленія, она естественно не понимала новыхъ открытій естествознанія и отставала отъ нихъ, заблуждаясь въ области верхоглядннаго сенсуализма и старыхъ сенсуально-галлюцинаціонныхъ и натуръ-философскихъ бредней. Модные русскіе натуръ-философы-недоумы, не постигая внѣшними чувствами и не понимая умомъ новыхъ открытій въ физикѣ, химіи, астрономіи и пр., самоувѣренно стали ихъ отрицать. Новиковъ, не понявши высокихъ теорій естествознанія, отъ сенсуалистическаго реализма ударился въ мистическую схоластику, и еще съ большею силою, чѣмъ Невзоровъ, Лопухинъ и другіе, сталъ отвергать новыя открытія въ астрономіи, физикѣ и химіи. «Съ позволенія нашихъ почтенныхъ астрономовъ, — писалъ онъ въ 1814 году къ Карамзину, — они изволятъ бредить, находя болѣе семи планетъ, находя и видя неподвижныя звѣзды и жалуя ихъ въ солнцы. Ни больше, ни меньше семи планетъ быть не можетъ, понеже Богъ ихъ сотворилъ только семь и наполнилъ ихъ силами, каждой приличными. Неподвижныхъ звѣздъ быть не можетъ, ибо неоспоримая истина— что̀ не имѣетъ движенія, то мертво, понеже жизнь есть движеніе. Они пожаловали и самое солнце въ наилѣнивѣйшую планету бездѣйственную, ибо что не имѣетъ движенія, то не имѣетъ и дѣйствія... Нынѣшніе физики, не довольствуясь четырьмя стихіями, которыхъ Богъ сотворилъ четыре только, а не болѣе, совсѣмъ ихъ разжаловали изъ стихій, за то только, что по ихъ высокой наукѣ что́ можетъ дѣлиться, то не

есть стихія. Какая слѣпота и какое нищенское понятіе о стихіяхъ! Однако они наградили насъ почти сотнею стихій. Химики все прежнее отбросили и надѣлили насъ какими-то газами, т. е. пустыми словами, не имѣющими ни значенія, ни силы. И кто можетъ всѣ ихъ бредни исчислить? Не письмами, а фоліантами развѣ можно описать ихъ» †). Какъ Невзоровъ, вслѣдствіе преобладанія до-петровскаго верхоглядпаго сенсуализма надъ экспериментальнымъ естественно-научнымъ раціонализмомъ, представлялъ излишнимъ усиленіе экспериментальныхъ способовъ изученія природы и защищалъ поверхностное непосредственно-чувственное созерцаніе природы, — такъ другіе франмасонскіе мыслители, вслѣдствіе стараго, до-петровскаго преобладанія памяти и воображенія надъ разумомъ и сенсуально галлюцинаціонныхъ видѣній и ощущеній надъ раціонально-реалистическимъ мышленіемъ, стояли за сенсуально-галлюцинаціонныя и психопатическія откровенія средневѣковой мистики и схоластики и отвергали современныя открытія естествоиспытующаго разума. Отвергая современную астрономію и химію, они свято помнили и чтили средневѣковую астрологію и алхимію. Вмѣсто philosophie chemique Лавуазье, philosophie zoologique Ламарка, philosophie anatomique Сентъ-Илера, небесной механики Лапласа они изучали «Химическую Псалтирь» Парацельса (1784), «Герметическую науку—Алхимію», «всеобщую христіанскую медицину и химію» и т. п. Цѣлый отдѣлъ естествознанія захваченъ былъ въ сферу масонскаго общества. Шварцъ рекомендовалъ «Дружескому ученому обществу» обратить особенное вниманіе на «знаніе качествъ и свойствъ вещей въ природѣ и употребленіе химіи». Но, устремивши свою любознательность на природу, члены Новиковскаго общества хотѣли пытать ее въ духѣ среднихъ вѣковъ и выпытывать изъ нея двухъ чудесныхъ откровеній: всеобщаго лекарства и философскаго камня, посредствомъ котораго всѣ металлы обращаются въ золото. Герметическая наука или алхимія ихъ занималась претвореніемъ однихъ металловъ въ другіе и объясняла всѣ естественныя дѣйствія тремя главными факторами — солью, сѣрой и ртутью ††). Вообще, су-

---

†) Первое письмо къ Карамзину, 1814 г.

††) Особенному нареканію подвергалась въ обществѣ анатомія. Проф. анатоміи Эразмусъ въ 1766 и 1767 годахъ неоднократно требовалъ труповъ, но просьбы его не удовлетворяли. Въ обществѣ господствовало предубѣжденіе противъ анатоміи. Поэтому Эразмусъ, въ рѣчи: о противностяхъ анатомическаго ученія, увеселеніемъ и превеликою онаго пользою несравненно превышаемыхъ, долженъ былъ нападать на тѣхъ невѣ-

пранатуралистическія заблужденія, порожденныя средневѣковыми психопатіями, галлюцинаціями чувствъ и вообще господствомъ внѣшнихъ чувствъ, памяти и воображенія надъ разумомъ, дотого омрачали и ослабляли юную естествопознавательную мысль во второмъ послѣ-петровскомъ поколѣніи, что вызывали справедливую и здравую критику со стороны тѣхъ немногихъ русскихъ мыслителей, которые наиболѣе усвоили европейское естествопознавательное умонастроеніе и болѣе вѣрили въ экспериментальный, индуктивный методъ естествопознанія. Въ Тулѣ, въ 1790 году напечатано было «изслѣдованіе книги о заблужденіяхъ и истинѣ», которая колебала тогда юную, незрѣлую, неглубокую и шаткую естествопознавательную мысль русскую,—и въ предисловіи къ этому изслѣдованію высказанъ былъ такой протестъ противъ галлюцинацій чувствъ и воображенія въ области естествоиспытанія, съ защитой экспериментальнаго изученія природы: «никогда — говорили авторы въ «предувѣдомленіи» — благоразумный и чтущій справедливость примѣчатель не будетъ вмѣсто дѣяній натуры, многократными испытаніями утвержденныхъ, предлагать свои увѣренія, не получившія, такъ сказать, клейма истины, неопровержимыми доказательствами на нихъ наложеннаго... Обладающій справедливымъ ученіемъ ничего безъ вѣрнѣйшихъ объясненій, учинившихся долговременными наблюденіями несомнѣнными и ощутительными, не предлагаетъ; но мечтающій умствователь, гордясь вымышленными своими мудроположеніями, повелѣваетъ читателямъ принимать ихъ за истинныя пружины всего естества, несмотря на то, что существо онаго и текущее его обращеніе не воображеніемъ познаваемо быть можетъ, но вопрошеніемъ рачительнѣйшаго испытанія натуры, которая отрицаетъ всякое откровеніе въ себѣ пустомысленности, изображающейся пустословіемъ, но обнаруживаетъ себя токмо тѣмъ, кои прилежаніемъ и трудолюбіемъ тщатся проникнуть въ творенія ея.» Изслѣдователи основывались въ своихъ разсужденіяхъ на мысляхъ Бэля, Локка, Ньютона, Коперника, Бюффона и многихъ другихъ †). Несмо-

---

жественныхъ враговъ науки, которые сравнивали анатомовъ съ живодерами и мясниками, и защищать ее противъ тѣхъ хулителей, которые медиковъ называли безбожниками, приводя трактаты разныхъ врачей, доказывавшихъ бытіе Божіе изъ премудраго устройства разныхъ органовъ тѣлесныхъ: Ф. Гофмана—изъ устроенія всего тѣла, Гамбургера—изъ разсмотрѣнія сердца, Тиммія—изъ разсмотрѣнія спины, Донатовъ способъ—изъ руки, Штурміевъ—изъ глаза, и т. д. «Ист. моск. унив.», 154—155.

†) Галаховъ, «Истор. русск. литер.», 565.

тря, однакожъ, на эти опроверженія, мистико-натуралистическое направленіе мысли, развившееся въ франмасонскомъ обществѣ, какъ реакція противъ грубаго, исключительно физическаго воспитанія молодыхъ поколѣній, состоявшаго въ одномъ питаніи, и противъ грубаго матеріализма нравственности, и потомъ направленное вообще противъ матеріализма идей, понятій, развиваемыхъ естествознаніемъ, — съ 90-хъ годовъ, и потомъ особенно съ 1810 года мало по малу обратилось въ общее реакціонерное направленіе, которое было особенно враждебно свободному движенію естествоиспытательной мысли и развитіемъ котораго заправляли потомъ Жозефъ де Местръ, Руничъ и Магницкій.

Такимъ образомъ въ третьемъ послѣ-петровскомъ поколѣніи естествопознавательной мысли пришлось воспитываться и развиваться большею частію во времена постепеннаго и сильнаго развитія реакціи, которая, изъ боязни матеріализма, сильно стѣсняла свободное развитіе естественныхъ наукъ. Наиболѣе простора и способовъ для развитія естественно-научной мысли дано было только въ началѣ XIX столѣтія, до 1810 г., когда въ общественной атмосферѣ ощутительны были еще principes libérales императора Александра I, который до вступленія на престолъ и самъ мечталъ естествознаніе предпочесть самодержавію. И дѣйствительно, естествопознавательная мысль наша въ первыя 10 лѣтъ нынѣшняго столѣтія какъ-бы спѣшила запастись и гарантироваться нѣкоторыми новыми силами и средствами, чтобы потомъ легче вынести тяжелое для нея иго реакціи и, если не подвинуть свое развитіе, то, по крайней мѣрѣ, отстоять свое существованіе. Вопервыхъ, развитіе ея усилено было приливомъ новыхъ естествоиспытательныхъ умовъ съ запада. Въ сферѣ русскихъ умовъ естественно-научная мысль еще столь мало находила умственныхъ силъ для самостоятельнаго развитія, что нужно было еще, съ одной стороны, призывать съ запада преподавателей натуралистовъ, съ другой стороны— посылать молодыхъ русскихъ натуралистовъ заграницу для приготовленія на физико-математическія кафедры русскихъ университетовъ, которыхъ въ періодъ воспитанія и дѣйствованія третьяго послѣ-петровскаго поколѣнія было уже 6. Въ 1804 году явились вызванные изъ чужихъ краевъ въ московскій университетъ профессоры-математики и натуралисты: изъ Геттингена проф. Иде для высшей геометріи, проф. Рейсъ для химіи; изъ Майнца извѣстный учеными трудами своими и путешествіями проф. Фишеръ для зоологіи и сравнительной анатоміи; изъ Геттингена Гофманъ для ботаники; изъ Лейпцига Г. Гольбахъ для астрономіи. «Всѣ сіи профессоры,—замѣчалъ попечитель моск. университета Муравьевъ въ своемъ отчетѣ за 1804 годъ, — выгодно извѣстные въ

ученомъ свѣтѣ, одушевлены были живѣйшею ревностію сообщить знанія свои юношеству россійскому» †). Проф. Иде, ученикъ Кестнера, извѣстенъ объясненіемъ солнечной системы Лапласа. Рейсъ показалъ себя въ опытахъ животно-химическихъ и гальваническихъ. Гофманъ, приглашенный для ботаники, занималъ уже отличное мѣсто между знатоками этой науки: особенно онъ извѣстенъ своими изслѣдованіями о тайнобрачныхъ растеніяхъ. Его германская флора, его «Plantae lichenosae» тоже были въ большой славѣ. Астрономъ Гольбахъ издалъ «Небесный Атласъ» и работалъ иногда вмѣстѣ съ знаменитымъ берлинскимъ астрономомъ Боде. Призывая иноземныхъ натуралистовъ, попечитель московскаго университета Муравьевъ весьма заботился и о скорѣйшемъ воспитаніи и образованіи своихъ, природныхъ русскихъ натуралистовъ. Въ запискахъ своихъ онъ замѣчалъ: «иначе нельзя завести своихъ профессоровъ, какъ посылая ихъ въ чужіе краи, чтобы они выучились тамъ своимъ правамъ, трудолюбію и должностямъ.» И дѣйствительно, въ тоже время (въ 1805—1806 г.) въ числѣ 26 русскихъ, посланныхъ заграницу, для изученія разныхъ наукъ, 6 молодыхъ русскихъ ученыхъ были натуралисты, именно: Грузиновъ изучалъ анатомію, Чеботаревъ—технологію, Жуковъ—высшую геометрію, Двигубскій—натуральную исторію и химію, Мудровъ—хирургію и клинику, Озеровъ—лѣсоводство. Въ 1828 году, въ числѣ 16 молодыхъ ученыхъ, возвратившихся изъ-за границы, было 6 натуралистовъ и медиковъ. Въ теченіе 1834—1841 г. отправлено было заграницу изъ московскаго университета тоже до 6 русскихъ ученыхъ для изученія разныхъ отраслей естественныхъ наукъ. Въ 1862 году, въ числѣ 60 молодыхъ русскихъ ученыхъ, отправлено было заграницу для приготовленія къ университетскимъ каѳедрамъ по физико-математическимъ факультетамъ до 19 молодыхъ русскихъ натуралистовъ и математиковъ. Заграницей, молодые русскіе натуралисты уже въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія начинали обращать на себя вниманіе западныхъ естествоиспытателей. Парижскіе натуралисты одобрили предпріятіе Двигубскаго издавать русскую фауну и избрали его корреспондентомъ парижскаго академическаго общества наукъ. Молодые русскіе натуралисты уже съ мыслью, съ толкомъ обозрѣвали заграницей различныя заведенія по части естественныхъ наукъ. Напр. тотъ же Двигубскій писалъ, между прочимъ, въ своемъ отчетѣ: «особенно понравилось мнѣ собраніе минераловъ фран-

---

†) «Ист. моск. унив.», 337.

цузскихъ. Въ огромной залѣ, опредѣленной единственно для произведеній собственныхъ Франціи, можно однимъ взглядомъ обозрѣть все то, что во Франціи достаютъ изъ нѣдръ земныхъ. Вся зала раздѣлена по числу департаментовъ и въ каждомъ отдѣленіи лежатъ всѣ земли, камни и руды одного извѣстнаго департамента; въ другомъ отдѣленіи произведенія другаго и т. д. Я не имѣю надобности писать о пользѣ подобныхъ заведеній, которыхъ не много сыщется въ Европѣ. Я съ удовольствіемъ воспоминаю, что будучи еще въ Москвѣ имѣлъ случай видѣть въ богатомъ кабинетѣ г. Татищева особенное отдѣленіе для камней, окаменѣлыхъ раковинъ и пр., вокругъ Москвы находящихся. Въ ганноверскихъ владѣніяхъ я замѣтилъ садъ, въ которомъ разводятъ одни только растенія своей земли. Въ кассельской академіи собираютъ всѣ образцы изъ разныхъ фабрикъ—суконныхъ, полотняныхъ и пр., находящихся во владѣніяхъ кассельскихъ. 11 профессоровъ преподавали натуральную исторію. Кабинетъ ея выстроенъ среди ботаническаго сада и расположенъ систематически... Въ саду есть особенное отдѣленіе, опредѣленное для разведенія растеній, какъ природныхъ, такъ и иностранныхъ, полезныхъ для Франціи, и которыхъ сѣмена каждаго года разсылаются во всѣ департаменты безденежно. По представленію бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, Шанталя, отведено въ предмѣстіи парижскомъ обширное мѣсто, гдѣ сѣютъ сосны, ели, кедры, дубы и другія нужныя деревья, которыя послѣ развозятъ для разсадки въ разные департаменты, смотря по приличной почвѣ земли» †). Весьма замѣчателенъ также выработанный проф. медицины Мудровымъ въ Парижѣ, Берлинѣ и Геттингенѣ «Чертежъ практическихъ врачебныхъ наукъ, взятый съ главныхъ училищъ Германіи и Франціи» ††). Въ этомъ чертежѣ Мудровъ особенно энергично возстаетъ, какъ увидимъ дальше, противъ идеальныхъ методовъ въ изученіи природы и доказываетъ необходимость введенія экспериментальнаго метода въ медицину. Заграничные отчеты новѣйшихъ русскихъ натуралистовъ представляютъ еще болѣе живую и убѣдительную лѣтопись успѣшнаго развитія европейской естественно-научной мысли въ молодомъ русскомъ поколѣніи †††). А многочисленныя и разнообразныя работы молодыхъ русскихъ натуралистовъ, наполняющія иностранные естественно-научные журналы, до-

---

†) Ibid., 346—347.

††) Напеч. въ «Чтен. моск. общ. исторіи».

†††) См. эти отчеты и письма въ «Журн. мин. народн. просвѣщ.» 1862 и 1863 г.

казываютъ уже значительную зрѣлость самостоятельной рабочей силы русской естествоиспытательной мысли †). Вовторыхъ, вмѣстѣ съ приливомъ новыхъ естествоиспытательныхъ силъ съ запада, пріобрѣтались оттуда и новые средства и способы для саморазвитія естественнонаучной мысли въ Россіи. Въ отчетѣ за 1803 г. попечитель московскаго университета Муравьевъ писалъ: «я не преминулъ препроводить въ библіотеку новѣйшихъ великихъ писателей, которые распространили въ короткое время предѣлы человѣческихъ знаній въ химіи, высокой геометріи и экономіи политической (именно: Лавуазье, Фуркруа, Лаланда, Монжа, Прони, Смита, Стюарта, Бентама и прочихъ)... Между тѣмъ доставилъ я въ университетъ удобный для большихъ астрономическихъ наблюденій Грегоріанскій телескопъ, Керіевой работы, выписалъ изъ Лондона Арнольдовъ хронометръ и заказалъ у Бержа, искуснаго художника астрономическихъ орудій, большой регуляторъ и полный кругъ, величиною три фута въ діаметрѣ. Профессору смѣшанной математики Панкевичу поручилъ двухъ питомцевъ для пріученія ихъ къ употребленію астрономическихъ орудій». Точно также Муравьевъ принималъ дѣятельныя мѣры къ устройству астрономической обсерваторіи и химической лабораторіи, къ обогащенію физическаго кабинета, доставляя ему нѣкоторыя новыя машины, гальваническій аппаратъ, Гюйтонову переносную лабораторію, Атвудовъ снарядъ для показанія ускорительнаго паденія тѣлъ и пр. и заботился о снабженіи клиники при медицинскомъ факультетѣ новыми хирургическими и анатомическими орудіями, въ которыхъ тамъ былъ крайній недостатокъ, такъ какъ они выписаны были еще въ 1766 году, и съ тѣхъ поръ сдѣлались вовсе неупотребительными. Потомъ, въ періодъ времени съ 1812 по 1830 годъ, весьма изобильно обогащены были въ московскомъ университетѣ, какъ музей натуральной исторіи, такъ и кабинеты — физическій, астрономическій, анатомическій, химическій, аптекарскій и технологическій ††). Въ періодъ времени 1826 — 1855 года вновь устроены: въ 1828 г. астрономическая обсерваторія съ павильономъ для магнитныхъ наблюденій, въ 1834 году кабинеты сравнительной анатоміи и физіологіи, въ 1846 г. анатомо-патологическій и сельско-хозяйственный кабинеты †††). Въ тоже время,

†) «Натур.» 1866 г.: «разборъ диссертацій русскихъ натуралистовъ».

††) См. подробности въ «Исторіи моск. университета», 433—439.

†††) Ibid., 520—541. Точно также постепенно улучшались и пополнялись натуральные музеи или кабинеты и въ другихъ университетахъ. Напр. въ

сначала по порученію того же Муравьева, молодые русскіе натуралисты переводили замѣчательныя естественно-научныя произведенія западныхъ естествоиспытателей, какъ напр. «Principia mathematica» Ньютона, геометрію Монжа, геометрію и астрономію Біо и др. Втретьихъ, въ университетахъ дано было болѣе свободное и самостоятельное распредѣленіе и развитіе физическимъ и естественнымъ наукамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько возрасла самодѣятельность естественно-научной русской мысли и особенно замѣчательно развилась и проявилась математическая мыслительность. Весь циклъ реальныхъ, естественныхъ наукъ въ университетахъ совмѣщенъ былъ въ двухъ самостоятельныхъ отдѣленіяхъ, обособленныхъ теперь и отъ наукъ философско-метафизическихъ. Именно: въ отдѣленіи физическихъ и математическихъ наукъ преподавались: 1) теоретическая и опытная физика; 2) чистая математика; 3) прикладная математика; 4) астрономія; 5) химія; 6) ботаника; 7) минералогія и сельское домоводство; 8) технологія и науки, относящіяся къ торговлѣ и фабрикамъ, и 9) натуральная исторія. Въ отдѣленіи врачебныхъ или медицинскихъ наукъ: 1) анатомія, физіологія и судебная врачебная наука; 2) патологія, терапія и клиника; 3) врачебное веществословіе, фармацея и врачебная словесность; 4) хирургія; 5) повивальное искусство; 6) скотолеченіе. Что касается до самой разработки естественныхъ наукъ въ нашихъ университетахъ, то въ этомъ отношеніи естествопознавательная мысль русская еще и въ третьемъ поколѣніи была большею частію малосильна и несамостоятельна, исключая успѣховъ математическаго анализа. Только нѣкоторые профессоры-натуралисты начинали составлять свои записки и руководства и изрѣдка издавать свои естественно-научныя изслѣдованія. Такъ въ московскомъ университетѣ Двигубскій въ 1830—1832 г. читалъ физику по своей книгѣ: въ 1801 г. 14 іюня онъ защищалъ свое латинское сочиненіе: Опытъ московской фауны, гдѣ исчислилъ и описалъ животныхъ, находящихся въ окрестностяхъ Москвы. Чумаковъ читалъ механику по своей книгѣ и Пуассону, а оптику по Лакалю. Денисовъ — технологію, сначала по книгѣ Двигубскаго, потомъ съ 1818—1819 г. частную по руководству Поппе, общую по своей. Павловъ преподавалъ минералогію

кіевскомъ университетѣ особенно содѣйствовали улучшенію ихъ Гофманъ — профессоръ минералогіи и геогнозіи (1834—1842) и Бессеръ—профессоръ ботаники и энтомологіи — создатель замѣчательнаго ботаническаго сада (1834 — 1838). «Истор. универс. св. Владим.», 212—221.

по Фишеру, сельское хозяйство по своей земледѣльческой химіи и по книгѣ Альбрехта Теэра, физику (съ 1827—1828) по руководству Двигубскаго и Біо, а также по Гей-Люссаку и Пулье. Щепкинъ читалъ высшія вычисленія, аналитическую геометрію, дифференціальное и интегральное исчисленіе и высшую алгебру по Франкеру; Перевощиковъ—раціональную и сферическую астрономію по сочиненію Шуберта, а съ 1827—1828 года теоретическую астрономію по своей книгѣ, теорію планетъ и кометъ по своему же руководству; Ловецкій читалъ минералогію по Фишеру и Гаю, потомъ по своему сочиненію, руководился также Беданомъ и Соколовымъ, сельское хозяйство по Теэру и Павлову, съ 1834 г. зоологію по своей книгѣ съ дополненіями изъ Кювье и Сентъ-Илера, и пр. †). Въ кіевскомъ университетѣ преподаватель математики Гренковъ читалъ алгебру и аналитическую геометрію по собственнымъ запискамъ, которыя извлекалъ изъ лекцій своего учителя Остроградскаго и изъ сочиненій Гречины и Бурдона; проф. астрономіи Θедоровъ тригонометрію излагалъ по собственнымъ запискамъ, составленнымъ преимущественно изъ лекцій дерптскаго проф. М. Бартельса; популярную астрономію по собственнымъ же запискамъ, основаннымъ на руководствѣ В. Брандеса ††). Уже изъ этого перечня видно, что русскіе профессоры-натуралисты, хотя еще мало, но все-таки начинали уже составлять свои руководства. Умственная производительность профессоровъ по части естественныхъ наукъ тоже начинала проявляться въ изданіяхъ коекакихъ естественно-научныхъ и особенно математическихъ сочиненій. Такъ свѣтило математическаго факультета харьковскаго университета, проф. чистой математики Т. Θ. Осиповскій (изъ воспитанниковъ владимірской семинаріи) издалъ курсъ математики въ 2-хъ томахъ, представилъ къ изданію и третій томъ — о дифференціальныхъ, интегральныхъ и варіаціонныхъ исчисленіяхъ, состоящій изъ двухъ частей, изъ которыхъ въ одной, изданной впослѣдствіи, находится анализъ вообще взятый, а въ другой приложеніе его къ кривымъ линіямъ и поверхностямъ. Онъ также перевелъ на русскій языкъ «Небесную Механику» Лапласа, съ присовокупленіемъ поясненій относительно предлагаемыхъ въ ней исчисленій. Кромѣ того онъ написалъ сочиненія: о дѣйствіи силъ на гибкія тѣла и о происходящемъ отъ того равновѣсіи; объ астрономическихъ преломленіяхъ; о теоріи движенія тѣлъ, бросаемыхъ на

---

†) «Истор. моск. унив.», 546—552.
††) «Истор. унив. св. Владиміра», 135—147.

поверхности земной; о томъ, что астрономическія наблюденія надъ тѣлами солнечной системы надлежитъ поправлять по времени прохожденія отъ нихъ «свѣта» и другія. По свидѣтельству академика Остроградскаго, математическія сочиненія Осиповскаго обратили на себя вниманіе французской академіи наукъ. Изъ другихъ профессоровъ харьковскаго университета издали: Стойковичъ — руководство къ физикѣ и физической географіи, Газе — всеобщую химію, въ 5-ти частяхъ. Въ казанскомъ университетѣ былъ замѣчательнымъ профессоромъ теоретической астрономіи Румовскій, изъ учениковъ невской семинаріи, образовавшійся у знаменитаго берлинскаго математика Леонарда Эйлера. Онъ «дѣлалъ обсерваціи, которыхъ и славные астрономы не безъ осторожности ожидали» †). Рядомъ съ университетскими математиками, два знаменитыхъ русскихъ академика — Остроградскій и Сомовъ многочисленными сочиненіями и открытіями своими особенно обогатили разныя отрасли математическаго анализа. Еще въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія «блестящія дарованія Остроградскаго обратили на него особенное вниманіе величайшихъ французскихъ математиковъ: такъ знаменитый Коши, въ издаваемыхъ имъ въ то время сочиненіяхъ, многократно съ похвалою отзывался о трудахъ и открытіяхъ молодаго русскаго геометра; съ другой стороны, въ то время, когда во Франціи было столько отличныхъ математиковъ, нашъ соотечественникъ удостоился рѣдкаго для иностранца отличія, получивъ профессорское мѣсто въ коллегіумѣ Генриха IV. Написанное имъ тогда (1826) сочиненіе «Sur la propagation des ondes dans un bassin cilindrique» было представлено парижскому институту и удостоено помѣщенія въ собраніи мемуаровъ постороннихъ ученыхъ». Въ теченіе 33-лѣтней дѣятельности онъ написалъ: 48 сочиненій, читанныхъ имъ въ засѣданіи с.-петербургской академіи наукъ и напечатанныхъ въ ея изданіяхъ, 3 сочиненія, представленныя парижской академіи наукъ и напечатанныя въ ея изданіяхъ, 9 разборовъ физико-математическихъ сочиненій; отдѣльно издалъ: «Руководство начальной геометріи» (Спб. 1855 г.) для военно-учебныхъ заведеній и «Программу и конспектъ тригонометріи» для руководства въ военно-учебныхъ заведеніяхъ (Спб. 1851). Кромѣ того два читанныхъ Остроградскимъ курса были записаны и изданы подъ слѣдующими заглавіями: 1) «Cours de mécanique céleste» (1831); курсъ этотъ, состоящій изъ 12

---

†) Матеріалы для истор. просвѣщенія въ Россіи—Сухомлинова. «Журн. мин. нар. просв.», 1865 г., окт., стр. 64, 84—85.

лекцій, продолжался съ ноября 1829 по мартъ 1830; 2) лекціи алгебраическаго и трансцендентнаго анализа, читанныя въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ: ч. I: рѣшеніе алгебрическихъ уравненій; ч. II: теорія алгебрическихъ функцій (Спб. 1837) †). Въ московскомъ университетѣ, въ первой четверти нынѣшняго столѣтія изъ природныхъ русскихъ натуралистовъ наиболѣе извѣстны своими сочиненіями: адъюнктъ Успенскій — разсужденіемъ о коровьей оспѣ (1801); докторъ Андреевскій изданіемъ введенія въ анатомію животныхъ; Двигубскій — опытомъ московской фауны (1801), двукратнымъ изданіемъ физики, описаніемъ животныхъ и китовъ, которые водятся въ предѣлахъ россійскаго государства, изображеніемъ и описаніемъ животныхъ россійской имперіи, начальными основаніями естественной исторіи (1812—1825); Озеровъ—переводомъ Функовой технологіи; Чумаковъ—переводомъ курса математики Беллавеня. И многіе другіе московскіе профессоры-натуралисты болѣе или менѣе извѣстны какими-нибудь сочиненіями по своимъ предметамъ, или переводами, или же сотрудничествомъ въ обществѣ испытателей природы и въ обществѣ физико-медицинскомъ. Г. Шевыревъ такъ характеризуетъ нѣкоторыхъ тогдашнихъ русскихъ натуралистовъ московскаго университета, включая въ то число и нѣкоторыхъ иностранныхъ профессоровъ: «въ отдѣленіи физико-математическомъ — говоритъ онъ — Фишеръ раскрывалъ болѣе общественную дѣятельность науки чрезъ ученыя связи со всѣми просвѣщенными странами земнаго шара и притягивалъ этою силою къ университету сокровища естествознанія; Гофманъ и Гольдбахъ образовывали у насъ отечественныхъ ботаниковъ; въ сферѣ чистой математики выступили два даровитыхъ профессора изъ молодаго поколѣнія: Перевощиковъ преподавалъ математику вдохновенно, какъ поэтъ, какъбы создавая ее во время изложенія, со страстною любовью къ ней, которую сообщалъ и своимъ слушателямъ; Щепкинъ проходилъ науку хладнокровно и медлительно, любя ее внутреннею сосредоточенною любовію, но не торопясь къ ея свѣтлымъ и поразительнымъ результатамъ, и заслужилъ отъ своихъ современниковъ прозваніе Фабія Кунктатора. Увлекателенъ былъ Павловъ, по возвращеніи изъ-за границы озарившій новымъ блескомъ область естествовѣдѣнія. Во врачебномъ отдѣле-

---

†) Отчетъ по физико-матем. и историко-филолог. отд. «Зап. Акад. Наукъ». 1862 г. т. I, кн. 1, стр. 3, 46—50. О многочисл. и замѣчательн. математич. изслѣдованіяхъ Сомова см. подробный отчетъ тамъ же, 90—93.

ніи Мудровъ стремился воплотить въ студентахъ идеалъ Ипнократова врача; нравственное вліяніе его на учениковъ было огромно; хожденіе за больными при постели ихъ образцовое. Мухинъ многосторонними свѣдѣніями и неутомимою дѣятельностью одушевлялъ студентовъ. Преподавая анатомію по собственному руководству, а физіологію по Блуменбаху, съ присовокупленіемъ потомъ руководствъ Прохаски и Ленгоссека, онъ дѣлалъ опыты надъ животными для объясненія нѣкоторыхъ явленій, происходящихъ въ живомъ человѣческомъ тѣлѣ. Новое поколѣніе умножало силы факультета, которыя не оскудѣвали. Альфонскій выступилъ достойно по слѣдамъ своего наставника Гильдебрандта и въ короткое время пріобрѣлъ себѣ имя своими операціями. Рихтеръ, довершивъ свое ученіе заграницей, по слѣдамъ отца, уже доканчивавшаго свое поприще, двигалъ впередъ науку (особенно ученіемъ о дѣтскихъ болѣзняхъ). Бунге принесъ основательное и глубокое изученіе ветеринарной медицины. Ризенко, Страховъ, Эвеніусъ, Терновскій вносили въ факультетахъ добросовѣстное изученіе науки въ разныхъ ея отрасляхъ †). По введеніи новаго университетскаго устава, съ начала 1836 года, не было уже того вреднаго для разработки науки безпрерывнаго колебанія ученыхъ натуралистовъ между разными науками, которое господствовало во всей предъидущей исторіи преподаванія. Науки теряютъ уже вовсе энциклопедическій характеръ и во всѣхъ университетахъ было уже значительное число спеціальныхъ русскихъ ученыхъ натуралистовъ. Не было уже новаго открытія, опыта, мысли, которыя бы прошли неизвѣстными для русскихъ натуралистовъ. И въ академіи наукъ работы естествоиспытательной мысли гораздо болѣе оживились и усилились, чѣмъ въ прошломъ столѣтіи. Тогда какъ съ 1742 по 1822 г., въ теченіе 80 лѣтъ, издано было академиками напр. по зоологическимъ наукамъ только 161 сочиненіе,—въ XIX столѣтіи, въ теченіе послѣднихъ 34 лѣтъ, натуралисты-академики сообщили 324 сочиненія по отдѣлу зоологіи, анатоміи, физіологіи, біологіи, исторіи развитія, зоологической географіи, палеонтологіи, краніологіи и пр.; вообще, сочиненія эти, по словамъ Брандта, разработывали такія отрасли науки, которыхъ прежде еще вовсе не касались ††).

---

†) «Ист. моск. унив.», 451 — 453. Характеристику профессоровъ-математиковъ и натуралистовъ кіевскаго универс. см. въ «Ист. универс. св. Владим.», 135—147.

††) «Bulletin de l'academie impériale», t. VII, № 4. Suppl. II, p. 21.

Далѣе, съ начала XIX столѣтія усилены были средства и способы, съ одной стороны, для возбужденія и проявленія естественно-научной самодѣятельности русскихъ натуралистовъ, съ другой—для воспитанія естествопознавательной, реальной мысли въ обществѣ. Съ этою цѣлью, учреждены были теперь нѣкоторыя естественно-научныя общества, тогда какъ прежде устроивались только общества словесно-литературныя. Такъ, 2 января 1804 года открыло свои дѣйствія Высочайше утвержденное при московскомъ университетѣ общество соревнованія медицинскихъ и практическихъ наукъ. Цѣль его опредѣлена троякая: 1) распространять въ Россіи всякаго рода полезныя знанія, касающіяся до физики и врачебной науки; 2) тщательно возбуждать, питать и подкрѣплять любовь къ симъ наукамъ, какъ между его сочленами, такъ и между всѣми прочими любителями естествознанія; 3) обогащать новыми открытіями, опытами и замѣчаніями физику и врачебную науку. Съ этою цѣлью предположено было обществомъ издавать медико-физическій журналъ. Въ томъ же 1804 году, сентября 26, основано при университетѣ «Общество испытателей природы». Цѣль въ уставѣ его показана троякая: 1) «усовершать свѣдѣнія въ естественной исторіи обширной россійской имперіи; 2) собрать по географическому порядку всѣ произведенія Россіи, по части минералогіи, ботаники, зоологіи, земледѣлія и промышленности; 3) приложить стараніе къ открытію такихъ произведеній, которыя могутъ составить новую вѣтвь россійской торговли». Хотя оба эти общества не оказали обширнаго и ощутительно-плодотворнаго вліянія на воспитаніе естествопознавательной мысли въ обществѣ русскомъ, но все-же они поддерживали принципъ реальнаго, естественно-научнаго направленія и развитія русской мысли. Члены общества испытателей натуры, между прочимъ, изслѣдовали фауну, флору и минеральныя произведенія московской губерніи и составили собраніе минераловъ и растеній московской губерніи. «Общество испытателей природы — говоритъ г. Шевыревъ — совершило много новыхъ открытій во всѣхъ трехъ ея царствахъ; умножило посредствомъ членовъ своихъ собранія университетскаго музея; напечатало шесть томовъ своихъ записокъ на французскомъ и латинскомъ языкахъ; обогатило свою библіотеку многими приношеніями своихъ членовъ. Общество физико-медицинское напечатало три части трудовъ своихъ подъ заглавіемъ: «Commentationes», на латинскомъ и другихъ языкахъ, и два тома на русскомъ» †). Въ 1812 году учреждено общество наукъ при харьковскомъ

†) «Ист. моск. унив.», 457.

университетѣ съ отдѣленіемъ естественныхъ наукъ, къ которому причислялись и врачебныя и другія, основывающіяся на испытаніи природы. Цѣль общества—распространеніе естественныхъ наукъ и знаній, какъ посредствомъ ученыхъ изслѣдованій, такъ и посредствомъ изданія въ свѣтъ общеполезныхъ сочиненій †). Далѣе, принципъ естественно-научнаго, реальнаго направленія и развитія русской мысли поддерживался отчасти и немногими естественно-научными и технологическими журналами, какіе выходили въ періодъ воспитанія и дѣйствованія третьяго послѣ-петровскаго поколѣнія, именно: «періодическимъ изданіемъ о полезныхъ изобрѣтеніяхъ, ремеслахъ и художествахъ», которое издавалъ въ 1806 и 1807 годахъ директоръ Дружининъ при московской губернской гимназіи подъ покровительствомъ Муравьева, «Новымъ магазиномъ естественной исторіи, физики, химіи и свѣдѣній экономическихъ», издававшимся Двигубскимъ съ 1820 по 1830 годъ, потомъ замѣнившимъ его «Вѣстникомъ естественныхъ наукъ», который издавалъ (съ 1820 г) Іовскій, позднѣе Рулье, «Московскимъ врачебнымъ журналомъ», издававшимся Евеніусомъ и Полунинымъ, и «Записками по части врачебныхъ и естественныхъ наукъ», издававшимися П. Дубовицкимъ въ 1842—1846 г. Наконецъ, для возбужденія и воспитанія въ обществѣ интереса къ естествознанію весьма полезны были публичные курсы и рѣчи по предметамъ естественныхъ и вообще реальныхъ наукъ. Такъ, въ 1803—1804 году съ сентября по 1-е мая открыты были три курса для московской публики. Политковскій читалъ натуральную исторію, пользуясь приэтомъ сокровищами натуральнаго кабинета кн. Яблоновскаго; Страховъ предлагалъ опытную физику съ показаніемъ новѣйшихъ опытовъ надъ газами, гальванизмомъ и пр.; Геймъ — систематическое обозрѣніе торговли съ пріобщеніемъ подробныхъ свѣдѣній о монетахъ. Карамзинъ въ «Вѣстникѣ Европѣ» 1803 года изъявлялъ, по поводу этихъ курсовъ, радость, что наука, облекшись въ доступную для всѣхъ форму, начинала свое вліяніе на общежитіе, и такъ говорилъ: «Счастливое избраніе предметовъ для сихъ публичныхъ лекцій доказывается числомъ слушателей, которые въ назначенные дни собираются въ университетской залѣ. Любитель просвѣщенія съ душевнымъ удовольствіемъ видитъ тамъ знатныхъ московскихъ дамъ, благородныхъ молодыхъ людей, духовныхъ, купцовъ, студентовъ заиконоспасской академіи и людей всякаго званія, которые въ глубокой тишинѣ и со вниманіемъ устрем-

†) «Труды общества наукъ» при харьковскомъ унив., т. I, 1817.

ляютъ глаза на профессорскую каѳедру. Можно было предвидѣть, что лекціи опытной физики привлекутъ болѣе слушателей, нежели другія. Не мое дѣло сравнивать таланты достойныхъ господъ профессоровъ; но феномены силы электрической, гальванизма, опыты аэростатическіе и пр. сами по себѣ столь любопытны, и г. Страховъ изъясняетъ ихъ столь хорошо, столь вразумительно, что публика находитъ отмѣнное удовольствіе въ слушаніи его лекцій. Вообще должно отдать справедливость ревности и талантамъ гг. московскихъ профессоровъ, которые, не имѣвъ донынѣ случая преподавать науки публично, столь успѣшно начали и продолжаютъ свои лекціи. Г. Политковскій, слѣдуя Линнеевой системѣ, проходитъ царства натуры, изъясняетъ ученыя слова и наименованія, еще новыя въ языкѣ русскомъ, и замѣчая все достойное удивленія, какъ въ общемъ планѣ творенія, такъ и въ особенныхъ существахъ, старается возбудить въ слушателяхъ любовь къ великой наукѣ природы» †). Затѣмъ извѣстны также публичныя лекціи популярной астрономіи Перевощикова, физики — Спасскаго, зоологіи — Рулье, сельскаго хозяйства—Павлова и др. Съ тою же цѣлію возбужденія въ обществѣ естествопознавательнаго интереса и стремленія, довольно часто говорились публичныя рѣчи о пользѣ математическихъ и естественныхъ наукъ и о разныхъ предметахъ естествознанія. Такъ 31 августа, 1801 года молодой профессоръ Барсукъ-Моисеевъ въ публичной рѣчи своей раскрывалъ публикѣ вліяніе воздуха, временъ года и метеоровъ на человѣческое здоровье и предлагалъ діететическія правила, какія должно наблюдать по различному его состоянію. Аршеневскій въ словѣ своемъ: о связи чистой математики съ физикою показалъ ясно значеніе математики, какъ единственно возможной философіи физики (31 авг. 1802). Слово Двигубскаго: о нынѣшнемъ состояніи земной поверхности (1806) было явленіемъ новымъ въ литературѣ русской науки по части геологіи и едвали не въ первый разъ сообщало русскому обществу современныя геологическія знанія, выработанныя европейской наукой ††). Проф. Грузиновъ въ рѣчи: о новооткрытомъ мѣстѣ происхожденія голоса въ человѣкѣ и другихъ животныхъ (1811) съ основательнымъ знаніемъ сообщилъ результаты современной сравнительной анатоміи и физіологіи и присовокупилъ собственные добросовѣстные опыты и наблюденія. Вообще, темы публичныхъ рѣчей, направлен-

†) «Вѣстникъ Европы», 1803 г., № 12.
††) «Періодич. сочин. о успѣхахъ народ. просвѣщ.» 1806 г. N XV.

ныя къ возбужденію и воспитанію естествопознавательнаго умонастроенія во второмъ послѣ-петровскомъ поколѣніи, были большею частію сообразныя съ умственнымъ состояніемъ и потребностями общества, именно слѣдующія: «о пользѣ математики; объ успѣхахъ, сдѣланныхъ Россіею въ математикѣ; объ истинной цѣли кабинетовъ, состоящихъ изъ достопамятныхъ предметовъ натуры, и о пользѣ ихъ для народнаго просвѣщенія; объ успѣхахъ, которые русскіе натуралисты сдѣлали въ изслѣдованіи естественныхъ произведеній въ Россіи; или: о физическомъ воспитаніи дѣтей; о причинахъ, дѣлающихъ воздухъ неспособнымъ для дыханія, и о средствахъ предохраненія его отъ порчи; о ботаническихъ врачебныхъ садахъ; о внезапныхъ пожарахъ, ихъ законахъ и причинахъ (химическое разсужденіе—Рейса); о способѣ учить и учиться медицинѣ практической; о необходимыхъ средствахъ къ подкрѣпленію слабаго младенческаго возраста для размноженія въ отечествѣ нашемъ народа; о сѣдалищѣ и дѣйствіи чувствительности; о сибирской язвѣ; о метаморфозѣ тѣлъ органическихъ; объ исторіи садоводства и ботаники въ предѣлахъ Россіи» и т. п. Наконецъ, что касается до народнаго образованія, то по уставу гимназій и училищъ 1804 года, въ нихъ, какъ увидимъ дальше, усилено было преподаваніе реальныхъ физико-математическихъ наукъ и увеличены были способы естественно-научнаго ученія юношества. Со времени преобразованія училищной части въ Имперіи до 1809 года изданы были главнымъ правленіемъ училищъ слѣдующія книги: Всеобщее землеописаніе, для употребленія въ гимназіяхъ, описаніе всѣхъ частей свѣта — для уѣздныхъ училищъ, краткое землеописаніе россійскаго государства для уѣздныхъ училищъ, физика, технологія, краткое начертаніе минералогіи, россійскій атласъ и пр. †).

Столько было благопріятныхъ пособій для воспитанія естественно-научной мысли въ третьемъ послѣ-петровскомъ поколѣніи или съ начала XIX столѣтія до 40 и 50-хъ годовъ, не упоминая еще о нѣкоторыхъ другихъ способахъ, какіе представляли для развитія реальнаго, естественно-научнаго мышленія разныя спеціальныя учебныя заведенія, въ родѣ медицинской академіи, агрономическаго, технологическаго, лѣснаго институтовъ и т. п., а также ученая дѣятельность академіи наукъ. Но, съ другой стороны, къ сожалѣнію, много было и неблагопріятныхъ условій для развитія юной естественно-научной мысли.

†) Сухомлинова «Матер. для истор. просвѣщ.», 130—131.

Вопервыхъ, вслѣдствіе воспитаннаго вѣками сенсуалистическаго склада умственныхъ способностей русскаго народа, вслѣдствіе вѣковаго преобладанія поверхностной сенсуальной воспріимчивости надъ теоретическою глубокомысленностью, естествопознавательная мысль русская и въ третьемъ послѣ-петровскомъ поколѣніи была еще большею частію очень поверхностна и далеко не способна къ самостоятельной выработкѣ глубокомысленныхъ естественно-научныхъ теорій и обобщеній. Вѣковое преобладаніе поверхностнаго непосредственно-чувственнаго верхоглядства въ созерцаніи и наблюденіи природы и слабое развитіе теоретической умозрительности и сообразительности было одною изъ существенныхъ причинъ того факта, что и многіе наши натуралисты до позднѣйшаго времени отличались верхоглядствомъ. Магистръ естественныхъ наукъ Тихановичъ 2-й въ одномъ заграничномъ письмѣ своемъ замѣчаетъ: «тогда какъ у нѣкоторыхъ нѣмецкихъ ученыхъ спеціализмъ доходитъ до странности,—у многихъ русскихъ (натуралистовъ) до болѣзненности развито верхоглядство. Мнѣ приходилось слышать, что по химіи въ настоящее время не слѣдуетъ работать, потому что въ этой наукѣ все уже можно предвидѣть» †). Этимъ верхоглядствомъ отличалось большинство нашихъ натуралистовъ прежняго поколѣнія, особенно до 30-хъ годовъ, исключая немногихъ, преимущественно математиковъ, какъ то Осиповскаго, Румовскаго и въ особенности Остроградскаго, и медиковъ, какъ то Пирогова и т. п. Вслѣдствіе вѣковаго отсутствія генеративно-послѣдовательнаго развитія теоретической мыслительности и вѣковаго преобладанія непосредственно-сенсуальной наблюдательности, естествопознавательная мысль русская и въ третьемъ послѣ-петровскомъ поколѣніи гораздо болѣе способна была только къ сенсуальнымъ физическимъ наблюденіямъ, къ сенсуальнымъ демонстраціямъ, чѣмъ къ глубокимъ теоретическимъ комбинаціямъ, выводамъ и обобщеніямъ. Напр. до 30-хъ годовъ XIX столѣтія почти всѣ наши натуралисты еще только освоялись съ сенсуально-демонстративною частью естествознанія, изучали на западѣ искусство препарированія труповъ, искусство производства физическихъ и химическихъ опытовъ, искусство астрономическихъ обсервацій и т. п. и дома большею частію рабски-подражательно производили только эти видѣнныя на западѣ чисто сенсуальныя операціи изслѣдованія и наблюденія, напр. чисто сенсуальныя анатомическія демонстраціи, чисто сенсуальные физическіе опыты, чисто сенсуальныя «астрономическія обсерваціи» и т. п. По

†) «Ж. м. н. просв.», ч. CXVIII, 127.

преобладанію сенсуальной наблюдательности надъ теоретическою умозрительностью, сообразительностью и изобрѣтательностью мысли они далеко не могли еще самостоятельно и свободно, съ магическимъ Вирховскимъ или Гельмгольцевскимъ искусствомъ владѣть теоретической, потенціональной сферой экспериментаціи и разнообразнымъ регулированіемъ опытовъ и наблюденій, и потому рѣдко кто изъ нихъ производилъ новые, оригинальные и самостоятельные опыты и наблюденія, напр. по физикѣ, химіи, анатоміи, физіологіи и т. п., и потому никто неизвѣстенъ новымъ открытіемъ или новымъ обширнымъ обобщеніемъ въ области естествоиспытанія. Напротивъ, почти всѣ наши природные русскіе натуралисты, какіе были до 30-хъ годовъ, большею частію рабски-подражательно производили еще только такія сенсуальныя анатомическія демонстраціи, физическіе и химическіе опыты, астрономическія обсерваціи, которыя были первыми сенсуальными, наглядными показаніями и доказательствами естественно-научныхъ истинъ или теорій, давно уже открытыхъ или выработанныхъ западными естествоиспытателями. Наконецъ, и производили они эти чисто сенсуальныя естественно-научныя демонстраціи большею частію еще только въ тѣхъ предѣлахъ или съ тою цѣлію, чтобы посредствомъ ихъ сенсуально, наглядно и осязательно показать сначала самимъ себѣ, а потомъ и слушателямъ тѣ готовые выводы, истины или теоріи, которые излагались въ западныхъ естественно-научныхъ руководствахъ, напр. Бриссона, Зёммеринга, Блуменбаха, Пленка, Жакена, Боде и т. п. И самые кабинеты, напр. физическіе, еще мало давали способовъ къ новымъ научнымъ опытамъ. Напр. въ кіевскомъ университетѣ физическій кабинетъ былъ весьма скуденъ, да и тотъ профессоръ физики Абламовичъ держалъ въ безпорядкѣ. По словамъ г. Шульгина, «посредствомъ имѣвшихся физическихъ приборовъ производимы были опыты, относящіеся только къ подтвержденію разныхъ положеній науки во время лекцій; опыты же съ научною цѣлью не могли быть еще производимы» †). Точно также въ естественно-научныхъ сочиненіяхъ и изслѣдованіяхъ русскихъ натуралистовъ первой четверти XIX столѣтія, за исключеніемъ немногихъ математиковъ, описаніе непосредственно сенсуальныхъ наблюденій или чувственныхъ воспріятій и впечатлѣній еще сильно преобладало надъ научно-теоретической обработкой этого непосредственно-сенсуальнаго матеріала. Напр. фауна московской губерніи или изображенія и описанія животныхъ

---

†) «Истор. унив. св. Владим.», 212.

Россійской Имперіи Двигубскаго представляетъ только простой перечень и наглядное описаніе видѣнныхъ или разсмотрѣнныхъ имъ животныхъ Россійской имперіи и, въ частности, московской губерніи, но такого глубокомысленнаго научно-теоретическаго взгляда на предметъ, какое представляетъ напр. «Philosophie zoologique» Ламарка, или «Philosophie anatomique» Е. Ж. С.-Илера, мы вовсе не найдемъ въ книгѣ Двигубскаго. Профессоры-натуралисты больше занимались еще только собираніемъ и накопленіемъ сенсуальнаго матеріала, наглядныхъ образцовъ или предметовъ естественной исторіи, но не вырабатывали еще изъ этого сенсуально-конкретнаго матеріала никакихъ теоретическихъ выводовъ и новыхъ идей, даже часто не разрабатывали его съ самыхъ элементарныхъ научныхъ сторонъ. Напр. посланный въ 1824 г. для изслѣдованія флоры московской губерніи кандидатъ Максимовичъ ограничился только собраніемъ болѣе 800 растеній. Или въ гербаріумѣ московскаго университета въ первой четверти нынѣшняго столѣтія накоплено было 20,000 экземпляровъ растеній, — но научная обработка ихъ, даже раціональная классификація ихъ по видамъ не сдѣлана была нетолько до 1820 года, но и послѣ, и только уже въ 1855 году въ гербаріѣ показано было 12,000 видовъ †). Въ кіевскомъ университетѣ кабинеты естественной исторіи точно также долгое время представляли простое безобразное зрѣлище самаго безпорядочнаго склада предметовъ природы, въ смѣшеніи съ разными раритетами, и притомъ зрѣлище, гораздо менѣе привлекавшее взоры и вниманіе, чѣмъ какой-нибудь мюнцъ-кабинетъ, и вообще до такой степени мало возбуждали и привлекали серьезную естественно-научную любознательность, что долгое время вовсе не были разсмотрѣны и разобраны строго-научнымъ образомъ, такъ что напр. въ минералогическомъ кабинетѣ, по разбору проф. Гофмана, произведенному уже въ 1838 году, изъ 19,362 штукъ оказались годными только 3,242 предмета, а остальныя 16,120 штукъ частію представляли только забавное или диковинное для глазъ собраніе раритетовъ, рѣдкостей, а частію были вовсе негодны; въ зоологическомъ кабинетѣ изъ 2,347 видовъ негодныхъ экземпляровъ уже въ 1834 году оказалось 1,962; между тѣмъ, какъ мюнцъ-кабинетъ былъ одною изъ самыхъ замѣчательныхъ коллекцій университета св. Владиміра и заключалъ въ себѣ въ 1839 году 23,648 монетъ и медалей ††). По недостаточному

---

†) «Истор. моск. унив.», 435, 528.
††) «Истор. унив. св. Владиміра», 213, 219, 225.

развитію теоретической мыслительности и по преобладанію надъ нею сенсуальныхъ способностей—внѣшнихъ чувствъ и памяти зрительной, слуховой и пр., и у многихъ профессоровъ-натуралистовъ непосредственно-сенсуальныя практическія знанія и память именъ или видѣнныхъ предметовъ преобладали надъ теоретическою силою или ученою точностью и основательностью естествоиспытательной мысли. Въ лекціяхъ ихъ номенклатура преобладала надъ мыслью, надъ идеей. Напр. г. Шульгинъ въ исторіи университета св. Владиміра говоритъ о профессорѣ зоологіи: «профессоръ Андржеіовскій (1834 — 1840) не получилъ правильнаго ученаго образованія въ естественныхъ наукахъ. Онъ изучилъ одну часть ихъ — ботанику и то болѣе практически въ экскурсіяхъ и, такъ сказать, самоучкою. Такой образъ предварительнаго приготовленія къ профессурѣ отражался въ преподаваніи г. Андржеіовскаго и въ ученыхъ трудахъ его — отсутствіемъ ученой точности и основательности. Студенты, несмотря на громкія ученыя имена (Ламарка, Кювье, Бленвиля, Астрейля, Мильнъ-Эдвардса, Кобреза и многихъ другихъ), которыми Андржеіовскій обставлялъ лекціи, скоро разгадывали своего учителя» †). Таковъ же былъ въ кіевскомъ университетѣ профессоръ физики Абламовичъ (1834 — 1838), у котораго, по словамъ г. Шульгина, «физическое развитіе остановило развитіе умственное», положительныхъ знаній было весьма мало, а страсть къ воспринятію всякихъ уличныхъ впечатлѣній и память всего видѣннаго и слышаннаго на улицѣ совершенно преобладали надъ естественно-научною мыслью ††). Если, такимъ образомъ, въ самихъ представителяхъ и воспитателяхъ естественно-научной мысли сенсуально-эмпирическая поверхностность еще преобладала надъ теоретическою глубиною и обширностью естествоиспытательной мысли, то понятно, что въ молодомъ поколѣніи и въ обществѣ естествопознавательная мысль была еще сенсуальнѣе и поверхностнѣе. Вслѣдствіе вѣковаго отсутствія предварительнаго генеративно-послѣдовательнаго развитія теоретическихъ мыслительныхъ способностей и вѣковаго преобладанія поверхностнаго сенсуализма,—полупонятливость въ естествознаніи, недоумство и мода на умы и натуру, отличавшія второе послѣ-петровское поколѣніе временъ фон-Визина, въ третьемъ послѣ-петровскомъ поколѣніи превратились въ крайнее верхогляд-

†) Шульгинъ, «Истор. кіевск. унив.», 146.
††) Ibid., 139.

ство въ естествознаніи, въ роскошь полузнаній, въ стремленіе къ познаніямъ легкимъ и поверхностнымъ, въ равнодушіе къ занятіямъ, требующимъ умственнаго труда и непрерывнаго упражненія, въ антипатію къ умственному углубленію въ сущность наукъ. Лучшіе профессоры-математики, вообще, не лестно отзывались объ умственномъ развитіи тогдашняго студенчества. Извѣстный профессоръ теоретической астрономіи, бывшій потомъ попечителемъ въ казанскомъ учебномъ округѣ, Румовскій, такъ отзывался о студентахъ казанскаго университета: не знаю я, отъ чего казанскіе воспитанники толь высокія о себѣ имѣютъ мысли, и думаютъ, что къ полученію званія магистра или адъюнкта ничего больше не надобно, какъ только побыть нѣсколько времени въ университетѣ, не показавъ особливыхъ успѣховъ и способностей для полученія ученаго званія. Небезъизвѣстно мнѣ, что молодые люди требуютъ одобренія; но ежели одобренія дѣланы будутъ по ихъ предразсудкамъ и по высокимъ о себѣ мыслямъ, то они возмечтавъ о достоинствахъ своихъ «перестанутъ напрягать силы разума своего и останутся на вѣкъ полуучеными» †). Медицинскій факультетъ въ московскомъ университетѣ, по словамъ попечителя Муравьева, «оставался безъ дѣйствія по малой склонности студентовъ къ сему ученію» ††). Извѣстный профессоръ математики Бартельсъ, по переводѣ изъ Казани въ Дерптъ, по собственному его признанію, не встрѣтилъ въ тамошнемъ молодомъ поколѣніи ни дарованій, ни любви къ математикѣ, и долженъ былъ ограничиться преподаваніемъ элементарной математики †††). Такъ мало еще развиты были мыслительныя силы и въ третьемъ послѣ-петровскомъ поколѣніи, вслѣдствіе вѣковаго отсутствія предварительнаго генеративно-послѣдовательнаго изощренія ихъ и преобладанія поверхностнаго сенсуализма. Неудивительно, поэтому, что въ началѣ XIX столѣтія нужно было еще пріучать юную естественно-научную мысль молодаго поколѣнія къ самой первоначальной теоретической самодѣятельности; молодыхъ натуралистовъ нужно было еще пріучать къ сочиненію естественно-научныхъ учебниковъ посредствомъ упражненія ихъ переводами западныхъ сочиненій по естественнымъ и математическимъ наукамъ. Попечитель московскаго университета Муравьевъ, какъ мы сказали уже, такъ это и дѣлалъ. «Весьма

---

†) «Ж. м. н. просвѣщ.», 1865 г., № X, стр. 123.
††) «Истор. моск. унив.», 329.
†††) Ibid., № X, 123.

желательно, — писалъ онъ въ 1805 году, — чтобы молодые наши магистры и кандидаты заблаговременно пріучились къ сочиненію нужныхъ для ученія книгъ и чтобы упражненіемъ достигли они до нѣкоторой силы въ искусствѣ писанія. Съ симъ намѣреніемъ поручилъ я магистру Загорскому переводъ Монжевой представительной геометріи; Жукову — Біотову геометрію; Николаеву — Біотову астрономію; Воинову — начала философическія Невтона; Озерову—Функову технологію и пр. †). Несмотря, однакожъ, на такія упражненія, естественно-научная, физико-математическая мысль молодаго поколѣнія вообще туго развивалась и притомъ въ разныхъ университетахъ съ неодинаковымъ успѣхомъ. Но достойно замѣчанія то, что въ молодомъ русскомъ поколѣніи теперь прежде всего стала развиваться математическая мыслительность, которая дотолѣ съ такимъ трудомъ развертывалась. Такъ Бартельсъ, первостепенный ученый своего времени, войдя въ первый разъ въ математическую аудиторію казанскаго университета, желалъ ознакомиться съ своими слушателями и предложилъ имъ нѣсколько вопросовъ изъ математики: полученные отвѣты привели его въ восторгъ; онъ сказалъ, что для такихъ студентовъ надобно профессору готовиться къ лекціи, поклонился и ушелъ. Въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ Бартельсъ говоритъ о блестящихъ математическихъ способностяхъ первыхъ студентовъ казанскаго университета, образовавшихъ цѣлую математическую школу, изъ которой вышло много даровитѣйшихъ преподавателей для гимназій и даже для университетовъ. Но тотъ же Бартельсъ, по переводѣ въ Дерптъ, какъ мы видѣли, не нашелъ въ тамошнемъ молодомъ поколѣніи ни такихъ дарованій, ни такой любви къ математикѣ, какія одушевляли его казанскихъ слушателей. Въ Казани онъ читалъ многочисленной аудиторіи лекціи о высшемъ анализѣ; въ Дерптѣ слушателей было гораздо менѣе, и профессоръ долженъ былъ ограничиваться элементарною математикою ††). Точно также и въ наиболѣе образованной части русскаго общества естественно-научная мысль была еще очень не глубока. Извѣстный путешественникъ, берлинскій докторъ Эрманъ въ 1828 г. писалъ о русскихъ: «если говорить о научномъ развитіи образованной части русской націи, то нужно сказать, что хотя легко возбудимый, но поверхностный жаръ благопріятствуетъ быстрому

†) «Истор. моск. унив.», 348.

††) «Матер. для истор. просвѣщ. въ Россіи» Сухомлинова въ «Ж. м. нар. просвѣщ.», 122.

схватыванью необходимыхъ началъ извѣстнаго знанія и легкому усвоенію научныхъ результатовъ, однакожъ рѣдко можно найти у нихъ глубоко-основательное и сильное стремленіе къ истинѣ, которое одно только и можетъ побуждать къ неутомимымъ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ. Преимущественно можно встрѣтить у русскихъ любовь и нерѣдко талантъ къ математическимъ знаніямъ, и это направленіе наиболѣе усилилось съ тѣхъ поръ, какъ посредствомъ трудовъ адмирала Гамалеи различныя части этой науки нашли счастливое выраженіе на русскомъ языкѣ и основанное на нихъ въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ практическое образованіе сдѣлалось живѣе. Если же теперь здѣсь вообще склонность къ положительнымъ и абсолютнымъ знаніямъ можно встрѣтить гораздо чаще, чѣмъ сомнѣніе, которое одно только побуждаетъ къ изслѣдованію, то, съ другой стороны, съ этимъ умственнымъ направленіемъ находится въ очень близкомъ соотношеніи религіозное состояніе разсматриваемой части, такъ что даже трудно рѣшить, которое изъ двухъ направленій должно разсматривать какъ преобладающее» †). И дѣйствительно, математическое знаніе наиболѣе развивалось въ нашемъ обществѣ, но главнымъ образомъ въ военномъ сословіи. Въ этомъ отношеніи, нѣсколько поколѣній моряковъ, артиллеристовъ, инженеровъ и педагоговъ обязаны одному знаменитому математику М. В. Остроградскому основательностью пріобрѣтенныхъ ими математическихъ познаній, а многіе изъ его учениковъ уже и сами въ свою очередь успѣли заслужить себѣ почетную извѣстность, какъ преподаватели и профессоры математики ††). Но въ большинствѣ общества физико-математическія знанія были еще весьма мало распространены, и весь интересъ къ естествознанію большею частію выражался только въ сенсуально идиллическомъ наслажденіи природою, въ созерцаніи прекрасныхъ видовъ природы, въ обозрѣніи звѣринцевъ, зоологическихъ и ботаническихъ садовъ и кабинетовъ и музеумовъ натуральной исторіи, въ собраніи и составленіи коллекцій естественныхъ произведеній, въ поверхностно-практическомъ ознакомленіи съ нѣкоторыми отраслями или предметами естествознанія, напр. на нѣкоторыхъ фабрикахъ и заводахъ, при разведеніи нѣкоторыхъ породъ животныхъ и растеній и т. п. Повидимому, даже нѣкоторые купцы и купеческіе дѣти любили собранія рѣдкихъ физическихъ предметовъ. Такъ купеческіе дѣти Алексѣевы пріобрѣли собраніе насѣкомыхъ и ра-

---

†) Erman, «Reise», I, S. 88—89.

††) «Записки акад. наукъ», 1862, т. I, кн. 1, стр. 3.

стеній, составленное профессоромъ Адамсомъ во время путешествія по разнымъ мѣстамъ Россіи, и подарили его музею натуральной исторіи московскаго университета; купчиха Кулакова имѣла минералогическій кабинетъ изъ 1500 кусковъ и въ 1826—1827 году подарила его московскому университету †). Потребность нагляднаго сенсуально-эмпирическаго ознакомленія съ предметами природы и въ настоящее время въ нашемъ обществѣ преобладаетъ. Усиливающійся въ немъ интересъ къ естествознанію выражается въ возрастающемъ стремленіи непосредственно созерцать разнообразныя произведенія природы. Такъ въ 1863 г. зоологическій, анатомическій и минералогическій музей академіи наукъ посѣтили 10,595 человѣкъ, въ 1864 году — 13,369, въ 1865 — 17,472, въ 1866 г.—24,180, въ 1867—25,216 человѣкъ. Слѣдовательно въ короткій періодъ времени съ 1863 по 1867 годъ число созерцателей произведеній природы удвоилось ††). Нѣтъ сомнѣнія, что многіе посѣщали музей уже съ серьезнымъ интересомъ къ естествознанію, но несомнѣнно и то, что едвали не большинство ограничивается поверхностнымъ сенсуальнымъ обозрѣніемъ «натуралій». Наконецъ, и въ простомъ народѣ интересъ къ естественно-научнымъ занятіямъ физическимъ, механическимъ, химическимъ и пр. возбуждался единственно вслѣдствіе увеличивавшейся возможности непосредственнаго разсматриванія на фабрикахъ и заводахъ, также при производствѣ разныхъ искусственныхъ работъ, разнообразныхъ практическихъ приложеній и проявленій физики, механики, химіи, технологіи и пр. Поэтому въ XIX вѣкѣ и самоучки—механики, химики, физики, технологи, астрономы и т. п., вродѣ химика Власова, механика Калашникова, Соболева, Демьянчука и многихъ другихъ, являлись все чаще и чаще. Въ людяхъ низшаго класса сталъ даже пробуждаться интересъ къ наиболѣе доступнымъ и легкимъ реальнымъ описаніямъ, каковы напр. физико-географическія, физико-этнологическія и т. п., именно къ описаніямъ такихъ предметовъ природы, которые непосредственно подлежали внѣшнимъ чувствамъ и не требовали особеннаго умственнаго углубленія и сложныхъ теоретическихъ соображеній. Поэтому, г. Срезневскій въ общемъ собраніи с.-петербургскаго географическаго общества 22 мая 1856 года заявлялъ: «приглашая къ участію всѣхъ, желающихъ безъ различія званія и образованія, географическое общество возбуждаетъ вниманіе и

†) «Истор. моск. унив.», стр. 433, 525.
††) «Спб. вѣдом.» 1868 г., № 68.

сочувствіе къ вопросамъ науки и тамъ, гдѣ эти вопросы, какъ могло бы казаться, не будутъ и поняты. И, между тѣмъ, отвѣты получались и получаются въ значительномъ большинствѣ, въ особенности по части этнографіи Россіи, отъ лицъ, принадлежащихъ не къ высшему образованному обществу, а къ среднему и низшему классу, отъ сельскихъ священниковъ, діаконовъ и причетниковъ, отъ учителей уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, отъ мѣщанъ и селянъ, отъ сельскихъ писарей, отъ учениковъ семинарій и т. п. Что именно такія лица, а не другія, болѣе знакомыя съ нуждами науки, вчитываются въ программы общества, вдумываются въ ихъ содержаніе и пользу отвѣтовъ на нихъ, по силамъ заботятся о сообщеніи обществу этихъ отвѣтовъ, и сообщаютъ отвѣты все болѣе и болѣе удовлетворительные,—этимъ, думаю, достигается двойственная, высокая цѣль общества: служить наукѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ благотворно дѣйствовать на образованіе народное» †). Необразованные русскіе люди, по простой наглядкѣ, составляли иногда дѣльныя географическія описанія, которыми не пренебрегали даже такіе ученые географы, какъ Риттеръ и Семеновъ. «Между необразованными очевидцами, проникавшими для торговыхъ цѣлей во внутреннюю Азію,—говоритъ г. Семеновъ,—были, хотя весьма рѣдко, и русскіе, и первое мѣсто между ними занимаетъ, безспорно, по отчетливости сообщенныхъ имъ свѣдѣній, переводчикъ Путинцевъ, въ 1811 году посѣтившій самые цвѣтущіе города Джунгаріи: Кульджу и Чугучакъ. Реляція его путешествія была напечатана въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ», переведена Клапротомъ и послужила для Риттера однимъ изъ важныхъ источниковъ при ученой разработкѣ географіи этой страны. Кромѣ Путинцева, мы можемъ назвать еще въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка: рудокопа Снѣгирева, проѣхавшаго изъ Алтая въ Тарбагатай до окрестностей Чугучака для отысканія золотыхъ розсыпей. Краткій отчетъ его напечатанъ въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ» Спасскаго.» Кромѣ того г. Семеновъ нашелъ въ Семипалатинскѣ краткій маршрутъ купца Бубенчикова, въ 1821 году ѣздившаго изъ Семипалатинска въ Кажгаръ. По краткости и скудости показаній онъ, впрочемъ, ничѣмъ не лучше тѣхъ маршрутовъ, которые уже были обнародованы и разработаны Гумбольдтомъ и Риттеромъ ††). Просматривая «дорожники» плѣнныхъ русскихъ казаковъ въ средней Азіи, между Бу-

†) «Вѣстн. географ. общ.» 1856, кн. IV, смѣсь, стр. 26.
††) «Землевѣд. Азіи», II, 7.

харою, Коканомъ, Ташкентомъ и пр. (1840—1859 г.), — нельзя не удивляться особенному, почти исключительному выраженію въ нихъ памяти и непосредственно сенсуальной наблюдательности. Каждый казакъ хорошо помнилъ и въ послѣдовательномъ порядкѣ исчислялъ въ своемъ дорожникѣ туркменскія названія 38 и 45 ночлеговъ и при нихъ рѣкъ и другихъ урочищъ, а также число верстъ между ними, и потомъ въ особыхъ примѣчаніяхъ отмѣчалъ только то, что видѣлъ, осязалъ и обонялъ. Напр. Пшеничниковъ, изъ государственныхъ крестьянъ пермской губерніи, кромѣ подробнаго сообщенія туркменскихъ названій 39 ночлеговъ и числа верстъ между ними, въ дорожникѣ своемъ далъ такого рода чисто сенсуальныя особыя примѣчанія: «Дорога гористая, идетъ по ущелью вдоль берега ручья, текущаго черезъ Джизахъ; грунтъ дороги каменистый. Небольшая крѣпость Уомъ, 10 верстъ, вода изъ ключа, дорога ровная, есть подножный кормъ, но мало. Городокъ Коны-Бодонъ, въ горахъ, 28 верстъ. Мѣста вездѣ ровныя, вблизи р. Сыра, ширина этой рѣки здѣсь до 150 саженъ, фарватеръ идетъ подъ правымъ берегомъ, у лѣваго же очень мелко, лѣсу нигдѣ нѣтъ по рѣкѣ, берега мѣстами песчаны. Урочище Кара-Теня, 30 верстъ, 4 колодца и вырытый прудъ, вода пахнетъ тиною и горька», и т. п. Несмотря на такую сенсуальную поверхностность, дорожники русскихъ плѣнныхъ казаковъ напечатаны въ Запискахъ географическаго общества, какъ не лишній матеріалъ для географіи Средней Азіи †). Послѣ нагляднаго ознакомленія съ тѣми или другими наиболѣе доступными для глазъ физическими инструментами, напр. барометрами и термометрами, возможны стали для простыхъ, неученыхъ людей и другія непосредственно-сенсуальныя физическія наблюденія, напр. метеорологическія, и представляютъ иногда тоже драгоцѣнныя данныя для естественно-научныхъ выводовъ. Такъ Миддендорфъ счелъ долгомъ выдвинуть на первый планъ почтенную личность сибирскаго торговца, Невѣрова, производившаго въ Якутскѣ въ теченіе 26 лѣтъ метеорологическія наблюденія и доказавшаго своимъ примѣромъ, что и неученый человѣкъ можетъ въ Сибири пріобрѣсти себѣ имя незабвенное въ наукѣ и при одномъ лишь постоянствѣ и добросовѣстности наблюденій доставить драгоцѣнныя данныя для ученыхъ выводовъ ††). Наконецъ, даже раскольники, вслѣд-

---

†) Записки географич. общества, по отдѣл. этнограф. 1867, т. I, стр. 73 — 94.

††) «Зап. акад. наукъ», 1862 г. кн. 1, стр. 7.

ствіе постояннаго разсматриванія на фабрикахъ и заводахъ машинъ, химическихъ продуктовъ и т. п., начинаютъ иногда выражать потребность преподаванія своимъ дѣтямъ физики, механики, химіи, географіи и пр.

Но, съ другой стороны, крайняя неразвитость раціональной мыслительности и вѣковое преобладаніе односторонняго и поверхностнаго непосредственно сенсуальнаго эмпиризма и памяти суть главныя причины того, можно сказать, ежедневнаго факта, что въ умахъ простыхъ рабочихъ людей сплошь и рядомъ совмѣщаются въ одно и тоже время и самыя реальныя идеи или знанія, и самыя мистико-фантастическія бредни и упорная память старины. Напр. недавно въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» сообщали о замѣчательномъ представителѣ старообрядческаго поморскаго согласія, Морозовѣ, что въ торгово-промышленномъ и въ старообрядческомъ міру онъ пріобрѣлъ себѣ большую извѣстность двумя предметами: съ одной стороны, химико-этнологическимъ нововведеніемъ— усовершенствованіемъ ситцевой окраски, съ другой — мистико-фантастическими умствованіями — обширными свѣдѣніями по вопросу объ антихристѣ: за первое онъ получилъ медаль на парижской всемірной выставкѣ; за послѣднія справедливо и православные, и старообрядцы называли его «профессоромъ по части антихриста» †). Павелъ Любопытный въ своемъ Библіографическомъ словарѣ о нѣкоторыхъ старообрядческихъ писателяхъ замѣчаетъ, что они «были усердные любители и собиратели физическихъ предметовъ натуры, и въ тоже время еще болѣе усердные и отличные любители и собиратели священныхъ предметовъ древности и предковъ своихъ догматовъ, преданій и суевѣрій» ††). По причинѣ крайней неразвитости теоретической мыслительности и отсутствія теоретическихъ знаній о природѣ, при одномъ непосредственно-натуральномъ, верхоглядномъ сенсуализмѣ, милліоны рабочихъ людей нашихъ, вѣчно вращаясь въ сферѣ природы, на каждомъ шагу соприкасаясь съ замѣчательными ея силами и явленіями, бродятъ, однакожъ, какъ слѣпые ощупью подъ огородомъ. «Вездѣ и во всѣхъ слояхъ общества — замѣчаетъ г. Бекетовъ — есть много охотниковъ, напримѣръ, до птицъ; но какая разница между богатымъ лабазникомъ, слушающимъ по цѣлымъ часамъ заключеннаго въ клѣткѣ соловья, и ученымъ орнитологомъ, считающимъ рулевыя перья и чешуйки на но-

---

†) «Спб. вѣд.» 1868 г., № 73.

††) «Чтен. общ. истор.» 1864, кн. 3, Отд. II, стр. 1—177.

гахъ своихъ чучелъ! Скажемъ еще: какая разница между этимъ ученымъ и, напримѣръ, Одюбономъ! Цѣль перваго — отыскать возможно рѣзкіе признаки для отличенія одной птицы отъ другой; цѣль втораго — представить портретъ и жизнеописаніе каждой птицы, показать связь тѣлеснаго сложенія птицъ съ окружающимъ ихъ міромъ, мѣсто, занимаемое каждою изъ нихъ въ ряду всѣхъ созданій, въ цѣлости природы» †).

Не можемъ здѣсь не сказать кстати, что и вообще, вслѣдствіе вѣковаго преобладанія пассивно-физической работы надъ дѣятельностью интеллектуальной, внѣшнихъ чувствъ и памяти надъ разумомъ и мышленіемъ, вслѣдствіе вѣковаго исключительно поверхностнаго, пассивно чувственнаго отношенія къ природѣ, безъ послѣдовательнаго, генеративно-историческаго развитія умственной привычки разумно-отчетливо размышлять о природѣ, изучать ее, умственно углубляться въ сущность предметовъ и явленій природы, наконецъ, вслѣдствіе вѣковаго нашего умственнаго воспитанія подъ вліяніемъ мистико-идеалистическаго міросозерцанія, и не одинъ рабочій, промышленный народъ, а и большая часть такъ-называемаго образованнаго общества характеризуется этимъ умственнымъ притупѣніемъ, безчувствіемъ и равнодушіемъ къ живымъ явленіямъ и впечатлѣніямъ природы. Городскія общества, кажется, еще болѣе, чѣмъ сельское, земледѣльческое, скотоводческое, морепромышленное, рыболовческое и звѣропромышленное населеніе, удалены отъ природы, чужды живаго умственнаго сочувствія къ природѣ, умственной связи съ нею. Правда, городскимъ обществамъ болѣе свойственна и болѣе возможна раціональность, разумность физическаго міровоззрѣнія, чѣмъ въ селахъ и деревняхъ, гдѣ суевѣріе преобладаетъ надъ разумнымъ міросозерцаніемъ. Въ городахъ ютится и вырабатывается и раціональное опытное естествознаніе. Но, съ другой стороны, сжатость, заключенность городскаго рабочаго населенія въ тѣсныхъ, душныхъ мастерскихъ, подъ узкимъ горизонтомъ городскихъ улицъ, часто даже при отсутствіи въ городахъ садовъ, парковъ и рощей, далѣе, буржуазно-корыстолюбивое, аршинно-ограниченное мѣщанско-купецкое умственное тяготѣніе къ магазинамъ, лавкамъ, погребамъ и подваламъ, наполненнымъ часто искусственнымъ извращеніемъ произведеній природы, дышащимъ неестественнымъ воздухомъ буржуазнаго обмана, проникнутымъ филистерскимъ, буржуазно-спекуляторскимъ міросозерцаніемъ, затѣмъ, архивно-умственное бумажно-дѣловое чиновничье тяготѣніе съ порт-

†) Жизнь птицъ. «Атеней», ч. II, стр. 232.

фелями бюрократическаго міросозерцанія къ департаментамъ, къ палатамъ уголовнымъ, къ губернскимъ правленіямъ и т. п., преисполненнымъ изсушающимъ нетолько грудь, но и умъ архивнымъ воздухомъ и міросозерцаніемъ, наконецъ — великосвѣтское, салонное, идеалистически-эстетическое міросозерцаніе, господствующее въ этихъ каменныхъ дворцахъ и палатахъ, въ театрахъ и пр., — вотъ все это въ городахъ болѣе развиваетъ умственное охлажденіе или притупленіе къ природѣ, разрывъ постоянной и живой умственной связи съ нею. И вообще, всѣ мы не-натуралисты большею частію слѣпы, нѣмы и глухи къ природѣ, умственно тупы, равнодушны, безчувственны къ ея повсемѣстнымъ, ежеминутнымъ и ежечаснымъ впечатлѣніямъ и явленіямъ. По-настоящему, все воспитаніе наше и потомъ вся дѣятельная, трудовая, рабочая жизнь наша должна быть практическимъ развитіемъ естествознанія, осмысленнымъ, разумно-сознательнымъ осуществленіемъ и уясненіемъ законовъ природы, такъ какъ вся жизнь наша, на каждомъ шагу, въ каждое дыханіе, въ каждый моментъ, вращающаяся въ сферѣ природы, есть результатъ природы, проявленіе ея законовъ и силъ. Мы же, наоборотъ, большею частію тотчасъ послѣ дѣтства, а часто и въ дѣтствѣ еще, и потомъ въ нашихъ отвлеченно-схоластическихъ и большею частію прямо противоестественныхъ школахъ, каковы напр. бурсы, институты, забываемъ въ себѣ всякое живое естественное чувство природы, прерываемъ умственную связь съ природою, притупляемъ къ ней нетолько мысль, но и всѣ свои чувства. Природа родитъ насъ и стремится воспитывать, такъ сказать, естественными физиками, химиками, ботаниками, зоологами, астрономами, — вообще природными натуралистами, естествоиспытателями. А мы, наперекоръ природѣ, выходимъ супранатуралистами, спиритуалистами, идеалистами, схоластическими теологами, классиками, юристами-архиваріусами, законниками, враждебными законамъ природы, антифизіологическими аскетами-отшельниками отъ природы, нерѣдко даже фанатическими противниками естествознанія, или безсмысленными промышленными потребителями благъ и произведеній природы и т. п. Мы даже въ физическомъ отношеніи, вслѣдствіе неправильнаго, уродливаго физическаго воспитанія и вслѣдствіе незнанія законовъ природы выходимъ большею частію врагами природы, по частому нарушенію большею частію всѣхъ законовъ природы въ воспитаніи и образѣ жизни, или въ частности, напр., законовъ гигіены воспитанія, брака, питанія, дыханія и пр. И за то, вотъ, за эту вражду съ природой съ дѣтства и наказываемся разными болѣзнями и страданіями. Оттого-то

большею частію мы и патологичны, и физически и морально. Отсюда же происходятъ и всѣ существенныя, коренныя аномаліи и болѣзни нашего соціальнаго строя. Стоя по умственному развитію выше тунгуса, бурята и чукча и въ тоже время будучи поставлены въ такое же близкое отношеніе къ природѣ, какъ и эти дикари, мы должны бы по-настоящему настолько же быть выше ихъ и по умственному отношенію къ природѣ или, по крайней мѣрѣ, настолько же всѣмъ своимъ умомъ и сердцемъ быть близкими, сродными, симпатичными съ природой, столько же тяготѣть къ ней разумно сознательною мыслью, сколько привязаны къ природѣ всѣми своими физическими чувствами тунгусъ и бурятъ. Дикари эти, въ нѣкоторомъ отношеніи, ближе насъ къ природѣ, по крайней мѣрѣ всѣми своими внѣшними, физическими чувствами. «Чувство природы, смутное, ужасающее чувство единства силъ природы, — говоритъ Гумбольдтъ,—сродно и дикому. То, что у дикаря является зачаткомъ естественной религіи, то у мыслящихъ людей становится источникомъ натуральной философіи.» Но мы нетолько чужды возвышенныхъ идей натуральной философіи — этихъ philosophiae naturalis principia mathematica Ньютона, chemie philosophique Лавуазье, philosophie anatomique Этьена Ж. С. Илера и т. д., но еще заглушаемъ, забываемъ въ себѣ даже и это живое естественное чувство природы, какое свойственно и дикому. И могло ли, и можетъ ли быть иначе? Отъ начала нашей умственной и физической исторіи, мы привыкали только глазами смотрѣть на природу, ощупью осязать ея предметы, ушами слушать ея звуки, но не привыкали, не пріучались смотрѣть на природу умственнымъ глазомъ, не привыкли даже разумно-отчетливо размышлять о природѣ, а тѣмъ болѣе естествоиспытательною мыслью изслѣдывать, изучать, испытывать природу. И такъ умственно притупѣли къ природѣ. «Созерцать природу — говоритъ Гумбольдтъ — не значитъ еще наблюдать, т. е. соображать предметы ихъ сравненіемъ.» А мы только созерцаемъ природу, и то большею частію слѣпо, и оттого не наблюдаемъ ее и не знаемъ. Вообще, вслѣдствіе того, что русскій народъ цѣлые вѣка смотрѣлъ на природу однимъ органомъ зрѣнія, а не смотрѣлъ на нее своимъ умственнымъ глазомъ, развивалъ или изощрялъ одну реально-познавательную способность внѣшнихъ чувствъ и памяти, одну поверхностно-чувственную наблюдательность, а не развивалъ свою теоретическую, естествоиспытательную мысль,—вслѣдствіе того онъ и не выступилъ самъ на путь естественно-научнаго интеллектуальнаго развитія, а тѣмъ болѣе не ознаменовалъ себя великими открытіями въ области высшаго естествоиспытанія. Оттого

же онъ подвергся пѣстунству и опекѣ въ самомъ естественно-научномъ образованіи своемъ, при самомъ введеніи естественно-математическихъ наукъ въ Россіи.

Далѣе, вѣковое отсутствіе предварительнаго генеративно-послѣдовательнаго развитія теоретической мыслительности до XVIII вѣка, обусловленное вѣковымъ преобладаніемъ поверхностнаго, непосредственно-натуральнаго сенсуализма, и неизбѣжно послѣдовавшее затѣмъ медленное и сенсуалистически-поверхностное развитіе самой естествопознавательной мысли со времени Петра Великаго были коренными причинами и того печальнаго факта, что юная естественно-научная мысль русская, въ третьемъ послѣ-петровскомъ поколѣніи, легко уступила анти-натуралистической реакціи. Старая, византійская супра-натуралистическая доктрина, совершенно устранившая развитіе естествопознавательной мысли въ древней Россіи, видоизмѣнившись потомъ, къ концу XVIII вѣка, подъ вліяніемъ западнаго мистицизма, въ непріязненную для опытнаго естествоиспытанія мистико-масонскую доктрину компаніи Новикова, — наконецъ,. съ 1810 года превратилась въ систематическую мистико-ортодоксальную и мистико-католическую реакцію, весьма враждебную развитію естествоиспытанія. Предводителями и проповѣдниками этой доктрины были: горячій приверженецъ папы и католичества графъ Жозефъ де Местръ, попечитель с.-петербургскаго университета Руничъ, попечитель казанскаго университета Магницкій и др. Де Местръ убѣждалъ министра народнаго просвѣщенія Разумовскаго запретить въ Россіи преподаваніе естественныхъ наукъ. Особенно вооружался онъ противъ геологіи и физики земли, противъ ученія о физическомъ образованіи земли: «Библіи—говорилъ онъ—совершенно достаточно, чтобы знать, какимъ образомъ произошла вселенная; подъ предлогомъ же различныхъ теорій о происхожденіи міра будутъ наполнять молодыя головы космогоническими бреднями новѣйшаго издѣлія; уже и теперь ходитъ здѣсь по рукамъ напечатанная брошюра, въ которой говорится, что человѣкъ и обитаемая имъ планета есть продуктъ естественнаго броженія стихій; этотъ ядъ проникаетъ къ вамъ отовсюду, не открывайте же сами новыхъ ему путей» †). Въ 1819 году, по мысли министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя Голицына, во всѣхъ русскихъ

---

†) Lettres et opuscules inédits du comte Joseph de Maistre, précédés d'une notice biographique par son fils le comte Rodolphe de Maistre. Paris 1851. t. II, p. 300—303, 318—320. «Ж. м. н. п.» 1865, № 10.

университетахъ введена особенная каѳедра богословія. Вообще этотъ министръ образованіе направлялъ въ духѣ началъ священнаго союза, и въ числѣ сотрудниковъ его по главному правленію училищъ встрѣчаемъ имена: Магницкаго, Рунича, Лаваля, Стурдзы, Фитингофа и др. Мистическое направленіе, замѣчаемое во главѣ министерства и въ членахъ главнаго правленія училищъ, состояло въ ближайшей связи съ пропагандой баронессы Криднеръ, пріобрѣтавшей все болѣе и болѣе вліяніе и послѣдователей. Братъ ея Фитингофъ и зять Беркгеймъ состояли при министерствѣ народнаго просвѣщенія †). Вмѣсто умноженія естественно-научныхъ обществъ и реальныхъ школъ, повсюду въ Россіи распространялись библейскія общества и проникали даже въ университеты и въ среднія учебныя заведенія; такъ ученики пензенской гимназіи устраивали христіанскія и литературныя бесѣды, на которыхъ читались псалмы и разсужденія о догматахъ религіи и о жизни святыхъ мужей; «дѣти внѣшняго ришельевскаго лицея» учредили между собою библейское общество для снабженія сверстниковъ своихъ книгами божественными. Каково было это направленіе для развитія естественно-научной мысли, можно судить по одному примѣру. Такъ въ казанскомъ университетѣ Магницкій, инквизиторски осудивъ профессора Куницына за преподаваніе «естественнаго права», отравилъ всѣ науки супранатуралистическимъ мистицизмомъ. Напр. «Естественное Право», въ сущности, есть наука естественная, тѣсно связанная съ физіологіей, антропологіей, патологіей, психіатріей и пр. Магницкій изгналъ эту науку изъ университета и противопоставилъ ей какую-то философію или метафизику супранатуральнаго права. Въ рѣчи къ казанскому университету 15 сентября 1825 года онъ съ восторгомъ говорилъ: «въ то самое время, какъ лжеименная философія, отравляя всѣ науки и даже словесность и самыя искусства тлетворнымъ своимъ ядомъ, бѣснуетъ умы на Бога и царей, — въ университетѣ нашемъ самый ядъ сей претворяется въ цѣлительное средство противъ буйной гордости разума. Воспитанники ваши, путеводимые благочестивымъ Несторомъ вашего сословія, твердо изучили всѣ возраженія на нелѣпыя положенія естественнаго права и, съ улыбкою презрѣнія къ возмутительнымъ его бреднямъ, изощряютъ природное свое остроуміе насчетъ славнѣйшихъ его апостоловъ. Вмѣсто тѣхъ буйныхъ мечтаній нѣкоторыхъ германцевъ, кои возникли съ своевольствомъ лютеровой реформы, и такъ

†) «Матеріалы для исторіи просв. въ Россіи» Сухомлинова въ «Ж. м. н. п.» 1865 № 10.

лживо называются нынѣ философіею, мечтаній, въ углу Сѣверной Германіи распространенныхъ такими людьми, коихъ и именъ на другомъ краю Европы никто не знаетъ, вмѣсто сихъ мечтаній принята у васъ та здравая, истинная, богатѣйшая философія, которая прямитъ и изощряетъ умы, съ которою жили счастливо отцы наши, вѣрные Богу и царямъ, въ которой воспитаны и образовались отличнѣйшіе мужи нашего отечества, свѣтила нашей церкви» †). Благодаря вліянію естествознанія въ самомъ началѣ XIX столѣтія уже начинали и у насъ сознавать и харьковскій университетъ выразилъ мысль о родствѣ или связи историческихъ наукъ съ естественными. Поэтому въ харьковскомъ университетѣ учители политической экономіи и философіи должны были слушать физику, а учители всеобщей исторіи естественныя науки ††). Но Магницкій, въ казанскомъ университетѣ, убилъ эту мысль въ самомъ зародышѣ и естественно-научную разработку исторіи замѣстилъ теологическимъ и санктологическимъ воззрѣніемъ на міровыя событія. «Въ преподаваніи исторіи всеобщей — продолжалъ онъ въ рѣчи — былъ я обрадованъ тѣмъ, чего всегда желалъ, не предвидя возможности исполненія, чего даже не смѣлъ и надѣяться. Извѣстная рѣчь Боссюета, безсмертный памятникъ сего генія, удивленіе потомства, представляя общій взглядъ ума необыкновеннаго, взирающаго съ неба на судьбы, движеніе и паденіе царствъ земныхъ, была дана въ руководство преподавателю всеобщей исторіи; но что онъ сдѣлалъ съ нею? Онъ изъ простаго очерченія Боссюетова сдѣлалъ картину всемірныхъ происшествій, освѣтилъ ее тѣмъ незаходимымъ свѣтомъ, внѣ котораго всякое просвѣщеніе человѣческое тьма густая. Онъ исполнилъ въ преподаваніи своемъ то, что въ высочайше-утвержденной инструкціи ректору нашего университета предписано; онъ смѣлою рукою свергнулъ тѣ идолы языческаго величія, предъ коими весь ученый міръ, преклоня колѣны, стоитъ уже двѣ тысячи лѣтъ. Въ житіяхъ святыхъ церкви православной показалъ онъ тѣ высокіе примѣры всѣхъ добродѣтелей, предъ коими меркнетъ и исчезаетъ, какъ тѣнь, слава Брутовъ и Лукрецій. Онъ сорвалъ вѣнцы съ гордаго чела языческой древности и почтительно положилъ ихъ на окровавленные прахи Колизея,

†) Рѣчь Магницкаго въ казанск. унив. 15 сент. 1825 г. въ «Чтен общ. истор.» 1861 г. кн. 2, отд. V, стр. 160.

††) «Матер. для исторіи просвѣщ.» Сухомлин. въ «Ж. м. н. п.» 1865 г. № 10, стр. 122.

къ стопамъ святыхъ мученическихъ ликовъ» †). Вообще, съ 1815 г. и особенно съ 1820 года до 50-хъ годовъ, господствующимъ церковно-правительственнымъ тономъ времени была болѣзнь западнаго матеріализма. А съ нимъ вмѣстѣ, естественно, не долюбливались и естественныя науки, и, въ ущербъ имъ, поощрялись и поддерживались доктрины мистико-идеалистическія. «Противодѣйствуя матеріализму запада,—замѣчаетъ г. Шевыревъ въ исторіи московскаго университета,—освящать весь храмъ народнаго просвѣщенія Божіимъ престоломъ, крестомъ и молитвою—вотъ одна изъ основныхъ задачъ, которыя рѣшались въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ (до 50-хъ годовъ) въ исторіи образованія нашего отечества» ††). При такомъ господствѣ анти-матеріалистическаго направленія и предубѣжденія противъ философскихъ выводовъ естествознанія, и византійско-догматическое умонастроеніе такъ же боялось естественныхъ наукъ, какъ анти-теологическихъ, безбожныхъ. Поэтому, еще и въ XIX вѣкѣ, подобно Ломоносову, утверждавшему, что изученіе природы нетолько полезно, но свято,—профессоры математическихъ наукъ должны были доказывать, что знаніе силъ и законовъ природы не подрываетъ религіи, а, напротивъ того, приводитъ къ ней. Такъ, напр., профессоръ казанскаго университета Никольскій доказывалъ, что механика, разсуждающая о равновѣсіи тѣлъ земныхъ и небесныхъ, о коренныхъ, движущихъ міромъ силахъ, о постоянныхъ и непремѣнныхъ законахъ, не отрицаетъ участія силы всемогущаго зиждителя, а убѣждаетъ въ присутствіи ея и т. п. †††) Наконецъ, страхъ гоненія за матеріализмъ, мистическая диктатура Руничей и Магницкихъ, а часто и мистико-идеалистическое умонастроеніе самихъ профессоровъ-натуралистовъ были причиной того, что и естественно-научныя лекціи многихъ профессоровъ проникнуты были мистико-теологическими сентенціями и чувствованіями. Напр. г. Шевыревъ сообщаетъ: «Во врачебномъ отдѣленіи Московскаго университета Мудровъ стремился воплотить въ студентахъ идеалъ Гиппократова врача, возвышенный христіанствомъ. Проф. анатоміи Лодеръ, стоя передъ препаратомъ нашего бреннаго тѣла, отъ изслѣдованія чудной связи въ его частяхъ и дивнаго ихъ отправленія въ процессѣ нашей жизни, возносилъ умъ слушателей ко Всеблагому Творцу, познаваемому здѣсь во

---

†) «Чт. общ. ист.» 1861, кн. 2, отд. V, стр. 161.

††) «Ист. моск. унив.», 469—470.

†††) Слово о пользѣ математики, говоренное въ казанск. универс. 5 іюля 1816 г. проф. Никольскимъ.

всемъ его величіи» †). Въ казанскомъ университетѣ, профессоръ Никольскій, какъ мы видѣли, даже математику превратилъ въ мистическую символику «священныхъ истинъ, христіанскою вѣрою возвѣщаемыхъ.» Въ кіевскомъ университетѣ профессоръ астрономіи Ѳедоровъ на торжественномъ актѣ университета въ 1838 году произнесъ и потомъ напечаталъ рѣчь «о мнимомъ противорѣчіи между истинами, явствующими изъ познанія неба видимаго вещественнаго, и истинами, въ которыхъ открывается человѣку небо невидимое, духовное.» Тамъ же профессоръ физики Чеховичъ помѣщалъ духовныя статьи въ «Воскресномъ Чтеніи». Такъ натуралисты наши иногда вовсе выходили изъ своей области и становились теологами ††). Между тѣмъ, представители физико-математическаго реализма были изгоняемы изъ университетовъ. Такъ извѣстный математикъ Осиповскій былъ уволенъ изъ университета, по настоянію попечителя, человѣка съ мистическимъ направленіемъ, за замѣчаніе, сдѣланное Осиповскимъ на экзаменѣ студенту, состоящее въ томъ, что говоря о Богѣ умѣстнѣе употребить выраженіе существуетъ, нежели живетъ» †††).

Наконецъ, крайняя сенсуалистическая поверхностность и теоретическая слабость естественно-научной мысли были естественной причиной еще и того факта, что ее легко стала подавлять система классическаго и филолого-археологическаго образованія, усилившаяся въ одно время съ мистико-супранатуралистической реакціей. При неразвитости теоретической силы естественно-научной мысли и преобладаніи сенсуальныхъ способностей — внѣшнихъ чувствъ и памяти зрительной и слуховой, филолого- и нумизматико-археологическое изученіе древностей греческихъ, римскихъ и славянороссійскихъ, напр. древнихъ нумизмъ, монетъ, медалей и памятниковъ, было наиболѣе доступно для внѣшнихъ чувствъ и памяти, особенно при существовавшихъ тогда богатыхъ мюнцъ-кабинетахъ, и потому легко могло взять перевѣсъ надъ болѣе труднымъ изученіемъ физико-математическихъ наукъ, особенно при скудости тогдашнихъ кабинетовъ физическихъ и естественно-историческихъ, при неустройствѣ химическихъ лабораторій, астрономическихъ обсерваторій и пр. И потому, филолого-археологическое и классическое образованіе съ успѣхомъ и систематично вводилось почти въ одно и тоже время, въ

†) «Ист. моск. унив.», 452.
††) Шульгинъ, «Истор. кіев унив.», 161.
†††) «Ж м. н. п.» 1865, кн. X, стр. 85.

ущербъ естественнымъ наукамъ. Въ то время, какъ Жозефъ де Местръ изгонялъ изъ сферы преподаванія естественныя науки, а министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія кн. Голицынъ водворялъ мистико-теологическое направленіе, — другіе вожди и попечители народнаго просвѣщенія мечтали учредить въ Россіи Общество Латинское, Лицей и Пританей, изученіе древностей россійскихъ соединить съ древностями греческими, римскими и даже египетскими, министръ народнаго просвѣщенія Разумовскій вводилъ въ университетѣ преподаваніе славянской филологіи и археологіи, а министръ Шишковъ воспитывалъ школу славянофильства. И въ то время, какъ проектированное въ 1811 году общество математиковъ не состоялось, — общество исторіи и древностей россійскихъ, основанное первоначально въ 1804 году, усердно возобновлено и, кромѣ того при московскомъ же университетѣ, въ томъ же 1811 году учреждено общество любителей россійской словесности, наконецъ въ московскомъ университетѣ въ большихъ размѣрахъ преподавалась археологія †) и въ то же время студенты университетовъ и воспитанники Ришельевскаго Лицея устраивали общества любителей и соревнователей россійской словесности. Въ частности, въ то же самое время, какъ Жозефъ де Местръ совѣтовалъ министру Разумовскому запретить въ Россіи преподаваніе естественныхъ наукъ, — попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа, извѣстный любитель классицизма, С. С. Уваровъ съ 1811 года при томъ же министрѣ народнаго просвѣщенія сталъ проводить мысль объ усиленіи классическаго образованія въ ущербъ реальнымъ наукамъ, которыя дотолѣ преобладали въ гимназіяхъ и народныхъ училищахъ. И затѣмъ, по его идеѣ, новымъ росписаніемъ гимназическаго курса 27 марта 1819 года вовсе исключены были изъ гимназическаго преподаванія технологія, коммерческія науки, политическая экономія и усилено преподаваніе древнихъ языковъ — латинскаго и греческаго. Далѣе, новымъ уставомъ гимназій и училищъ 8 декабря 1828 года, въ составленіи котораго участвовали, между прочимъ, и классикъ Уваровъ и славянофилъ Шишковъ, изъ гимназическаго курса исключены естественныя науки, кромѣ физики, и всѣ части прикладной математики, а чистая математика ограничена курсомъ до коническихъ сѣченій включительно, и въ замѣнъ того съ новою силою распространено преподаваніе греческаго и особенно латин-

---

†) «Ист. моск. унив.», 350—351, 401 и др.

скаго языковъ. Такимъ образомъ, вмѣсто прежняго реализма, въ основу образованія, болѣе чѣмъ на 20 лѣтъ, положено было усиленное изученіе классическихъ языковъ. Если математика, физика и географія и пощажены были уставомъ, зато на математику въ гимназіяхъ съ коэффиціентомъ греческаго языка назначено было только 15 уроковъ, съ однимъ учителемъ, на географію 10 уроковъ, а на физику только 4 урока въ недѣлю, и по одному преподавателю, — тогда какъ на одинъ латинскій языкъ назначено было два преподавателя и 26 уроковъ †). Такимъ образомъ, вмѣсто прежняго реальнаго направленія гимназіи получили филологическій характеръ. Въ такомъ видѣ уставъ этотъ существовалъ неизмѣнно до 1849 года. Только въ 1839 г., въ видѣ исключенія, издано высочайше утвержденное 29 марта положеніе о реальныхъ классахъ при учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, на первый разъ учрежденныхъ въ Тулѣ, Курскѣ и Вильнѣ при гимназіяхъ и въ Ригѣ и Керчи при уѣздныхъ училищахъ. Опредѣлено было въ нихъ преподавать практическую химію, практическую механику, рисованіе и черченіе, примѣнительно къ искусствамъ и технологіи. Тогда же утверждены положеніе и штатъ новой гимназіи въ Москвѣ — третьей реальной. Министерскимъ распоряженіемъ 15 декабря 1845 года дано было новое распредѣленіе математики въ гимназіяхъ, по которому исключены изъ гимназическаго курса аналитическая и начертательная геометрія, а обученіе математической и физической географіи возложено на учителя математики. Далѣе, постановленіемъ 21 марта 1849 года, по идеѣ министра юстиціи графа Панина, а также и Уварова, бывшаго тогда министромъ народнаго просвѣщенія, и по программѣ извѣстнаго юриста Неволина, рядомъ съ классическими языками, въ ущербъ естественнымъ наукамъ, введенъ новый элементъ — законовѣдѣніе ††). Только съ 1851 года, вслѣдствіе отчасти боязни идей классическаго республиканства, а частію и вслѣдствіе начинавшагося въ обществѣ запроса на естественныя науки, запроса неоднократно и убѣдительно выраженнаго университетскими профессорами естественныхъ наукъ, — начинается незначительный поворотъ на сторону естественно-научнаго образованія. Такимъ образомъ до пятидесятыхъ годовъ надъ естественно-научнымъ реализмомъ преобладалъ археологизмъ и класси-

---

†) Матер. для исторіи и статист. нашихъ гимназій. «Ж. м. н. просвѣщ.» 1864 г. ч. CXXI, Отд. II, стр. 141—161.

††) «Журн. мин. народ. просвѣщ.» ч. LXIII, Отд. I, стр. 10, министерское циркулярное предписаніе отъ 6 мая 1849 года.

цизмъ, надъ естествовѣдѣніемъ преобладало законовѣдѣніе. Понятно, что при такихъ условіяхъ не могла съ большимъ успѣхомъ развиваться естествопознавательная мысль, а вмѣсто нея больше изощрялась антикварно-археологическая, филолого-историческая и сводо-законная память, память старины, древностей славянороссійскихъ, греческихъ и римскихъ и 15,000 статей Свода Законовъ, да воспитывался археолого-нумизматическій, мюнцъ-кабинетный сенсуализмъ. Въ московскомъ университетѣ, въ періодъ времени 1825—1836 года, по физико-математическому отдѣленію окончило курсъ только 119 человѣкъ, а по историко-филологическому отдѣленію 783 †). И литература до Бѣлинскаго и Гоголя пропитана была археологизмомъ и классицизмомъ. Въ поэзіи русской даже для такихъ даровитыхъ писателей, какъ Пушкинъ, послѣ эстетическаго идеализма, не оставалось ничего желать, какъ только или перевода какого-нибудь лучшаго классическаго произведенія, или какой-нибудь древне-русской исторической поэмы. Напр. Пушкинъ въ 1825 году писалъ къ Гнѣдичу: «Братъ говорилъ мнѣ о скоромъ совершеніи вашего Гомера. Это будетъ первый классическій, европейскій подвигъ въ нашемъ отечествѣ. Но, отдохнувъ послѣ Илліады, что̀ предпримете вы въ полномъ цвѣтѣ генія, возмужавъ въ храмѣ Гомеровомъ, какъ Ахиллъ въ вертепѣ Кентавра. Я жду отъ васъ эпической поэмы. Тѣнь Святослава скитается не воспѣтая,—писали вы мнѣ когда-то. А Владиміръ? А Мстиславъ? А Донской? А Ермакъ? А Пожарскій? Исторія народа принадлежитъ поэту» ††). Въ журналахъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ то же историко-археологическое направленіе совершенно преобладало надъ естественно-научною мыслью. Напр. изъ всѣхъ 323 статей, помѣщенныхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1818—1825 г., только 8 статей посвящено естественно-научнымъ предметамъ, каковы напримѣръ: естественное описаніе Бессарабской Области, сочин. Д. Соколова — о металлоносныхъ пескахъ, его же сочиненіе о костяхъ четвероногихъ животныхъ, погребенныхъ въ землѣ и преимущественно о тѣхъ, которыя находятся въ Россіи, о войнѣ моржей съ сивучами въ нашихъ американскихъ колоніяхъ, отрывки изъ медико-топографическаго, физико-химическаго и врачебнаго описанія кавказскихъ минеральныхъ водъ и т. п. †††). «Вѣстникъ Европы», основанный Карамзинымъ и су-

†) «Истор. моск. унив.», 572.

††) Матер. для ист. литературы и общества въ «Соврем. Обозр.» 1868, № 1, стр. 144.

†††) «Отеч. Записки» 1818 г. стр. 134. 1823 г. ч. XIII, № 34. 1823 г. ч. XIV, № 36; ч. XV, № 39; ч. XVII, № 46; ч. XVII, № 46; стр. 305; ч. XXI, № 58.

ществовавшій 29 лѣтъ (1802—1830), на 150 или еще болѣе статей историко-археологическихъ, сообщилъ только 4 статейки по естественнымъ наукамъ. Именно по части естествознанія, «Вѣстникъ Европы», въ теченіе 29 лѣтъ, сообщалъ только такого рода статьи: о костяхъ неизвѣстнаго звѣря, найденныхъ въ Ярославской губерніи, рѣчь, произнесенную въ публичномъ собраніи московск. общества испытателей природы 18 сент. 1807 года Карамзинымъ, по случаю представленія нѣсколькихъ окаменѣлостей, найденныхъ имъ въ окрестностяхъ Москвы, о пелоріи — растеніи, найденномъ въ 20 верстахъ отъ Москвы, и т. п. †) Отчетовъ и извѣстій о новыхъ естественно-научныхъ изслѣдованіяхъ и открытіяхъ русскіе журналы почти вовсе не сообщали. Вслѣдствіе всего этого, интересъ къ естествознанію дотого былъ подавленъ, что общество русское нетолько не знало, что́ дѣлалось на западѣ въ области естественно-научныхъ открытій, но и не замѣчало или оставляло безъ вниманія и то, что, хотя изрѣдка, появлялось замѣчательнаго въ русскихъ естественно-научныхъ или географическихъ изслѣдованіяхъ. Такая незамѣченность постигла напр. знаменитое путешествіе Врангеля по сѣвернымъ берегамъ Сибири и по Ледовитому морю, совершенное съ 1820 по 1824 годъ, и поставившее имя Врангеля наряду съ именами Парри, Россовъ и Франклиновъ. Не многія путешествія, совершенныя русскими мореплавателями, обращали на себя такое всеобщее, европейское вниманіе, какъ путешествіе Врангеля. Переведенное съ русской рукописи нашего путешественника на нѣмецкій языкъ Энгельгардтомъ, путешествіе Врангеля было издано въ 1839 году въ Берлинѣ, подъ смотрѣніемъ и съ предисловіемъ извѣстнаго германскаго географа Риттера. Въ 1840, съ нѣмецкаго перевода переведено оно было на англійскій языкъ супругою извѣстнаго британскаго путешественника Сабина, который самъ и былъ издателемъ англійскаго перевода, и англійская публика почтила его такимъ вниманіемъ, что первое изданіе книги немедленно разошлось и въ томъ же году печаталось второе, а между тѣмъ съ перваго изданія книга переводилась и на французскій языкъ. У насъ же «Путешествіе Врангеля» съ 1827 или 1828 по 1840 годъ валялось въ рукописи, было вовсе неизвѣстно публикѣ и самая рукопись была забыта, пока не обратилъ на нее вниманіе предсѣдатель ученаго комитета морскаго министерства Голе-

†) «Вѣстникъ Европы», ч. 6, № 21, стр. 38—42; ч. 35, № 20, стр. 241; ч. 70, № 16, стр. 276; ч. 76, № 24, стр. 285.

нищевъ-Кутузовъ, и она вышла въ свѣтъ уже въ 1841 году, послѣ нѣмецкаго и англійскаго переводовъ †).

Какъ, однакожъ, ни подавляла естественно-реальную мысль классическая и филолого-археологическая доктрина, но она не могла ее искоренить. Принципъ реальнаго, естественно-научнаго направленія и развитія русской мысли, узаконенный геніемъ Петра Великаго, генеративно утвержденный и унаслѣдованный тремя или четырьмя послѣ-петровскими поколѣніями, глубоко коренился и въ природномъ сенсуально-реалистическомъ умственномъ складѣ русскаго народа. Какъ ни затруднялъ развитіе теоретическаго, естествоиспытательнаго мышленія этотъ непосредственно-натуральный народный сенсуализмъ, не раціонализированный всеобщею самодѣятельностью теоретической мыслительности, но все-же онъ былъ естественнымъ, физіологическимъ залогомъ естественно-реалистическаго умонастроенія русскаго народа. Благодаря этому, такъ сказать, природному преобладанію въ умственномъ складѣ русскаго сенсуально-реалистическаго направленія, Петръ Великій вводилъ въ Россіи преимущественно реальныя, прикладныя физико-математическія «художества» или науки и учреждалъ школы реальныя—математико-навигацкія, хирургическія и т. п., и самъ рабочій, простой народъ уже при Петрѣ Великомъ особливую охоту показалъ къ наукамъ фабрикъ ††). Потомъ когда учреждены были, по уставу училищъ 5 авг. 1786 года, главныя народныя училища, и въ нихъ отразился преобладающій народный умственный типъ—сенсуально-реалистическій. Главныя народныя училища по своему курсу скорѣе подходили къ реальнымъ училищамъ, чѣмъ къ гимназіямъ. Все высшее, существенное преподаваніе въ нихъ ограничивалось реальными науками — ариѳметикой, алгеброй, геометріей, механикой, физикой, естественной исторіей, началами всеобщей и русской географіи математической и гражданской новѣйшей, или космографіей и гражданской архитектурой. По наставленію, приложенному къ учебникамъ народныхъ училищъ, учениковъ должно было вводить въ мѣста, гдѣ производились работы машинами и т. д. †††). По словамъ плана университета 1787 года, воображеніе «юношей оживлено и напитано было естественною наукою, обогащено вещами». Далѣе, и по уставу гимназій и народныхъ училищъ 5 ноября 1804 года, реально-практическое, естественно-научное направленіе тоже преобладательно выдавалось и въ новооткрытыхъ гимназіяхъ.

†) См. Предисловіе къ путеш. Врангеля. Спб. 1841 г.

††) Пекарскаго, «Наука и Литерат. при Петрѣ Вел.» II, 464.

†††) «Ж. м. н. п.», ч. CXXI, отд. II, стр. 131—132, отд. III, 12—14.

Здѣсь положено было преподавать: чистую математику, т. е. алгебру, геометрію и плоскую тригонометрію, прикладную математику, опытную физику, естественную исторію, начальныя основанія наукъ, относящихся къ торговлѣ и технологіи, коммерческія науки и политическую экономію. Въ «Правилахъ» для пансіона при петербургской гимназіи постановлено было: «дабы соединить теоретическія познанія воспитанниковъ съ практическими, учители будутъ во время вакаціи показывать воспитанникамъ мастерскія и фабрики, здѣсь находящіяся, объяснять имъ употребительнѣйшія гидравлическія машины, мельницы и пр.; также посѣщать съ ними кабинетъ естественной исторіи и дѣлать иногда ботаническія прогулки; учитель же математики будетъ наставлять ихъ въ нужнѣйшихъ частяхъ практической геометріи.» Преобладаніе реальнаго, естественно-научнаго и практическаго направленія въ нашихъ первоначальныхъ гимназіяхъ примѣчали и современники-иностранцы. Нѣмецкій ученый Роммель, бывшій нѣкоторое время профессоромъ харьковскаго университета, въ воспоминаніяхъ своихъ, относящихся къ 1806—1815 годамъ, замѣчаетъ, что въ тогдашнемъ гимназическомъ курсѣ преподаванія греческіе и римскіе классики занимали не много мѣста, а реальнымъ наукамъ математикѣ, физикѣ и даже политической экономіи дано было слишкомъ много простора. Роммель сообщилъ свои замѣчанія объ этомъ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія графу Разумовскому, который въ отвѣтѣ своемъ такъ объяснялъ идею, какой держалось правительство при введеніи плана преподаванія: «гимназіи назначены для дѣтей всѣхъ сословій—дворянъ, купцовъ, ремесленниковъ и пр., но далеко не всѣ изъ учащихся поступаютъ въ университеты, многіе оканчиваютъ ученіе въ гимназіи и въ ней должны пріобрѣсти пригодныя для нихъ свѣдѣнія изъ политическихъ наукъ, технологіи и пр. «Вообще,—говоритъ Роммель,—высказывалось преобладающее стремленіе русскихъ къ практическимъ наукамъ, зато пониманіе высшей философіи и филологіи имъ почти не доступно» †). И весьма естественно было это преобладающее стремленіе русскаго народа къ реальнымъ, практически-прикладнымъ естественно-математическимъ наукамъ. У него, какъ у народа, по преимуществу, такъ сказать, климатически и физически рабочаго, торгово-промышленнаго, практическаго, живущаго въ странѣ, гдѣ самый климатъ и всѣ физическія условія необходимо обусловливаютъ преимуще-

†) Матер. для истор. и статист. гимназій. «Ж. м. н. п.», CXXI, 140.

ственное требованіе физическаго труда въ реальной сферѣ природы и вообще рабочей, промышленной, экономической дѣятельности въ области естественной экономіи русской земли,—у него естественно и умственныя потребности получали характеръ по преимуществу экономическій, рабоче-промышленный, практическій, и ему естественно прежде всего и больше всего нужно было изучать науки реальныя, прикладныя физико-математическія науки. Къ этому собственно и вела его, какъ увидимъ дальше, вся его умственно рабочая жизнь и сенсуально-реалистическая умственная структура. Поэтому, по училищному уставу 1804 года, не только вообще усиленъ былъ естественнонаучно-реальный элементъ въ гимназическомъ курсѣ преподаванія, со введеніемъ въ него даже наукъ коммерческихъ, политической экономіи и промышленной технологіи, но еще учреждены были двѣ гимназіи спеціальныхъ коммерческихъ наукъ въ Одессѣ и Таганрогѣ. Здѣсь, кромѣ наукъ назначенныхъ общимъ уставомъ гимназій, преподавались: бухгалтерія, коммерческая географія, коммерція, познаніе фабрикъ и товаровъ, исторія коммерціи, коммерческія и морскія права и естественная исторія произведеній трехъ царствъ природы, входящихъ въ торговлю: латинскій языкъ вовсе не преподавался †). Надобно замѣтить, что политико-экономическія, промышлен-

---

†) Ibid., 139. Даже въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ тогда усилено было преподаваніе реальныхъ наукъ. Напр. въ новомъ планѣ преподаванія наукъ въ александроневской академіи, составленномъ въ 1804 году, сказано было: «какъ физика по обширности своей не можетъ быть достаточно изъяснена съ философіей: то она составитъ особый классъ, гдѣ преподаваемы будутъ ея теоретическія и экспериментальныя части. Для надлежащаго же разумѣнія механическихъ частей физики нуженъ курсъ чистой математики. Наконецъ, въ пособіе физикѣ и врачебной наукѣ присовокупляется естественная исторія.» По росписанію учебныхъ предметовъ по классамъ, во второмъ классѣ преподавалась ариѳметика до степеней уравненія; въ третьемъ классѣ—ариѳметическія степени и пропорціи и введеніе въ геометрію; въ четвертомъ классѣ — математическая географія; въ пятомъ классѣ — всеобщая географія и естественная исторія, а также врачебныя науки; въ шестомъ классѣ—геометрія и тригонометрія, физика теоретическая и практическая и медицина; въ седьмомъ классѣ—геометрія и тригонометрія и физика. Уроки физики преподаваемы были по учебникамъ, составл. и одобреннымъ для народныхъ училищъ и поясняемы были, сколько возможно, опытами съ употребленіемъ инструментовъ. Естественная исторія преподавалась по руководству, изданному Озерецковскимъ и Севергинымъ. Въ 1802 г. въ общій курсъ академическаго и семинарскаго ученія введена была врачебная наука. Въ александроневской академіи порядокъ уроковъ по медицинѣ и анатоміи

ныя идеи, въ царствованіе Екатерины Великой и въ началѣ XIX столѣтія, занимали и само правительство и университеты. Вслѣдствіе этого, въ 1765 году учреждено было въ С. Петербургѣ «Вольное Экономическое общество». Цѣль его выражена была такъ: «нѣтъ удобнѣйшаго къ приращенію во всякомъ государствѣ народнаго благополучія, какъ стараться приводить экономію въ лучшее состояніе, показывая надежнѣшіе способы, какимъ образомъ естественныя произращенія съ вящшею пользою употребляемы и прежніе недостатки поправляемы быть могутъ.» Члены Экономическаго общества обязывались «соединенными силами обращать свои труды на распространеніе въ отечествѣ о земледѣліи и домостроительствѣ знаній». Екатерина Великая дала обществу свой девизъ, съ надписью: «полезное». Лучшимъ выраженіемъ и доказательствомъ утилитарно - реальной дѣятельности служатъ «Труды Вольнаго Экономическаго общества» — журналъ, издававшійся съ 1765 года †). Далѣе, комитетъ образованный избранниками императора Александра I (Новосильцевымъ, Кочубеемъ, Чарторижскимъ) положилъ издать на русскомъ языкѣ нѣсколько иностранныхъ сочиненій по части политической экономіи. По порученію его переведены: Стюарта «Recherches sur l'économie politique», также «Bibliotheque de l'homme publique» par

---

былъ такой: 1) полное свѣдѣніе о врачебной наукѣ вообще, принадлежностяхъ и ея раздѣленіи; 2) анатомія по методѣ г. Пленка во всѣхъ ея 7 частяхъ, изъ которыхъ первая подробно показываема была ученикамъ на скелетѣ; прочія же 6 частей о связкахъ, мышцахъ, внутренностяхъ, сосудахъ, чувственныхъ жилахъ и желѣзахъ изъясняемы были вкратцѣ съ помощью Копферовыхъ таблицъ; 3) врачебные матеріалы по россійской фармакопеѣ: причемъ какъ простыя, такъ и сложныя вещества, входящія въ составленіе лекарствъ, показываемы были въ натурѣ; 4) основанія діететики по новому учебнику г. Пленка, съ дополненіемъ собственныхъ замѣчаній наставника (штабъ-лекаря Книпера); 5) послѣ того преподаваемы были уроки о скоропостижныхъ случаяхъ, съ указаніемъ на все то возможныхъ средствъ къ удержанію жизни, а также практическое упражненіе въ оспопрививаніи. Былъ даже особый классъ архитектурный, въ которомъ показываемы были начальныя основанія гражданской архитектуры, виды пропорцій и черченіе орденовъ тосканскаго, дорическаго и іоническаго, снятіе и черченіе легкихъ плановъ и фасадовъ подъ руководствомъ одного изъ архитекторскихъ помощниковъ. Впослѣдствіи все это было отмѣнено. Подробное преподаваніе анатоміи и медицины Книперомъ отмѣнено было уже въ 1808 году. (Чистовича, «Истор. с. петерб. дух. академ.», 107—120).

†) См. обзоръ статей «Трудовъ» въ соч. г. Муллова: «Заботы объ улучш. быта крестьянъ, во второй полов. XVIII в.», Казань 1859.

Condorcet и «Economie politique» par Verri †). Въ университетахъ преподавались многія реальныя, практическія науки, относящіяся къ народной экономіи. Такъ въ московскомъ университетѣ профессоръ Двигубскій читалъ по своей книгѣ технологію; потомъ по своей же книгѣ преподавалъ эту науку Денисовъ въ 1814—1815 году, присовокупивъ къ ней въ 1818—19 г. сельское домоводство. Адъюнктъ Чеботаревъ, по возвращеніи изъ-за границы въ 1807—1808 году, преподавалъ для русскихъ фабрикантовъ основанія бѣлильнаго, красильнаго и набивальнаго искусства съ опытами, для того нужными, а потомъ основанія политехнологіи или химіи, приноровленной къ искусствамъ, по руководству Шанталя. Щеголевъ въ 1809—1810 г. читалъ экономическую ботанику, приспособивъ ее къ растительнымъ произведеніямъ Россіи, полезнымъ въ хозяйствѣ. Павловъ въ 1821 году преподавалъ сельское хозяйство по собственнымъ запискамъ, обработаннымъ по началамъ Теэра и Трутмана, съ примѣненіемъ къ Россіи. Онъ же говорилъ рѣчь: «о побудительныхъ причинахъ совершенствовать сельское хозяйство въ Россіи, преимущественно передъ другими отраслями народной промышленности, и о мѣрахъ существенно къ тому относящихся». Профессоръ Геймъ въ теченіе 18 лѣтъ читалъ технологическую химію для фабрикантовъ, привлекая къ себѣ слушателей изъ дворянства, купечества и крестьянства. Онъ же въ 1803—1804 г. въ публичныхъ лекціяхъ изложилъ «систематическое обозрѣніе торговли», съ присовокупленіемъ подробныхъ свѣдѣній о монетахъ. По вопросамъ народнаго хозяйства и труда въ университетахъ задавались даже темы на соисканіе премій. Напр. нравственно-политическое отдѣленіе харьковскаго университета представило въ 1811 году задачу на соисканіе преміи: «защищаемая Адамомъ Смитомъ неограниченная свобода въ производствѣ ремеслъ дѣйствительно ли есть единственное средство, которымъ можетъ обезпечиться продолжительное и возрастающее благосостояніе народа; если же свобода производства ремеслъ должна быть ограничена, то объяснить, на какомъ основаніи и въ какомъ объемѣ можетъ быть допущено это ограниченіе» ††). Говоря о направленіи университетской ученой мысли, не можемъ не замѣтить

---

†) Сухомлинова, «Матер. для истор. просвѣщ. въ Россіи» въ «Ж. м. н. пр.» 1865 г., № X, 21.

††) «Ж. м. н. пр.» 1865 г. октябрь, стр. 116.

здѣсь, что самая естественно-научная мысль русская, сообразно съ общимъ сенсуально-реалистическимъ складомъ русскаго народа, чѣмъ больше и правильнѣе развивается, чѣмъ больше принимаетъ строго научный характеръ, тѣмъ болѣе стремится къ реализму, даже въ самыхъ теоретическихъ своихъ изслѣдованіяхъ, и становится даже болѣе реальною, чѣмъ мысль, напримѣръ, какого-нибудь американскаго натуралиста. Г. Бекетовъ такъ выразилъ эту мысль въ наглядномъ примѣрѣ, въ сравнительной характеристикѣ орнитологическихъ сочиненій знаменитаго американскаго натуралиста Одюбона и нашего — г. Н. Сѣверцова: «оба автора — говоритъ Бекетовъ — не могли не познакомиться и не ознакомить читателя съ природою, среди которыхъ дѣйствуютъ ихъ лица (птицы), и тутъ каждый изъ нихъ проявляется съ своими особенностями: Одюбонъ, рисуя свои картины, настрояетъ душу читателя на тотъ ладъ, на который была настроена его собственная поэтическая душа, въ минуту того или другаго восторженнаго наблюденія; Сѣверцовъ старается охарактеризовать мѣстность и климатъ, помощью геологическихъ, ботаническихъ и метеорологическихъ данныхъ. Въ Одюбонѣ видна жажда познать то, что такъ ему мило, что такъ возвышаетъ духъ его, видно преобладаніе поэтическаго элемента, стремленіе къ идеальному; въ Сѣверцовѣ жажда разрѣшить задачу, — преобладаніе научнаго начала, стремленіе къ реализму †). Наконецъ, реально-естественно-научное и даже реально-практическое, торгово-промышленное направленіе вызвало цѣлый рядъ ежемѣсячныхъ или періодическихъ изданій съ практическимъ, естественнонаучно-реальнымъ направленіемъ, которыя преемственно появлялись съ 1755 по 1828 или 1830 годъ, до времени усиленія классицизма и археологизма. Такъ въ XVIII столѣтіи «Ежемѣсячныя сочиненія» (1755 — 1764) наполнялись статьями реальнаго, естественно-научнаго, экономическаго и мануфактуро-промышленнаго содержанія. Въ «предувѣдомленіи» къ нимъ прямо было объявлено: «предлагаемы будутъ здѣсь всякія сочиненія, какія только обществу полезны быть могутъ, а именно: не одни только разсужденія о собственно такъ-называемыхъ наукахъ, но и такія, которыя въ экономіи, въ купечествѣ, въ рудокопныхъ дѣлахъ, въ мануфактурахъ, въ механическихъ рукодѣльяхъ, въ архитектурѣ, въ живописномъ и рѣзномъ художествахъ и въ прочихъ, како ни есть новое изобрѣтеніе, показываютъ или къ поправленію чего-нибудь поводъ

---

†) Бекетова, Жизнь птицъ. «Атеней» 1858 г., II, 233.

подать могутъ» †). Въ 1762 г. профессоръ московскаго университета Рейхель предпринялъ періодическое изданіе, которое тоже имѣло практическое направленіе и касалось предметовъ, болѣе потребныхъ для жизни. Именно онъ издавалъ четыре раза въ годъ: «Собраніе лучшихъ сочиненій къ распространенію знанія или смѣшанную библіотеку о разныхъ физическихъ, экономическихъ, такожъ до мануфактуръ и до коммерціи принадлежащихъ вещахъ». Главными матеріалами для его изданія служили физика и экономія. Въ 1806 — 1807 г. директоръ Дружининъ при московской губернской гимназіи, подъ покровительствомъ Муравьева, издавалъ «періодическое изданіе о полезныхъ изобрѣтеніяхъ, ремеслахъ и художествахъ». Въ 1820—1830 г. Двигубскій издавалъ «Новый магазинъ естественной исторіи, физики, химіи и свѣдѣній экономическихъ». При такомъ невольномъ первоначальномъ выраженіи во всѣхъ сферахъ науки и литературы преобладающихъ реальныхъ, практическихъ интересовъ народа, естественно ожидать такого же утилитарно-практическаго, реальнаго воззрѣнія и на самыя теоретическія науки. Народъ, у котораго интересы практическіе, рабоче-промышленные, экономическіе цѣлые вѣка преобладали надъ потребностями чисто умственными, надъ соображеніями и стремленіями чисто теоретическими и сенсуальная воспріимчивость и наблюдательность преобладали надъ логическою силою пониманія и обобщенія,—такой народъ и въ пользѣ теоретическихъ естественныхъ наукъ могъ убѣждаться не иначе, какъ посредствомъ нагляднаго, практическаго показанія и осязательныхъ доказательствъ реальной, практической, жизненной пользы естественныхъ наукъ. Поэтому, и въ началѣ XIX столѣтія представители и приверженцы естественно-научнаго реализма убѣждали общество полюбить теоретическія естественныя науки доказательствомъ ихъ практической, торгово-промышленной, вообще житейской и даже иногда мѣстной пользы. «Что суть науки?—говорилъ напр. одинъ профессоръ при торжественномъ открытіи казанскаго университета 5 іюля 1814 года:—на сей вопросъ знаменитый Бюффонъ отвѣчалъ: онѣ суть познаніе природы. Отъ сего зависитъ наше здоровье, наше душевное спокойствіе, словомъ наше счастіе или несчастіе. Люди жалуются на болѣзни, на краткость жизни; но гораздо справедливѣе они могли бы жаловаться на свое невѣжество. Мы, жители Казани, обитаемъ въ климатѣ суровомъ и, что̀ несравненно гибельнѣе, въ климатѣ

---

†) «Ежемѣсячныя сочиненія» 1755 г., 4—5.

сыромъ и удивительно перемѣнчивомъ; книги метрическія показываютъ, что въ Казани ежегодно умираетъ людей болѣе, нежели родится. Посему, намъ-то особенно должно искать въ наукахъ естественныхъ средствъ для предохраненія и продолженія нашей жизни. Кто не желаетъ имѣть многихъ разнообразныхъ удовольствій и снискать себѣ богатства? Науки естественныя, соединенныя съ математическими, подаютъ къ тому вѣрнѣйшія средства: мануфактуры, торговля, всѣ ремесла и художества, доставляющія намъ безчисленныя выгоды и удовольствія, не могли бы существовать безъ наукъ естественныхъ и математическихъ» †). Съ такою же цѣлію и въ такомъ же смыслѣ профессоръ московскаго университета Денисовъ говорилъ рѣчь: о вліяніи химіи на успѣхи мануфактурной промышленности (1822). Попечитель харьковскаго университета графъ Северинъ Потоцкій, въ рѣчи при открытіи харьковскаго университета, указывая на необходимость математическихъ наукъ, доказывалъ ее невозможностью остановленія научно-жизненнаго, торгово-промышленнаго прогресса: «нельзя—говорилъ онъ — ни одному государству остановиться въ своемъ ходѣ; остановиться есть тоже, что подаваться назадъ—приближаться къ прежнему ничтожеству; если когда позволительно это, то развѣ только по отношенію къ завоеваніямъ, но такое прекращеніе дѣятельности не возможно въ разсужденіи наукъ, искусствъ, мореходства, ремеслъ, торговой промышленности, земледѣлія, словомъ всего того, что обезпечиваетъ за народомъ если не превосходство, то по крайней мѣрѣ равенство его предъ всѣми просвѣщенными народами» ††).

Изъ такого исторически выразившагося преобладанія сенсуально-реальнаго, утилитарно-практическаго направленія умственныхъ интересовъ и потребностей русскаго народа необходимо вытекаютъ два слѣдствія: вопервыхъ—неизбѣжная необходимость полнаго, обширнаго или преимущественнаго введенія въ систему всенароднаго ученія наукъ утилитарно-реальныхъ, именно естественно математическихъ, вовторыхъ,—насущная необходимость устройства всей системы реальнаго, естественно-научнаго ученія русскаго народа на основаніяхъ утилитарно-практическаго, рабоче-промышленнаго, вообще экономическаго приложенія физико-мате-

---

†) Рѣчь проф. Перевощикова, говорен. при торжеств. открытіи казанскаго университета 5 іюля 1814 года: о пользѣ наукъ вообще и въ особенности о пользѣ казанскаго университета.

††) Рѣчи при открытіи харьков. универс. въ 1806 г. «Ж. м. н. пр.» 1865 г. № X, стр. 114 — 169.

матическихъ наукъ, или на началахъ прикладнаго естествознанія и естествоиспытанія. Въ силу сенсуально-реалистическаго и утилитарно-практическаго умонастроенія русскаго народа, воспитаннаго, въ теченіе всей его исторіи, климатическими и вообще физико-географическими условіями русской земли и рабоче-хозяйственнаго быта народа, — никакой классицизмъ и идеализмъ не могъ и не можетъ глубоко укорениться въ умственной жизни русскаго народа, не могъ и не можетъ даже на одно полустолѣтіе всецѣло водвориться въ системѣ образованія русскаго народа и устранить реальныя, естественныя науки. Въ теченіе 23-хъ лѣтъ, съ 1828 по 1851 годъ, благодаря систематическимъ регламентарно-репрессивнымъ мѣрамъ классицизмъ еще могъ царствовать надъ естествознаніемъ, но дольше не могъ господствовать неограниченно. Реальная сила, сила вещей сильнѣе классической дряхлости. Не смогло или не нашло нужнымъ и само правительство дольше 23 лѣтъ поддерживать, напрягать старческія силы классицизма противъ новаго, могучаго естественно-научнаго ученія. Профессоры естественныхъ наукъ въ университетахъ стали неоднократно и убѣдительно заявлять просьбы министру народнаго просвѣщенія о необходимости введенія естественныхъ наукъ въ гимназическій курсъ. И вотъ 6 октября 1851 года министръ народнаго просвѣщенія Ширинскій-Шихматовъ вошелъ съ всеподданнѣйшимъ представленіемъ, въ которомъ изъяснилъ, что, «удостовѣрившись личнымъ обозрѣніемъ при посѣщеніи значительнаго числа гимназій, онъ признавалъ нетолько полезнымъ, но и необходимымъ, упразднивъ въ 31 гимназіяхъ обученіе греческому языку, замѣнить этотъ предметъ введеніемъ въ гимназическій курсъ наукъ естественныхъ, которыя, составляя потребность современнаго образованія, преподаются въ сокращенномъ объемѣ нетолько въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, но даже въ состоящихъ подъ покровительствомъ государыни императрицы институтахъ для воспитанія дѣвицъ.» Посему министръ полагалъ «въ помянутыхъ 31 гимназіяхъ жалованье старшихъ учителей греческаго языка обратить къ производству старшимъ учителямъ естественныхъ наукъ, стараясь вводить преподаваніе послѣднихъ и въ тѣ гимназіи, гдѣ вовсе не обучали греческому языку, если только откроются къ тому денежныя средства.» По мнѣнію министра, «съ допущеніемъ этой мѣры нетолько довершилась бы полнота образованія учениковъ, намѣревающихся прямо изъ гимназій поступить въ гражданскую службу, но и ощутительно облегчилось бы подробное и основательное изученіе естественныхъ наукъ для студентовъ физико-математическаго и медицинскаго факультетовъ, о чемъ неоднократно и убѣдительно просили профес-

соры естественныхъ наукъ» †). Мы всѣ свидѣтели, какъ, вслѣдствіе этого перваго поворотнаго полушага къ естествознанію, сдержанный дотолѣ интересъ къ естественнымъ наукамъ живо проявился, къ концу 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ, въ возрастаніи числа студентовъ на физико-математическихъ факультетахъ, въ изданіи многочисленныхъ книгъ по естественнымъ наукамъ, въ живомъ словѣ литературы о естествознаніи, въ быстромъ увеличеніи числа посѣтителей музеевъ естественной исторіи и пр. Старая боязнь этого естественно-реальнаго направленія и оживленія русской мысли, неизбѣжно вытекавшаго, какъ естественное требованіе сенсуально-реалистическаго умственнаго склада русской націи, боязнь естественно-научнаго реализма, какъ нигилизма или матеріализма, потомъ опять стала туманить и морочить классицизмомъ. Но сила вещей, сила реальная, при помощи сенсуально-реалистическаго умственнаго склада русскаго народа, рано или поздно проявитъ законъ природы и естественной исторіи народа—законъ реальнаго развитія. Если русскій народъ, рабочій, промышленный, практическій, пойметъ пользу наукъ, захочетъ ученья и училищъ, то онъ непремѣнно, въ силу своего преобладающаго сенсуально-реалистическаго самовоспитанія въ своеобразной физико-географической и климатической сферѣ естественной экономіи русской земли, въ силу своего рабочаго, утилитарно-практическаго, промышленнаго смысла, ухватится за естественно-математическія науки, какъ наиболѣе подходящія къ физическимъ требованіямъ русской земли и народной промышленной работы и экономіи, какъ наиболѣе согласующіяся съ естественнымъ сенсуально-реалистическимъ смысломъ и утилитарно-практическимъ, экономическимъ, рабоче-хозяйственнымъ тактомъ и направленіемъ русскаго народа. А чтобы народъ русскій скорѣе понялъ пользу теорій естественныхъ наукъ и скорѣе захотѣлъ и сталъ учиться естественнымъ наукамъ, скорѣе сталъ устроять реальныя, естественно-научныя школы повсюду, нетолько по всѣмъ губернскимъ и уѣзднымъ городамъ, но и по всѣмъ волостямъ, селамъ, слободамъ и деревнямъ,—для этого, опять въ силу того же сенсуально-реалистическаго умственнаго склада русскаго народа, въ силу его утилитарно-практическаго, рабоче-промышленнаго умонастроенія и стремленія, ему необходимо показывать сенсуально-ощутительно, на опытѣ, на практикѣ силу, пользу, убѣдительность и умственно-образовательное значеніе теорій естественно-математическихъ наукъ. Слѣдовательно, настоя-

†) «Ж. м. н. пр.», CXXI, отд. II, стр. 168—169.

тельно необходимо устройство системы всенароднаго естественно-научнаго ученія на основаніяхъ нагляднаго и осязательнаго рабоче-промышленнаго, экономическаго естествознанія и естествоиспытанія. Т. е. необходимо въ одно и тоже время: вопервыхъ—сенсуально-ощутительное, наглядное и осязательное обнаруженіе и доказательство передъ рабочимъ народомъ отвлеченныхъ теорій естественно-математическихъ наукъ на практикѣ народной работы и экономіи, сначала въ этихъ, такъ сказать, естественныхъ училищахъ, обсерваторіяхъ и лабораторіяхъ практическаго промышленнаго естествознанія—на земледѣльческихъ поляхъ, на мануфактурно-промышленныхъ фрабрикахъ и заводахъ, въ этихъ естественныхъ зоологическихъ, ботаническихъ и минералогическихъ музеяхъ и садахъ—на скотныхъ дворахъ, овчарняхъ, конскихъ заводахъ, въ лѣсахъ, садахъ и огородахъ, при горныхъ промыслахъ, однимъ словомъ на практикѣ земледѣлія, луговодства, винодѣлія, лѣсоводства и огородничества, на практикѣ скотоводства, звѣроловства, пчеловодства, шелководства, рыбоводства, птицеводства, на практикѣ фабрикъ и заводовъ и т. д. Вовторыхъ—предлагаемыя естественно-математическими науками и дознанныя практической экспериментаціей, опытами практическаго, рабоче-промышленнаго естествоиспытанія теоріи математическихъ и естественныхъ наукъ необходимо преподавать дѣтямъ рабочаго народа — всѣмъ молодымъ рабочимъ поколѣніямъ въ естественно-научныхъ школахъ земледѣлія во всѣхъ его видахъ, въ естественно-научныхъ школахъ скотоводства и вообще зоологическаго хозяйства, въ естественно-научныхъ школахъ разныхъ фабрикъ и заводовъ, съ нагляднымъ и осязательнымъ показаніемъ этихъ естественно-математическихъ теорій на практикѣ раціональнаго, естественно-научнаго земледѣлія, лѣсоводства, огородничества, садоводства и пр., на опытѣ естественно-научнаго скотоводства, на практикѣ естественно-научныхъ операцій фабрикъ и заводовъ и т. п. Наконецъ, необходима дальнѣйшая разработка естественно-математическихъ наукъ и умноженіе ресурсовъ или шансовъ для новыхъ открытій путемъ рабоче-практическаго, экономическаго или хозяйственно-промышленнаго естествоиспытанія, т. е. необходимо, чтобы естественно-научно совершаемыя работы, промыслы и всѣ промышленныя занятія въ сферѣ природы были въ то же время естественно-научными опытами и наблюденіями, направленными къ открытію или выработкѣ и обнародованію въ земскихъ журналахъ и газетахъ новыхъ естественно-научныхъ истинъ и теорій. Вотъ, по нашему мнѣнію, естественно-историческій путь, который предстоитъ русскому народу. Въ слѣдующей главѣ мы подтвердимъ это и всей экспериментаціей нашей исторіи въ

сферѣ физической экономіи русской земли. Здѣсь же замѣтимъ только, что если не собственное, добровольное сознаніе и рѣшеніе общества, то грозныя силы природы, жестоко-поучительные уроки физической экономіи русской земли рано или поздно вынудятъ наше общество и нашъ народъ—взяться за умъ и начать устроивать искомую всей нашей исторіей новую систему всеобщаго, всенароднаго естественнонаучно-реальнаго ученія. Заключимъ эту мысль справедливыми словами г. Неручева, высказанными имъ въ сельско-хозяйственныхъ замѣткахъ по поводу нынѣшняго, почти повсемѣстнаго неурожая: «нѣтъ ни одной страны, въ которой бы теоретическія знанія, несмотря на всю ихъ силу, постоянно возрастающую, оказывали такую малую помощь практикѣ, какъ это у насъ. Ни помощь науки, ни улучшеніе въ нашемъ хозяйствѣ, ни увеличеніе производительности не будутъ для насъ возможны, пока не будетъ солидныхъ мѣръ въ видахъ распространенія знаній, не будетъ школъ, способныхъ доставить почву для всевозможныхъ начинаній, — школъ, одинаково доступныхъ для всѣхъ участвующихъ своимъ трудомъ въ оборотахъ земледѣльческаго промысла. Наше крестьянство, представляющееся въ видѣ десятковъ милліоновъ рукъ, дѣятельность которыхъ исключительно направлена къ занятію хозяйствомъ, не можетъ не возбуждать вниманія. Эти милліоны рукъ представляютъ собой такой факторъ, разумное примѣненіе котораго должно оказать огромное вліяніе на земледѣліе. Не одними только машинами и многоразличными изобрѣтеніями поднялась промышленность хозяйствъ западныхъ, — она есть слѣдствіе развитія рабочаго, котораго не можетъ замѣнить никакой изъ остроумнѣйшихъ механизмовъ; не въ сѣвооборотѣ заключается успѣхъ земледѣльческой культуры въ западномъ хозяйствѣ, а въ разумномъ примѣненіи труда; не породы скота играютъ роль элементовъ производящихъ въ заграничномъ хозяйствѣ, а умѣнье и знаніе того, чѣмъ опредѣляется продуктивность животныхъ. Не временнымъ сочувствіемъ къ несчастію и временными пособіями, только, исправляются народныя бѣдствія, а путемъ дѣйствія на основныя причины и искорененіемъ самой возможности появленія бѣдствій. Дѣйствовать же на эти причины могутъ знаніе, школа» †).

Втретьихъ, вѣковое отсутствіе предварительнаго, генеративно-послѣдовательнаго историческаго развитія мыслительныхъ способностей русскаго народа, всеобщей разсудочной силы мышленія и вѣковое исключитель-

†) «Спб. вѣдом.» 1868 г. № 71.

ное, генеративно-историческое воспитаніе и преобладаніе низшихъ познавательныхъ способностей—внѣшнихъ чувствъ, памяти и воображенія сопровождалось и въ новой, послѣ-петровской педагогической системѣ отсутствіемъ или неустановленностью истиннаго, положительнаго метода развитія народнаго и общественнаго мышленія. Во всѣхъ сферахъ научнаго мышленія и знанія—говоритъ Кондорсе—познаніе метода, употребляемаго для изысканія истинъ, гораздо важнѣе познанія самыхъ истинъ, такъ какъ въ немъ заключается зародышъ всего того, что остается еще имѣющимъ быть открытымъ †). Методъ—это, по выраженію Ларомигьера, орудіе, рычагъ ума, или, по словамъ Жокура, архитекторъ интеллектуальнаго, научнаго развитія ††). Клодъ Бернаръ говоритъ: L'idée, c'est la graine; la méthode, c'est le sol qui lui fournit les conditions de se développer, de prospérer et de donner les meilleurs fruits suivant sa nature... Seulement les bonnes méthodes peuvent nous apprendre à développer et à mieux utiliser les facultés que la nature nous a dévolues, tandis que les mauvaises méthodes peuvent nous empêcher d'en tirer un heureux profit. C'est ainsi que le genie de l'invention, si précieux dans les sciences, peut être diminué ou même étouffé par une mauvaise méthode, tandis qu'une bonne méthode peut l'accroître et le développer. En un mot, une bonne méthode favorise le developpement scientifique et prémunit le savant contre les causes d'erreurs si nombreuses qu'il rencontre dans la recherche de la vérité; c'est là le seul objet que puisse se proposer la méthode expérimentale («Introduction à l'étude de la médecine expérimentale». Paris. 1865, 60—62). Слѣдовательно, отъ выработки и установки правильнаго метода зависитъ истинное и плодотворное интеллектуальное развитіе и направленіе. И на западѣ этотъ истинный методъ умственнаго развитія открытъ давно, впервые указанъ еще въ «Novum Organon» Бакона и въ «Discours sur la méthode» Декарта, потомъ утвержденъ Ампером, Контомъ и всей новой исторіей интеллектуальнаго развитія Европы. Но недоразвитый русскій мозгъ, вслѣдствіе вѣковаго преобладанія низшихъ интеллектуальныхъ способностей надъ высшими мыслительными силами и вслѣдствіе вѣковаго вліянія византійской педагогической доктрины не могъ ни самъ додуматься до

---

†) Condorcet, «Eloge de Lientand» въ «Eloges des Academiciens», изд. 1797, т. II.

††) Ларомигьера «Leçons de philosophie», изд. 2, т. I, стр. 57. Жокуръ въ статьѣ Méthode въ «Encyclopedie methodique». Исидоръ Жоффруа С. Илеръ—общая Біологія ч. II, стр. 265—276: глава о методѣ.

истиннаго, вѣрнаго метода интеллектуальнаго развитія и такимъ образомъ, съ самаго начала или со времени умственно-образовательной реформы Петра Великаго, стать на настоящую прямую дорогу умственнаго движенія и прогресса, не могъ ни взяться самъ съ перваго же раза, во время введенія европейскихъ наукъ, за выработанный европейскими геніями методъ сенсуально-логическаго или реально-теоретическаго развитія мышленія. Хотя преобразователь или возродитель умственной жизни русскаго народа—Петръ Великій вводилъ въ систему интеллектуальнаго развитія русскаго народа реальный, физико-математическій методъ, но неразвитое русское общество, проникнутое супранатуральнымъ міросозерцаніемъ, воспитанное византійской педагогіей, по неразвитости своихъ мыслительныхъ способностей, не способно было понять идеи Петра Великаго. Неразвитый общественный смыслъ нетолько не способенъ былъ самъ задаться вопросомъ и додуматься, какъ и чему начать учиться, но и не способенъ былъ съ самаго начала умственно-образовательной реформы въ Россіи ухватиться за указанный Петромъ Великимъ сенсуально-логическій, реальный методъ физико-математическаго ученія. Вслѣдствіе этой первоначальной неустановленности метода развитія, указаннаго опытомъ западной Европы, со временъ Декарта и Бакона, и Петромъ Великимъ, мысль русская стала потомъ блуждать по трущобамъ всякаго рода анти-реализма и доселѣ не нашла, не установила истиннаго метода своего развитія.

Неустановленность истиннаго метода интеллектуальнаго развитія была существенною причиною медленнаго пробужденія и большею частію неправильнаго направленія русской мысли. Вмѣсто естественнаго, цѣльнаго, сенсуально-логическаго развитія, вмѣсто положительно-философскаго или индуктивно-теоретическаго метода мышленія, и во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ нашихъ, даже въ университетахъ, долгое время преобладалъ методъ дедуктивно-идеалистическій и даже мистико-фантастическій. Вмѣсто развитія положительной научной мыслительности посредствомъ совокупнаго пользованія и сенсуально-логической, экспериментальной индукціей или опытомъ и наблюденіемъ, и теоретическимъ, научно-раціональнымъ, философскимъ мышленіемъ, вмѣсто цѣльнаго сенсуально-логическаго развитія мышленія и самое университетское ученіе наше долгое время направлено было только къ развитію низшихъ интеллектуальныхъ способностей—памяти, воображенія и поверхностной наблюдательности внѣшнихъ чувствъ. Въ университетахъ преобладали науки археологическія, историко-филологическія, этико-юридическія, философско-идеалистическія, эстетическія науки, развивающія больше память, воображе-

ніе и фантастически-идеалистическое и произвольно-измѣнчивое метафизическое мышленіе. Въ московскомъ, напр., университетѣ, въ періодъ времени 1814—1826 г., науки историко-археологическія, археолого-филологическія и философско-юридическія преподавали около 25 профессоровъ, а физико-математическія науки не болѣе 15 профессоровъ †). Потомъ въ теченіе 1836—1854 г. первыя преподавали около 45 профессоровъ, а физико-математическія не болѣе 25 профессоровъ ††). Воспитывавшееся въ университетахъ молодое поколѣніе больше изучало юридическія науки, чѣмъ физико-математическія. Даже въ 1864 году на естественныхъ факультетахъ было еще только 15% изъ общаго числа студентовъ, а на юридическомъ чуть не половина — 43%. Въ десятилѣтіе 1853 — 1863 г. числительность молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ университетахъ на факультетахъ физико-математическомъ и юридическомъ, представляется слѣдующими цифрами:

	Физико-математ.	Юридическ.
Въ С.-Петербургскомъ университетѣ	1,88	5,94
» Московскомъ »	2,76	4,57
» Казанскомъ »	1,76	6,92
» Харьковскомъ »	3,23	4,70
» Кіевскомъ »	1,21	1,79
» Дерптскомъ »	1,02	2,02
Слѣдовательно среднимъ числомъ во всѣхъ университетахъ:	1,92	3,99

И если получаемое студентами кандидатство хоть сколько-нибудь можетъ служить мѣркой успѣховъ студентовъ въ наукахъ, то и въ этомъ отношеніи успѣхи по историко-филологическимъ наукамъ оказываются выше успѣховъ по наукамъ физико-математическимъ: потому что во всѣхъ университетахъ болѣе всего окончило курсъ кандидатами по историко-филологическому факультету; за нимъ уже слѣдуетъ физико-математическій. Это видно изъ слѣдующей таблицы:

---

†) Шевырева, «Истор. москов. универс.», 441—445, 448—450.
††) Ibid., 558—562.

Университеты:	Историко-филологич. Кандидатовъ	Действительныхъ студентовъ	Физико-математич. Кандидатовъ	Действительныхъ студентовъ
С.-петербургскій	97	3	81	19
Московскій	61	39	74	26
Казанскій	72	28	57	43
Харьковскій	64	36	54	46
Кіевскій	62	38	55	45
Дерптскій	55	45	74	26
Среднимъ числомъ во всѣхъ	69	31	66	34

А въ дерптскомъ университетѣ окончило курсъ даже гораздо больше на богословскомъ факультетѣ, чѣмъ на физико-математическомъ, именно на богословскомъ факультетѣ 211 воспитанниковъ, а на физико-математическомъ только 84 †).

Самыя естественныя науки, долгое время не разрабатывавшіяся самостоятельно русскою мыслью, а преподававшіяся по руководствамъ западныхъ натуралистовъ—напр. Фогеля, Гегенія, Вейдлера, Эйвера, Галлера, Линнея, Блуменбаха, Боде, Кригера, Бриссона и пр., излагались большею частію только теоретически, идеально, безъ опытовъ, или даже всецѣло проникнуты были философско-идеалистическимъ и мистическимъ духомъ. И потому онѣ не столько развивали экспериментально-логическое, реальное мышленіе, сколько память, воображеніе и идеалистическое, или схоластико-метафизическое мышленіе. Професс. анатоміи и хирургіи Мудровъ, изучившій развитіе медицинскихъ наукъ заграницей, понялъ ложность такого развитія и въ «Чертежѣ практическихъ наукъ, снятомъ съ главныхъ училищъ Германіи и Франціи», такъ отзывался объ этомъ философско-идеалистическомъ преподаваніи напр. патологической науки: «хотя сія наука современна той наукѣ, какъ начали пристальнѣе замѣчать ходъ натуры, но снова объ ней позабыли, пустившись въ строеніе теорій. Ослѣпившись блескомъ высокопарныхъ умствованій, рожденныхъ въ нѣдрѣ идеальной философіи, молодые врачи ищутъ нынѣ причинъ болѣзней въ строеніи вселенной и, не хотя сойти съ эмпирейскихъ высотъ безвещественнаго міра, не видятъ того, что́ подъ ихъ

†) «Ж. м. н. просвѣщ.», ч. CXVIII, стр. 175—178.

глазами и что подвержено прямому здравому смыслу... Но врачебная наука ведетъ насъ прямо въ вещественный храмъ натуры. Научись — говоритъ она—прежде употреблять твои чувства: осяжи и виждь» †). О преподаванiи медицинскихъ практическихъ наукъ въ московскомъ университетѣ и въ медико-хирургической академiи Мудровъ писалъ: «Упражненiе въ препарированiи труповъ (что есть главная вещь въ анатомiи) было для насъ самою трудною вещiю. Прозекторъ нетолько сего не дѣлалъ, но еще препятствовалъ намъ заниматься разсѣканiемъ труповъ, или давалъ протухлые трупы, или не впускалъ въ «анатомiю»; или ее не топилъ, или не давалъ инструментовъ. Ножи всегда были старые, а самимъ купить было не начто. Нельзя молчать объ этомъ: это причина несчастiя многихъ. Проф. Рихтеръ читалъ хирургiю превосходно; но можно ли тому повѣрить, что онъ не показалъ ни одной операцiи ни на живомъ, ни на кадаверѣ? И мы ни одной не сдѣлали. Можно ли тому повѣрить, что онъ словами и мѣломъ дѣлалъ операцiи, не показавъ строенiя оперируемой части на кадаверѣ? И мы учились танцовать, не видавши, какъ танцуютъ... Учащiеся, ко всеобщему удивленiю, на репетицiяхъ и экзаменахъ читали всю анатомiю наизустъ. Но что же? кромѣ остеологiи, они знали всю анатомiю по бомуткамъ, а не по тѣлу человѣческому... Г. Бумъ имѣлъ чрезвычайныя свѣдѣнiя въ литературѣ анатомiи и хирургiи, не взирая на несовершенство россiйскаго языка, читалъ хирургiю, какъ ораторъ. Въ лекцiяхъ его все было собрано, что было извѣстно до тѣхъ поръ. Но что же? Разсказывая хорошо разные методы операцiи, оперировать не умѣли. Такъ-то красное слово не совмѣстно съ дѣломъ» ††). Какъ не возбудительно и, такъ сказать, не питательно было для мысли такое умозрительно-идеалистическое преподаванiе реальныхъ наукъ и какъ, напротивъ, оно давало просторъ и пищу только памяти и воображенiю, Мудровъ объ этомъ такъ замѣчаетъ: «плоды памяти и воображенiя, собранные въ кабинетѣ, сколь ни казисты на профессорскомъ стулѣ, обманываютъ только голодъ учащихся, а не питаютъ, т. е. не даютъ ни роста, ни силы» †††). Но до новѣйшаго времени преподаванiе естественныхъ наукъ въ нашихъ учебныхъ заведенiяхъ большею частiю было поверхностно и развивало больше память, а не мышленiе. Напр. проф. Брандтъ говоритъ:

†) «Чт. общ.» 1863 г., кн. 2, отд. V, 47—48.
††) «Чт. общ.» 1863 г., кн. 2, отд. V, 27—29.
†††) Ibid., 67.

«преподаванiе натуральной исторiи въ нашихъ учебныхъ заведенiяхъ, даже въ высшихъ, слишкомъ поверхностно, несмотря на то, что положительное изученiе естественныхъ наукъ, особенно практическое, образуетъ нетолько спецiалистовъ, но чрезъ постоянное разсматриванiе и сближенiе различныхъ органическихъ формъ, чрезъ умственное углубленiе въ малѣйшiя подробности, въ высшей степени развиваетъ въ молодыхъ людяхъ мышленiе и любознательность, и слѣдовательно можетъ быть полезно и для другихъ отраслей человѣческихъ знанiй. Одно чтенiе лекцiй безъ практическихъ изслѣдованiй, безъ анатомическихъ доказательствъ только отягчаетъ память, но не даетъ юношѣ знанiй» †). Въ прежнiя же времена, въ 20-хъ и 30-хъ годахъ, а тѣмъ болѣе ранѣе, преподаванiе естественныхъ наукъ, даже въ университетахъ, будучи проникнуто или идеализмомъ, или мистицизмомъ, либо эстетикой, еще болѣе питало и развивало память, воображенiе или мистико-идеалистическое настроенiе мысли, а не точное, индуктивно-реальное мышленiе. Нѣкоторые медицинскiе профессора не чужды были и классико-эстетическаго идеализма или мистицизма. Напр. въ московскомъ университетѣ профессоръ Лодеръ, по словамъ г. Шевырева, внесъ въ изученiе анатомiи изящное латинское изложенiе и, стоя предъ препаратомъ нашего бреннаго тѣла, являлся какимъ-то художникомъ и возносилъ умы слушателей ко всеблагому творцу» ††). Профессоръ минералогiи Павловъ (1821 и слѣд.) «вносилъ въ естествовѣденiе идеалистическiя умозрѣнiя Шеллинговой философiи, вовсе неумѣстной въ положительной наукѣ природы, требующей изслѣдованiя самаго опредѣленнаго, точнаго и непризнающей надъ собой никакой другой философiи, кромѣ математики» †††). Въ кiевскомъ университетѣ ординарный профессоръ химiи Зѣновичъ (1834 — 1839) изобрѣлъ свою мистико-идеалистическую теорiю органической химiи, которая придавала ему характеръ настоящаго Парацельса XIX вѣка. Сообщая свою новую теорiю, этотъ согбенный, добродушный старикъ, представлявшiй оригинальный умственный типъ, приходилъ въ какой-то паѳосъ; голосъ его получалъ необыкновенную силу и звучность, вся личнось его оживлялась, — и онъ въ своей лабораторiи, окруженный внимательными слушателями, являлся какимъ-то средне-

---

†) Замѣч. къ статьѣ Ричарда Овена о Зоологiи въ «Руководствѣ къ ученымъ изысканiямъ для путешественниковъ». Спб. 1861 г., ст. XI, 17—18.
††) «Истор. моск. университета», 452.
†††) Ibid., 451—452.

вѣковымъ алхимикомъ-чародѣемъ. Вотъ образчикъ его химической теоріи: «въ теоретической части органической химіи — говорилъ онъ — было показано мною существованіе пятаго невидимаго органическаго начала и его дѣйствіе на атомы тѣлъ и теплотворъ; дано понятіе о связи органической, о теплотѣ и жизни; далѣе было показано различіе между животными и прозябаемыми, изъяснены феномены чувственности, отдохновенія, совершеннаго сна, сновидѣнія, безсоницы, зимоваго сна; по отношенію къ человѣку въ особенности показано шестое невидимое начало—душа, отличающая его отъ другихъ животныхъ; изслѣдованы качества души и показано, что мудрость или знаніе прошедшаго, настоящаго и будущаго происходитъ отъ дѣйствія одной души, инстинктъ— отъ дѣйствія одного органическаго духа, а умъ происходитъ отъ совокупнаго ихъ дѣйствія, причемъ показано, отъ чего умъ бываетъ различный въ людяхъ.» «О, то великая и важная есть наука хэмыя! — заключалъ и не разъ повторялъ профессоръ своимъ слушателямъ: — и этую хэмыю называли барбары ars sine arte, cujus principium est mentire, medium laborare, finis mendicare» †). И этотъ алхимикъ-профессоръ представилъ еще въ 1837 г. въ с.-петербургскую академію наукъ разсужденіе «о необходимости измѣненія общихъ основаній наукъ, всѣхъ теорій и системъ, чтобы издать основанную на предъидущемъ сочиненіи новую теорію химіи», и хотѣлъ такимъ образомъ быть реформаторомъ наукъ. Не лучше были въ кіевскомъ университетѣ и профессора другихъ естественныхъ наукъ. Напр. послѣ профессора физики Абламовича (1834 г.), у котораго физическое развитіе тѣла, по словамъ Шульгина, остановило развитіе умственное и который преподавалъ больше съ каѳедры разный сумбуръ болтовни и городскихъ сплетней, чѣмъ физику ††),—заступившій его мѣсто преподаватель Чеховичъ читалъ физику въ томъ физико-теологическомъ духѣ, въ какомъ она преподавалась въ духовныхъ семинаріяхъ и академіяхъ, и помѣщалъ богословскія статьи въ «Воскресномъ чтеніи» †††). Профессоръ астрономіи Федоровъ «сквозь видимое небо созерцалъ небо невидимое, духовное», и, какъ мы сказали уже, напечаталъ рѣчь «о мнимомъ противорѣчіи между истинами, явствующими изъ познанія неба видимаго, вещественнаго, и истинами, въ которыхъ открывается человѣку небо невидимое, духовное» ††††).

---

†) «Истор. кіевск. университета», 141 — 142.
††) Шульгина, «Истор. универс. св. Владим.», стр. 146, 137.
†††) Ibid. 139 и 161.
††††) «Истор. кіевск. унив.», 161.

Такія мистико-идеалистическія тенденціи и ученія, очевидно, больше питали воображеніе, чѣмъ развивали основательное и строго послѣдовательное реалистическое мышленіе, такъ же какъ одно чтеніе лекцій безъ практическихъ изслѣдованій, одна естественно-научная номенклатура и терминологія и, наконецъ, одно перечисленіе громкихъ именъ естествоиспытателей обременяли только память. И нѣтъ ничего удивительнаго послѣ этого, если при такомъ слабомъ развитіи и вліяніи университетскаго естественно-научнаго образованія въ молодыхъ русскихъ генераціяхъ слабо развивалось и высшее, философско-реалистическое мышленіе и плохо вырабатывалось и распространялось положительное, реальное міросозерцаніе. Неудивительно, что физико-математическіе факультеты наши до сихъ поръ мало образовывали и выпускали какъ замѣчательныхъ естествоиспытателей-теоретиковъ, такъ и замѣчательныхъ практическихъ дѣятелей естественно-научной экономіи, дѣятелей практическаго, экономическаго естествознанія. Послѣ всего этого естественно и понятно, почему другія—идеалистическія, эстетическія, метафизико-философскія науки нашихъ университетовъ, уже совершенно отдѣленныя отъ почвы положительнаго мышленія и изслѣдованія, еще больше развивали память, воображеніе и безсодержательно отвлеченное, метафизическое и мистико-фантастическое умонастроеніе.

Историко-археологическія науки, господствовавшія въ нашихъ первоначальныхъ умственныхъ работахъ, въ университетахъ и ученой литературѣ до 50-хъ годовъ, по преимуществу развивали память и археолого-историческое, традиціонное умонастроеніе. Послѣ многовѣковаго исключительнаго господства византійской мистико-теологической доктрины и супранатурально-спиритуалистическаго міросозерцанія, — старинное, византійско-хронографическое міросозерцаніе смѣнилось новымъ, историко-археологическимъ настроеніемъ умовъ. Цѣлое столѣтіе историко-археологическія науки владычествовали надъ русскими умами, опредѣляли характеръ и направленіе нашей интеллектуальной дѣятельности. Это была, можно сказать, эпоха нашего всеобщаго умственнаго увлеченія—историко-археологической мономаніи, эпоха, породившая цѣлый сонмъ знаменитыхъ археологовъ, палеографовъ, библіографовъ, исторіографовъ, филологовъ, нумизматовъ и т. п. «Въ маѣ мѣсяцѣ 1804 г.—говоритъ историкъ московскаго университета г. Шевыревъ—Высочайше утверждено при московскомъ университетѣ Общество исторіи и древностей россійскихъ. Главнымъ трудомъ для общества опредѣлено «критическое, то есть, вѣрнѣйшее и исправнѣйшее изданіе оригинальныхъ древнихъ о Россіи лѣтописей, съ пріобщеніемъ къ нимъ нужнѣйшихъ примѣчаній, дабы то и другое

могло служить основанiемъ въ сочиненiи подлинной россiйской исторiи.» Вслѣдствiе того, Высочайшимъ указомъ, даннымъ св. Синоду 6 iюня 1804 года повелѣно доставлять обществу всѣ оригинальныя лѣтописи и хронографы, изъ государственнаго архива иностранныхъ дѣлъ, изъ с.-петербургской академiи наукъ, изъ патрiаршей и типографской синодальной библiотекъ, изъ троицкой лавры и другихъ монастырей... Попечитель московскаго университета графъ Муравьевъ мечталъ соединить изученiе Русскихъ Древностей съ изученiемъ всемiрныхъ. «Изысканiе Древностей россiйскихъ — говорилъ онъ — привлекало къ себѣ нѣкоторое время вниманiе публики. Можно, послѣ Миллера, съ честiю упомянуть Шлецера, Стриттера и Новикова, который послужилъ бы болѣе отечеству, оставшись въ предѣлахъ ученiя древностей его. Вивлiофика есть нацiональное сокровище, изъ котораго любопытные нѣмцы будутъ когда-нибудь черпать. Вольное Россiйское Собранiе помѣстило также въ трудахъ своихъ нѣкоторые отрывки древностей. Не можно ли бы было соединить съ древностями россiйскими и весь округъ древностей греческихъ, римскихъ, египетскихъ и такъ далѣе?» Послѣдняя мысль принадлежала къ числу любимыхъ мыслей Муравьева. Древняя филологiя увлекала его. Онъ думалъ въ словесномъ отдѣленiи московскаго университета основать «Латинское общество». Вотъ его мысль (§ 26 учебнаго распоряженiя): «подъ предсѣдательствомъ декана Словесныхъ наукъ составится Латинское общество, къ которому приглашаются магистры, кандидаты и студенты. И сами профессоры, предшествуя имъ примѣромъ, могутъ показать имъ путь къ образованiю себя сочиненiями въ искусствѣ писанiя на латинскомъ языкѣ. Засѣданiя имѣть два раза въ мѣсяцъ.» Увлекаясь своими греко-латинскими идеями, филологъ-попечитель хотѣлъ и академическую гимназiю переименовать въ лицей, а благородный университетскiй пансiонъ назвать пританеемъ и главнаго надзирателя его пританомъ» †). Вообще, археологизмъ греко-латинскiй и славяно-россiйскiй, «древности», можно сказать, рѣшительно составляли господствующую idea fixa нашего научно-изслѣдовательнаго умонастроенiя съ начала нынѣшняго столѣтiя до 40-хъ или 50-хъ годовъ. Во главѣ этого историко-археологическаго и филолого-библiографическаго настроенiя и воспитанiя умовъ стоятъ такiе воскресители и истолкователи древностей, старины, какъ Миллеръ, Шлецеръ, Тунманъ, Кругъ, Куникъ, Эверсъ, Розен-

---

†) «Ист. моск. унив.», 350—351.

кампфъ, Карамзинъ, Востоковъ, кіевск. митр. Евгеній, протоір. Іоаннъ Григоровичъ, русскій Шафарикъ славянистъ проф. Григоровичъ, Калайдовичъ, Строевъ, Бередниковъ, Каченовскій, Малиновскій, Тимковскій, Давыдовъ, Маттеи, Бекетовъ, Погодинъ, Болдыревъ, Крюковъ, Кубыревъ, новѣйшіе классики—Леонтьевъ, Катковъ и множество другихъ—учениковъ и послѣдователей ихъ. Меценатами этого сонма тружениковъ археолого-историковъ, ревнителями и покровителями этого историко-археологическаго и филолого-библіографическаго умственнаго углубленія въ древности славяно-русскія и греко-римскія являются графы—Муравьевъ, Уваровъ, Мусинъ-Пушкинъ, Толстой, Румянцевъ. Послѣдній особенно прославился во главѣ этого историко-археологическаго умонастроенія и изслѣдованія, такъ что всю эту историко-археологическую эпоху называли румянцевскою эпохою и имя Румянцева считали «безсмертнымъ» †). Вслѣдствіе такого историко-археологическаго настроенія духа изслѣдованія основывались: кромѣ московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, лицей и пританей классическихъ древностей, археологическое общество, археографическая коммиссія и пр., издавались: Древняя Россійская Вивліофика, археологическія записки, классико-археологическія эфемериды, библіографическіе листы, разнаго рода историко-археологическіе «Архивы», вродѣ Бѣлорусскаго архива, Сѣвернаго архива, Архива юридическихъ свѣдѣній, Русскія достопамятности, Памятники XII вѣка, Русская старина Мартынова, Полное собраніе русскихъ лѣтописей, Собраніе государственныхъ граматъ и договоровъ, Акты историческіе, Акты археографической коммиссіи и дополненія къ нимъ, Описаніе рукописей румянцевскаго музеума, Описаніе рукописей и старо-печатныхъ книгъ библіотеки графа Толстаго, Опытъ библіографіи Сопикова, Пропилеи и много другихъ многотомныхъ и мелкихъ историко-археологическихъ и библіографическихъ изданій. Подобно естественно-научнымъ экспедиціямъ предпринимались или наряжались обширныя археологическія экспедиціи или путешествія, для отысканія разныхъ славянскихъ древностей, вродѣ экспедицій Ходаковскаго, Строева и Бередникова ††). И дотого господствовало это историко-археоло-

---

†) Терещенко, «Опытъ жизнеописанія сановниковъ, управлявшихъ дѣлами въ Россіи», ч. II, стр. 257, «Чт. общ.», 1864, кн. 2, стр. 1—92: переписка протоірея І. Григоровича съ гр. Румянцевымъ, а также и митр. Евгеніемъ, вся состоящая изъ историко-археологическихъ и библіографо-филологическихъ писемъ.

††) «Вѣстникъ Европы», ч. 113, № 17 и 18.

гическое умонастроеніе, что даже въ высшемъ обществѣ главнымъ предметомъ разговоровъ были вопросы историко-археологическіе. Напр. Калайдовичъ въ запискахъ своихъ такъ характеризуетъ тогдашнія бесѣды въ обществѣ: «января 14 дня былъ я съ 9-го часу по 12-й у графа Сергѣя Петровича Румянцева. Графъ принялъ меня съ отличнымъ расположеніемъ, чего я не ожидалъ отъ столь знатнаго барина; но я не столько удивлялся сему, сколько особеннымъ его свѣденіямъ въ исторіи русской. Онъ показывалъ мнѣ Кенигсбергскаго Нестора, исписаннаго собственными примѣчаніями, между которыми я замѣтилъ, что Сѣверяне и Древляне названы отъ рѣкъ Сѣверы и Дравы, протекающихъ гдѣ-то въ Славоніи; что въ Швейцаріи есть одна деревня, ежели не ошибаюсь, при рѣкѣ Русѣ, которой жители образомъ жизни и поступками отъ тамошнихъ обывателей отличны, и кои вѣроятно зашли туда во время норманскихъ набѣговъ на Европу. Къ сожалѣнію я не могу припомнить всего нашего разговора, изъ коего содержу въ памяти, что слово куна, вѣроятно, есть попорченное: «pecunia», подобно вевѣрицѣ, взятой съ какого-то латинскаго слова; что ой дидъ и ладо, извѣстная припѣва, въ коей находятъ славянскихъ боговъ, есть ничто иное, какъ извѣстный греческій припѣвъ: ой ти тидлло, подобный вошедшему при Татарахъ ой люли, ой люли, извѣстному и теперь у нихъ и въ Турціи, и ничего не значатъ какъ и французское траллала; что Финны и теперь, указывая на забалтійскій берегъ, при вопросѣ, кто живетъ тамъ, отвѣчаютъ Русмалейнъ. Графъ предложилъ мнѣ на разрѣшеніе два сомнѣнія, находящіяся въ кенигсбергскомъ спискѣ Нестора о высаженіи Судислава изъ поруба и о томъ, что, когда Ярославъ возвратился съ мнимой побѣды надъ Болеславомъ, было ему 28 лѣтъ. Румянцевъ невѣритъ пѣсни Игоревой, почитая ее подложною, основываясь на томъ, что въ ней встрѣчается имя Солтаново, появившееся не задолго предъ XII вѣкомъ, названіе народа Венедици и мѣстоименіе который, неприличное будто-бы тому времени. О имени Солтана и Венедицъ должно справиться, а въ доказательство, что въ древнихъ сочиненіяхъ встрѣчаются слова совершенно похожія на новыя, приводилъ я Его Сіятельству слово батогъ, находящееся у Нестора по древнѣйшему Лаврентьевскому списку. Первымъ отдѣленіемъ издаваемыхъ мною «Русскихъ достопамятностей» графъ былъ очень доволенъ, и долго говорилъ о нѣкоторыхъ піэсахъ, въ ней помѣщенныхъ. Января 16 дня, отобравши 14 важнѣйшихъ книгъ, взятыхъ мною изъ синодальной библіотеки, я поѣхалъ къ графу. Графъ пріѣхалъ въ 11-мъ часу и съ любопытствомъ разсматривалъ привезенныя мною книги, изъ

коихъ особенно показались ему достойными вниманія: 1) переводъ книги Іоанна Дамаскина о небесной іерархіи, сдѣланный по всѣмъ вѣроятіямъ въ X вѣкѣ и тогда же писанный Іоанномъ, Эксархомъ Болгарскимъ. 2) Уставъ церковный, писанный, думать надобно, въ XII вѣкѣ въ Новгородѣ. 3) Четыре слова на Аріаны Аѳанасія, архіепископа александрійскаго, переводъ, къ тому же времени относящійся. 4) Шестодневъ Василія Великаго, принадлежащій къ переводамъ X вѣка Іоанна, Эксарха Болгарскаго. 5) Евангеліе, писанное въ 1144 году. 6) Опись книгъ, въ разныхъ монастыряхъ находящихся, для вѣденія при исправленіи оныхъ во время Никона. 7) Книга, писанная въ Болгаріи въ первой половинѣ XIV вѣка и содержащая статьи о письменахъ черноризца Храбра и исповѣданіе вѣры Кирилла, славянскаго учителя. 8) Библіографія, въ коей изчислены всѣ сочиненія, переведенныя на русской, рукописныя или печатныя, которыя дошли до свѣденія сочинителя, и 9) Подлинная на греческомъ языкѣ грамата объ избраніи Іова московскимъ патріархомъ. 11 февраля былъ у Н. М. Карамзина. Много переговорили; между прочимъ онъ сказалъ, что на вопросъ, предложенный гр. Н. П. Румянцевымъ: когда внесенъ въ Россію праздникъ перенесенія мощей св. Николая (мая 9)? онъ отвѣчалъ, что праздника сего нѣтъ въ греческихъ святцахъ, а въ русскія онъ внесенъ Ефремомъ, епископомъ переяславскимъ, тѣмъ самымъ, который теперь очень сдѣлался извѣстнымъ по жаркому спору о Банномъ строеніи» (упоминаемомъ у Нестора). «Это отыскано въ каталогахъ архіереевъ, находящихся при нѣкоторыхъ рукописныхъ лѣтописяхъ. Я замѣтилъ съ своей стороны, что сего праздника нѣтъ въ уставѣ церковномъ, хранящемся въ Синод. библ. и писанномъ по всѣмъ вѣроятіямъ въ XII вѣкѣ въ Новгородѣ, между тѣмъ какъ онъ помѣщенъ въ Евангеліи, тамъ же хранящемся — 1144 года и писанномъ, кажется, близъ Дуная. Н. М. замѣтилъ, что въ 1-й изданной части государственныхъ граматъ и договоровъ находится одна грамата, данная В. К. Василіемъ Іоанновичемъ Смолнянамъ по взятіи сего города будто 1-го дня, не припомню мѣсяца, но Смоленскъ сдался ҃л (30) числа. Ошибка вѣроятно произошла отъ того, что лѣвая черта буквы люди изгладившись была похожа на 1. Въ заключеніе Н. М. просилъ меня поискать въ греческихъ и старыхъ русскихъ требникахъ молитвы при постриженіи волосъ. 13-го февраля: отъ Романа Ѳеодоровича Тимковскаго я возвращаюсь всегда съ новыми силами, съ новымъ стремленіемъ къ русскимъ древностямъ. Проф. Тимковскій показывалъ мнѣ слово паломникъ въ 3 ч. продолж. Древн. Росс. Вивл., изд. въ С.-Петерб.

въ статьѣ: Уставъ Владиміра, въ числѣ церковныхъ людей. Въ изданіи сей піэсы, помѣщенной Новиковымъ въ Древн. Росс. Вивл., вмѣсто паломникъ напечатано нищій. Р. Ѳ. производитъ сіе слово отъ ломоть съ соединеніемъ предлога по (или па), какъ человѣка питающагося мірскимъ подаяніемъ. Онъ отыскалъ для меня мѣсто о смерти Симеона 1-го, тверскаго епископа, котораго я недавно отыскалъ отвѣтъ, данный полоцкому князю Константину. Смерть сего епископа упоминается въ Никон. Лѣтоп. подъ 1288 годомъ.

Въ русскомъ времен., при описаніи Ледскаго пораженія при Алекс. Яросл. Невскомъ, упоминаются шкуны, бывшіе у нѣмцевъ). Прощаясь, г-нъ профессоръ очень желалъ, чтобы я приготовилъ до отъѣзда, который свершится или нѣтъ, вторую часть издаваемыхъ мною русскихъ достопамятностей, и скорѣе отпечаталъ первую. Онъ по своей ко мнѣ дружбѣ беретъ на себя трудъ изданія второй книги. Г-нъ Тимковскій просилъ меня написать къ гр. А. П. М. Пушкину, чѣмъ онъ руководствовался при объясненіи пѣсни Игоревой, и почему такъ, а неиначе нѣкоторыя слова? вѣрно ли напечатана рукопись и не дѣлано ли какихъ перемѣнъ, ибо замѣчено, что въ ней не соблюдено правописаніе? какъ поступали издатели при знакахъ препинанія? почему слово Олегъ поставлено въ скобкахъ и другія? еще нѣсколько вопросовъ, въ разсужденіи сего несравненнаго сочиненія, онъ обѣщалъ мнѣ доставить письменно. 19 февраля обѣдалъ я у Н. М. Карамзина и съ большимъ удовольствіемъ, какъ и всегда, провелъ время въ сладостной съ нимъ бесѣдѣ. Я привозилъ ему два древнихъ требника, переведенные съ греческаго, — извѣстный Ѳеогностовъ и другой, хранящійся въ одной съ первымъ Синод. библ. въ 4° подъ № 552, въ коихъ помѣщена молитва на постриганіе волосъ, по крещеніи. 20 февраля былъ я у графа Сергѣя Петровича и просидѣлъ отъ 11 часу до 3-хъ. Много переговорили. Его сіятельство показывалъ мнѣ свои выписки народныхъ обычаевъ, взятыя изъ житій святыхъ отцовъ, описанныхъ въ Патерикѣ печерскомъ; очень любопытны потому, что на сей предметъ историки наши мало обращаютъ вниманія. Читая въ лѣтописяхъ описаніе нравовъ своего народа, они совсѣмъ не замѣчаютъ явнаго несходства съ нынѣшними. Между прочимъ изъ одного мѣста, въ которомъ упоминается, что какой-то архіерей, чтобы скорѣе поспѣть къ освященію церкви печерской, гна борзо на конѣ, онъ открываетъ, что духовныя особы въ то время ѣзжали верхами. Въ жизни Ѳеодосія, игумена печерскаго, упоминается, что сей преподобный, однажды ѣдучи отъ князя, самъ сѣлъ на конь, между тѣмъ какъ отрокъ, должный бы сидѣть на лошади, покоился въ те-

лежкѣ; слѣдовательно, въ то время ѣзжали точно такъ, какъ нынѣ чухна, замѣчаетъ графъ Румянцевъ. 21 февраля былъ я утромъ у професс. Тимковскаго. Разговаривали о новомъ сочиненіи: Краткое разсужденіе объ изданіи полнаго собранія русскихъ Дѣеписателей, помѣщенномъ въ 7 № «Сына Отечества» 1814 года. 22 февраля обѣдалъ я у Василья Назарьевича Каразина. Мы съ нимъ согласны въ словесности, а въ его предметы я рѣдко вступаюсь. 24 февраля. Дм. Н. Б. Каменскій показывалъ мнѣ записную книжку своего отца, которую А. Ѳ. Малиновскій хотѣлъ причислить къ архивской библіотекѣ... Въ ней я замѣтилъ, что въ Архив. столбцахъ часто встрѣчается такая подпись $\frac{З}{П}\big|\frac{Д}{В}$, значащая: За приписью Дьяка Прокопья Возницына. 25—былъ я утромъ на короткое время у графа С. П. Румянцева. Говорили о 1-й части трудовъ Историческаго Общества, доставленной ему мною. Къ числу прежнихъ сомнѣній подлога пѣсни Игоревой графъ привелъ, что образъ богоматери, привезенный Пирогощею, въ 1160 году перенесенъ былъ изъ Кіева во Владиміръ (какъ сказано въ примѣчаніи издателей), то какъ Игорь Святославичъ, возвратившійся въ 1185 году изъ плѣна половецкаго, могъ идти молиться въ Кіевъ Богородицѣ Пирогощей? Самое рожденіе его въ 1151 году еще болѣе сіе запутываетъ. Я, не могши ничего припомнить, согласился было съ нимъ, но г. Карамзинъ, съ коимъ я на другой день видѣлся, сказалъ мнѣ, что все сомнѣніе графа произошло отъ смѣшенія двухъ различныхъ иконъ, Пирогощиной и писанной евангелистомъ Лукою, коей перенесеніе изъ Кіева должно дѣйствительно полагать въ 1160 году, что не противно будетъ неподверженному сомнѣнію мѣсту сему въ пѣсни Игоревой. Это должно изслѣдовать. Графъ замѣтилъ, что икона, выдаваемая въ моск. Успенскомъ соборѣ за письмо евангелиста Луки, писана маслеными красками, между тѣмъ какъ искусство сіе появилось гораздо позже въ Италіи. Графъ простился со мною, снова давши слово сдѣлать все, что отъ него зависитъ въ Петербургѣ, въ мою пользу. 6 марта былъ я у профессора Тимковскаго. Разговоръ перешелъ къ любимой матеріи. Г-нъ Тимковскій повторилъ свою просьбу о Даніилѣ (заточникѣ); я отвѣчалъ, что уже давно писалъ о семъ къ Евгенію. Онъ, между прочимъ, сказалъ мнѣ новое, что въ какой-то лѣтописи имъ найдено извѣстіе о поученіи Владиміра Мономаха дѣтямъ своимъ. Р. Ѳ. находитъ описаніе портрета Святославова очень невѣрно переведеннымъ, а объясненнымъ еще хуже. Я просидѣлъ у профессора отъ 5-го часа полдня до 11-го. Онъ угостилъ меня... по-профессорски. Обѣдалъ съ Дм. Н. Б. Каменскимъ у князя... Трубецкаго, добраго и прямодушнаго чело-

вѣка, котораго любезные дѣти служатъ при Архивѣ, а княгиня любитъ исторію—особенно русскую и хорошо о ней судитъ. 17 марта, на именинахъ у Малиновскаго, между гостями шла такая же живая бесѣда о древностяхъ. Николай Михайловичъ Карамзинъ сказывалъ, что у него былъ Капнистъ; разговаривая о старинѣ, Капнистъ, между прочимъ, замѣтилъ,—сказывалъ Карамзинъ,—что у грековъ «славяне» оттого назывались Σκλαβηνοι, что они не могли выговаривать слога сла. 11 октября былъ я у Р. Ѳ. Тимковскаго. Въ разговорѣ о «рѣкахъ» онъ замѣтилъ, что во многихъ изъ нихъ видно славянское названіе, напр., «Днѣпръ» означаетъ «прющее дно» (что и справедливо), «Двина» имѣетъ началомъ своимъ глаголъ «двинуть», «Десна» сокращено вмѣсто «десная», лежащая вправо отъ Кіева и пр. Г. профессоръ, занимаясь уже нѣсколько времени разборомъ филологическимъ пѣсни Игоревой, сдѣлалъ весьма важное открытіе, нашедши другое подобное сочиненіе. Это есть пѣснь о побѣдѣ Димитрія Донскаго надъ Мамаемъ, найденная имъ въ одной книгѣ, содержащей много піэсъ историческихъ. Начинается она воззваніемъ къ неизвѣстному лицу, можетъ быть сочинителю пѣсни Игоревой такимъ образомъ: Повѣдай Уранъ, оканчивается: а Владиміръ есть глава всѣмъ градомъ русскимъ. 19 октября былъ я у графа С. П. Румянцева утромъ и просидѣлъ часа три. Говорилъ ему о новомъ открытіи, онъ не вѣрилъ. Онъ говорилъ мнѣ, что походъ Игоря на половцевъ описанъ піитически и у Татищева. Говоря объ исправленіи въ нашихъ церковныхъ книгахъ, онъ замѣтилъ, что вмѣсто понтійскаго Пилата въ символѣ вѣры должно поставить: Pilatus Pontius. Пораженіе княземъ Димитріемъ Мамая онъ называетъ стычкою и Пересвѣта и Ослябя относитъ къ бабьимъ сказкамъ. Странно! Объ Славянахъ разсказываетъ, что они всегда были данниками другимъ народамъ и какъ рабы таскались вслѣдъ за Ермарикомъ, сопутствовали какъ рабы бичу Атиллы, повиновались Аварамъ, снесли пораженіе Варягъ, были подъ игомъ Татарскимъ, а далѣе были жертвою Польскихъ нападеній. Хотя это и справедливо, но не должно писать такимъ образомъ Исторію Отечества. Славяне—говоритъ онъ — не имѣли у себя извѣстныхъ вождей, между тѣмъ какъ ихъ имя слышно по всей трети Европы. 19 октября обѣдалъ у Н. М. Карамзина. Говорилъ ему о новомъ открытіи: оно ему нѣсколько извѣстно, но видно изъ другаго неполнаго списка. Г. Карамзинъ сказывалъ мнѣ, что онъ нашелъ у графа Толстаго весьма важный псковскій лѣтописецъ, простирающійся далѣе всѣхъ ему извѣстныхъ, и писанный въ XVI вѣкѣ. Николай Михайловичъ подарилъ мнѣ экземпляръ своего

стихотворенія «Освобожденіе Европы»,—слабое произведеніе, не достойное имени Карамзина, въ коемъ одно только предисловіе сносно. Н. М. много словъ находящихся въ пѣсни Игоревой встрѣчаетъ въ найденной имъ волынской лѣтописи. 23 октября былъ у Р. Ѳ. Тимковскаго. Г. профессоръ просилъ меня приложить всѣ старанія о сысканіи другаго списка Пѣсни о побѣдѣ Димитрія и объ изъясненіи семи словъ для него непонятныхъ въ пѣсни Игоревой: 1) зегзица, 2) ортьма, 3) папорози, 4) стрикусы, 5) тлековица и 7) шереширы. Также онъ желалъ бы имѣть вѣрное извѣстіе о Плѣнскѣ (Плѣсньскѣ), — стр. 23 «врани възграяху у Плѣсньска у дебри Кисани»,—и Дудуткахъ, бывшихъ гдѣ-то близъ Новгорода: «Всеславъ съ Дудутокъ пустился, какъ волкъ до Немиги». 23 октября былъ я у Н. М. Карамзина. Онъ на радостяхъ; у него родился сынъ Андрей: Николай Михайловичъ показывалъ мнѣ рукописную лѣтопись синодальной библіотеки, въ коей помѣщено описаніе сраженія кн. Димитрія съ Мамаемъ, сходное съ найденнымъ профессоромъ Тимковскимъ. Только въ немъ пропущены первыя слова: Повѣдай Уранъ, и послѣднія о Владимірѣ, и не находятся лучшія піитическія мѣста» †).

Справедливость требуетъ сказать, что это почти полустолѣтнее историко-археологическое и филолого-библіографическое направленіе русской мысли и изслѣдованія, поглотившее много умственнаго энтузіазма, энергіи и талантовъ, открыло въ архивахъ русскихъ древностей и разработало много богатыхъ матеріаловъ для нашего историческаго самопознанія и было многотрудной и достопамятной предуготовительной работой для будущихъ историко-соціологическихъ изслѣдованій и работъ. Это былъ первый благотворный результатъ интеллектуальной реформы Петра Великаго, зародышъ и признакъ интеллектуальнаго возрожденія русскаго народа и пробужденія русской мысли — сознаніе потребности всесторонняго, основательнаго, критическаго самопознанія. Рядомъ съ иниціативой физико-географическаго, естественно-историческаго и физіолого-этнологическаго самопознанія Россіи, блистательно исполненной естественно-научными экспедиціями Мессершмидта, Беринга, Штеллера, Гмелина, Крашенинникова, Палласа, Фалька, Георги, Лепехина и т. д., рядомъ съ разработкой матеріаловъ для нашего естественно-историческаго самопознанія,—необходима была энергическая и всесторонняя разработка и

---

†) «Лѣтоп. рус. литер. и древн.» 1859—60 г. кн. 6. Записки Калайдовича, 81—113.

матеріаловъ для нашего соціально-историческаго и историко-этнографическаго самопознанія. Въ то время, какъ Мессершмидты, Гмелины, Палласы, Лепехины и пр. изслѣдовали физико-географическую и физико-этнографическую среду нашего интеллектуальнаго развитія, — въ то же время Миллеры, Шлецеры, Карамзины, Тимковскіе, Калайдовичи, Востоковы и др. должны были изучать историческія условія нашего умственнаго и общественнаго развитія. Да тогда и силы юной русской мысли еще не созрѣли до самостоятельной разработки другихъ, наиболѣе многотрудныхъ и многосложныхъ вопросовъ знанія, какъ напр. высшихъ вопросовъ физико-математическаго естествоиспытанія. Юная научная мысль русскаго народа съ самаго начала и естественно должна была преимущественно сосредоточить свои незрѣлыя силы на болѣе легкихъ работахъ и изысканіяхъ, каковы изслѣдованія историко-археологическія. Но, при всемъ томъ, есть, съ другой стороны, и невыгодная сторона въ этомъ слишкомъ долговременномъ и крайне одностороннемъ направленіи нашей прежней умственной дѣятельности. Оно даже доведено было у насъ до степени болѣзненной, почти психопатической умственной мономаніи. Да и самое направленіе историко-археологическихъ работъ и изысканій основано было на односторонней, узкой идеѣ, и потому во многихъ отношеніяхъ было ошибочно и не вполнѣ плодотворно. Вопервыхъ, надобно замѣтить то, что и собственно въ сферѣ нашего историко-національнаго самопознанія, историко-археологическое направленіе изслѣдованія и мышленія, чуждое реальнаго, естественно-научнаго метода, лишенное прочныхъ естественно-научныхъ основъ, было односторонне, малосильно, малоплодно, и даже часто ложно. Оно и само не имѣло прочныхъ, реальныхъ основъ, не оживлялось и не проникалось идеями точнаго, положительнаго мышленія, знанія и міросозерцанія, да и въ цѣлыхъ поколѣніяхъ историко-археологическаго воспитанія и направленія большею частію подавляло, убивало и то реальное мышленіе и міросозерцаніе, какое хотя понемногу вырабатывалось подъ вліяніемъ естественныхъ и математическихъ наукъ. Въ частности, долговременная, можно сказать, столѣтняя разработка у насъ историко-археологическихъ матеріаловъ не подготовляла прочной почвы для разработки точнаго историко-соціологическаго и историко-этнологическаго самопознанія нашего, которое должно быть основано на точныхъ началахъ и законахъ естествознанія, выработано при помощи естественныхъ наукъ, или по методу естественно-научному. Совершая нумизматическія и археологическія экспедиціи для разрытія древнихъ могилъ, роясь въ архивахъ, подвалахъ и монастырскихъ книгохранилищахъ, копаясь въ кур-

ганахъ, отыскивая рукописи какъ-бы для самыхъ рукописей, русскіе археологи, безъ свѣточа и указанія естественныхъ наукъ, не могли, да и не догадывались вовсе изучать, изслѣдывать, напр. подобно Брока́ или Богданову, по вѣкамъ, по мѣстностямъ и по племенамъ сравнительную краніологію, краніометрію, этнологію, антропологію. Они и не догадывались и не могли изслѣдовать этихъ естественно-историческихъ и физико-этнологическихъ источниковъ и лѣтописей русской исторіи — краніологическихъ и анатомическихъ матеріаловъ, заключающихся въ древнихъ курганахъ и кладбищахъ. Равнымъ образомъ они не догадывались изслѣдовать подробно древней естественной исторіи и географіи русской земли, особенно не изслѣдовали напр. древне-русской фауны или зоологіи, древне-русской гидрографіи, естественно-историческихъ или геологическихъ измѣненій поверхности русской земли, рѣчныхъ береговъ, географическаго распредѣленія лѣсовъ, озеръ, болотъ и т. п.; исторіи болѣзней и медицины и пр. Въ самомъ началѣ XIX столѣтія въ харьковскомъ университетѣ высказана была мысль о родствѣ историческихъ наукъ съ естественными, и учители всеобщей исторіи обязаны были изучать естественныя науки, такъ же какъ учители политической экономіи и философіи должны были слушать физику †). Но односторонній, буквоѣдный археологизмъ, въ связи съ мистико-философскимъ или схоластико-метафизическимъ идеализмомъ, заглушилъ и эту счастливую мысль. Вслѣдствіе этого въ настоящее время натуралистъ, анатомъ, какъ напр. г. Богдановъ, совершенно вновь и впервые начиная разрабатывать и изучать напр. краніологію курганнаго племени въ Россіи и, приэтомъ цитируя замѣчанія Брока объ этнологической краніологіи, невольно долженъ былъ съ нѣкоторымъ упрекомъ сказать нашимъ археологамъ и историкамъ: «эти цитаты я привожу не для антропологовъ, для которыхъ онѣ выражаютъ самую элементарную и давно извѣстную истину, но для археологовъ, между которыми встрѣчаются и теперь еще, даже между замѣчательными учеными, такіе, которые считаютъ значительное число череповъ излишнею роскошью... Я убѣжденъ, что собранный мною краніологическій матеріалъ для курганнаго періода въ московской губерніи заинтересуетъ своею полнотою и новизною антропологовъ; но мнѣ хотѣлось бы окончить эту замѣтку, что эта коллекція (череповъ московскаго курганнаго племени) и хотя не многіе

†) Сухомл. «Мат. для истор. просв. въ Россіи» въ «Ж. м. н. пр.» 1865 г. октябрь.

приведенные здѣсь факты также получатъ нѣкоторое значеніе и въ глазахъ историковъ, и что они не откажутся принять на первыя страницы московской исторіи курганное племя; это сдѣлать имъ тѣмъ легче, что вѣдь эти страницы остаются до сихъ поръ чистыми и нетронутыми» †). Точно также Бэръ и Шифнеръ въ своей замѣткѣ «о собираніи доисторическихъ древностей въ Россіи для этнографическаго музея» выразили такой, совершенно справедливый упрекъ нашимъ прежнимъ археологамъ за пренебреженіе историко-антропологическими и палеонтологическими изслѣдованіями въ Россіи: «что касается Россіи,—говорятъ они,—то у насъ со временъ Карамзина ревностно занимаются тою частію отечественной исторіи, которая основывается на письменныхъ памятникахъ; но колыбель нашей народной жизни, все то, что предшествовало письменности, представляетъ еще сырой, неразработанный матеріалъ. Разрывались у насъ курганы, писались объ нихъ всевозможные отчеты; но дѣло въ томъ, что во 1-хъ всѣ эти отчеты не подведены подъ общія точки зрѣнія, а во 2-хъ нѣтъ общаго и достаточно обширнаго собранія всѣхъ родовъ найденныхъ доисторическихъ предметовъ. Такіе предметы, если они не состоятъ изъ благородныхъ металловъ, часто даже и не сберегаются или по крайней мѣрѣ не вносятся въ общее собраніе. У насъ даже не рѣшено, какъ называть тѣ или другіе предметы. Между тѣмъ всѣ тѣ изъ иностранныхъ ученыхъ, которые серьезно интересуются изслѣдованіемъ древнѣйшей исторіи человѣческаго рода, ждутъ съ нетерпѣніемъ возможно полныхъ извѣстій изъ Россіи, послужившей переходною станціею для древнѣйшихъ образовательныхъ началъ» ††). Не сдѣлавши такимъ образомъ вполнѣ удовлетворительной и плодотворной разработки историко-археологическихъ матеріаловъ, вслѣдствіе своего односторонняго направленія и отсутствія естественно-научнаго метода, — долговременное преобладаніе историко-археологическаго умонастроенія и мышленія, научныхъ работъ и изслѣдованій, и вообще, было не выгодно для интеллектуальнаго развитія русскаго общества. Можно даже сказать, что все это полустолѣтнее преобладающее историко-археологическое направленіе научныхъ работъ и изслѣдованій, сравнительно съ современнымъ ему движеніемъ естествоиспытующаго разума западной Европы, въ сравненіи съ современными ему открытіями и изслѣдованіями, начиная съ Лавуазье, Лапласа, Уатта, Кювье до Гумбольдта, Дарвина, Либиха и пр.,

---

†) «Натур.» 1866 г. № 15 и 16: кург. племя моск. губ. г. Богданова.

††) «Записки акад. наукъ» 1862, т. I, кн. I, стр. 119—120.

было даже въ нѣкоторомъ отношеніи археологическимъ застоемъ общественнаго интеллектуальнаго развитія, не экономнымъ расходомъ и тратой умственныхъ силъ, археологическимъ воспитаніемъ умовъ въ духѣ древностей, старины, стараго до-петровскаго міросозерцанія. Не даромъ славянофильство развилось и окрѣпло въ это время, особенно со времени управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія Шишкова, который требовалъ, чтобы въ учебныхъ заведеніяхъ, вмѣсто развитія научнаго мышленія, «высокій славянскій языкъ» и классическо-россійская словесность повсемѣстно были вводимы и одобряемы. Исключительно историко-археологическое направленіе научныхъ изслѣдованій мало развивало въ молодыхъ поколѣніяхъ силу научнаго мышленія, научной интеллигенціи, не выработывало въ умахъ молодыхъ поколѣній точнаго положительнаго міросозерцанія, реальнаго и положительно-критическаго мышленія. Напротивъ, оно больше воспитывало и развивало въ нихъ память, и притомъ большею частію только пассивно-археологическую, рабскую память древности, старины, безъ раціональной, разсудочной критики давно-отжившихъ принциповъ этой древности и старины. Такимъ образомъ, ультра-археологическое воспитаніе и настроеніе умовъ молодыхъ поколѣній, отвлекая ихъ отъ свѣтлаго горизонта естественно-научнаго міросозерцанія, отъ положительнаго, физико-математическаго, реальнаго мышленія и всецѣло унося и посвящая ихъ въ темную, безжизненную, мертвую область до-исторической миѳологіи и исторической археологіи, не раскрывая приэтомъ даже никакой органической, живой связи давно прошедшей древности съ настоящимъ міромъ,—невольно отодвигало, такъ сказать, и общественную умственную жизнь и мыслительность назадъ, въ археологическій мракъ старины, воспитывало общественное умонастроеніе въ духѣ старины, традиціи, преданія и древняго міросозерцанія, замыкало умы въ душную, мертвящую темницу давно прошедшаго, давно отжившаго преданія старины, отвлекая ихъ отъ свѣта новыхъ открытій, отъ животрепещущаго движенія, развитія и жизнедѣятельности естествоиспытательнаго разума. Недаромъ прежніе археологи, зная какъ пять пальцевъ напр. то или другое мѣсто въ древнемъ рукописномъ требникѣ, или окладъ Мстиславова евангелія, либо «банное строеніе», упоминаемое въ лѣтописи Нестора и т. п., большею частію ничего не хотѣли знать о новѣйшихъ открытіяхъ въ области естественно-научнаго прогресса. Недаромъ они умственно оставались въ древности, какъ одинъ русскій церковный историкъ—старецъ второй половины XVIII столѣтія, «яко старикъ, остававшійся при старыхъ дѣлахъ.» Даже такихъ передовыхъ

писателей, какъ Карамзинъ, занимали больше, «великіе мужи грамматики», чѣмъ дѣйствительно великіе мужи естествоиспытанія—Лавуазье, Кювье, Уаттъ, Гумбольдтъ, Риттеръ, Либихъ. Вмѣсто того, чтобы отдаться всѣми своими молодыми силами изученію всего того, что тогда живило, двигало и развивало европейскую мысль и жизнь, умы русскіе съ полнѣйшимъ увлеченіемъ занимались, напр., «филологическими догадками о происхожденіи слова «красный», производя его отъ латинскаго слова «grăciae», «историческими справками о крестныхъ ходахъ въ Новодѣвичій монастырь», археологическими находками, вродѣ «набалдашника съ булавы» и т. п., или ихъ занимало и они сообщали публикѣ, для назиданія, «нѣчто о долгихъ и короткихъ слогахъ, о русскихъ гексаметрахъ и ямбахъ», «нѣчто о прошедшихъ временахъ глаголовъ и, какъ костырь, исписывали цѣлыя книги о буквахъ ъ и ѣ» и т. д. †). Наконецъ, ультра-археологическое и палеографическое направленіе умовъ, подавляя въ молодомъ поколѣніи даже и естественное реальное умонастроеніе, природную естественно-научную любознательность, создавало странные археологически-интеллектуальные типы, обращая въ археологовъ молодыхъ людей, рожденныхъ быть естествоиспытателями. Таковъ, напр., былъ знаменитый въ лѣтописяхъ археологіи Калайдовичъ, потомъ умственно разстроившійся. Археологизмъ, можно сказать, заѣлъ, забилъ въ немъ природный естествоиспытательный талантъ. Въ запискѣ, составленной однимъ изъ сотоварищей и сверстниковъ Калайдовича по университету, сказано: «духъ любознательности обнаруживался въ немъ еще въ юности. Замѣчательное почему-нибудь ископаемое или насѣкомое, игра природы (lusus naturae), старинная книга или деньга, надгробные памятники—все возбуждало въ немъ любопытство. Онъ занимался минералогіею, ходилъ по берегамъ Москвы рѣки, собиралъ окаменѣлости, имѣлъ гербаріумъ и, вмѣстѣ съ братомъ, составилъ зоологическій кабинетъ, подъ названіемъ Collectio insectorum provinciae mosquensis... Но къ положительнымъ наукамъ и къ изученію иностранныхъ языковъ онъ не прилагалъ особеннаго старанія, что впослѣдствіи много затрудняло его. Это онъ самъ чувствовалъ въ археологическихъ изслѣдованіяхъ... Не столько повинуясь понужденію, онъ, казалось, самъ искалъ предназначеннаго ему поприща, наконецъ нашелъ его и со славою прошелъ по нему» ††). И какое же было это предна-

†) «Вѣстн. Европы», ч. 8, № 7, стр. 200—212, ч. 36, № 23, стр. 199, ч. 124, № 14 и 16, ч. 100, № 15, ч. 130, № 13.

††) «Чт. общ.» 1862 г. кн. III, стр. 9—10.

значенное поприще, на которое увлекло замѣчательный талантъ Калайдовича господствовавшее тогда историко-археологическое умонастроеніе, заглушивши въ немъ первоначальное естественное влеченіе къ естественно-научнымъ изслѣдованіямъ? Вмѣсто открытій въ области естествознанія, которыми, быть можетъ, могъ бы ознаменоваться такой сильный умъ, какъ умъ Калайдовича, вслѣдствіе невольнаго увлеченія его господствующимъ потокомъ археологическаго направленія,—лѣтопись русской археологіи и библіографіи возвѣщала ученому міру, какъ о величайшихъ открытіяхъ, составляющихъ эпоху въ исторіи умственнаго развитія въ Россіи, объ открытіи Калайдовичемъ, напр., въ 1813 г. твореній Іоанна Экзарха Болгарскаго, а также твореній Кирилла Туровскаго, приписки на апостолѣ изъ слова о полку Игоревѣ и пр.; изданіе твореній Іоанна Экзарха Болгарскаго названо было «знаменитымъ произведеніемъ», за которое Калайдовичъ осыпанъ былъ привѣтственными письмами отъ корифеевъ археологіи и палеографіи, пожалованъ даже изъ Дворца золотою съ живописью на финифти табакеркою, брильянтовымъ перстнемъ съ цвѣтнымъ камнемъ и пр. †). Когда мы это говоримъ, то отнюдь не хотимъ уронить весьма важныхъ въ своей области заслугъ замѣчательнаго историко-археологическаго таланта Калайдовича: онъ открылъ, издалъ и разработалъ необходимые источники и для будущихъ изслѣдованій по русской исторіи. Но мы хотимъ сказать только то, что господствовавшій тогда археологизмъ убивалъ въ талантахъ и природную наклонность къ естествознанію. Нѣкоторые профессора-натуралисты бросали занятіе естественными науками и, увлекаясь общимъ умонастроеніемъ, предавались историко-археологическимъ изысканіямъ. Напр. профессоръ Максимовичъ, въ Москвѣ занимавшійся, по его собственнымъ словамъ, естествознаніемъ, при неизмѣнной помощи философіи,—въ Кіевѣ, увлеченный общимъ потокомъ, страстно предался археологіи и словесности, занялся съ особеннымъ умственнымъ углубленіемъ разборомъ старинныхъ памятниковъ, особенно слова о полку Игоревѣ, рѣшеніемъ историко-археологическихъ вопросовъ, вродѣ того: «откуда идетъ русская земля?» ††). Вообще, чрезмѣрное увлеченіе археологіею, какъ славяно-русскою, такъ и классическою, подавляло развитіе реальнаго мышленія и, увлекая умы въ область прошедшаго, въ область древности,

---

†) Матеріалы для жизнеоп. К. Ѳ. Калайдовича—«Чт. общ.» 1862 г. кн. III, стр. 1—208.

††) Шульгинъ, 157—158.

питало память и уму сообщало археологическое, антикварное настроеніе. «Учащіеся—по выраженію плана университета 1787 года—напитывались духомъ древняго міра, привыкали дышать съ древними и подобно имъ» †). Классическій греко-латинскій археологизмъ, уже совершенно отрѣшенный отъ жизни и умственныхъ интересовъ русскаго народа, въ особенности питалъ только память, воображеніе и эстетическое чувство, эксплуатировалъ реальное мышленіе и изслѣдованіе и создавалъ самые странные, даже уродливые умственные типы археолого-классическіе. Таковъ напр. былъ Якубовичъ, профессоръ греческихъ и римскихъ древностей въ кіевскомъ университетѣ. Высокій, сухой, дряхлый старикъ, съ рѣдкими сѣдыми волосами и безпрестанно мигающими глазами, онъ совершенно преображался и приходилъ въ юнѣйшій энтузіазмъ, чуть только заходило дѣло о какомъ-нибудь древнемъ словѣ или оборотѣ римскаго писателя, о какомъ-нибудь варіантѣ стиха Виргиліева или Гораціева. Тутъ вся фигура его приходила въ судорожное движеніе и слова лились рѣкою, погоняя другъ друга. Изсушивъ свой умъ въ классико-археологической мертвечинѣ, онъ и въ молодомъ поколѣніи студентовъ и даже въ своемъ любимомъ сынѣ воспитывалъ только классико-археологическую память. Положительныхъ свѣдѣній изъ его грамматическихъ и филологическихъ лекцій студенты, по словамъ Шульгина, вынесли не много. Потерявъ любимаго сына, старый археологъ-классикъ, обливаясь слезами, говорилъ: «что за мальчикъ былъ! 12 лѣтъ зналъ наизустъ двѣ книги Энеиды!» ††) Вотъ какіе типы воспитывались господствомъ археологическаго направленія въ университетскомъ образованіи. Не говоримъ уже о томъ, какъ такое археологическое воспитаніе и направленіе русскихъ умовъ, развивая больше память старины, чѣмъ живое научное мышленіе, порождало полное забвеніе нетолько животрепещущихъ вопросовъ современныхъ естественныхъ наукъ и открытій, но и всѣхъ животрепещущихъ вопросовъ современной жизни политической, экономической и народной, погребая умы въ четырехъ стѣнахъ археологическихъ кабинетовъ, въ сводахъ архивовъ, въ подвалахъ и чердакахъ библіотекъ древнихъ монастырей и пустыней. Въ особенности, отжившій классицизмъ, пріучая «дышать съ древними и подобно имъ», отучалъ дышать и жить новою, современною умственною жизнью, порождалъ «мертвыя души», негодныя для живаго современ-

---

†) Сухомлин., «Матер. для ист. просв. въ Россіи», 56.
††) Шульг., 121.

наго дѣла, для животрепещущей реальной современности, училъ — держась за древнихъ—отставать отъ усвоенія новыхъ, безпрерывно возрастающихъ животрепещущихъ идей, потребностей и силъ живаго, современнаго прогресса. Сосредоточивая умы на изученіи этихъ лингвистическихъ окаменѣлостей—«мертвыхъ языковъ», классицизмъ отвлекалъ отъ изученія живыхъ новыхъ языковъ — этихъ живыхъ силъ и дѣйствующихъ орудій современной и будущей цивилизаціи, отвлекалъ отъ изученія живыхъ, могущественно-прогрессивныхъ произведеній современнаго разума. Уча мыслить идеями Платона, Аристотеля, Цицерона и пр., классицизмъ разучалъ мыслить своимъ природнымъ умомъ, разучалъ мыслить согласно съ идеями Гумбольдтовъ, Дарвиновъ, Тиндалей, Вирхововъ, Гельмгольцевъ, Контовъ, Боклей, убивалъ естественное, свободное и живое саморазвитіе мышленія, убивалъ жизнь и творчество свободной, самостоятельной мысли. Уча дѣйствовать, какъ дѣйствовали Периклы, Демосѳены, Платоны, перипатетики, классицизмъ разучаетъ быть современными гражданами дѣятелями, создаетъ только Максиміліановъ, Юрьевичей, Якубовичей и Катковыхъ, а не Уаттовъ и Аркрайтовъ, не Лассалей и Шульце-Деличей, внушаетъ идеи не реальныхъ политехническихъ школъ, а идеи классическихъ Пританеевъ и Ликеевъ и т. п. «Nous sçavons dire: Cicero dict ainsi! Voià les moeurs de Platon! Ce sont les mots mesmes d'Aristotel! Mais nous, que disons nous mesmes? que jugeons nous? que faisons nous? Autant en dirait bien un perroquet.» Эти слова, сказанныя Монтанемъ †) давно, во время близкое къ возстановленію и распространенію классицизма, еще болѣе идутъ къ нашему времени и, въ частности, къ нашимъ учителямъ и гражданамъ-классикамъ.

Далѣе, точно также и такъ-называемыя эстетическія науки развивали преимущественно воображеніе, большею частію ложный, эстетическій вкусъ, фантастическое и идеалистическое направленіе мысли, и подавляли естественное, натуралистическое развитіе реальнаго мышленія и реальной критики. Такое воспитательное значеніе имѣли напр. въ университетахъ: «Піитика и теорія поэзіи», преподававшаяся Мерзляковымъ въ московскомъ университетѣ съ 1813 г. до половины 1830 г.; «Эстетика и эстетическая археологія», или теорія и исторія изящныхъ искусствъ, читанная съ 1814 до 1817 г. Каченовскимъ по Эшенбуру,

†) «Essais», l. I. chap. 24: «мы только умѣемъ говорить: такъ сказалъ Цицеронъ! Вотъ обычаи Платона! Таковы подлинныя слова Аристотеля! Но мы сами, что скажемъ мы? Какъ мы думаемъ? Что мы дѣлаемъ? А то можетъ сказать и попугай.»

Зульцену и Милленю, потомъ Гавриловымъ съ 1825 до 1835 г. съ прибавленіемъ эстетической археологіи по Винкельману; «теорія поэзіи и теорія краснорѣчія» Давыдова (съ 1830 г.); «теорія поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ» Шевырева; лекціи о народной поэзіи и словѣ о полку Игоревѣ—Максимовича, который, по словамъ Шульгина, умѣлъ внушить слушателямъ любовь къ прекрасному и дѣйствовалъ на эстетическое развитіе молодыхъ людей †). Въ проектѣ харьковскаго университета предполагалось даже учрежденіе особаго факультета, подъ названіемъ «Отдѣленіе изящныхъ художествъ» ††). Эстетика преподавалась даже въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Тамъ, при крайнемъ недостаткѣ и даже почти совершенномъ отсутствіи физико-математическихъ наукъ, эстетика, въ связи съ мистико-идеалистической и схоластико-метафизической философіей, совершенно забивала реально-раціональное мышленіе. Въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ эстетику преподавали даже монахи. Такъ архимандритъ Леонидъ (1811 — 1813) начерталъ подробную программу эстетики. Онъ раздѣлялъ ее на теоретическую и практическую. Для характеристики приведемъ здѣсь вкратцѣ положеніе этой длиннѣйшей и сложнѣйшей программы эстетики. Послѣ введенія къ всеобщей теоріи изящнаго, гдѣ изъясняются различныя положенія касательно изящнаго, излагается постоянная точка для началъ изслѣдованій объ изящномъ и опредѣляется понятіе эстетики, послѣ плана теоріи, гдѣ открывается ходъ разныхъ эстетиковъ въ изложеніи правилъ вкуса, въ первомъ отдѣленіи эстетики трактуется: 1) о раздробленіи первоначальной потребности человѣческой интересоваться чѣмъ-либо, о троякомъ эстетическомъ интересѣ — физическомъ, умственномъ и нравственномъ, о различіи между интересомъ свободнымъ и несвободнымъ; 2) о доказательствахъ эстетическаго чувства, о его отличіи отъ вкуса, о мнѣніяхъ разныхъ писателей о вкусѣ, о точкѣ, съ которой начинается чувство прекраснаго; 3) объ опредѣленіи прекраснаго или о прекрасномъ въ отдаленнѣйшемъ смыслѣ; 4) объ отношеніи прекраснаго къ интересному, объ отвратительномъ и эстетическомъ цинизмѣ; 5) объ отношеніи чувства прекраснаго къ фантазіи; 6) о различіи между правильною и неправильною красотою, о томъ, что умозрительная правильность не есть признакъ красоты, и что интереснаго не должно смѣшивать съ неправильною красотою; 7 и 8) объ

†) Шев., 448—449, 552—554; Шульг., 122.

††) Сухомлиновъ, «Матер. для истор. просвѣщ.» въ царств. Александра I. «Ж. м. нар. просвѣщ.» 1865, окт., 65—66.

эстетической формѣ; 9) о граціи, о томъ, что она только чувствуется, и о граціи древнихъ грековъ общежительной, искусственной (артистической), чувственной, нравственной, важной, шутливой; 10) о красотѣ естественной и идеальной. Во второмъ отдѣленіи говорится: о достоинствѣ эстетической формы вообще, объ изящности оптическихъ формъ, объ изящности формъ пластическихъ и акустическихъ, объ эстетической формѣ мыслей и характеровъ. Въ третьемъ отдѣленіи трактуется о высокомъ всякаго рода. Въ практической эстетикѣ излагаются начала красоты артистической относительно ко всѣмъ изящнымъ искусствамъ, происхожденіе и постепенные успѣхи поэзіи и подробно говорится о поэзіи дидактической, эпической, драматической, пастушеской и, наконецъ, о прозаической словесности, краснорѣчіи, витійствѣ и ораторствѣ и пр. Видно, что о. архимандриту не нужно было жалѣть уединенія, времени и бумаги на длиннѣйшую метафизико-идеалистическую ткань своей эстетики †). Вообще, вмѣсто того, чтобы воспитывать и развивать въ молодомъ русскомъ поколѣніи глубокое чувство и живую потребность естественной истины, раскрывать ему и всей русской публикѣ великое, благотворное и могущественное вліяніе естественныхъ наукъ на умственное и соціальное развитіе и возбуждать потребность къ серьезному, естественно-научному умственному труду, воспитатели русской мысли, профессора эстетики отвлекали общественную мысль отъ реализма, обольщали ее, какъ напр. Шевыревъ, рѣчами: «о вліяніи поэзіи и краснорѣчія на счастіе гражданскихъ обществъ» ††), или забавляли русское юношество и общество, какъ Мерзляковъ и Измайловъ, сверхъ лекцій, рѣчами и статьями объ изящной словесности и ея пользѣ, «объ изящномъ, о пріятномъ, забавномъ и простодушіи», «объ изящномъ или объ выборѣ въ подражаніи» и т. п. †††). Это эстетическое воспитаніе умовъ дотого, наконецъ, подавляло серьезное положительное, реальное мышленіе, что многія самыя естественно-научныя истины приносились въ жертву эстетическому чувству. И въ наше время, «высокообразованныя дамы», вслѣдствіе забитости эстетическимъ воспитаніемъ здраваго, положительнаго мышленія и глубокаго чувства истины, не понимая и не чувствуя истинно-изящнаго въ истинахъ и законахъ природы, вмѣсто точнаго, логическаго суда естествоиспытующаго разума, признають кри-

†) «Истор. с.-петерб. дух. акад.» И. Чистовича, 201—204.
††) «Вѣстникъ Европы», ч. 128, № 8.
†††) «Вѣстн. Евр.» 1813 г., ч. 68, № 7, ч. 69, № 11, стр. 190 и др.

теріемъ и судьей естественно-научныхъ выводовъ-истинъ свое эстетическое чувство и готовы не соглашаться съ точными, положительными, фактическими выводами естествознанія потому только, что они не гармонируютъ съ ихъ личнымъ, субъективнымъ и условнымъ эстетическимъ чувствомъ †).

Наконецъ, философскія науки, въ нашихъ университетахъ и духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, сколько, съ одной стороны, развивали теоретическую или логическую силу мышленія своимъ абстрактно-теоретическимъ глубокомысліемъ, силою логики и логическою системою умозрительныхъ или теоретическихъ идей, столько же, съ другой стороны, своимъ мистико-идеалистическимъ или метафизико-трансцендентальнымъ умозрѣніемъ эксплуатировали и устраняли развитіе индуктивно-логическаго, реальнаго мышленія. На ранней зарѣ пробужденія русской мысли и зачатковъ наукъ въ Россіи, въ юношески-пылкій и всеувлекающійся возрастъ юной русской мысли, занесена была къ намъ въ университеты германская философія. Преподавалась она тогда въ самомъ обширномъ объемѣ: читали логику, психологію, метафизику, этику или нравственную философію, философію естественнаго права, исторію философіи. Иностранные профессора философіи Якобъ и Шадъ въ харьковскомъ университетѣ, Буле въ московскомъ, Паротъ въ дерптскомъ, Фесслеръ въ с.-петербургской дух. академіи были главными проводниками у насъ нѣмецкой философіи. Всѣ они были послѣдователями геніальнаго философа Канта, произведшаго въ то время, по выраженію Шлоссера, «революцію въ философіи», создавшаго, можно сказать, особую, новую философскую науку «Kritik der reinen Vernunft», гдѣ глубокомысленно объясняются законы и границы чистаго разума, и «Kritik der practischen Vernunft», гдѣ объясняются законы свободы и высшаго блага человѣка, законы практическаго, дѣятельнаго разума. Вообще, юной русской мысли, послѣ тысячелѣтняго, восточно-византійскаго отрицанія мысли, преобладанія вѣры надъ разумомъ и мышленіемъ, для наиболѣе возбудительной импульсаціи и пробужденія ея вѣчно-спячихъ силъ, выпалъ историческій жребій возрождаться и пробуждаться въ «великій философскій вѣкъ», XVIII-й, подъ могучимъ импульсомъ и вліяніемъ западнаго разума, западной философіи. Иначе, въ другое время она бы и не

†) «Одна высокообразованная дама,—говоритъ Бэръ,—которой я разсказалъ, что теперь въ обычаѣ производить человѣка отъ обезьянъ, воскликнула: какъ это не эстетично!» «Натур.» 1865 г., № 24.

пробудилась. Всѣ привѣтствовали, прославляли XVIII вѣкъ вѣкомъ разума, «вѣкомъ философскимъ». Самъ Кантъ говорилъ: «Unser Zeitalter ist das eigentliche Zeitalter der Kritik der reinen Vernunft» †). Философы, мыслители, натуралисты торжественно, въ академіяхъ наукъ, передъ королями, привѣтствуютъ и величаютъ XVIII вѣкъ вѣкомъ философскимъ, вѣкомъ разума, указываютъ на философію, какъ просвѣтительницу міра, на силу разума, который рано или поздно преодолѣетъ всѣ преграды, воздвигаемыя темнымъ невѣжествомъ, провозглашаютъ, что владычество разума есть самое сильное, самое знаменитое и не подверженное перемѣнамъ. И у насъ, когда шведскій король, Густавъ III, подъ именемъ графа голландскаго, прибылъ въ Петербургъ (1777) и посѣтилъ академію наукъ, директоръ ея Домашневъ произнесъ на французскомъ языкѣ привѣтственную рѣчь, содержаніемъ которой было (по объявленію тогдашнихъ вѣдомостей) «доказательство философскаго титла, каковымъ вѣкъ нашъ славится». «Эпоха наша — говорилъ Домашневъ — удостоена названія философской, потому что философскій духъ сталъ духомъ времени, священнымъ началомъ законовъ и нравовъ» ††). По примѣру иностранныхъ профессоровъ, и русскіе ученые и писатели увлекались философіей вообще и, въ частности, философіей Канта †††). О философіи заговорили съ восхищеніемъ какъ профессора, такъ и студенты первыхъ временъ университетовъ. Одинъ изъ даровитѣйшихъ представителей ея называетъ философію наукою, имѣющею величайшее вліяніе нетолько на всѣ прочія науки, но и на нравы человѣческіе, и предлагающею начала всеобщія, на которыхъ, какъ на основаніи, утверждается всякое изысканіе истины, и дѣйствія нетолько лицъ, но и цѣлыхъ народовъ. Профессоръ патологіи и терапіи говорилъ: «между всѣми науками по справедливости первое мѣсто можно назначить философіи. Она подаетъ свѣтъ разуму, открываетъ истину и самой волѣ предписываетъ законы. Она развиваетъ понятія гражданскаго общества, опредѣляетъ права и обязанности каждаго, производитъ согласіе между цѣлымъ и его

---

†) «Kritik der reinen Vernunft». Leipzig 1853 г. S. 544.

††) «Истор. рус. лит.» Галахова, стр. 399.

†††) Профессоръ философіи с.-петербургской дух. академіи фонъ-Хорнъ, наслѣдовавшій Фесслеру, около 1814 года писалъ въ своемъ философскомъ конспектѣ: praecipue secta phanatica eorum, qui systema Kantii sequuntur, postquam risui pariter ac contemtui exposita et argumentis invictis refutata fuit in Germania a viris doctis, et postquam principes Germaniae eam fere extirparunt, efflorescere rursus incipit et vero initare scere in Ruthenia. Чист «Истор. с.-пб. акад.» стр. 200.

частями. Если деспотизмъ не можетъ терпѣть ея, зато доброму правительству свѣтъ ея всегда любезенъ. По сей-то причинѣ папа Григорій VII употреблялъ всѣ усилія къ ея притѣсненію, напротивъ того Петръ I-й и Фридрихъ II поддержать ее старались.» Молодой авторъ-студентъ обращался къ философіи съ восторженнымъ воззваніемъ: «о философія, божественная наука! Ты имѣешь благодѣтельное вліяніе на развитіе дарованій и познаній человѣческихъ, ты учишь познавать причины и дѣйствія вещей, вникать въ сущность ихъ; ты усугубляешь наши удовольствія, притупляешь остріе скорби, одна ты сильна даровать смертныхъ роду истинное счастіе и чистыя удовольствія» и т. д. †). Въ частности, философія Канта впервые возбуждала серьезную борьбу русскихъ умовъ, серьезное упражненіе и изощреніе ихъ въ теоретической силѣ мышленія ††). Между тѣмъ какъ одни обвиняли дерзновеннаго Канта, утверждавшаго, что законъ: «нѣтъ дѣйствія безъ причины» есть законъ человѣческаго разума, а не природы, и что потому нельзя и доказывать бытіе верховной причины изъ разсматриванія природы, — другіе защищали систему Канта. Разсматривая различныя философскія системы, русскіе защитники Канта говорили: «нѣкоторые осуждаютъ Канта, утверждая, будто она клонится къ подорванію нравственности и религіи, и называютъ Канта безбожнымъ. Но вотъ ея содержаніе: со всею строгостью разсматриваются доказательства ума о бытіи Бога и безсмертіи души и признаются недостаточными для совершеннаго убѣжденія, потому что умъ руководствуется въ нихъ одними подлежательными началами (законами мышленія), а не предметными... Неужели это значитъ подрывать религію и нравственность, значитъ быть безбожнымъ? Напротивъ, критикой чистаго разума указываются предѣлы чистаго разума» †††). Этико-политическій факультетъ московскаго университета (въ періодъ времени 1807—1810 г.) предложилъ задачу для медалей: «ка-

---

†) Рѣчь професс. Эрдмана на годич. торжеств. каз. универс. 5 іюля 1815 г.: о выгодахъ, которыя доставляетъ государству упражненіе въ наукахъ. Сочин. студентовъ и вольнослушающихъ харьков. унив., читан. въ собр. словеснаго отдѣл. 30 іюля 1817 г. «о истинномъ счастіи» и пр.

††) Профес. филос. спб. дух. акад., Фонъ-Хорнъ, смѣнившій послѣдов. Канта Фесслера, около 1814 года писалъ въ своемъ философскомъ конспектѣ: praecipue secta и пр.

†††) Противъ Канта — Перевощиковъ въ рѣчи о пользѣ наукъ вообще, говорен. при открытіи каз. унив. 5 іюля 1814 г.; Лубкинъ—въ рѣчи. «возможно ли нравоученію дать твердое основаніе независимо отъ религіи», читан. на годичн. торж. каз. универ. 5 іюля 1815 г. и др. За Канта—Срезнев-

кое вліяніе произвело преобразованіе Кантовой философіи нетокмо на свободныя науки и ихъ изученіе, но притомъ особенно на всѣ установленія, на жизнь и на нравы народные» †). Въ литературѣ высказывались мнѣнія, что глубокомысленный Кантъ впервые представилъ незыблемыя основанія нравственности разумныхъ существъ, скрывавшіяся до того времени во мракѣ невѣдѣнія. Сочиненіе Канта о метафизикѣ нравовъ переведено было на русскій языкъ и посвящено Мордвинову, человѣку, извѣстному благороднымъ и независимымъ образомъ мыслей и дѣйствій» ††). Словомъ, полюбило съ самаго начала молодое мыслящее поколѣніе русское философію вообще и, въ частности, философію Канта. И дѣйствительно нужно отдать справедливость этому юношескому увлеченію философскимъ мышленіемъ. Оно составляетъ естественный, исторически-необходимый, воспитательный моментъ въ исторіи русской мысли. Послѣ тысячелѣтняго, непосредственно-натуральнаго воспитанія и господства низшихъ интеллектуальныхъ способностей—внѣшнихъ чувствъ, памяти, воображенія и вѣрованія надъ разумомъ и мышленіемъ,—необходимо было, наконецъ, пробужденіе и изощреніе высшей, теоретической или отвлеченно-логической, философской силы мышленія. Такое предварительное изощреніе теоретической мыслительности необходимо было для приготовленія русской мысли къ успѣшной и плодотворной работѣ во всѣхъ областяхъ наукъ и въ особенности въ области наукъ физико-математическихъ. Такое философское горнило искушенія и изощренія прошла и всеобщая европейская мысль. Европейскіе умы сначала тоже, такъ сказать, искусились въ горнилѣ философскаго мышленія, прошли путь метафизической философіи и потомъ вступили въ храмъ той новой, великой, истинной и міропросвѣтительной философіи, которую созидали: геній Ньютона въ его «Philosophiae naturalis principia mathematica», геній Лавуазье въ его «Philosophie chemique», Ламаркъ въ его «Philosophie zoologique», Сентъ Илеръ въ его «Philosophie anatomique», Контъ—въ «Philosophie positive», Амперъ—въ «Philosophie des Sciences, Гумбольдтъ—въ философіи Космоса и пр. Такъ и юные русскіе умы, только-что родившіеся и, такъ сказать, крестившіеся во имя европейскаго разума XVIII вѣка, только-что прерывавшіе органическую, родственную связь

скій—въ рѣчи, произн. въ казанск. универс. 5 іюля 1817 года: «о разныхъ системахъ нравоученій, сравненныхъ по ихъ началамъ» и пр.

†) «Ист. моск. универ.» 398.

††) Кантово основаніе для метафизики нравовъ, перев. Як. Рубаномъ. Николаевъ, 1803 г.

съ восточнымъ, финскимъ, турко-татарскимъ и монгольскимъ умонастроеніемъ и вступавшіе въ родственный союзъ съ западно-европейскимъ разумомъ и въ область европейскихъ идей и наукъ,—сначала должны были очиститься, искуситься въ горнилѣ философіи, утончить, изощрить ея глубокомысліемъ свои мыслительныя силы, чтобы потомъ съ укрѣпленными и развитыми силами вступить въ область реальнаго, естествоиспытательнаго мышленія и изслѣдованія. Въ такомъ только процессѣ самоизощренія восточный складъ русской мысли могъ возродиться въ высокій, могучій интеллектуальный типъ европейскаго разума. Русскимъ умамъ сначала нужно было еще учиться у западно-философской мысли, на первой порѣ, самому процессу мышленія, мыслительной работы, нужно было просто, отвлеченно мыслить, упражнять, изощрять силу чистаго, логическаго, разсудочнаго мышленія, нужно было пріучаться къ серьезной, головной, разсудочной работѣ, хотя, на первыхъ порахъ, готовыми логическими выводами западнаго разума, западной мысли и философіи. И западная философія comme une excellente gymnastique de l'esprit, по выраженію Клода Бернара, была лучшимъ для этого средствомъ. Философія, по опредѣленію Канта, какъ метафизика природы и свободы («Metaphysik der Natur und der Freiheit»), какъ раціональная космологія и раціональная физіологія (der rationalen Kosmologie und der rationalen Phisiologie), должна была заразъ открыть и освѣтить русскимъ умамъ, во всей абстрактной, умозрительной цѣлости и общности, весь космо-антропологическій, физико-соціальный кругозоръ міросозерцанія—все безпредѣльное, космическое поле идей и изслѣдованій разума, должна была, такимъ образомъ, затронуть въ мысли всѣ основные, животрепещущіе міровые вопросы пытливой человѣческой мысли. Тогда могъ возбудиться и въ русскихъ умахъ тотъ духъ пытливости и разумнаго сомнѣнія, какой создавалъ и создаетъ міровой прогрессъ европейскаго разума. Тогда могъ и восточный умственный складъ русскаго народа, апатичный, застойчивый, возродиться въ живой, подвижной, прогрессивный европейскій интеллектуальный типъ. Новыя, европейскія умственныя свойства русскаго народа, его умственная самостоятельность и подвижность—говорилось съ университетскихъ каѳедръ въ періодъ господства у насъ европейской философіи—должны вырабатываться подъ вліяніемъ началъ, которыми неизбѣжно проникается цивилизація новыхъ, западныхъ народовъ, каковы были начала философіи XVIII вѣка †). И

†) Рѣчи, произн. въ торж. собр. Харьковск. универс. 17 января, 1812 г. «Heist der literarischen Cultur des Orients und Occidents», von Reicht.

дѣйствительно, затрогивая общіе и великіе вопросы, къ которымъ нельзя остаться равнодушнымъ, при первой работѣ мышленія, философія сводила умы русскіе въ новую и высшую сферу мысли, чуждую пошлостей и предразсудковъ, располагала къ умственному труду и пріучала цѣнить и уважать его. Для того, чтобы отдаться вполнѣ умственной работѣ, чтобы посвятить себя, въ обществѣ полуобразованномъ, восточномъ, грубомъ, ученому труду, изслѣдованіямъ, надо было дѣлать усилія, напрягать мысль, выдержать трудную борьбу,—и на эту славную, трудную борьбу вызывала философія своимъ ученіемъ о противорѣчіи идеала и дѣйствительности, о достоинствѣ и правахъ человѣческаго разума. Одинъ идеалъ философа,—по изображенію Канта,—какъ законодателя разума, идеальнаго учителя, пользующагося выводами этихъ, такъ сказать, учениковъ мастеровъ и работниковъ разума (Vernunft-künstler)—математиковъ, натуралистовъ, логиковъ, одинъ идеалъ философіи, какъ законодательства человѣческаго разума, объясняющаго законы природы и законы свободы, одни эти идеалы должны были до энтузіазма возбуждать на первой порѣ юную русскую мысль †). И вотъ почему, они съ самаго начала такъ сильно увлеклись германскою философіею.

Но, съ другой стороны, все ли хорошо, все ли полезно было для развитія русской мысли въ этомъ философскомъ увлеченіи русскихъ умовъ? Къ сожалѣнію, утвердительно нельзя сказать. При недостаткѣ предварительнаго, генеративно-историческаго и самостоятельнаго философскаго развитія и укрѣпленія русской мысли—метафизическая, трансцендентальная философія въ незрѣлыхъ русскихъ умахъ воспитывала большею частію только схоластико-идеалистическое умонастроеніе и мышленіе. А

---

†) Мы позволяемъ себѣ здѣсь выписать подлинныя слова Канта о значеніи философа: «Der philosoph ist nicht ein Vernunftküstler, sondern der Gesetzgeber der menschlichen Vernunft... Der Mathematiker, der Naturkündiger, der Logiker sind, so fortrefflich die ersteren auch überhaupt im Vernufterkenntnisse, die zweiten besonders im philosophischen Erkenntnisse Fortgang haben mögen, doch nur Vernunftkünstler. Es gibt noch einen Lehrer im Ideal, der alle diese ansetzt, sie als Werkzeuge nutzt, um die wesentlichen Zwecke der menschlichen Vernunft zu befördern... Die Gesetzgebung der menschlichen Vernunft (Philosophie) hat nun zwei Gegenstände, Natur und Freiheit, und enthalt also sowohl das Naturgesetz, als auch das Sittengesetz, Anfangs in zwei besondern, zuletzt aber in einem einzigen philosophischen System. Die Philosophie der Natur geht auf Alles, wa da ist; die der Sitten nur auf das, was da sein soll («Kritik der reinen Vernunft». Leipzig 1853. S. 594—595).

вслѣдствіе вѣковаго воспитанія русской мысли въ духѣ византійскаго схоластическаго мистицизма она давала только схоластическую опору мистико-метафизической реакціи противъ только-что возникавшей реальной мысли и критики. Идеальная, метафизическая философія, возвѣстившая словами Шеллинга принципъ: «размышлять о природѣ значитъ создавать природу», или узаконившая въ ученіи Канта «Metaphysik der Natur», по которой даже Naturwissenschaft (physica) enthält synthetische Urtheile a priori als Principien in sich, такая трансцендентальная, метафизическая философія воспитывала въ нашихъ молодыхъ поколѣніяхъ одно абстрактно-идеалистическое и схоластико-метафизическое мышленіе. Таково было философское воспитаніе русской мысли подъ руководствомъ нѣмецкихъ профессоровъ Якоба, Шада и особенно Фесслера. У насъ, при незрѣлости реальнаго мышленія, оно было тѣмъ вреднѣе, что нетолько русское юношество, но и сами профессора часто не понимали вполнѣ и перетолковывали германскихъ философовъ въ своемъ смыслѣ. Русскіе профессора философіи, внося въ свои философскія системы натурфилософскія и трансцендентально-идеалистическія идеи Канта, Шеллинга, идеи Кантовой науки о природѣ (Naturwissenschaft) и Шеллинговой философіи о природѣ (Philosophie der Natur или Naturphilosophie), такимъ образомъ отучали русскіе умы отъ строго-реалистическаго, положительнаго, экспериментальнаго мышленія и познанія. Шеллингъ, напримѣръ, философствовалъ, что «только та теорія можетъ быть исключительно истинна, которая дознана или построена a priori», что природа возможна только при абсолютной тожественности съ разумомъ, присущимъ намъ (nicht nur ausdrücke, sondern selbst realisire), что природа есть ничто иное, какъ видимое осуществленіе нашего ума (absolute identität), что размышлять о природѣ значитъ создавать природу (über die Natur philosophiren heisst die Natur schaffen), что природа есть реализація, отраженіе, копія или физическое выраженіе мыслей божественнаго ума и пр. Такія идеи, увлекавшія умы и русскихъ философовъ-нѣмцевъ и даже нѣкоторыхъ натуралистовъ, подрывали или отрицали самый принципъ экспериментальнаго метода мышленія и познанія, который и безъ того не получилъ еще надлежащаго приложенія и развитія въ русской наукѣ. Нѣкоторые наши профессора-натуралисты, вродѣ Павлова, вмѣсто строго-экспериментальныхъ изслѣдованій при помощи математики, вдавались въ идеалистическія умствованія о природѣ a priori, по метафизическимъ идеямъ Шеллинговой натур-философіи. Но особенно затемняла русскіе умы и отдаляла ихъ отъ реальнаго мышленія мистико-идеалистическая философія, вродѣ туман-

ной мистической философіи Фесслера, профессора с.-петербургской дух. академіи (1810). Такъ какъ схоластико-метафизическій мистицизмъ Фесслера у насъ былъ довольно распространенъ, особенно въ духовномъ ученомъ сословіи, то мы изложимъ здѣсь, для примѣра, главныя мысли этого философа. «Подъ именемъ философіи—говоритъ онъ—понимаю я очевидное знаніе разума и дѣятельнѣйшую жизнь духа; я почитаю религію свѣтомъ сей жизни и живоносным началомъ; совершенство духа полагаю во внутреннемъ гармоническомъ согласіи между разумомъ, разсудкомъ, воображеніемъ и внутреннимъ чувствомъ. Совершенство философіи поставляю я въ полномъ единеніи и сообразности съ единою, вѣчною и божественною религіею І. Христа. Я точно и рѣшительно различаю разумъ (ratio) отъ разсудка (intellectus), идеи (idea) отъ понятій (conceptus). Чрезъ разумъ я понимаю ту силу или способность, которой все дѣло состоитъ въ идеяхъ и которая изъ первоначальной всеобщей врожденной идеи Бога произраждаетъ свои общія идеи и отражаетъ ихъ въ разсудкѣ чрезъ зеркало сознанія. Разсудкомъ я называю ту силу или способность, которая отраженіе идей разума, равно какъ и представленія чувственныя, въ согласіи постигаетъ, объемлетъ, преображаетъ въ понятія. Врожденной разуму, вѣчной и первоначальной идеѣ о Богѣ безконечномъ и всецѣломъ я приписываю подлежательную и предметную вещественность (realitatem), чистоту и очевидность въ отношеніи къ разуму; а понятіямъ, образуемымъ изъ нея чрезъ разсудокъ, принадлежитъ, по моему мнѣнію, только условная вещественность и истина. Предметъ непосредственной дѣятельности для созерцательнаго разума есть міръ невидимый, вѣчный, божественный, а для отвлекающаго и умозаключающаго разсудка міръ только чувственный. Философія моя прямо направляется къ раскрытію и истолкованію внутренней связи, которая находится между религіей и философіей, между благочестіемъ и образомъ мудрованія. Она разсматриваетъ идеи о Богѣ, о свободѣ, о безсмертіи не какъ простые постуляты практическаго разсудка, но поелику они суть очевидное знаніе созерцающаго разума, который отсвѣчивается въ образовавшихся изъ онаго понятіяхъ и составляетъ самую сущность внутренней жизни человѣка, какъ въ разсужденіи ея созерцательности, такъ и въ разсужденіи дѣятельности.» Фесслеръ раздѣлилъ свою философію на двѣ части: теоретическую и практическую. Въ составъ первой отнесены: логика и метафизика природы, или система необходимыхъ и всеобщихъ началъ и законовъ, касающихся до идей разума и до существъ, которыя составляютъ предметы представительной философіи; части ея суть: умственная онтологія, физіологія природы, умственная космологія, ум-

ственное богопочтеніе и эмпирическая психологія. Практическую часть составляли всѣ тѣ науки, которыя разсматриваютъ разумъ какъ благоразуміе (consilium) и волю, начало дѣятельное, именно — нравственная метафизика (metaphisica morum) и этика и естественное право †).

Такъ отъ недостатка или неустановленности истиннаго метода развитія мышленія и научнаго изслѣдованія мысль русская уклонялась отъ естественнаго экспериментальнаго или реальнаго развитія. Не было цѣльнаго, гармоническаго воспитанія и развитія всѣхъ интеллектуальныхъ, познавательныхъ способностей—и внѣшнихъ чувствъ, и памяти, и воображенія, и мышленія. Въ археологизмѣ преимущественно изощрялась и упражнялась память, въ метафизикѣ—схоластическое мышленіе, въ эстетикѣ—воображеніе и т. п. Между тѣмъ, по естественному закону и ходу мышленія и познанія, какъ говоритъ Изидоръ Жоффруа Сентъ-Илеръ, всѣ три момента нашего мышленія и источники познанія, раздѣленные и обозначенные Бакономъ—память, объясняющая исторію, воображеніе, создавшее поэзію, и разумъ, выработавшій философію, «стремятся одинъ къ другому, смѣшиваются и часто даже совершенно сливаются, такъ что часто факты добыты наблюденіемъ, мысль создана воображеніемъ и выводъ полученъ мышленіемъ, и всѣ вмѣстѣ суть только части одной и той же общей истины, составляютъ данныя какъ-бы одного и того же умозаключенія. И нѣтъ такой теоріи, внѣ круга наукъ математическихъ, которая не основывалась бы какъ на познаніяхъ п а м я т и, такъ и на познаніяхъ р а з у м а и въ которой не выражалось бы въ большей или меньшей степени участіе третьяго источника—в о о б р а ж е н і я» ††). У насъ еще далеко не было этой цѣльности интеллектуальнаго воспитанія и развитія, и память и воображеніе, увлекая разумъ въ археологическій мракъ древности, въ заоблачныя сферы эстетики и въ фантастически-идеалистическія абстракціи трансцендентальной философіи, эксплуатировали естественное, реальное воспитаніе, направленіе и развитіе мысли. Г. Шульгинъ такъ напр. характеризуетъ общее направленіе интеллектуальнаго развитія молодаго поколѣнія въ кіевскомъ университетѣ, въ періодъ времени 1834—1840 г.: «вообще изъ разсказовъ студентовъ современниковъ видно, что умственная дѣятельность студентовъ отличалась по преимуществу философскимъ и отчасти чисто-литературнымъ направленіемъ. Это становит-

---

†) Чистовича «Истор. с.-петербург. дух. академ.» стр. 193—196.

††) «Общая біологія», ч. I, стр. 205.

ся понятнымъ, если сообразимъ, что въ молодыхъ людяхъ, выносившихъ изъ первоначальнаго воспитанія довольно бѣдный запасъ положительныхъ свѣдѣній, возбуждена была пытливость ума философскими лекціями и вообще университетскимъ преподаваніемъ, которое нетолько въ словесномъ, но и въ юридическомъ факультетѣ отличалось философскимъ характеромъ. Профессоры: Новицкій, Неволинъ и Богородскій, которые тогда пользовались особенною славою у студентовъ, были главными двигателями этого направленія. Далѣе во второмъ отдѣленіи философскаго факультета, въ лекціяхъ профессофа Зѣновича по химіи преобладало направленіе болѣе метафизическое, нежели опытное. Любовь къ изящной словесности и упражненія въ чисто-литературныхъ произведеніяхъ навѣяны были лекціями и критическими разборами профессора Максимовича. Ни одинъ изъ послѣдующихъ выпусковъ не былъ такъ богатъ филологами, какъ первый и второй; но труженики-филологи работали особнякомъ, не принимая участія въ общей литературной дѣятельности студентовъ. Ихъ можно назвать не произведеніемъ университета, но результатомъ той классической латыни, которая такъ долго господствовала въ западно-русскомъ краѣ. Вообще въ своихъ учено-литературныхъ бесѣдахъ и въ своихъ сочиненіяхъ соціальными вопросами студенты не интересовались. Да оно и понятно: соціальное направленіе, которымъ сильно стала отзываться въ то время наука и литература западной Европы, въ Россіи извѣстно было только по слуху, да и то въ столицахъ, а въ здѣшнюю глушь вовсе не проникало. Профессоры исторіи въ университетѣ св. Владиміра †) едвали были знакомы съ общественными движеніями запада. Лучшія сочиненія, поданныя студентами перваго отдѣленія философскаго факультета въ періодъ съ 1834 по 1840 годъ, поименованныя въ официіальныхъ отчетахъ, были слѣдующія: 1) Мих. Тулова: «о значеніи и достоинствѣ логики»; 2) Кондр. Страшкевича: de contextu Iliadis et Odysseae; 3) Валер. Гирша: de Romanorum satira; 4) Ник. Шаверновскаго: de diis graecorum epicis» и т. п. ††).

Во времена такого преобладанія филолого-археологическаго и метафизико-идеалистическаго направленія, только немногіе мыслители, стоявшіе во главѣ научной мыслительности въ Россіи, вполнѣ понимали ис-

†) Страшкевичъ, Левандовскій, Шаверновскій, Петрашкевичъ, Винницкій, Черный.

††) «Истор. унив. св. Владим.», 195—197.

тинное умственно-образовательное значеніе положительнаго, реальнаго и аналитическаго метода научнаго мышленія и изслѣдованія. И эти-то немногіе приверженцы и представители индуктивнаго анализа и реализма рѣшительно отстаивали принципъ аналитическаго и экспериментальнаго метода, твердо стояли за реалистическое направленіе и развитіе мышленія и возстали противъ всякихъ идеалистическихъ уклоненій мысли въ наукѣ. Вопервыхъ, въ самой области философіи, профессоръ философіи Шаденъ сильно возсталъ противъ односторонности метафизико-идеалистическаго умозрѣнія въ наукѣ. Разбирая оба способа мышленія и изслѣдованія, аналитическій и синтетическій, философъ утверждалъ, что одинъ безъ другаго недостаточенъ, и совѣтовалъ начинать съ анализа и переходить къ синтезу. Противъ односторонности метафизико-идеалистическаго умозрѣнія въ наукѣ онъ говорилъ: «повѣрьте, и доднесь бы человѣческій родъ стеналъ подъ симъ столь мучительнымъ суетнаго умозрѣнія бременемъ, если бы, въ изслѣдованія вещей и природы вникнувъ, испытаніе не воздвигло Баконовъ, Картезіевъ, Невтоновъ, Лейбницевъ, Вольфіевъ... Препираются философы, законоучители препираются, прѣнія врачи творятъ,—единственно математики въ необуреваемомъ и тихомъ пристанищѣ наслаждаются покоемъ.» Въ области естествознанія философско-метафизическій идеализмъ еще болѣе былъ не умѣстенъ. Такъ, со стороны естественныхъ наукъ, профессоръ медицины Мудровъ возсталъ за умственно-воспитательныя и познавательныя права внѣшнихъ чувствъ и разума, за реалистическое, экспериментальное развитіе мышленія и знанія и вооружился противъ преобладанія памяти и воображенія, противъ фантастически-идеалистическаго направленія научной мысли. «Идеальное знаніе—говоритъ онъ—пріобрѣтается чтеніемъ и исчезаетъ со звономъ въ ушахъ слушателей за порогомъ школы. Существенное или предметное ученіе есть изслѣдованіе вещи чувствами въ порядкѣ умозрѣнія, соотвѣтственномъ вещи. Глаза, руки и орудія должны строить зданіе онаго въ головѣ, а не память, не воображеніе, которыя строятъ фантомы. Плоды памяти и воображенія, собранные въ кабинетѣ, сколь ни казисты на профессорскомъ стулѣ, обманываютъ только голодъ учащихся, а не питаютъ, т. е. не даютъ ни росту, ни силы» †). Въ «Чертежѣ практическихъ наукъ, снятомъ съ училищъ Германіи и Франціи», Мудровъ постоянно повторялъ, подобно Клоду Бер-

†) Письмо отъ 30 дек. 1805 г. къ попеч. моск. уч. окр. Муравьеву. «Чт. общ.» 1862 г. кн. II, отд. V, стр. 67.

нару, такія мысли и требованія относительно раціонально-эмпирическаго, экспериментальнаго метода изслѣдованія въ области медицины: «Въ госпиталяхъ надо пріучать глаза, руки, умъ и сердце учащихся... чувствами видѣнія и осязанія должно изслѣдовать и излагать механическія причины поврежденій въ строеніи важныхъ частей тѣла... Будучи поучаемъ ежегодными перемѣнами модныхъ теорій, я не вижу другой дороги добиться истины, кромѣ строгаго изслѣдованія болѣзненныхъ произведеній. Оно мнѣ представляется единственнымъ средствомъ, могущимъ разогнать мракъ, въ коемъ погружена патологія хирургическая... Между выгодами, кои обѣщаетъ намъ сіе ученіе, по справедливости можно считать поправленіе теорій. Онѣ вскружили всѣмъ голову. Ибо гораздо легче умничать, чѣмъ работать надъ данными, и несравненно пріятнѣе ткать блистательныя умозаключенія, чѣмъ признаваться въ незнаніи... Надъ трупомъ мы будемъ ближе подходить къ истинѣ, изслѣдывая произведеніе болѣзни и сравнивая минувшія явленія съ существомъ оной. Разбогатѣвъ въ сихъ данныхъ истинахъ, кои суть награды безпрестанныхъ трудовъ, мы дойдемъ современемъ до важныхъ открытій, кои полезнѣе будутъ, чѣмъ всѣ теоріи... При множествѣ пустыхъ книгъ, коими наводненъ свѣтъ, нѣтъ другаго способа освободиться отъ грезъ и упрямыхъ споровъ, какъ только спрашиваться у натуры, никогда не ложной. На сей дорогѣ мы сначала проиграемъ въ многоучености, которая вездѣ была врагомъ трудолюбія и всегда жила чужимъ умомъ, но вѣрные результаты, почерпнутые изъ свѣтлаго источника натуры, обильнѣе вознаградятъ современемъ труды, съ терпѣніемъ понесенные» †). Какъ Мудровъ стоялъ за сенсуально-логическое раціонально-реалистическое, экспериментальное мышленіе и изслѣдованіе въ сферѣ практическихъ медицинскихъ наукъ,—такъ профессоръ математики въ харьковскомъ университетѣ, Осиповскій, во имя высшаго идеала сокращеннаго и обобщеннаго математическаго мышленія и вычисленія, во имя истинъ вѣчныхъ, существенно-отвлеченныхъ, безотносительныхъ, непреложныхъ истинъ математическихъ,—возсталъ противъ метафизико-идеалистическаго воспитанія и направленія мышленія. Представитель строгаго реализма въ университетской наукѣ и самаго точнаго, положительнаго метода мышленія—математическаго, Осиповскій, подобно нѣкоторымъ другимъ профессорамъ физико-математическихъ факультетовъ, смѣло усумнился во всѣхъ авторитетахъ философіи, даже въ авторитетѣ

†) «Чт. общ.» 1862, кн. II, отд. V, стр. 36, 48, 50—51 и 52.

Канта и, во имя экспериментальнаго и математическаго мышленія и анализа, возвысилъ смѣлый критически-отрицательный голосъ противъ идеализма, поддерживаемаго философіею. Въ лицѣ Канта, какъ вождя новой философіи, произведшей революцію въ умахъ, смутившей цѣлое поколѣніе, онъ осуждалъ возвращеніе къ древнему идеализму, разсѣянному великими открытіями геніальныхъ умовъ. Опровергая динамическую систему Канта и его ученіе о пространствѣ и времени, Осиповскій говоритъ: «если прочтемъ изложеніе мнѣній и ученій древнихъ греческихъ философовъ, то увидимъ, что нравственныя и математическія ихъ сужденія были вообще хороши, но сужденія ихъ о разныхъ явленіяхъ природы большею частію странны и даже смѣшны. Отъ чего же это происходило? Отъ того, что они искали всѣхъ познаній единственно въ самихъ себѣ. И дѣйствительно, довольно только познать намъ самихъ себя, чтобы потомъ, чрезъ приложеніе своихъ чувствованій къ другимъ, почерпнуть почти всѣ правила нравственности изъ самихъ себя. Но дабы познать законы какого-либо явленія природы, для сего надлежитъ сперва разсматривать его въ разныя времена, въ разныхъ видахъ, въ разныхъ отношеніяхъ къ другимъ явленіямъ, имѣющимъ дѣйствительное или видимое только вліяніе на него, въ коихъ оно оказывается наиотдѣльнѣе отъ прочихъ совмѣстныхъ явленій, а потомъ уже и дѣлать свои о немъ заключенія. Въ древнихъ философахъ находится множество неосновательныхъ заключеній, изъ которыхъ нѣкоторыя перешли и въ европейскія училища и преподаваемы были въ нихъ какъ законы. Благодаря вразумленіямъ Баконовъ, Декартовъ и другихъ, системы эти мало по малу теряли свою довѣренность, и ученые Европы радовались, видя освобожденіе отъ раболѣпственнаго къ нимъ вниманія. Но съ недавняго времени духъ древнихъ греческихъ философовъ опять началъ возникать въ Германіи; опять начали умствовать о природѣ a priori; и опять начали появляться системы одна другой страннѣе» †). Желая предостеречь легко-увлекающуюся русскую мысль отъ философскаго идеализма и обратить ее на путь положительнаго, реальнаго мышленія, Осиповскій нападалъ и на русскихъ профессоровъ философовъ-идеалистовъ. О сочиненіи проф. Шада Осиповскій отзывается слѣд. образомъ: «Логика Шада, раздѣленная на чистую и прикладную, состоитъ болѣе въ транс-

†) Осиповскаго: о пространствѣ и времени — рѣчь въ собраніи харьковск. универс. 30 август. 1807 г.; разсужд. о динам. системѣ Канта—рѣчь въ собр. харьк. унив. 30 авг. 1813 года.

цендентальномъ умствованіи о мірѣ, Богѣ и душѣ нашей, нежели въ изложеніи законовъ ума. Умъ человѣческій, по ученію Шада, имѣетъ двѣ степени: разумъ (intellectus) и разсудокъ (ratio). Разумъ занимается только тѣмъ, что̀ намъ представляютъ чувства, и судитъ о немъ такъ, какъ представляютъ чувства, т. е. видитъ одни различія предметовъ и, находя въ нихъ нѣкоторыя сходства, приводитъ ихъ въ виды и роды и наконецъ доходитъ до категорій, какъ послѣдняго своего произведенія, до коего достигнуть можетъ. Разсудокъ занимается только самъ съ собою и судитъ о вещественности предметовъ по возможности ихъ бытія, такъ что гдѣ находитъ совершенную возможность, тамъ увѣряется и въ дѣйствительности существованія предмета. А для большей увѣренности въ заключеніяхъ, Шадъ предполагаетъ существующее между мыслію и вещественностію предопредѣленное согласіе (harmonia praestabilita), такъ что если что есть въ мысли, тому уже соотвѣтствуетъ вещественность, и обратно. Разумъ видитъ и сноситъ разногласія, но разсудокъ разногласія не терпитъ и ищетъ во всемъ согласія. Умъ человѣческій, обращенный на міръ, видитъ въ немъ (по разуму) двѣ главныя противности—тѣлесность и духовность, а разсудокъ, не терпя противоположностей, внушаетъ ему, что сіи противоположности только видимыя, а въ самомъ дѣлѣ составляютъ тождество, и что должно быть absolutum, въ которомъ находится основаніе тождества и причина противоположностей. Изъ absolutum истекаютъ двѣ коренныя силы, раздѣленныя въ разныхъ составныхъ частяхъ міра въ разной пропорціи и чрезъ то производящія разныя постепенности сихъ частей, возвышающія ихъ отъ самой грубой матеріальности до высшей духовности. Силы сіи производятъ въ природѣ эволюцію, переводя ее всегда изъ низшаго состоянія въ высшее; нѣкогда камень будетъ животнымъ, а потомъ человѣкомъ и т. д. Каждый изъ философовъ нѣмецкихъ, какъ будто для хвастовства, отличался отъ прочихъ большимъ или меньшимъ количествомъ странностей въ мысляхъ, но каждый отличался своими странностями, а нашъ философъ, принявъ подъ свой покровъ странности всѣхъ, прибавилъ къ нимъ еще столько же своихъ» †).

Наконецъ, долговременное преобладаніе замкнуто-отвлеченнаго, эстетическаго, антикварно-археологическаго и въ особенности метафизико-идеалистическаго воспитанія и направленія умовъ крайне односторонне и невыгодно было еще въ томъ отношеніи, что оно еще больше отда-

†) «Журн. мин. нар. просвѣщ.» 1865 октябрь, стр. 111—112.

ляло отъ высшей, мыслительной жизни, отъ наукъ и знаній темную массу рабочаго народа, и безъ того уже de facto и de jure исключенную изъ общечеловѣческой области науки и мысли. Какъ метафизико-схоластическій идеализмъ, по самой отвлеченности своей, чуждъ, не доступенъ для массы народной и для живыхъ интересовъ реально-практической жизни народной, такъ и эстетическій идеализмъ, по преобладанію въ немъ чувства личности (personnalité), слишкомъ эгоистиченъ, индивидуаленъ, тогда какъ экспериментальное знаніе безлично (impersonnelle), всеобще, всенародно, представляетъ существенный всеобщій, такъ сказать, соціально-демократическій принципъ. Клодъ Бернаръ такъ выражаетъ эту мысль: «La méthode experimentale puise en elle-même une autorité impersonnelle qui domine la science... Pour les arts et lettres, la personnalité domine tout... Un poète contemporain a caractérisé ce sentiment de la personnalité de l'art et de l'impersonnalité de la science par ces mots: l'art, c'est moi; la science, c'est nous» †). Какъ эстетическій идеализмъ, уже вслѣдствіе преобладанія въ немъ субъективности, личностности, не представляетъ всеобщаго, всенароднаго образовательнаго начала, такъ вообще всякое не реальное, идеалистическое ученіе не имѣетъ универсальнаго, общеобразовательнаго значенія, также большею частію лично, субъективно и потому произвольно и не всеобще, не всенародно. И опытъ умственнаго воспитанія русскаго общества въ періодъ археологическаго, эстетическаго и схоластико-идеалистическаго направленія русской мысли какъ нельзя болѣе фактично подтвердилъ эту мысль. Отрѣшаясь отъ реальнаго міра и отъ реальныхъ наукъ, погребаясь въ давно отжившей старинѣ археологіи и палеографіи, уносясь на высокопарныхъ крыльяхъ абстрактнаго умозрѣнія въ заоблачныя высоты трансцендентальной философіи, метафизики, онтологіи и эстетики, или въ непостижимый супранатуральный, спиритуалистическій міръ ученой системы теологіи, и замыкаясь, обособляясь въ ученыхъ кабинетахъ, архивахъ, музеумахъ, кунстъ-камерахъ, монастырскихъ книгохранилищахъ и т. п., все это антикварно-археологическое и метафизико-идеалистическое направленіе ученой мысли неизбѣжно становилось, такъ сказать, монопольно-аристократичнымъ, или аскетично-отрѣшеннымъ отъ реальнаго міра и жизни, замкнуто-кабинетнымъ и архивнымъ. Оно, такимъ образомъ, еще болѣе увеличивало ту демаркаціонную пропасть между наукой и жизнью, между научно-мыслящимъ классомъ и массой рабочаго народа, которая и

---

†) «Introduction à l'étude de la médecine experimentale», p. 74—75.

безъ того уже почти непроходимо проведена была всѣмъ прежнимъ археологическимъ и идеалистическимъ направленіемъ исторіи. Замкнуто-архивный археологизмъ и метафизическій и эстетическій идеализмъ были китайской стѣной преграды между наукой и жизнью, между научно-мыслящимъ классомъ и рабочимъ народомъ, и еще болѣе дѣлали науки и интересы мысли недоступными, непонятными и чуждыми народу, рабочей массѣ. Вообще, вслѣдствіе такого направленія научнаго мышленія, умственная, мыслительная жизнь еще болѣе становилась, какъ мы сказали, аристократичною и чуждою массѣ народа, тогда какъ реальное, естественно-научное мышленіе, образованіе и міросозерцаніе, по самому существу своему, всенародно, демократично. И свѣтъ науки, такимъ образомъ, во тьмѣ не свѣтился, и массы рабочаго народа все болѣе и болѣе отрѣшались отъ свѣта высшаго ученія и, такъ сказать, физіологически-наслѣдственно закоснѣвали въ упорномъ отчужденіи отъ наукъ, воспитывались въ своемъ заколдованно-замкнутомъ кругѣ миѳологическаго суевѣрія и невѣжества. И буддійскій хогосолъ или пропасть между научною мыслью и работой, — напр. между идеей Добантона или Дарвина и работой звѣролова, пастуха или скотовода, между идеей Линнея, Декандоля и Либиха и работой земледѣльца и садовода и т. д., все болѣе и болѣе увеличивалась, наполняясь метафизико-идеалистическимъ міромъ эстетиковъ, метафизиковъ, археологовъ, палеографовъ и всякаго рода идеалистовъ, схоластиковъ и систематиковъ. Оттого-то, и самый насущный, роковой вопросъ о научномъ раціонализированіи физическаго, экономическаго и соціальнаго міросозерцанія рабочаго народа всегда оставался и доселѣ остается вопросомъ совершенно чуждымъ этому отвлеченному міру метафизиковъ, эстетиковъ, археологовъ и идеалистовъ. Вообще, преобладаніе отвлеченнаго, метафизико-идеалистическаго направленія научной мысли такъ очевидно эксплуатировало умственное развитіе массы народа, лишало его свѣта и благъ наукъ, что даже нѣкоторые нѣмцы-профессора стали примѣчать и обличать это зло. Такъ, въ московскомъ университетѣ профессоръ философіи Шаденъ, нападая на односторонность умозрѣнія въ наукѣ, говорилъ въ одной своей публичной рѣчи: «Ученость уподобляться должна солнцу. Какъ оно все озаряетъ, все творитъ плодоноснымъ, оживляетъ, по свойству каждаго тѣла, природою дарованнаго, и ободряетъ: равномѣрно такъ просвѣщеніе и науки должны своими лучами всѣхъ проницать, всѣхъ возбуждать сердца въ высоту, и прохлаждать всѣхъ увеселеніемъ, по мѣрѣ званія каждаго: а отъ празднаго умозрѣнія возможно ли сего уповать? Не ожидайте. Оно поэлику возгордѣвшись въ эѳирной своей

крѣпости засѣдаетъ, и не радѣя или еще презирая вещей естества или природы, новыя соплетаетъ съ помощью своего вѣрнаго приспѣшника воображенія роскошнаго, и намъ, хваля ихъ, представляетъ, какъ откровенія: то отъ общей чувствительности и отъ любви къ благу народному толико неотмѣнно удаляется, что никто почти его правилъ и наставленій постигнуть не можетъ. И то не чудесно, когда уже само себя не разумѣетъ. Какъ же просвѣтитъ, какимъ образомъ исправитъ другихъ» †).

Вчетвертыхъ, вѣковое преобладаніе низшихъ познавательныхъ способностей—чувствъ, памяти и воображенія и вѣковое отсутствіе предварительнаго, генеративно-послѣдовательнаго историческаго развитія раціональной, теоретической силы мышленія, въ связи съ восточно-византійскимъ консервативнымъ умственнымъ складомъ русскаго народа, были причиною того, что русская мысль никогда сама въ себѣ не вырабатывала и не испытала того могучаго духа сомнѣнія и скептицизма, какой всегда является предтечей духа изслѣдованія и критики и служитъ могучимъ мотивомъ къ неутомимымъ самостоятельнымъ умственнымъ изысканіямъ и работамъ. Въ естественномъ процессѣ и развитіи раціональной мыслительности, какъ извѣстно изъ психическихъ опытовъ и какъ показала исторія интеллектуальнаго развитія Европы, весьма могучій, прогрессивно-двигательный импульсъ составляетъ это особенное состояніе или возбужденіе мысли, извѣстное подъ названіемъ «духа сомнѣнія, духа скептицизма». Безъ него не мыслимъ прогрессъ, движеніе впередъ, а господствуетъ вѣчный застой, китаизмъ и рутина мыслей и культуры. То общество, которое не испытываетъ, не переживаетъ этого интеллектуальнаго состоянія или процесса сомнѣнія и скептицизма, которое неспособно скептически, или съ критическимъ анализомъ сомнѣнія отнестись къ своему умственному и соціальному міросозерцанію и строю, къ своимъ историческимъ традиціямъ и понятіямъ, къ своимъ вѣрованіямъ и всему образу мыслей и жизни, — то общество обречено быть вѣчнымъ Китаемъ и Монголіей. Критическій скептицизмъ, раціональное сомнѣніе — это историческій отчетъ разума народовъ или обществъ, критика прожитой исторіи и добытыхъ ею результатовъ міросозерцанія, это острый ножъ разсудка противъ предразсудковъ рутины и застоя. Кантъ такъ характеризуетъ этотъ естественно-историческій ходъ развитія человѣческаго разума: «Первый шагъ въ развитіи чистаго разума,

---

†) «Истор. моск. универс.», 160—161.

обозначающій его дѣтство, есть догматическій. Это періодъ догматическаго деспотизма надъ разумомъ. Второй шагъ въ развитіи разума есть шагъ скептическій, показывающій критическую предосторожность и предусмотрительность изощренной опытомъ силы разсудка. Но теперь необходимъ еще третій шагъ, который проходитъ уже только зрѣлая и мужественная сила разсудка, имѣющая въ основаніи твердыя и по своей всеобщности непреложныя, прочныя максимы. Именно эта сила разсудка подвергаетъ оцѣнкѣ не facta разума, но самый разумъ съ его силами и способностями къ познаніямъ a priori, она составляетъ не цензуру, а критику разума, посредствомъ которой должны быть доказаны не предположительно, но принципами, законами, должны быть показаны не просто сдержки и преграды, но опредѣленныя границы, предѣлы разума, не просто безсиліе или невѣдѣніе его въ той или другой части, но въ отношеніи всѣхъ возможныхъ вопросовъ извѣстнаго рода. Скептицизмъ есть только временное тихое пристанище для человѣческаго разума, гдѣ онъ опознается послѣ своего догматическаго странствованія и заблужденія, обсуждаетъ, осмысливаетъ его и дѣлаетъ обзоръ и очеркъ той области, гдѣ онъ находится, чтобы потомъ избрать себѣ дальнѣйшій путь впередъ, съ наибольшею разсчетливостью и вѣрностью. Скептицизмъ отнюдь не есть остановочное мѣсто для постояннаго пребыванія и застоя разума; потому что постояннаго мѣстопребыванія, отечества разумъ тогда только можетъ достигнуть съ полною достовѣрностью, когда онъ достигнетъ или познанія самыхъ предметовъ, или границъ, въ которыя заключены всѣ наши познанія о предметахъ» †). Европейскій разумъ уже не одинъ разъ путемъ скептицизма, сомнѣнія пролагалъ себѣ новые и широкіе прогрессивные пути интеллектуальнаго развитія.

---

†) «Kritik der reinen Vernunft», S. 554. Leipzig 1853. Эту глубокомысленную идею Канта о скептицизмѣ мы передадимъ здѣсь читателю въ подлинныхъ словахъ великаго философа: Der erste Schritt in Sachen der reinen Vernunft, der das Kinderalter derselben auszeichnet, ist dogmatisch. Der eben genannte zweite Schritt ist skeptisch, und zeugt von Vorsichtigkeit der durch Erfahrung gewitzigten Urtheilskraft... So ist der Skepticismus ein Ruheplatz für die menschliche Vernunft, da sie sich über ihre dogmatische Wanderung besinnen und den Entwurf von der Gegend machen kann, wo sie sich befindet, um ihren Weg fernerhin mit mehrerer Sicherheit wählen zu können, aber nicht ein Wohnplatz zum beständigen Aufenthalte; denn dieser kann nur in einer Völligen Gewissheit angetroffen werden, es sei nun der Erkentniss der Gegenstände selbst, oder der Grenzen, innerhalb denen alle unsere Erkenntniss von Gegenständen imgeschlossen ist. См. также S. 6.

Всѣмъ извѣстно огромное вліяніе на духъ изслѣдованія, естествоиспытанія и, вслѣдствіе того, на ходъ прогресса того знаменитаго философскаго сомнѣнія, съ котораго началъ мыслить и искать истину Декартъ въ XVI в. †). Всѣмъ извѣстенъ также второй, всемірно-историческій шагъ скептицизма, сомнѣнія, критики чистаго разума въ XVIII вѣкѣ, породившій великія изслѣдованія и открытія въ области естественной философіи и въ области соціологіи или соціальной философіи. Тотъ же Кантъ, глубочайшій мыслитель XVIII вѣка, замѣтилъ объ этомъ скептицизмѣ великаго философско-натуралистическаго вѣка: «Это есть плодъ зрѣлой разсудочной силы вѣка, это ничто иное, какъ критика чистаго разума... Нашъ вѣкъ есть собственно вѣкъ критики, которой все должно подвергнуться. Ни религія съ ея святостью, ни законодательство съ его величествомъ не могутъ избѣжать критическаго суда разума» ††). Тотъ же Кантъ, произведшій, по словамъ Шлоссера, революцію въ философіи, является законодателемъ разума, создаетъ новую философскую науку о разумѣ—«Kritik der reinen Vernunft» и «Kritik der praktischen Vernunft». Локкъ, Гельвецій тоже издаютъ философскіе трактаты о Разумѣ. Вольтеръ свой философскій словарь озаглавилъ la Raison. Гекcли весьма выразительно изображаетъ это безпокойное движеніе умовъ въ эпохи критическаго скептицизма и сомнѣнія: «въ каждомъ вѣкѣ—говоритъ онъ—встрѣчаются одинъ или два безпокойныхъ ума, одаренныхъ способностью созидать лишь на прочныхъ основахъ, или только одержимыхъ духомъ мучительнаго скептицизма: такіе умы не въ состояніи идти избитой и покойной дорогой своихъ праотцевъ и современниковъ и, не

---

†) Tennemann, «Gesch. der Philos.» Bd. X. S. 218.

††) Jetzt, nachdem alle Wege vergeblich versucht sind, herrscht Überdruss und gänzlicher Indiferentismus, die Mutter des Chaos und der Nacht in Wissenschaften, aber doch Zugleich der Ursprung, wenigstens das Vorspiel einer nahen Umschaffung und Aufklärung derselben, wenn sie durch übel angebrachten Fleiss dunkel, verwirrt und unbrauchbar geworden... Sie ist offenbar die Wirkung der gereiften Urtheilskraft des Zeitalters, und dieser ist kein anderer als die Kritik der reinen Vernunft selbst... Unser Zeitalter ist das eigentliche Zeitalter der Kritik, der sich Alles unterwerfen muss. Religion durch ihre Heiligkeit und Gesetzgebung, durch ihre Majestät, wollen sich gemeiniglich derselben entziehen. Aber alsdann erregen sie gerechten Verdacht wider sich, und können auf unverstellte Achtung nicht Anspruch machen, die die Vernunft nur demjenigen bewilligt, was ihre freie und öffentliche Prüfung hat aushalten können («Kritik der reinen Vernunft», S. 6—7).

взирая на тернія и камни преткновенія, пролагаютъ себѣ новые пути. Скептики впадаютъ въ безвѣріе и объявляютъ задачу неразрѣшимою, или вдаются въ атеизмъ, отрицающій возможность какого-либо правильнаго прогресса и законности въ природѣ; а производительные геніи предлагаютъ рѣшенія, изъ которыхъ возникаютъ то богословскія, то философскія системы; или же,—облекаясь въ мелодическіе звуки, въ которыхъ болѣе намековъ нежели указаній, — принимаютъ форму поэзіи данной эпохи. Каждый изъ такихъ отвѣтовъ на великій вопросъ непремѣнно объявляется послѣдователями проповѣдника, или самимъ проповѣдникомъ, окончательнымъ и послѣднимъ рѣшеніемъ, и считается таковымъ въ продолженіе одного, двухъ, а не то—и двадцати столѣтій; но съ теченіемъ времени непремѣнно оказывается, что такой отвѣтъ былъ только нѣкоторымъ подобіемъ истины, удовлетворительнымъ лишь въ силу невѣжества тѣхъ людей, которые его приняли, и вовсе не удовлетворяющимъ ихъ преемниковъ, успѣвшихъ уже расширить свои познанія. Есть одна старая, избитая метафора, въ которой проводится параллель между жизнью человѣка и превращеніемъ гусеницы въ мотылька; но сравненіе это будетъ и вѣрнѣе и новѣе, если мы примѣнимъ его къ умственному развитію человѣчества. Исторія показываетъ намъ, что умъ человѣческій, постоянно питаемый новыми пріобрѣтеніями науки, отъ времени до времени такъ возрастаетъ въ объемѣ, что прежнія теоретическія оболочки становятся для него тѣсны и онъ, разрывая ихъ, является въ новой формѣ, какъ питающаяся и растущая личинка скидаетъ по временамъ свою узкую шкурку и надѣваетъ другую, также временную. Правда, что до состоянія полнаго развитія человѣку повидимому еще страшно далеко, но каждая перемѣна шкурки есть все-таки шагъ впередъ, и такихъ шаговъ сдѣлано уже не мало. Со времени возрожденія наукъ, поставившаго племена западной Европы на тотъ путь къ истинному знанію, который открытъ былъ греческими философами, но впослѣдствіи почти палъ въ теченіе долгихъ вѣковъ умственнаго застоя или по крайней мѣрѣ колебанія, личинка человѣческая получала обильную пищу и возрастала соразмѣрно. Порядочную шкурку перемѣнила она въ XVI вѣкѣ, потомъ другую въ концѣ XVIII-го, а въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ чрезвычайное развитіе всѣхъ отраслей физическихъ наукъ доставило намъ умственный кормъ такого питательнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждающаго свойства, что кажется слѣдуетъ ожидать новаго линянія. Но процессъ этотъ нерѣдко сопровождается многими мучительными усиліями, болѣзненными припадками, ослабленіемъ организма и даже быть можетъ болѣе важными поврежденіями; при такихъ обстоятельствахъ каждый

добрый гражданинъ обязанъ чѣмъ-нибудь облегчать эту операцію, и если въ его распоряженіи ничего нѣтъ кромѣ анатомическаго ножа, то хоть этимъ ножомъ долженъ онъ, по крайнему своему разумѣнію, помочь вскрытію надтреснувшейся оболочки» †). Наконецъ, сомнѣніе составляетъ существенно-необходимый руководительный принципъ въ естествоиспытаніи, въ экспериментальномъ развитіи знаній. Клодъ Бернаръ развиваетъ эту мысль такъ: «первое условіе, которое долженъ сюблюдать естествоиспытатель, при изслѣдованіи естественныхъ явленій, — это полнѣйшая свобода разума, основанная на философскомъ сомнѣніи (doute philosophique)». Не должно быть совершеннымъ скептикомъ: должно вѣрить въ науку, въ знаніе, или въ послѣдній выводъ; въ абсолютное и необходимое соотношеніе вещей, какъ въ явленіяхъ, свойственныхъ живымъ существамъ, такъ и во всѣхъ другихъ; но необходимо въ тоже время быть убѣжденнымъ, что это соотношеніе болѣе или менѣе приблизительное, и что теоріи, которыми мы обладаемъ, далеки до непоколебимыхъ, неизмѣнныхъ истинъ. Великій принципъ опыта (experimence) есть сомнѣніе, сомнѣніе философское (doute philosophique), представляющее разуму его свободу и его инициативу. Сомнѣніе—это главное, основное, руководительное начало экспериментальнаго метода; оно заключается или выражается въ томъ положеніи, что заключеніе нашего мышленія или сужденія всегда должно оставаться сомнительнымъ, пока точка отправленія или принципъ—не абсолютная истина. Мы знаемъ, что абсолютная истина существуетъ только въ математическихъ началахъ; въ явленіяхъ естественныхъ точки, отъ которыхъ мы отправляемся, и заключенія, къ которымъ приходимъ, представляютъ только относительныя истины. Слѣдовательно экспериментаторъ впадетъ въ ошибку, если будетъ увѣренъ, что знаетъ то, чего еще не знаетъ, и если относительныя истины будетъ принимать за истины абсолютныя. Такимъ образомъ единственное и основное начало изслѣдованія сводится къ сомнѣнію, что̀ уже впрочемъ прежде провозглашено было великими философами» ††).

При такомъ высокомъ развитіи и господствѣ скептико-философскаго, критическаго разума на западѣ, что̀ было въ нашей умственной жизни? У насъ никогда не было самостоятельнаго и непрерывно-послѣдователь-

†) Гёксли, «О положеніи человѣка въ ряду органическихъ существъ», 65—66.

††) M. Claude Bernard, «Introduction à l'étude de la médecine experimentale», въ главѣ de l'idée a priori et du doute, 63—88.

наго развитія скептицизма, духа сомнѣнія и критики чистаго разума. Потому что у насъ долгое время не развивалось и самое мышленіе. А сомнѣніе или скептицизмъ возникаетъ только тогда, когда достаточно созрѣетъ сила разсудка, сила раціональной мыслительности и въ достаточной мѣрѣ вооружится точными, положительными знаніями. Одинъ изъ глубочайшихъ западныхъ наблюдателей умственной жизни Россіи, докторъ Эрманъ такъ характеризуетъ интеллектуальный типъ нашего третьяго послѣ-петровскаго поколѣнія, живущій еще и доселѣ почти во всей неизмѣнности. «Если—говоритъ онъ—произнести общій судъ о лучшей, образованной части русской націи по отношенію ея къ наукѣ, то должно сказать, что хотя легко возбуждаемый, но поверхностный жаръ русскихъ умовъ благопріятствуетъ быстрому схватыванью общихъ точекъ зрѣнія (Standpunktes), благопріятствуетъ легкому усвоенію научныхъ результатовъ, но зато рѣдко находится въ нихъ то глубокое и сильное чувство жажды истины, стремительности къ изысканію, которое одно только можетъ побуждать къ постояннымъ собственнымъ, самостоятельнымъ изслѣдованіямъ. Вообще въ русскомъ обществѣ склонность къ положительнымъ и абсолютнымъ догматическимъ знаніямъ встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ сомнѣніе (Zweifel), вызывающее къ собственнымъ, самостоятельнымъ изслѣдованіямъ. И съ этимъ умственнымъ направленіемъ, кажется, можно сказать положительно, находится въ тѣснѣйшей внутренней связи религіозное состояніе разсматриваемой части націи, такъ что даже трудно рѣшить, которое изъ двухъ умственныхъ направленій должно разсматривать какъ главное и преобладающее» †). Этотъ отзывъ иностраннаго писателя о нашемъ интеллектуальномъ характерѣ исторія русской мысли вполнѣ подтверждаетъ. Въ XVIII вѣкѣ, когда впервые пробуждалась русская мысль, подъ вліяніемъ могучихъ философско-скептическихъ идей западнаго разума, повидимому сталъ зарождаться скептицизмъ и въ юныхъ русскихъ умахъ и прежде всего, естественно, въ области религіи, въ той сферѣ, гдѣ много вѣковъ всецѣло заключена была русская мысль. Но какой это былъ скептицизмъ? Вмѣсто глубокаго, серьезнаго философско-критическаго мышленія и изслѣдованія истины, господствовала, по словамъ фонъ-Визина, «одна мода на умы». А потому, вмѣсто истиннаго, самостоятельнаго критическаго сомнѣнія, господствовало одно модное, легкомысленное и поверхностное увлеченье волтерьянствомъ и т. п. Сомнѣ-

---

†) Erman, «Reise», I, 88—89.

вались, такъ сказать, чужимъ сомнѣніемъ, легкомысленно, безотчетно, вѣтренно и только до первой поры самаго мистическаго увлеченья. Весь скептицизмъ состоялъ въ заученныхъ модныхъ фразахъ богохульства и кощунства. Не было и зачатковъ, въ глубинѣ мысли, самостоятельной скептической критики чистаго разума. Фонъ-Визинъ говоритъ: «лучшее препровожденіе времени въ обществѣ (одного князя, молодаго писателя) состояло въ богохуленіи и кощунствѣ... Въ кощунствѣ я и самъ не послѣднюю роль игралъ; ибо всего легче шутить надъ святыней, а въ аристократіи грубый матеріализмъ, сладострастіе смѣшивались съ атеизмомъ» †). Про одного графа фонъ-Визинъ пишетъ: «Сей графъ былъ человѣкъ знатный по чинамъ, почитаемый умнымъ человѣкомъ, но погрязшій въ сладострастіе. Онъ былъ уже старыхъ лѣтъ и все дозволялъ себѣ, потому что ничему не вѣрилъ... Ему вздумалось за обѣдомъ открыть свой образъ мыслей или, лучше сказать, свое безбожіе при молодыхъ людяхъ, за столомъ бывшихъ, и при прислугахъ. Разсужденія его были софистическія, но совсѣмъ тѣмъ поколебали мою душу... я, терзаемъ будучи мыслями, посѣянными въ меня безбожническою бесѣдою, подумавъ хорошенько и призвавъ Бога на помощь, хотѣлъ опредѣлить систему мою въ разсужденіи вѣры. Съ сего времени считаю я вступленіе мое въ совершенный возрастъ; ибо началъ чувствовать дѣйствіе здраваго разсудка. Итакъ отправился я въ Царское село въ твердомъ намѣреніи упражняться въ богомысліи. Тамъ, читая Библію на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, каждое утро ходилъ я въ садъ размышлять. Въ саду встрѣтился со мной Тепловъ и указалъ для разъясненія сомнѣній книгу Кларка—Доказательство бытія Божія и истины христіанской вѣры» ††). Изъ этого признанія фонъ-Визина видно, какъ слабы, несостоятельны и шатки были даже лучшіе русскіе умы XVIII вѣка, какъ слабо и несамостоятельно было въ нихъ мышленіе и какъ не глубоки, не тверды, измѣнчивы были ихъ скептическія убѣжденія. Потомъ самъ же фонъ-Визинъ хорошо понялъ на опытѣ всю мелкость скептицизма русскихъ мыслителей. «Я вижу,—говоритъ онъ,—что безбожники раздѣляются на нѣсколько классовъ: одни суть невѣжды и глупые люди. Они никогда ничего внимательно не разсматриваютъ, а прочитавъ Волтера и не понявъ его отвергаютъ бытіе Божіе для того, что полагаютъ себѣ славою почитаться выше всѣхъ предразсудковъ...

---

†) «Полн. собр. соч. фонъ-Визина», 511.

††) «Чистосерд. призн.» Соч. фонъ-Визина, 1852, 519—527.

Есть еще родъ безбожниковъ, кои умствуютъ и думаютъ доказать доводами, что Богъ не существуетъ.» Тепловъ подтвердилъ отзывъ фонъ-Визина о модности и поверхностности атеистическаго вольномыслія русскихъ скептиковъ-волтерьянцевъ: «сіи людишки—говорилъ онъ—не невѣруютъ, а желаютъ, чтобы ихъ считали невѣрующими; ибо вмѣняютъ себѣ за стыдъ не быть съ Волтеромъ одного мнѣнія. Вѣрьте мнѣ, что для развращенія юношества нѣтъ нужды ни въ Волтеровомъ умѣ, ни въ его дарованіяхъ. Графъ, у котораго вы обѣдали, сдѣлалъ въ Россіи не менѣе разврата Волтерова, имѣвъ голову довольно ограниченную. Я знаю, что молодаго, слабенькаго человѣка можетъ развратить такой, кто еще ограниченнѣе графа... На сихъ дняхъ случилось мнѣ быть у одного пріятеля, гдѣ видѣлъ я двухъ гвардіи унтеръ-офицеровъ. Они имѣли между собою большое преніе: одинъ утверждалъ, другой отрицалъ бытіе Божіе. Отрицающій кричалъ: «нечего пустяки молоть: а Бога нѣтъ.» Я вступился и спросилъ его: «да кто тебѣ сказывалъ, что Бога нѣтъ?» «Петръ Петровичъ Чеб...... вчера на гостиномъ дворѣ,» отвѣчалъ онъ. «Нашелъ и мѣсто,» сказалъ я» †). Даже въ обществѣ женщинъ были скептическія бесѣды. По изображенію Екатерины, Ханжихина, на требованіе объясненія необычайныхъ явленій жизни законами природы, отвѣчала: «такъ вы ничему нынче не вѣрите; у васъ все натура!» ††) Появились у насъ и отрицатели откровенной религіи. На это указываютъ слова одного изъ русскихъ писателей, который самъ заплатилъ дань французской философіи: «отступники откровенной религіи доселѣ дѣлали болѣе вреда Россіи, нежели непризнаватели бытія Божія—атеисты: таковыхъ у насъ мало» †††). Изъ первыхъ наиболѣе твердъ былъ въ своихъ раціоналистическихъ убѣжденіяхъ проф. моск. университета Мельманъ. Въ дѣлѣ объ немъ сказано, что «въ бытность свою у митрополита Платона обнаружилъ хульныя нѣкія и оскорбительныя свои мысли противъ христіанской религіи, и когда призванъ былъ приватно къ куратору Хераскову для испытанія его системы и образа мыслей, и въ присутствіи старшихъ четырехъ профессоровъ нетолько явно обнаружилъ развратныя свои мысли противъ самаго основанія откровенной религіи, но даже торжественно сказалъ, что онъ долгомъ своимъ считаетъ сообщать сіе и другимъ, за что для предупрежденія всякаго разврата для

†) «Чист. призн.», 523—524.
††) Гал., 438.
†††) Гал., 532.

обучающагося юношества немедленно былъ исключенъ изъ университета.» Митрополитъ Платонъ доносилъ: «Мельманъ вызвался, что религія христіанская должна основываться на разсудкѣ человѣческомъ и на философіи; я, напротивъ, не опровергая разсудокъ человѣческій, утверждалъ, что паче, или единственно надлежитъ утверждаться на словѣ Божіемъ. Но Мельманъ, напротивъ, хотя не показался совсѣмъ отвергать слово Божіе, однако не иначе, какъ если оно сходно съ разсудкомъ и философіею, причемъ утверждалъ, что просвѣщенія къ нравоученію можно болѣе почерпнуть изъ языческихъ писателей, нежели изъ церковныхъ учителей» †).

Таковы были слабые зачатки скептицизма въ русскихъ умахъ. Они были не глубоки, не зрѣлы и не тверды. Въ русскихъ умахъ не вырабатывался и не могъ вырабатываться послѣдовательно, генеративно, путемъ напряженной и глубокомысленной умственной работы, самостоятельный и глубокомысленный скептико-критическій складъ мысли. Для устойчивой и могучей силы скептическаго духа, критическаго отрицанія не доставало въ русскихъ умахъ ни силы мышленія, разума, ни научной и въ особенности естествоиспытательной умственной подготовки. «Чувствительность» или чувствованія преобладали надъ силою холодно-разсудочнаго мышленія. Въ восторженныхъ, исполненныхъ чувствительности рѣчахъ своихъ, современники обыкновенно говорили: «Позвольте пройти молчаніемъ, гдѣ силы разума моего великость чувствъ нашихъ обнять не могутъ» ††). Головы русскія были еще не твердыя мышленіемъ и пустыя по познавательному содержанію. По словамъ фонъ-Визина, русскіе «набивали пустыя головы чужимъ умомъ». А поэтому все и, слѣдовательно, это скептически-отрицательное направленіе мыслей навѣяно было извнѣ, съ запада, а въ глубинѣ русскихъ умовъ не имѣло никакихъ корней и основъ. Всѣ вольнодумныя, скептическія идеи были пылкимъ, юношескимъ увлеченьемъ юныхъ, несамостоятельныхъ умовъ, а не были зрѣлымъ плодомъ самостоятельнаго, критическаго мышленія, изслѣдованія и изученія, не были твердыми, вполнѣ обдуманными, основательными логическими выводами, выработанными многотруднымъ, многосложнымъ процессомъ самостоятельной мыслительной работы и борьбы. И вотъ прошло немного времени, — и весь этотъ скептицизмъ сталъ

---

†) «Чт. общ.» 1859 г. кн. IV, смѣсь, стр. 199—200.

††) «Чт. общ.» 1860 г. кн. II, отд. V, стр. 64.

жалко вывѣтриваться изъ легкомысленныхъ русскихъ головъ, при первомъ вѣтрѣ новаго потока мыслей. Почти всѣ, кто въ 60 — 80-хъ годахъ увлекся скептическимъ движеніемъ разума, послѣ 90-хъ годовъ стали раскаяваться, отрицать свой прежній скептицизмъ. Мы видѣли, какъ фонъ-Визинъ въ «Чистосердечномъ признаніи своемъ» мучился и раскаявался послѣ своего увлеченья атеистическимъ скептицизмомъ. Лопухинъ въ запискахъ своихъ тоже сознается: «Никогда не былъ еще я постояннымъ вольнодумцемъ, однако, кажется, больше старался утвердить себя въ вольнодумствѣ, нежели въ его безуміи, и охотно читывалъ Волтеровы насмѣшки надъ религіею, Руссовы опроверженія и прочія подобныя сочиненія. Весьма замѣчательный со мною случай перемѣнилъ вкусъ моего чтенія и рѣшительно отвратилъ меня отъ вольнодумства. Читая извѣстную книгу «Système de la Nature», съ восхищеніемъ читалъ я въ концѣ ея извлеченіе всей книги, подъ именемъ Устава натуры (Code de la Nature). Я перевелъ уставъ этотъ, любовался своимъ переводомъ, но напечатать его нельзя было. Я расположился разсѣевать его въ рукописяхъ. Но только-что дописалъ первую самымъ красивымъ письмомъ, какъ вдругъ почувствовалъ я неописанное раскаяніе. Не могъ заснуть ночью, прежде нежели сжегъ я и красивую мою тетрадь, и черновую. Но все я не былъ спокоенъ, пока не написалъ, какъ-бы въ очищеніе себя, разсужденія о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями и пр., которое въ первый разъ напечатано, помнится, въ 1780 году. Сіе происходило года за два до вступленія моего въ общество (Масонское, мартинистовъ). Первыя же книги, родившія во мнѣ охоту къ чтенію духовному, были: извѣстная «О Заблужденіяхъ и Истинѣ» и Арндта «О истинномъ христіанствѣ».» И самъ же Лопухинъ объясняетъ намъ причину такой умственной шаткости и измѣнчивости своей, когда говоритъ о своемъ воспитаніи: «воспитанъ я въ разсужденіи тѣла въ крайней нѣгѣ, а со стороны знаній въ большомъ небреженіи... Если я что знаю, то подлинно самоучкою» †). Въ 1810 г. одинъ помѣщикъ, возставая противъ освобожденія крестьянъ, пишетъ своему губернатору: «Признаюсь, мысли мои въ то время (около 1790 г.) были весьма различны отъ нынѣшнихъ. Я не избѣжалъ тогда соблазна отъ лживыхъ прелестей французскаго переворота, который не токмо до губерніи нашей, но и до глубины самой Сибири, простеръ свое вліяніе на молодые умы.

†) Зап. Лопухина, «Чтен. общ.» 1860 г. кн. 2 отд. 1, стр. 14 и 15.

Естественно было поколебаться всѣмъ намъ, воспитаннымъ въ началѣ осьмнадцатаго столѣтія. Обманутое наше воображеніе носилось въ мечтательномъ мірѣ, который никогда не былъ и, вѣроятно, никогда не будетъ подлиннымъ въ мірѣ, который предполагаетъ людей совершенными, слѣдовательно, достойными вольности неограниченной и власть дѣлаетъ только выраженіемъ общей воли. Разсѣялась сія мечта для всѣхъ и для меня: власть, въ умахъ, самыхъ предубѣжденныхъ противъ нея, стала тѣмъ, чѣмъ была искони, т. е. однимъ изъ первѣйшихъ средствъ, употребляемыхъ Провидѣніемъ для нашего счастія, возможнаго на сей землѣ, изліяніемъ самого Божества... По-истинѣ, должно удивляться, что нѣкоторые слѣды прошедшаго изступленія имѣютъ еще и понынѣ мѣсто. Люди, впрочемъ почтенные, признавая необходимость монархіи въ большихъ массахъ, продолжаютъ отвергать оную въ меньшихъ (помѣщичьихъ), изъ коихъ первыя состоятъ. Какъ будто могутъ быть въ одномъ и томъ же отношеніи вещей между собою начала различныя!» †) Другой, неизвѣстный авторъ, возражая на книгу гр. Стройновскаго объ условіяхъ съ крестьянами и тоже отрицая свободу крестьянъ, выражаетъ уже какую-то боязнь и фанатическое предубѣжденіе противъ разума. «Довольно, скажутъ мнѣ,—говоритъ онъ,—довольно здраваго смысла и разума, чтобы понять ясно всѣ пользы, долженствующія проистечь изъ свободнаго состоянія крестьянъ. Но развѣ не видѣли мы царства разума во Франціи? Развѣ не подъ его владычествомъ ниспроверженъ престолъ, разрушены вѣра, законы, родство? Развѣ не во имя разума милліоны французовъ отреклись отъ сознанія Всевышняго, дѣти отъ признательности родителямъ, а сіи отъ вѣчной обязанности противъ ихъ, расторглись всѣ связи общежитія, пали всѣ узы, соединяющія людей... Все сіе было и происходило въ глазахъ нашихъ. Кто осмѣлится сказать: нѣтъ!» ††)

Извѣстно, что каждый интеллектуально развивающійся человѣкъ, каждый, особенно даровитый мыслящій юноша, въ извѣстный періодъ

---

†) «Практ. защищ. противъ иностранцевъ существующей нынѣ въ Россіи подчиненности поселянъ ихъ помѣщикамъ, или соглашеніе сей подчиненности съ всеобщими началами монархич. правленія и государств. полиціи, а также и съ истиннымъ благосостояніемъ человѣчества.» Въ «Чтен. общ. истор.» стр. 136.

††) Возраж. неизвѣстнаго на книгу, соч. гр. Стройновскимъ объ условіяхъ съ крестьянами 1811 г. въ «Чтен. общ. истор.»

своего умственнаго развитія, переживаетъ болѣе или менѣе тяжелую борьбу, пытку, ломку своихъ мыслей, при началѣ склада своего умственнаго типа, умственной индивидуальности, умственнаго характера. Такъ и цѣлыя мыслящія поколѣнія историческихъ народовъ, въ извѣстныя эпохи своего умственнаго роста, тоже переживаютъ эти умственные кризисы и переломы. Для многихъ тяжка, мучительна, даже болѣзненна бываетъ эта переходная умственная борьба. Счастливъ и плодотворенъ исходъ этой умственной борьбы у того юнаго ума, у того юнаго мыслящаго поколѣнія, у котораго развиты, крѣпки, могучи мозговыя, интеллектуальныя силы, у котораго шла передъ тѣмъ напряженная, глубокая, сильная самостоятельная умственная работа, у котораго, слѣдовательно, была выработана предварительная, широкая, богатая умственная подготовка, сложенъ богатый мозговой запасъ силъ, энергіи, критики, знаній. Счастливы Декарты, Руссо и Волтеры, счастливы европейскія поколѣнія этихъ penseurs libres XV и XVI вв., этихъ гуманистовъ, что произвели, по выраженію Гизо, insurrection de la raison. Напротивъ, злополученъ, несчастливъ и болѣзненъ исходъ этой умственной борьбы въ тѣхъ юныхъ умахъ, въ тѣхъ юныхъ мыслящихъ поколѣніяхъ, у тѣхъ націй, гдѣ не было предварительнаго, многовѣковаго, генеративно - послѣдовательнаго развитія силъ мозговыхъ, мысли, разума, гдѣ не было, слѣдовательно, прочной умственной подготовки и устойчивости. Патологическими умственными явленіями кончается или сопровождается здѣсь эта тяжелая борьба мыслей. И горе потомъ будетъ отъ ума, если здѣсь, въ этотъ первый критическій моментъ умственнаго испытанія и борьбы юные умы юнаго мыслящаго поколѣнія не смогутъ, не совладаютъ съ напоромъ сомнѣнія и скептицизма, не выработаютъ устойчивой критики чистаго разума, не устоятъ въ движущихъ началахъ разума, не выйдутъ побѣдоносно изъ борьбы съ анти-раціональными началами и не пойдутъ дальше твердымъ, самостоятельнымъ путемъ изслѣдованій и критики чистаго разума. Умственныя болѣзни, реакція, тяжелая реакція, и долговременное умственное усыпленіе, безсиліе и рабство—вотъ несчастье этой умственной импотенціи въ первой борьбѣ скептицизма. Къ несчастію, мы, русскіе, испытали это горе отъ ума. Да, первое испытаніе юной русской мысли кончилось не совсѣмъ удачно и плодотворно. Значитъ, еще не доросли, не дозрѣли русскіе умы до степени европейской интеллектуальной силы и крѣпости. И не могло быть иначе въ поколѣніи умственныхъ недорослей, недоумовъ.

Печальный исходъ перваго скептическаго настроенія русской мысли,

въ европейскомъ смыслѣ и направленіи, сопровождался весьма невыгодными умственными отступленіями съ прямаго пути европейскаго, критическаго интеллектуальнаго движенія и тяжелымъ, мрачнымъ умственнымъ патологизмомъ. Началась умственная реакція. Вопервыхъ, принципъ нравственныхъ истинъ и началъ, при слабости русской критической мысли, направленъ былъ въ ущербъ развитію научнаго, теоретическаго разума и мышленія, въ ущербъ развитію истинъ и началъ умственныхъ. Тогдашніе, особенно реактивные русскіе умы вовсе не понимали того закона умственнаго развитія, что нравственныя истины и убѣжденія сами въ себѣ не заключаютъ зерна для развитія и силы для осуществленія, что развиваются однѣ умственныя истины и начала, что умственныя теоріи или истины создаютъ, вырабатываютъ нравственныя истины, нравственную практику, такъ, что качества и направленія умственной теоріи обусловливаютъ качества и направленія нравственной практики, что, однимъ словомъ, одни умственныя знанія и истины обусловливаютъ развитіе нравственныхъ истинъ и убѣжденій. Не понимая этого, они, въ отпоръ теоріи западной философіи, требовали развитія одного нравоученія. Теоретическая сила русской мысли, сила разсудка, способность сравненія, отвлеченія, обобщенія и выводовъ, вообще способность мышленія и безъ того была слаба, не развита, не зрѣла, не самостоятельна и не тверда. А тутъ еще робкіе умы и ся убоялись, смутились и ударились въ мрачный умственный расколъ. Раздался голосъ противъ теорій, противъ теоретическаго развитія мысли. Духъ раціональнаго сужденія и теорій запрещался, вмѣсто него предписывалась строгая мораль; вмѣсто умственныхъ истинъ требовалось преуспѣвать въ одной добродѣтели, въ однѣхъ истинахъ нравственныхъ. Новиковъ въ «Утреннемъ Свѣтѣ» возвѣстилъ: «сколько полезно нравоученіе, столько безполезны теоріи». Митрополитъ Платонъ предписывалъ воспитателямъ юношества: «чтобъ ученики не въ наукахъ, а болѣе въ добродѣтели преуспѣвали». Учителямъ и проповѣдникамъ онъ завѣщалъ: «чтобы они ѳеоретическихъ мыслей подальше себя вели, чтобъ не заблудиться, а больше держались бы нравоученія» †). Вслѣдствіе боязни и отрицанія теоретическаго мышленія, неизбѣжна поднята была особенно-фанатическая полемика противъ философскихъ теорій, философскаго скептицизма, противъ

---

†) Жизн. митр. Платона.

критики чистаго разума, противъ критическаго отрицательнаго направленія философской теоретической мысли. Такіе духовные авторитеты нравственно-теологическаго воспитанія умовъ, какъ митрополиты Платонъ, Анастасій Братановскій и другіе, стали во главѣ этой оппозиціи противъ вольномыслія и скептицизма. Послѣдній духовный писатель, съ цѣлію подорвать ученіе философовъ XVIII вѣка, перевелъ съ французскаго языка двѣ книги: «Предохраненіе отъ безвѣрія и нечестія» (1799 г.) и «Истинный Мессія или доказательство о божественномъ пришествіи въ міръ Іисуса Христа и его божествѣ» (1801). Въ то же время появилась тьма переводовъ и сочиненій противъ вольномыслія, каковы напримѣръ: «Безсмертіе души, основательно противъ безбожниковъ и скептиковъ доказанное» (1779 г.); «Посрамленный безбожникъ и натуралистъ» (1787 г.); «Торжество вѣры надъ невѣрующими и вольномыслящими» (1792); «Волтеръ обнаженный» (1787), «Волтеръ изобличенный» (1792), «Волтеровы заблужденія» и пр. Вслѣдствіе такой реакціи, въ Москвѣ остановлено было въ 1789 г. изданіе всѣхъ сочиненій Волтера. Въ 1796 г. уничтожены частныя вольныя типографіи, дозволенныя указомъ 1783 года, ограниченъ ввозъ иностранныхъ книгъ и въ Петербургѣ, Москвѣ, Ригѣ, Одессѣ и при Радзивиловской таможнѣ учреждены цензуры. Наконецъ, вслѣдствіе преобладанія нравственно-созерцательнаго настроенія разума, многіе юные русскіе умы не смогли въ области теоретическаго философскаго мышленія и, оказавшись безсильными въ области положительной философіи и науки, въ сферѣ естествоиспытанія, впали въ отчаяніе и погрузились въ нравственно-созерцательный мистицизмъ, или, по выраженію Екатерины Великой, «сдурачились» †). Дѣйствительно, Новиковъ, напримѣръ, эта честнѣйшая личность втораго послѣ-петровскаго поколѣнія, этотъ знаменитый основатель «Дружескаго ученаго общества» и первой въ Россіи народообразовательной ассоціаціи, основатель вольной типографіи и типографской компаніи, этотъ первый незабвенный въ нашей исторіи пропагандистъ народнаго образованія, не щадившій ни денегъ, ни жизни для безмезднаго учрежденія народныхъ училищъ, библіотекъ, аптекъ, первый популяризаторъ ученыхъ книгъ въ Россіи, первый истинный другъ университетской молодежи и всего русскаго юношества, наконецъ, этотъ русскій любвеобильный хлѣбодаръ, раздававшій бѣднымъ хлѣбъ

---

†) Письмо къ Циммерману 1787 г.

во время неурожаевъ, какъ глубоко палъ умственно этотъ незабвенный, знаменитый нашъ Новиковъ! †) На самой ранней утренней зарѣ русскаго разума, увидѣвши въ себѣ и въ другихъ безсиліе юнаго русскаго ума въ области философскаго мышленія и естествоиспытанія, Новиковъ съ компаніею отчаялся въ силахъ разума. Въ журналѣ «Вечерняя Заря» онъ говоритъ: «Вечерняя Заря—это слабый свѣтъ нашего разума въ сравненіи съ полдневнымъ свѣтомъ мудрости, которымъ блисталъ праотецъ человѣковъ Адамъ. Потемненный паденіемъ Адама, человѣческій разумъ тремя степенями восходитъ до лучезарнаго полдневнаго свѣта: самопознаніемъ, познаніемъ природы и чтеніемъ св. писанія.» Всю энергію своего мистическаго разстроеннаго ума Новиковъ съ компаніею устремилъ на полемику противъ вольномыслія и на распространеніе нравственно-мистическихъ заблужденій. «Цѣлое море душеспасительныхъ книгъ — говоритъ сотоварищъ Новикова Невзоровъ — было противопоставлено адской волѣ вольнодумческихъ и безбожныхъ сочиненій.» «Причиною предпріятія «Московскаго изданія» (1781 г.) — говоритъ самъ Новиковъ въ предисловіи — было состраданіе, которое всякій мыслящій чувствуетъ, что люди умные, просвѣщенные и почтенные говорятъ надменно и вооружаясь остроуміемъ о законѣ, ко спасенію рода человѣческаго первыми людьми полученномъ, и взирая на простодушныхъ людей, прилежно внимающихъ умствованію вольномысленныхъ мудрецовъ.» Вслѣдствіе сознанія въ себѣ безсилія скептицизма и натурально-философскаго мышленія, отвергая теоретическій разумъ, масонскіе мыслители утончали въ себѣ нравственно-созерцательный разумъ, проповѣдывали, какъ напр. Лопухинъ въ «Нравоучительномъ катихизисѣ истинныхъ ф—къ м—въ», наставленія, какъ «умерщвлять чувства лишеніемъ того, что̀ ихъ наслаждаетъ, въ наукѣ видѣть тайны царствія Божія и правды его» и т. п. До тяжелаго нервно-мозговаго патологизма доходило умственное движеніе нашихъ масонскихъ

---

†) О заслугахъ Новикова по части книжной торговли, между прочимъ, Карамзинъ говоритъ: «25 лѣтъ назадъ (до 1802 г.) въ Москвѣ было 2 книжныхъ лавки, теперь ихъ 20. Новиковъ въ Москвѣ былъ главный распространитель книжной торговли, онъ взялъ на откупъ университетскую типографію, издавалъ, переводилъ книги, завелъ книжныя лавки въ другихъ городахъ; прежде расходилось «Московскихъ Вѣдомостей» только 600 экземпляровъ; Новиковъ обогатилъ, оразнообразилъ ихъ содержаніе, выдавая при Вѣдомостяхъ «Дѣтское Чтеніе»; черезъ 10 лѣтъ число подписчиковъ возрасло до 4000; съ 1797 г. въ Вѣдомостяхъ печатались Высочайшіе указы, и число подписчиковъ возрасло до 6000 («Вѣст. Евр.» 1802 г. ч. 3, № 9, стр. 57 — 64).

мыслителей. То патологическое или психопатическое настроеніе умовъ, какое Европа пережила съ VIII до XV вѣка, новорожденное мыслящее русское поколѣніе пережило теперь, въ лицѣ Лопухина, Новикова и его компаніи. Не даромъ, московскіе масоны и тяготѣли умственно къ средневѣковымъ алхимическимъ и астрологическимъ авторитетамъ и знаніямъ. Не въ силахъ будучи идти и работать въ уровень съ тѣмъ великимъ умственнымъ движеніемъ и переворотомъ, какое въ то время произвели въ Европѣ Ньютонъ, Лапласъ, Лавуазье — эти великіе отцы новаго европейскаго поколѣнія, основоположители новыхъ началъ умственной и матеріальной цивилизаціи Европы,—наши масонскіе мыслители, въ безсиліи и отчаяніи, отступились далеко назадъ къ темнымъ временамъ Парацельса и алхиміи. Оказавшись несостоятельными въ области умозрительныхъ теорій и въ области положительныхъ, точныхъ изслѣдованій природы, масонскіе мыслители хотѣли пытать природу по примѣру средневѣковыхъ алхимиковъ и выпытывать изъ нея двухъ чудесныхъ откровеній: всеобщаго лекарства, которое бы дѣлало всѣхъ здоровыми, и философскаго камня, посредствомъ котораго всѣ металлы обращались бы въ золото. Съ этою цѣлью переведена была Парацельсова «Химическая Псалтырь». Отвергая астрономію и химію, они вѣрили астрологіи и алхиміи. Парацельсъ былъ для нихъ выше Лавуазье, Бемъ или Порреджъ—выше Кеплера, Коперника или Лапласа. Нельзя безъ печали, безъ глубокой грусти вспомнить это тяжелое, мрачное, патологическое настроеніе русскихъ умовъ, въ то время, когда на западѣ геніи Лавуазье, Лапласа, Кювье, Пуассона, Уатта, Волтера, Руссо, Фурье и многихъ другихъ развивали въ высокоразвитомъ западномъ умственномъ типѣ новыя интеллектуальныя качества и силы и передавали ихъ въ генеративное наслѣдство новымъ могучимъ естествоиспытательнымъ генераціямъ — геніямъ Гумбольдтовъ, Либиховъ, Дарвиновъ, Контовъ и т. п. Тамъ, на западѣ, какая страшная наступила реакція, послѣ великаго революціоннаго движенія разума! Геній же, выразившій глубокое уваженіе генію Лапласа, Лагранжа, Монжа и Бертоле, геній Наполеона I-го съ громомъ и молніею Марса пронесъ по Европѣ императиву реакціи противъ идей Разума 93 годъ. А палъ ли, остановился ли разумъ въ своемъ всемірно-историческомъ движеніи? Нисколько. А у насъ еще не успѣлъ дорости до высоты европейской интеллигенціи юный русскій умъ, не успѣлъ сдѣлать ни одного открытія въ области естествоиспытанія, даже не успѣлъ еще развить въ себѣ естествоиспытательныхъ силъ и способностей,—и уже сейчасъ же, при первомъ испытаніи, при первомъ обнаруженіи своего безсилія въ области чистаго мышленія и естествоис-

пытанія, приходилъ въ отчаяніе, падалъ и отступалъ далеко назадъ. Ясно, какъ еще слабы, неразвиты были молодыя силы русскаго ума, какъ еще глубоко было ему проникать до той глубины мысли и пониманія, какъ высоко еще было ему доростать и досягать до той высоты интеллигенціи и проницательности и, наконецъ, достигать до той широты умственнаго взгляда и міросозерцанія, какія свойственны были разуму западному. На первомъ же трудномъ шагу скептицизма, при первой реакціи, онъ спотыкался, изнемогалъ и заблуждался. Оказавшись безсильнымъ къ глубоко-научному естествоиспытанію, къ самостоятельной выработкѣ великихъ естественно-научныхъ теорій и обобщеній, заблудившійся умъ русскій сталъ даже отрицать глубоко-научное экспериментальное изслѣдованіе и изученіе природы. Одни масонскіе мыслители находили ненужнымъ, излишнимъ употреблять въ дѣлѣ изученія природы всѣ тѣ искусственныя средства, какія въ теченіе вѣковъ выработали европейскіе геніи, напр. телескопы, лабораторіи, тигли и другіе химическіе снаряды. Они возвращались къ старымъ способамъ непосредственно-натуральнаго, чувственно-мистическаго міросозерцанія. «Нѣтъ спору, — говорилъ напр. Невзоровъ,—что натуру должно испытывать и познавать для двухъ особливо причинъ: вопервыхъ, чтобы познаніемъ ея открывать и доставлять себѣ способы жить въ мірѣ, въ которомъ мы находимся, и таковымъ образомъ другъ другу помогать; вовторыхъ, для созерцанія славы Божія и таинствъ его творенія. Что касается до перваго, то въ публичныхъ школахъ и университетахъ болѣе гораздо стараются знать природу, нежели то нужно для общежительнаго состоянія. Что касается до втораго, то прежде всего знать и непрестанно памятовать должно, что въ злохудожную душу не входитъ премудрость, что, слѣдовательно, прежде всего должно, по Закону Божію, познать и исправить себя въ духѣ и очистить отъ страстей. Чтобы созерцать славу Божію и видѣть таинства его творенія,—для сего не нужны великихъ издержекъ стоящія лабораторіи и пышные химическіе снаряды... Исправь себя, откинь всѣ злыя склонности, брось гордость, самолюбіе, алчность къ пріобрѣтеніямъ и грубую чувственность и изъ злохудожной души сдѣлай добрую: тогда вся природа явится тебѣ въ новомъ видѣ, и милліоны откроются таинствъ ея.» Новиковъ, какъ мы видѣли уже, еще больше, чѣмъ Невзоровъ, Лопухинъ и другіе, отступилъ отъ новѣйшаго шага естественныхъ наукъ назадъ, къ средневѣковой старинѣ. Онъ отвергалъ новыя открытія въ астрономіи и химіи, называя ихъ бредомъ, какъ это видно изъ вышеприведенныхъ его писемъ къ Карамзину (1814 г.). Великія, космическія открытія въ области астрономіи—

«Principia mathematica» Ньютона, Кеплеровы «Законы», «Небесная механика» Лапласа составляютъ кодексъ непреложныхъ, несомнѣнныхъ истинъ естествознанія, а Новиковъ все это называлъ «бреднями». Трудами фонъ-Гельмонта, открывшаго газы въ воздухѣ, опытами Бойля и Гука, многими наблюденіями Галеса, послѣдовательными открытіями угольной кислоты Блэкомъ, гидрогена Кавендишемъ, кислоты селитряной, кислоты соляной и аммоніака Пристлеемъ, кислорода Лавуазье, а потомъ разложеніемъ воды Варлтиромъ, Кавендишемъ, Уаттомъ и Лавуазье,—разумъ однажды навсегда уничтожилъ древнее ложное понятіе о четырехъ стихіяхъ, ослѣплявшее много вѣковъ самые сильные умы и вводившее ихъ въ заблужденіе. А Новиковъ, глумясь надъ современнымъ открытіемъ Лавуазье, Пристлея и Уатта, какъ надъ «слѣпотою и нищенскимъ понятіемъ о стихіяхъ», упорно держался стараго, допотопнаго ученія о четырехъ стихіяхъ. Повтореніе, а тѣмъ болѣе защита этого ложнаго понятія, въ устахъ Новикова, служитъ печальнымъ отголоскомъ умственныхъ понятій какого-нибудь Кирилла Транквилліона, услаждавшагося въ своемъ «Зерцалѣ Богословія» еще въ 1618 г. пустословіемъ о четырехъ «легкихъ и субтильныхъ, тяжелыхъ и грубыхъ стихіяхъ». Отсюда видно также, какъ плохо еще усвоялись русскими умами тѣ новыя умственныя качества, тѣ идеи и понятія, какими характеризуется непрерывно-движущійся впередъ европейскій умъ и какія завѣщалъ усвоять геній Петра Великаго. И неудивительно, когда умственные недоросли не могли переварить теорій, отрицали ихъ, когда не доставало научной подготовки и силы въ умахъ. Новиковъ самъ о себѣ отзывался: «я невѣжда,—писалъ онъ Карамзину,—не знающій никакихъ языковъ, не читавшій и никакихъ школьныхъ философовъ.» Вслѣдствіе незнанія истиннаго, реальнаго метода мышленія, мистическіе мыслители руководствовались въ своихъ умствованіяхъ не экспериментальнымъ мышленіемъ и опытомъ, а однимъ воображеніемъ. Вслѣдствіе этого, въ умственномъ патологизмѣ, или разстройствѣ, они изобрѣтали свои мистическія науки. «Вдругъ, за обѣдомъ—пишетъ Лопухинъ—пришла мнѣ мысль о Духовномъ Рыцарѣ. Отобѣдавши тотчасъ пошелъ я прогуливаться, въ прогулкѣ составилъ весь планъ, и я скорыми шагами воротился домой, принялся писать, почти не вставая съ мѣста, писалъ часовъ шесть, и кончилъ сіе сочиненіе. Въ этой піесѣ краткими чертами представлены главные пункты Герметической науки, образъ ея святилища, ходъ внутренняго обновленія человѣка и начала самопознанія и глубокой морали» †). Вмѣсто

†) Зап. Лоп., 30.

изученія положительной медицины и химіи, они предлагали какую-то всеобщую нравственную медицину и химію. Невзоровъ, издававшій журналъ «Другъ юношества» (1810 г.), въ предисловіи къ «Разговору Натуры, Меркурія и Алхимика», говоритъ: «Истинная всеобщая медицина есть школа христіанская, гдѣ учатъ людей съ помощью Божіею исправлять свою дурную природу, побѣждать страсти, не поддаваться самовольно чувственности, питающейся всякими развратами и тѣмъ самымъ становящейся источникомъ всѣхъ болѣзней, самими нами добываемыхъ, и прося помощи свыше умѣть при ней употреблять и пользоваться врачевствомъ самымъ простымъ, которое можно сыскать и въ большихъ городахъ и въ малыхъ деревняхъ. Что касается до авторовъ, писавшихъ о химіи, то лучшіе между ними, для извѣстныхъ имъ причинъ, въ сочиненіяхъ своихъ скрыли аллегорію нравственности человѣческой и подъ видомъ химическихъ операцій разумѣли ходъ и обороты исправленія и усовершенствованія человѣческаго духа.» Такимъ образомъ, будучи неспособны къ строго-разсудочному реальному мышленію, мистическіе русскіе мыслители, по преобладанію такой низшей познавательной способности, какъ воображеніе, вырабатывали свои идеи не реальнымъ, положительно-научнымъ мышленіемъ, а воображеніемъ. Поэтому люди, сохранявшіе здравый реальный смыслъ, упрекали ихъ за фантастическіе вымыслы воображенія, стояли за разсудокъ, за реальное мышленіе, за опытное познаніе и испытаніе природы. Такъ неизвѣстный авторъ комедіи «Мнимый мудрецъ» (1786 г.) говоритъ: «почтимся обуздывать свое воображеніе, здравый разсудокъ предпочтительнѣе сброду разженнаго воображенія, какъ бы ни облекался онъ въ высокопарныя изреченія.» Общество провинціальныхъ любителей наукъ, успѣвшихъ познакомиться съ идеями Бэля, Локка, Шталя, Ньютона, Коперника, Бюффона и другихъ, также, какъ мы видѣли, отрицало въ области мысли господство воображенія и стояло за господство разсудка и опыта.

И не въ новиковское только время, а и послѣ недоразвитая русская мысль, вслѣдствіе разсудочнаго малосилія, еще не способна была къ тому серьезному и плодотворному, обобщающему духу сомнѣнія и отрицанія, какимъ отличались Декартъ, Волтеръ и т. п. Только въ 1815—16 годахъ, послѣ трехлѣтней заграничной компаніи, вслѣдствіе невольнаго сравненія тихо-невозмутимой, застойчивой, пустой и праздной общественной жизни русской съ шумной и дѣедвигательной жизнью западныхъ обществъ, всколышенной революціонным движеніемъ,—только съ этого времени впервые зародилось у насъ, преимущественно въ молодомъ поколѣніи побывавшихъ заграницей офицеровъ, а также въ уни-

верситетскомъ молодомъ поколѣніи, нѣчто похожее на скептицизмъ. Именно зародилось то безпокойное, разочарованное настроеніе умовъ, которое не удовлетворялось ни существующимъ строемъ русской общественной и народной жизни, ни этими principes liberales администраціи перваго десятилѣтія XIX вѣка. Но и этотъ скептицизмъ больше походилъ на пустую хандру и скуку отъ бездѣлья, чѣмъ на серьезную, глубокую общественную критику. Для глубокаго, критическаго скептицизма мысль русская еще была слишкомъ мелка и слаба. Молодое русское поколѣніе еще только мечтало о дѣйствительномъ разборчивомъ сомнѣніи. Студенты харьковскаго университета, устроившіе въ 1819 г. общество любителей словесности, въ «Трудахъ» своихъ высказывали такіе умственные порывы и благожеланія: «разборчивое сомнѣніе есть шагъ къ истинѣ; будемъ взвѣшивать все на вѣсахъ нашего разума, но не вѣрить другимъ слѣпо или самимъ себѣ съ поспѣшностью; мы желаемъ имѣть самое вѣрное средство къ чувствованію истины и избѣжанію предразсудковъ; посвятимъ же время и труды наши на упражненіе въ искусственной логикѣ, и желаніе наше совершится», и т. д. †). Но искусственная логика не могла возбудить, создать интеллектуальной способности разборчиваго сомнѣнія, потому что не была еще развита сильная естественная логика, не были развиты естественныя разсудочныя силы для сомнѣнія, не было глубокой научной умственной подготовки для критики. И вотъ, цѣлое поколѣніе, въ періодъ Пушкинскихъ и Лермонтовскихъ героевъ разочарованія, представляло жалкую пародію или карикатуру европейскаго глубочайшаго, космополитическаго скептицизма, выразившагося напр. въ титаническомъ типѣ геніевъ Байрона и Гейне. Вслѣдствіе роскоши полузнаній и склонности къ легкому и поверхностному усвоенію общихъ идей, въ цѣломъ поколѣніи пассивно развивался большею частію безсознательный, безотчетный поверхностный духъ отрицанія и скептицизма, подъ вліяніемъ нецензурной, апокрифической, рукописной и печатной литературы, подъ вліяніемъ французскихъ эмигрантовъ, гувернеровъ, а потомъ подъ вліяніемъ идей Гегеля, Штрауса, Фейербаха, Бюхнера и др. Какъ во времена втораго послѣ-петровскаго поколѣнія модно было «волтерьянство» и названіе недорослыхъ скѐптиковъ «волтерьянцами», такъ теперь въ «ходу» были сначала «principes liberales», потомъ гегельянство, «гегельянцы», либерализмъ и т. п. О русскомъ юношествѣ и об-

---

†) «Ж. м. н. просвѣщ.», 119—120.

ществѣ въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія о. Морошкинъ въ своей книгѣ о «іезуитахъ въ Россіи» замѣчаетъ: «это были не русскіе юноши, а французы съ ногъ до головы, самыя вѣрныя копіи и снимки съ ихъ гувернеровъ и учителей—съ французскимъ невѣріемъ и кощунствомъ, съ французскимъ невѣжествомъ въ русской исторіи, русской жизни, наконецъ русскомъ языкѣ.» «Нигдѣ въ Европѣ — говоритъ біографія Свѣчиной—ни въ Берлинѣ, ни въ Вѣнѣ не говорили столько о злоупотребленіяхъ высшей власти и не защищали съ такимъ жаромъ достоинства человѣческаго, общей свободы умовъ и народовъ, какъ въ Петербургѣ. Отецъ мой (Свѣчиной) обладалъ всѣми качествами своего времени и раздѣлялъ всѣ его иллюзіи. Онъ былъ благороденъ, либераленъ, горячо сочувствовалъ всякому общественному улучшенію, но безъ знанія и опыта, утопистъ и совершенный невѣръ. Воспитаніе — своей дочери онъ далъ въ томъ же духѣ.» Безъ знанія и опыта всѣ эти либеральныя и скептическія иллюзіи, естественно, очень скоро и улетучивались. «Наши невѣры бояре и ихъ жены — продолжаетъ о. Морошкинъ—послѣ нѣсколькихъ лѣтъ невѣрія и разврата, послѣ оргій петербургскихъ и парижскихъ, дѣлались самыми благочестивыми дѣтьми латинской церкви и летѣли въ ея распростертыя объятія» †). И въ 20-хъ и 30-хъ годахъ незрѣлые русскіе скептики «привозили» съ запада однѣ только «вольнолюбивыя мечты», ограничивавшіяся «восторженными рѣчами». Пушкинъ въ «Евгеніѣ Онѣгинѣ» такъ изображалъ этотъ типъ русскихъ скептиковъ своего времени:

Съ душою прямо геттингенской
Поклонникъ Канта и поэтъ,
Онъ изъ Германіи туманной
Привезъ учености плоды:
Вольнолюбивыя мечты,
Духъ пылкій и довольно странный,
Всегда восторженную рѣчь...

Вообще, при неразвитости и поверхностности мысли, скептицизмъ русскій съ жаждой, полной вѣрой и удовлетворенностью усвоялъ чужія, готовыя, хотя бы самыя поверхностныя скептическія идеи, но самъ не работалъ и не старался критически провѣрить эти заимствованные скептическіе выводы или отрицанья, не усиливался съ холодно-разсудочной критикой и энергіей изслѣдовать основанія своихъ скептическихъ увле-

---

†) О. Морошкинъ, «Іезуиты въ Россіи», 266—267.

ченій. Неглубокомысленные и малоосновательные русскіе скептики съ полной вѣрой читали такія скептическія сочиненія о Россіи, какъ напр. «La Russie et les Russes» Тургенева, сочиненія о Россіи Кюстеня, Коля, Шницлера и т. п., и подъ вліяніемъ ихъ исполнялись духомъ отрицанія и либерализма относительно внутренняго состоянія Россіи. Но никто изъ нихъ не волновался, не мучился такимъ сильнымъ, глубокимъ и серьезнымъ скептицизмомъ, чтобы съ неодолимымъ рвеніемъ, съ предварительнымъ запасомъ всѣхъ необходимыхъ положительныхъ знаній взяться за серьезное, глубокое научно-критическое изслѣдованіе и изученіе внутреннихъ основъ и началъ русской общественной жизни, и на основаніи такого изученія выработать эквивалентный отрицанію раціональный, глубоко-обдуманный идеалъ новаго лучшаго соціальнаго строя, и такимъ образомъ утвердить свои скептическіе выводы, отрицанія и убѣжденія на прочныхъ началахъ реально-логической философіи. Этой-то сложной и трудной логической работы мысли и не доставало мелкому, поверхностному скептицизму русскому, при поверхностномъ развитіи мысли и при роскоши полузнаній. Въ катакомбахъ лучшихъ студенческихъ кружковъ, не погрязшихъ въ пошлый, грубый, циническій матеріализмъ вслѣдствіе праздности ума и бездѣйствія умственныхъ способностей, — въ этихъ лучшихъ кружкахъ студенчества 30-хъ и 40-хъ годовъ чуть теплилась и зарождалась искра горячаго, честнаго, но тоже не глубокомысленнаго и не самостоятельнаго скептицизма, подъ вліяніемъ апокрифическихъ статей о Россіи и сочиненій Гегеля, Штрауса, Бауера, Фейербаха, Бюхнера и др. Въ духѣ этого же скептическаго увлеченья списывались, переписывались, читались и перечитывались рукописныя статейки, вродѣ «письма Бѣлинскаго къ Гоголю» или статей Герцена и т. п. Въ лирическомъ энтузіазмѣ отрицанья пѣлись въ катакомбахъ студенческихъ либеральныя пѣсни, напр. Рылѣева и другихъ: «по чувствамъ братья», «свобода гордыхъ вдохновенье» и т. п. А подъ-конецъ, когда стало зарождаться и мучить сознаніе умственной пустоты или поверхностности знанія и развитія, праздности и бездѣйствія умственныхъ способностей, невольно пѣлась уныло и эта печальная циническая пѣсня скептическаго самообличенія: «и я студентъ, студентъ повѣса» и т. д.

Въ литературѣ, вслѣдствіе той же мелочности и поверхностности мысли и знаній, вслѣдствіе невыработанности и отсутствія нетолько въ обществѣ, но и въ передовыхъ мыслителяхъ истиннаго, глубокаго скептическаго духа, въ литературѣ также высказался мелкій, поверхностный, неопредѣленный и большею частію даже ложный скептицизмъ русской мысли. Русскіе журналы 20-хъ и 30-хъ годовъ характеризуются

вообще восточнымъ самоуспокоеніемъ и самообольщеніемъ. Въ «широкой масляницѣ», напримѣръ, они видѣли символъ и знакъ благоденствія Россіи подъ сѣнію мира, какъ Булгаринъ въ «Сѣверной Пчелѣ» †), или восхищались, какъ «Сынъ Отечества», тѣмъ, что россійскіе сыны отечества, укрѣпляясь познаніями, трудами промышленности, богатствами торговли, устройствомъ различныхъ частей государственнаго управленія, съ незыблемой скалы своей Имперіи преспокойно смотрѣли на бури и волненія Европы. Журналы русскіе, какъ напр. «Сѣверная Пчела» и другіе, осыпая ругательствами русскихъ эмигрантовъ, «подкупныхъ космополитовъ, недостойныхъ сыновъ россійскихъ, какъ преступныя души, непріемлемыхъ нѣдрами земли», равнымъ образомъ ругая заграничныя сочиненія о Россіи, въ которыхъ «разбираются или, лучше сказать, раздираются наша новѣйшая исторія, указы Императора и вообще внутреннее положеніе дѣлъ въ Россіи,»—вполнѣ надѣялись на общество сыновъ отечества, что «никто изъ русскихъ не увлечется злоцѣльными умствованіями такихъ книгъ, наполненныхъ парадоксами и софизмами» ††). Ультра-патріотическіе журналы русскіе защищали отъ нападковъ западныхъ нетолько русскіе нравы, суевѣрія и предразсудки, но и «прелестныя русскія печи, сани, войлочные сапоги» и т. п. Все то, что отзывалось критикой «разума», принципами «пользы» или нравственности, логически вытекавшей изъ естественныхъ законовъ эгоизма, все такое было пугаломъ, страшилищемъ для консервативно-патріотической журналистики. Булгаринъ, имѣвшій у своей «Сѣверной Пчелы», по свидѣтельству Шевырева, до 10,000 подписчиковъ, старался внушить имъ отвращеніе отъ всякаго утилитаризма и реализма, нападалъ на «раціонализмъ и грубую полезность». Литературная критика также не способна была съ разборчивымъ сомнѣніемъ анализировать достоинства сочиненій. Она искала въ сочиненіяхъ не идеи и точнаго, раціонально-положительнаго направленія мысли, любовалась не новою, свѣжею и живою реальною мыслью, а «любовью къ отечеству, коею проникнутъ былъ напр. романъ», или «правильнымъ, яснымъ и легкимъ слогомъ, раздѣляя его на низкій, средній и высокій.» Обыкновенную тенденцію и характеристику большей части журналовъ Булгаринскаго времени составляли не одна только боязнь всякой умственной тревоги, сомнѣнья, не одна восточная самоувѣренность и самообольщенность, но и положительное противодѣй-

†) «Сѣверн. Пчела» 1836 г., № 48.
††) «Сѣверн. Пчела» 1836 г., №№ 1 и 2, № 55.

ствіе всѣмъ реформаціоннымъ идеямъ, заносимымъ къ намъ съ Запада. На писателей, въ которыхъ отражалась хоть тѣнь критическаго скептицизма и сомнѣнья, съ злостью нападали, какъ напр. на Гоголя, Пушкина, Грибоѣдова и потомъ особенно на Бѣлинскаго, Булгаринъ нападалъ даже на «англійское своеволіе книгопечатанія». Деспотизмъ литературныхъ авторитетовъ вполнѣ преобладалъ надъ свободою, самостоятельностью и критикою литературнаго разума. Передъ литературными авторитетами и корифеями благоговѣли безъ малѣйшаго сомнѣнія, и если какой-нибудь скептикъ дерзалъ высказать свое сомнѣніе относительно кумировъ, на него возставали съ негодованіемъ. Напр. когда Арцыбашевъ написалъ критическія замѣчанія на историческую статью Карамзина объ Изяславѣ I, то нѣкто М. вооружился противъ него, упрекалъ Арцыбашева въ неуваженіи трудовъ исторіографа и говорилъ о Карамзинѣ: «нашъ Ливій не можетъ подлежать критикѣ» †). Самъ Карамзинъ отрицалъ значеніе критики, какъ воспитательнаго, исправительнаго, регулирующаго и развивающаго средства мысли. Говоря о критикѣ, онъ совѣтовалъ издателю быть не столько осторожнымъ, сколько человѣколюбивымъ. «Точно ли критика научаетъ писать?—говорилъ онъ:—не гораздо ли сильнѣе дѣйствуютъ образцы и примѣры! И не вездѣ ли таланты предшествовали ученому строгому суду? Пиши, кто умѣетъ писать хорошо: вотъ самая лучшая критика на дурныя книги. Глупая книга есть небольшое зло въ свѣтѣ. У насъ же такъ мало авторовъ, что не стоитъ и пугать ихъ. Что принадлежитъ до критики, то мы не считаемъ ее истинною потребностью нашей литературы... Хорошая критика есть роскошь литературы» ††). Критика стремилась угодить, по наивному сознанію Измайлова, издателя «Вѣстника Европы» въ 1814 году. При отрицаніи критики, въ этомъ же журналѣ, какъ мы видѣли, доказывалась польза цензуры.

При такомъ направленіи литературы, очевидно, въ ней невозможно было развитіе критики чистаго разума и могучей силы истиннаго философскаго сомнѣнья. Разъ, правда, послѣ «волтерьянства» конца прошлаго и начала XIX столѣтія, въ періодъ романтизма, исполненнаго незрѣлой русской мыслью до мистической меланхоліи, хандры и балладъ Жуков-

---

†) «Отеч. Зап.» 1825 г. ч. XXIV, № 67, 316.

††) «Вѣстн. Европы» 1802 г. № 1, 1803 г. № 23, стр. 227. Въ періодъ времени 1801 — 1806 года на 10 или 11 книгъ приходилась 1 рецензія (Шторхъ).

скаго, повѣялъ на русскіе умы «духъ бурный, мятежный»—со стороны глубочайшаго, космополитическаго духа скептицизма, Чайльдъ-Гарольда Байрона. Многочисленными переводами Байрона русская литература стала воспринимать этотъ новый духъ скептицизма, облетѣвшій и воодушевлявшій тогда всю мыслящую Европу. Но какъ поняли и усвоили его поверхностные и неразвитые русскіе умы? Они, по причинѣ мелочности и поверхностности своей мысли, поняли только внѣшность, но не глубину міровой скептической идеи Байрона. Умы русскіе, разумѣется, не могли, какъ геній Байрона, орлинымъ взоромъ обозрѣть, обнять и осмыслить всю громадность событій революціоннаго движенія Разума — генія истины и свободы, и потомъ реакціонернаго движенія заблужденія — генія войны и деспотизма, не могли обобщить всю эту громадность событій въ одну цѣльную, глубокую идею умственнаго стремленія Европы, не могли уразумѣть, различить и познать въ этой великой драмѣ всемірной исторіи ни мрака настоящаго, ни идеала будущаго, изъ обобщенія которыхъ создался этотъ титаническій «Чайльдъ-Гарольдовскій» образъ и типъ глубочайшаго, космополитическаго скептицизма человѣческаго разума. И вотъ, вслѣдствіе неуразумѣнія, вслѣдствіе своей поверхностности, русскіе умы нетолько не усвоили и не могли усвоить всей глубины Байроновскаго и Чайльдъ-Гарольдовскаго, общечеловѣческаго духа скептицизма, но и обезобразили его своей мелкой и односторонней скептической мыслью. Онѣгины, Печорины, Тамарины — это пародіи и даже карикатуры того величаваго, гордаго, могучаго и глубочайшаго духа скептицизма, который выразился въ этомъ глубокомысленнѣйшемъ, геніальномъ скептическомъ типѣ «Чайльдъ-Гарольда» или самого Байрона. Весь скептицизмъ, выраженный въ типѣ Онѣгина, состоитъ въ неопредѣленномъ, безотчетномъ разочарованіи, не сознавшемъ ясно сферы отрицанія и идеала, безсильномъ на оппозицію—теоретическую и практическую, въ лордскомъ самообольщеніи, не знавшемъ вполнѣ, что нужно отрицать и отрицавшемъ, презиравшемъ «чернь». И дотого не глубокъ, не опредѣленъ былъ этотъ скептицизмъ, что послѣ самъ Пушкинъ, не чувствуя силъ развить его глубже и шире, до степени глубокаго отрицанія и глубокаго идеала, отвернулся совсѣмъ и отъ своего прежняго типа скептическаго и, приступая къ изданію «Современника», по выраженію «Пчелы», «князь мысли сталъ рабомъ толпы» †). Скептицизмъ Печорина былъ еще мелче и грубѣе; это разочарованье и сомнѣнье не отъ критическаго глубокомыслія и познанія

†) «Пчела» 1836 г., № 162.

лжи общественной жизни, а разочарованье — отъ безмыслія и лжи собственной грубой и пошлой чувственно-офицерской жизни. Это не скептицизмъ вовсе, а какая-то восточная, чувственная пресыщенность или неудовлетворенность, восточная безсодержательность, апатія и праздность мысли, безотчетная тоска, хандра и мука отъ умственной пустоты и бездѣлья, отъ «изсушенья ума наукою безплодной», отъ отсутствія серьезныхъ и глубокихъ убѣжденій, вообще отъ неразвитости истинной, здоровой жизни и дѣятельности мысли. По изображенію точной, реальной критики «Современника», этотъ скептикъ Печоринскаго типа — ничто иное, какъ «русскій офицеръ 40-хъ годовъ, поклонникъ дикихъ страстей народа дикаго» — черкесовъ, слѣдовательно съ восточной жаждой дикаго чувственнаго услажденья и несдержанности страстей, а не съ европейской жаждой точнаго, положительнаго, реальнаго знанія и изслѣдованія или раціональной, идеедвигательной борьбы; это, далѣе, ничто иное, какъ офицеръ-денди, чуть-чуть не англійскій лордъ, слѣдовательно скептикъ, нетолько не отрицающій аристократической монополіи крови, лордства, но еще обращающій особенное вниманіе на породистость; это, въ добавокъ, чисто восточный, гаремный герой страстный, но еще болѣе чувственный убійца Белы, Вѣры, княжны Мери, восточный гаремный чувственникъ до болѣзненной импотенціи и разочарованья; это, наконецъ, герой-скептикъ, ненавидящій фальшивый лоскъ, но въ тоже время не отрѣшившійся отъ предразсудковъ лордства и породистости и не обращающій вниманія на все то, что просто, естественно, и потому не видящій народа за блескомъ мундировъ и т. п. Или, вотъ напр. резонирующій скептицизмъ Сенковскаго—этого корифея русской журналистики 30-хъ годовъ. Несмотря на оригинальный, даровитый умъ, снабженный даже запасомъ естественныхъ знаній,—какой это, однакожъ, неустановившійся, неопредѣленный, безразличный, даже ложный и вредный скептицизмъ, именно вслѣдствіе невыработанности системы и энергіи убѣжденій, вслѣдствіе отсутствія умственной, математической очерченности круга отрицанія и круга идеала, во имя котораго направлялось бы отрицаніе. «Скептицизмъ Сенковскаго,—какъ справедливо замѣчаетъ г. Пятковскій, — поверхностный и мало основательный, распространялся одинаково на всѣ предметы, на всѣ теоріи и убѣжденія; все сливалось передъ нимъ въ одинъ пестрый хаосъ, гдѣ тонули, рядомъ съ туманной нѣмецкой философіей (Зеленецкаго), всѣ практическія попытки общественныхъ преобразованій, рядомъ съ Гоголемъ—Кузьмичевы и Орловы. Попадался подъ перо Кювье—доставалось и Кювье, заходила рѣчь о первыхъ попыткахъ въ сравнительной анатоміи—осмѣяны и онѣ.

На расчищенной такимъ образомъ почвѣ могли устоять только тѣ кумиры, которые защищались Сенковскимъ купно съ Булгаринымъ. Критическій отдѣлъ «Библіотеки для Чтенія», всегда бранчивый, расхваливалъ «Дѣтскаго Карамзина»—эту уродливую передѣлку и безъ того неудовлетворительнаго оригинала «Лѣтописи россійской славы», романы вродѣ «Скопина Шуйскаго» и т. п. произведенія» †). До чего мелокъ, неразборчивъ былъ скептицизмъ Сенковскаго, можно видѣть еще изъ того, что онъ возставалъ противъ В. Гюго, Гоголя и автора «Горе отъ ума», а восхвалялъ Подолинскаго, Бенедиктова, Тимофѣева и т. п. Въ политической и соціальной критикѣ скептицизмъ Сенковскаго былъ даже просто фанатическимъ слугою реакціи. Въ «Большомъ выходѣ у Сатаны» всѣ соціальныя реформы, политическія движенія, революціонныя и преобразовательныя идеи, волновавшія тогда западные умы, представляются «сатанинскими исчадіями, сатанинскими выдумками и коварными обманами»; «даже парламентскій билль о реформѣ въ Англіи этотъ сатана отрицанія считаетъ своей выдумкой и предвѣстіемъ чудесной бури». Вообще, восточно-апатичнымъ безразличіемъ, нетерпимостью и фанатизмомъ отзывается весь этотъ «сатанинскій» скептицизмъ Сенковскаго. И публика русская, страдавшая наповалъ легкомысліемъ и праздностью ума, не любившая «углубляться въ наукахъ», а любившая наслаждаться празднымъ зубоскальствомъ и беззаботнымъ смѣхомъ, отличавшаяся совершеннымъ безразличіемъ и положительнымъ тупымъ равнодушіемъ, индефферентизмомъ и даже фанатическою нетерпимостью, антипатіею и боязнію идей западнаго «лжеименнаго разума»,—публика россійская, какъ беззаботное дитя, незнавшее мукъ сомнѣнья и борьбы, предовольно надрывала всѣ свои животы отъ безразличныхъ смѣхотворныхъ остротъ Брамбеусовскаго скептицизма и преспокойно, крѣпко засыпала. «Начальники отдѣленій и директоры департаментовъ—писалъ Гоголь по поводу выхода первой книжки «Библіотеки для чтенія» за 1834 годъ — читаютъ Сенковскаго и надрываютъ бока отъ смѣха. Офицеры читаютъ и говорятъ: «какъ хорошо пишетъ»! Помѣщики покупаютъ, подписываются и вѣрно читать будутъ.» И спасенье русской мысли и литературѣ, что скоро явился Бѣлинскій и зажегъ въ ней дѣйствительную, жгучую искру истиннаго, реально-критическаго скептицизма, поднявши смѣлый голосъ сомнѣнья и критическаго суда и отрицанья нетолько про-

---

†) «Современ.» 1865 г. № 3: «очеркъ изъ исторіи русской журналистики 30-хъ годовъ», 94.

тивъ этихъ ложныхъ, мнимыхъ скептиковъ Брамбеусовъ и т. п., но и противъ ослѣпительно-блестящихъ авторитетовъ и кумировъ русской мысли, какъ одописецъ Ломоносовъ, Херасковъ, Державинъ, Булгаринъ и даже Карамзинъ и Пушкинъ. Небо россійской литературы стало расчищаться, и искра скептицизма не угасала. «На литературу—говорилось въ «Сѣверной Пчелѣ» †)—находитъ школьный туманъ: критика прежняя веселая, вострая хохотунья, по справедливости заснула.» «Наша критика — говорилъ «Сынъ Отечества» — стала насмѣшлива, неуважительна, оскорбительна: литератора называетъ лжецомъ, Іудою искаріотскимъ. Кто теперь ею не осмѣянъ, не освистанъ, не оскорбленъ...

Карамзинъ тобой ужаленъ,
Ломоносовъ—не поэтъ»...

Такъ вопіяли обскуранты противъ Бѣлинскаго и противъ «Телескопа» и «Молвы», гдѣ выступалъ Бѣлинскій съ своей новой, реально-скептической критикой. И старое поколѣніе, физически изнемогшее и умственно заспавшееся послѣ эпикурейскихъ оргій, пировъ, кутежей и разврата, отъ тоски и скуки послѣ всеобщаго бездѣлья, — патологически, болѣзненно чувствовало свою отжилость и изнеможеніе и, оказавшись неспособнымъ къ бодрому, смѣлому и свободному умственному мужеству скептицизма, съ грустью, съ патологической меланхоліей и хандрой встрѣчало новое направленіе русской мысли и реально-скептической критики. Представители старой поэзіи съ чувствомъ замиранья пѣли:

«Обломки старыхъ поколѣній,
Вы, пережившіе свой вѣкъ,
Какъ вашихъ жалобъ, вашихъ пѣней
Неправый праведенъ упрекъ!
Какъ грустно полусонной тѣнью,
Съ изнеможеніемъ въ кости,
На встрѣчу солнцу и движенью
За новымъ пламенемъ брести»!

Но все-таки неразвитость въ нашей общественной мыслительности способности критики и раціональнаго, реально-философскаго сомнѣнья чувствуется въ высшей степени. И можетъ ли быть въ нашемъ общественномъ разумѣ высоко развитая сила раціонально-критическаго, реально-философскаго сомнѣнія, когда предварительно цѣлыя столѣтія не

---

†) 1837 г., № 5.

воспитывалась и не развивалась генеративно-послѣдовательно, естественно-исторически общественная и народная мыслительность. И индивидуальные умы у насъ рѣдко переработываютъ критическимъ анализомъ философскаго сомнѣнія свой образъ мышленія, свое міросозерцаніе. Большинство изъ насъ пассивно отпечатлѣваетъ на себѣ на всю жизнь умственный типъ той доктрины, того міросозерцанія, того учебнаго заведенія, подъ вліяніемъ которыхъ слагался нашъ умственный и нравственный характеръ. Большинство изъ насъ, съ какими понятіями и убѣжденіями, съ какимъ умственнымъ складомъ и міросозерцаніемъ выйдетъ въ 20 — 25 лѣтъ изъ того или другаго учебнаго заведенія — бурсы или семинаріи, изъ университета или военнаго училища, съ тѣмъ умственнымъ складомъ и міросозерцаніемъ остается и прозябаетъ потомъ и всю жизнь и умираетъ. А во многихъ умахъ, по выходѣ изъ учебнаго заведенія, въ общественный омутъ рутины, суевѣрія, обскурантизма и традиціи, погасаетъ и та слабая искра сомнѣнія и критики, какая еще теплилась при свѣтѣ науки,—и вѣра въ рутину, въ общую догматику общественнаго метафизическаго и суевѣрнаго міросозерцанія мало по малу беретъ перевѣсъ, и съ лѣтами, съ практикой житейской, развивается въ прочную схоластическую доктрину или систему, и въ такомъ видѣ передается потомъ отъ отцовъ дѣтямъ. Рѣдко кто, въ позднюю пору жизни, испытываетъ мучительно-тревожную борьбу сомнѣнія, ломку своего прежняго умственнаго склада. Рѣдко кто въ 30 — 35 лѣтъ усумнится во всѣхъ своихъ знаніяхъ, во всемъ своемъ міросозерцаніи и образѣ мышленія, какія установились въ 20—25 лѣтъ. Рѣдко кто способенъ всю жизнь сомнѣваться, сознавать и исправлять свои ошибки или заблужденія, неутомимо работать критическою мыслью и съ полною философскою свободою разума доискиваться истины. Мало такихъ личностей у насъ, оттого и мало умственнаго движенія. Напротивъ, множество у насъ умовъ, особенно между записными учеными метафизической, теологической и классической доктрины, которые, какъ дубовые столбы, стоятъ упорно, неподвижно in statu quo въ своей idea fixa. Оттого, и такія идеи, какъ напр. идеи Аскоченскаго, Каткова и т. п., такъ же упорно и неподвижно держатся въ общественномъ сознаніи, какъ упорно и фанатично отстаиваются онѣ этими столбоставцами и тормазами народнаго интеллектуальнаго движенія.

Вообще, какъ въ индивидуальномъ, такъ и общественномъ самовоспитаніи нашемъ въ настоящее время необходимо обращать особенное вниманіе, между прочимъ, на такое развитіе мыслительныхъ способностей, чтобы онѣ не были дремлющими, покоящимися, инертными си-

лами, а были силами свободными, живыми, дѣятельными, были бы постоянными и энергическими факторами соціальными, необходимо обращать вниманіе на развитіе этого могучаго умственнаго возбудителя и двигателя—критическаго, философскаго сомнѣнія. Для этого наука должна вырабатывать и раскрывать, а литература должна популяризировать и пропагандировать тѣ точныя, положительныя знанія или истины, которыя однѣ могутъ служить прочными основами нормально-прогрессивнаго общественнаго и индивидуальнаго мышленія, міросозерцанія и соціальнаго строя. Распространеніе естествознанія вообще и, въ частности, особенное раскрытіе тѣхъ естественно-научныхъ истинъ, которыя служатъ существенными основами или законами соціальной жизни, основательное экспериментальное изученіе и раскрытіе природы или естественной экономіи русской земли и природы, исторіи и экономіи русскаго народа, — вотъ, по нашему мнѣнію, одни изъ главныхъ, ближайшихъ средствъ для воспитанія въ молодыхъ поколѣніяхъ и въ общественномъ разумѣ того умственно-возбудительнаго и дѣятельнаго духа критики, анализа и раціональнаго сомнѣнія, который является однимъ изъ самыхъ могучихъ мотивовъ интеллектуальнаго движенія впередъ. Если на естественную исторію экономіи и культуры русскаго народа смотрѣть, съ точки зрѣнія экспериментальнаго метода, какъ на экспериментальное, реально-физическое обнаруженіе и постепенное развитіе и выраженіе, въ физическомъ самовоспитаніи русскаго народа въ сферѣ естественной экономіи русской земли, умственной несостоятельности народа безъ свѣта и помощи естествознанія и естественно-исторической необходимости естествоиспытанія или знанія силъ и законовъ физической экономіи, то и эта реальная исторія, какъ итогъ вѣковой фактической всенародной экспериментаціи, можетъ a posteriori привести ко многимъ плодотворнымъ соціологическимъ выводамъ и соображеніямъ, можетъ заставить общественный разумъ невольно усумниться во многомъ, что нынѣ пользуется полнѣйшей общественной вѣрой, что создано было прежнимъ узко-схоластическимъ или метафизическимъ образомъ мышленія a priori. Но самое лучшее средство для развитія въ индивидуальномъ и общественномъ разумѣ раціонально-критическаго, философскаго сомнѣнія представляетъ, безъ сомнѣнія, экспериментальный методъ мышленія и изслѣдованія естественно-соціальныхъ явленій. Въ настоящее время, еще и во всей Европѣ, гражданскія общества состоятъ изъ двухъ діаметрально-противоположныхъ интеллектуальныхъ классовъ или разрядовъ, характеризующихся своимъ существенно-отличительнымъ образомъ мышленія, своимъ міросозерцаніемъ, именно: одни—схоластики или систематики-метафизики, другіе—экспериментаторы. И вездѣ

классъ схоластиковъ и метафизиковъ численно еще сильно преобладаетъ надъ классомъ экспериментаторовъ. Въ нашемъ же обществѣ классъ экспериментаторовъ еще слишкомъ ограниченъ и малочисленъ, а классъ схоластиковъ или всякаго рода метафизическихъ систематиковъ еще повсюду составляетъ преобладающій и большею частію деспотически господствующій классъ. Кажется, ни въ одномъ европейскомъ обществѣ такъ не господствуютъ метафизическія идеи, идеи а priori, догматы политическіе, умственные, нравственные, хозяйственные, юридическіе, религіозные и пр., вообще схоластико-метафизическій образъ мышленія и міросозерцанія, какъ въ нашемъ русскомъ обществѣ. Всѣ мы пропитаны схоластикой, метафизикой, абсолютизмомъ. И въ этомъ-то и заключается вся бѣда, вся метафизическая схоластичность, произвольность, ложь и неподвижность нашего соціальнаго міросозерцанія и соціальнаго строя. Поэтому-то, нашему индивидуальному и общественному разуму и не знакома могучая интеллектуальная сила философскаго, раціонально-критическаго сомнѣнія. А по-настоящему каждый гражданинъ долженъ быть экспериментаторомъ. Онъ долженъ экспериментально изучать и познавать какъ явленія и законы природы, такъ и явленія и законы соціальной жизни, изучать, въ частности, соціальную физику, соціальную физіологію, гигіену, экономію и біологію, соціальное естественное право и т. п. Тогда естественно будетъ развиваться въ немъ и эта живая, движущая сила разума и прогресса, это primum movens—критическое, философское сомнѣніе. Потому что сомнѣніе составляетъ существенный принципъ экспериментальнаго метода: le grand principe expérimental, — какъ выражается Клодъ Бернаръ,—est le doute, le doute philosophique qui laisse à l'esprit sa liberté et son initiative... Ce précepte général, qui est une des bases de la méthode expérimentate, c'est le doute. Только человѣкъ, мыслящій по методу экспериментальному, способенъ сомнѣваться во всемъ, что не согласуется съ дѣйствительными фактами или законами природы или жизни, что основывается на догматѣ или идеѣ а priori, что не вытекаетъ естественно изъ реальныхъ фактовъ или законовъ природы или жизни, какъ необходимый, логическій постулятъ въ силлогизмѣ, что не выдерживаетъ реальной критики, какъ строго — послѣдовательный, реально-логическій силлогизмъ законовъ природы или жизни. Въ этомъ отношеніи, намъ, гражданамъ, нужно особенно учиться мыслить у экспериментаторовъ, по методу экспериментальному, или лучше — всѣмъ намъ должно быть самимъ, въ большей или меньшей степени, экспериментаторами науки и жизни. Тогда мы способны будемъ сомнѣваться въ своемъ схоластическомъ, метафизическомъ міросозерцаніи и доискиваться положительной,

экспериментальной истины теоретической или научной и практической-соціальной. «Экспериментальный образъ мышленія или разсужденія — говоритъ Клодъ Бернаръ — совершенно противоположенъ разсужденію схоластическому. Схоластика ищетъ всегда положительную и несомнѣнную точку отправленія, но не находя ее ни во внѣшнихъ предметахъ, ни въ разумѣ, она заимствуетъ ее изъ какого-нибудь нераціональнаго (irrationel) источника: какъ напр., изъ откровенія, изъ традиціи, или отъ условнаго или самопроизвольнаго авторитета. Найдя точку отправленія, схоластикъ или систематикъ дѣлаетъ логически изъ нея всѣ выводы, приводя даже наблюденіе и опытъ надъ фактами, какъ доказательства, когда они говорятъ въ его пользу, съ единственнымъ условіемъ, чтобы точка отправленія оставалась неподвижной и не мѣнялась, сообразно съ опытами и наблюденіями, чтобы факты были истолкованы приспособительно къ точкѣ отправленія. Экспериментаторъ, напротивъ, никогда не признаетъ непоколебимой точки отправленія; принципъ его есть постулятъ, изъ котораго онъ дѣлаетъ логически всѣ выводы, но онъ никогда не принимаетъ его за абсолютную истину и безъ доказательствъ опыта. Простыя тѣла химиковъ до тѣхъ поръ остаются простыми, пока не доказано противнаго. Всѣ теоріи, которыя служатъ точкой отправленія физику, химику и еще болѣе физіологу, до тѣхъ поръ вѣроятны, пока не открыты факты, которыхъ они не замѣчали или которые имъ противорѣчатъ. Когда эти противорѣчивые факты будутъ довольно прочно установлены, экспериментаторъ, вмѣсто того, чтобы избѣгать опыта, какъ дѣлаетъ схоластикъ или систематикъ для спасенія своей точки отправленія, поспѣшитъ напротивъ измѣнить свою теорію, потому что онъ знаетъ, что это единственный способъ подвигаться впередъ и дѣлать успѣхъ въ наукахъ. Экспериментаторъ сомнѣвается всегда, даже въ своей точкѣ отправленія; умъ его по необходимости скептическій, сдержанный и уступчивый, и противорѣчіе принимаетъ онъ единственно подъ тѣмъ условіемъ, чтобы оно было ему доказано. Схоластикъ же или систематикъ, — что одно и тоже, — не сомнѣвается никогда въ своей точкѣ отправленія, къ которой онъ хочетъ подвести все; у него умъ гордый, нетерпѣливый или чуждый духа терпимости и не принимающій противорѣчія, потому что онъ увѣренъ, что его точка отправленія не можетъ измѣниться. Ученый систематикъ измышляетъ и навязываетъ свою идею, между тѣмъ, какъ ученый экспериментаторъ всегда только выдаетъ такъ, какъ она есть. Наконецъ, другая существенная черта, отличающая мышленіе опытное отъ мышленія схоластическаго, это—обиліе одного и безплодность другаго. Схоластикъ, вооб-

ражающій, что владѣетъ безусловной истиной, не приходитъ ни къ чему; дѣйствительно, съ своимъ безусловнымъ принципомъ онъ становится внѣ природы, въ которой все относительно, все въ связи. Напротивъ, экспериментаторъ, всегда сомнѣвающійся и не вѣрящій въ возможность обладанія безусловной точностью ни въ чемъ, дѣлается господиномъ явленій, которыя его окружаютъ, и распространяетъ свое могущество надъ природой. Человѣкъ peut donc plus qu'il ne sait, и истинное экспериментальное знаніе дѣлаетъ его могущественнымъ тогда, когда обнаруживаетъ его незнаніе. Ученый экспериментаторъ не гоняется за абсолютной истиной; ему нужна увѣренность въ соотношеніи явленій между собой. Нашъ умъ дѣйствительно такъ ограниченъ, что не знаетъ ни начала, ни конца вещей, но мы можемъ постигать средину, т. е. то, что непосредственно насъ окружаетъ» †).

И наука и литература русская, намъ кажется, должны въ настоящее время общими усиліями воспитывать и развивать въ русскомъ обществѣ эту умственно-двигательную, прогрессивную силу критическаго мышленія и разумнаго сомнѣнія. Потому что вся наша интеллектуальная и соціальная застойчивость и неподвижность происходитъ отъ недостатка или отсутствія этой умственно-возбудительной и соціально-двигательной силы общественнаго разума. Не скептицизмъ, все отрицающій, ни во что не вѣрующій, намъ нуженъ, а необходима свобода общественнаго разума отъ предразсудковъ, критика общественной системы понятій и жизни, раціональное, философское сомнѣніе въ томъ, что̀ въ общественномъ міросозерцаніи и строю ложно, нераціонально, суевѣрно, вредно, рутинно и пр. Соціальный строй нашего общества исполненъ предразсудковъ и аномалій умственныхъ, экономическихъ, юридическихъ, семейныхъ, нравственныхъ, соціально-физіологическихъ и т. п.— и общественный разумъ нашъ не способенъ разобрать, анализировать ихъ раціональной критикой сомнѣнія. И потому эти аномаліи господствуютъ въ невозмутимомъ, неизмѣнномъ покоѣ, какъ истинные принципы, какъ законы соціальные, — и общественный организмъ страдаетъ отъ нихъ разными патологическими недостатками, или задерживается въ своемъ прогрессивномъ ростѣ и развитіи. Вникните напр. въ систему господствующаго въ Россіи общественнаго и народнаго міросозерцанія— метафизико-догматическаго или метафизико-схоластическаго. Довольно

---

†) M. Claude Bernard, «Introduction à l'étude de la médecine expérimentale», въ главѣ de l'idée a priori et du doute, p. 63 — 88.

хоть поверхностно прослѣдить историческіе успѣхи воспитательнаго вліянія этого міросозерцанія на русскій народъ, сравнивши напр. умственное состояніе и міросозерцаніе темныхъ массъ народа въ XVI и XVII вѣкѣ съ умственнымъ состояніемъ и мировоззрѣніемъ ихъ въ XIX столѣтіи, — и вы вправѣ будете усумниться въ воспитательномъ достоинствѣ метафизико-догматическаго метода народнаго воспитанія и міросозерцанія, особенно, если представите, сколько оно породило въ темной массѣ народа самыхъ мрачныхъ суевѣрій и заблужденій, самыхъ дикихъ сектъ и пр. Если только вы прослѣдите всю хаотическую и безплодную борьбу сектъ и расколовъ въ Россіи, представите весь мракъ ихъ заблужденій, всю паутинную путаницу ихъ словопреній, толковъ и ученій, то вы тотчасъ же усумнитесь въ народообразовательномъ значеніи того схоластико-догматическаго направленія и воспитанія народнаго мышленія, какое доселѣ господствовало. Не даромъ же, въ прошломъ столѣтіи московскій митрополитъ Платонъ совѣтовалъ даже духовнымъ проповѣдникамъ и учителямъ «подальше себя держать отъ схоластико-ѳеоретическихъ мыслей, чтобы не заблудиться». Далѣе, если вы дадите себѣ строгій отчетъ въ годовомъ мѣсяцесловѣ русскаго общества и народной жизни, разсмотрите годовой образъ жизни, годовой циклъ уставно-обрядныхъ чувствованій, вѣрованій и движеній русскаго народа и общества, высчитаете всю трату умственныхъ и физическихъ силъ въ разные годичные періоды времени—напр. въ святки, масляницы, филиповки, петровки, четыредесятницы и т. п., если вы раціонально, критически разберете весь смыслъ годовой народной обыденной физіологіи и гигіены жизни, то едвали вы сохраните вѣру въ достоинство того народнаго и общественнаго міросозерцанія, которое породило и свято хранитъ этотъ годовой мѣсяцесловъ или уставъ нашей народной и общественной жизни. Неумолимая, неотвратимая логика фактовъ невольно наводитъ духъ сомнѣнья или скорбнаго раздумья даже въ той области невозмутимо-стоячаго міросозерцанія, гдѣ царюетъ вѣра и догматика. Покойный с.-петербургскій митрополитъ Григорій въ письмѣ къ одному епархіальному архіерею скорбно писалъ: «дисциплина повсюду упадаетъ. Мы всячески стараемся поддержать ее. Но духъ, идущій отъинуду, сильнѣе насъ» †). Наконецъ, можно ли не усумниться въ жизненности и плодотворности того мистико-схоластическаго міросозерцанія, которое цѣлое тысячелѣтіе находится in statu quo, безъ всякаго развитія, не возбуждаетъ ника-

†) Письмо въ «Чтен. общ. истор.»

кихъ живыхъ идей въ умахъ народныхъ, которое, вѣчно ограничиваясь испоконъ вѣка установленнымъ супранатурально-метафизическимъ взглядомъ на физическій міръ, никогда не давало и не даетъ ни одного разумно-отчетливаго и жизненно-плодотворнаго отвѣта ни на одинъ изъ тѣхъ мучительно-тревожныхъ вопросовъ, какіе постоянно, на каждомъ шагу, задаетъ природа и жизнь. Крестьянинъ, вѣчно полагаясь на одинъ молебенъ, вѣчно ограничиваясь однимъ церковнымъ взглядомъ на дождь или бездождіе, вѣчно вѣруя только въ цѣлебную силу св. воды или елеопомазанія, въ теченіе тысячелѣтія не прибавилъ изъ византійско-метафизическаго ученія къ своему суевѣрному громовнику ни одного раціональнаго метеорологическаго понятія, въ свой лечебникъ не внесъ ни одного здраваго физіологическаго, гигіеническаго и медицинскаго знанія. Воспитанное въ духѣ метафизико-догматическаго міросозерцанія, крестьянское общество, какъ напр. села Парасковеи въ константиноградскомъ уѣздѣ, полтавской губерніи, по случаю постановленія земскаго собранія объ истребленіи овражкокъ, ежегодно уничтожающихъ тамъ болѣе половины засѣваемаго хлѣба, подняло въ прошломъ году бунты или, по выраженію корреспондентовъ, «овражковыя революціи», единственно на основаніи того предразсудка, что овражковъ выливать грѣхъ, что это ниспосланная на нихъ кара Божія, противъ которой дѣйствительны только молитва и молебны †). Всѣ эти мысли и множество другихъ фактовъ не должны ли возбуждать въ общественномъ разумѣ духъ критическаго сомнѣнія относительно народнаго міросозерцанія? А между тѣмъ, въ обществѣ нашемъ нѣтъ почти и зачатковъ критическаго анализа и отрицанія господствующаго общественнаго и народнаго міросозерцанія. Оттого и весь умственный складъ, вся жизнь нашего общества и народа такъ же неподвижны и метафизико-догматичны, какъ неподвижно и схоластико-догматично и это міросозерцаніе. Византіей и Китаемъ отзывается оно. Оттого общественный разумъ нашъ и не способенъ додуматься до инициативы радикальной реформы народнаго міросозерцанія посредствомъ естественно-научнаго раціонализированія его. Далѣе, заглянемъ ли мы въ соціально-физіологическую жизнь нашего общества и народа,—сколько здѣсь мы увидимъ вѣковыхъ, застарѣлыхъ аномалій. Физическое воспитаніе молодыхъ народныхъ поколѣній, даже помимо бурсъ, казармъ, общественныхъ пріютовъ, браки и вообще взаимныя отношенія мужчинъ и женщинъ, народное питаніе или продовольствіе,

---

†) «С.-петер. вѣдом.» 1867 г., № 211.

народное здоровье, преступленія и, въ частности, такія раскольничьи секты, какъ морельщики, скопцы и т. п.,—все это вопіющимъ образомъ свидѣтельствуетъ о безчисленныхъ и жизнеубійственныхъ нарушеніяхъ нашимъ обществомъ и народомъ законовъ природы, законовъ физіологіи и гигіены. И нашъ общественный разумъ не въ состоянія критически анализировать физико-физіологическихъ основъ такого соціальнаго быта, не въ состояніи усумниться въ ихъ внутреннемъ достоинствѣ. Вотъ напр. въ одномъ городѣ, считающемся прогрессивнымъ и либеральнымъ, оспа и горячки отъ міазматическихъ зараженій наповалъ валятъ и дѣтей и взрослыхъ, истребляютъ цѣлыя семейства, бѣшеныя собаки во множествѣ бѣгаютъ по улицамъ, возбуждаютъ въ обществѣ толки о случаяхъ смертоноснаго укушенія, — общество этого города не способно усумниться въ полицейско - гигіеническомъ благоустройствѣ своего города, не способно подумать объ общественной гигіенѣ, о распространеніи оспопрививанія, объ очищеніи городскихъ улицъ или предмѣстій отъ развивающихъ и распространяющихъ міазматическія зараженія нечистотъ, о мѣрахъ противъ бѣшеныхъ собакъ и т. п. Напротивъ, большинство общества самоуспокоительно вѣритъ, что одна воля Божія— причины оспы, горячекъ и пр., и ни за что не усумнится въ этомъ вѣрованьи. Вообще, соціально-физіологическая жизнь наша исполнена анти-гигіеническихъ аномалій. Напр. въ исходѣ прошлаго года министръ внутреннихъ дѣлъ въ циркулярѣ начальникамъ губерній о наружномъ благоустройствѣ городовъ и вообще населенныхъ мѣстъ объявлялъ: «если состояніе большей части нашихъ городовъ не удовлетворяетъ и тѣмъ требованіямъ, какія съ такою точностью выражены въ законѣ и объ исполненіи коихъ много разъ правительствомъ дѣлались напоминанія губернскимъ начальствомъ, нерѣдко по Высочайшимъ повелѣніямъ, то еще больше неудовлетворительнымъ представляется состояніе ихъ съ тѣхъ сторонъ, о коихъ законъ умалчиваетъ и развитіе коихъ правительство предоставляетъ инипіативѣ мѣстныхъ начальствъ и заботливости самихъ обывателей городовъ. Это тѣ простыя первоначальныя требованія гигіены, которыя понятны каждому сколько-нибудь образованному человѣку, не лишенному чувствъ зрѣнія и обонянія, а именно чистота и опрятность городовъ и разведеніе садовъ, скверовъ, бульваровъ и вообще растительности. Первое, т. е. чистота, у насъ мѣстами еще соблюдается на улицахъ, но во дворахъ нигдѣ; сады и скверы встрѣчаются весьма рѣдко, и вообще губернское начальство мало интересуется этимъ предметомъ. Замѣчается напротивъ почти вездѣ отсутствіе всякаго попече-

нія съ этой стороны» †). Или около того же времени Санитарная Комиссія заявляла въ «Вѣдомостяхъ с.-петербург. городской полиціи»: по случаю наступившаго времени продажи во множествѣ фруктовъ, овощей и ягодъ, неумѣренное употребленіе коихъ весьма вредно, а также во вниманіе къ продолжающемуся въ народѣ употребленію воды въ пищу и питье изъ каналовъ, Высочайше утвержденная Санитарная Комиссія считаетъ долгомъ своимъ, въ видахъ охраненія народнаго здравія, вновь предупредить, что употребленія недозрѣлыхъ плодовъ, притомъ въ сыромъ видѣ, слѣдуетъ избѣгать, такъ какъ подобное употребленіе ихъ весьма нерѣдко можетъ влечь за собою разнаго рода болѣзни, даже смертельныя. Вмѣстѣ съ симъ Комиссія напоминаетъ, что вода каналовъ также очень вредна для питья и пищи, такъ какъ въ нее вливаются разнаго рода нечистоты въ большомъ обиліи, отравляющія воды» и пр. ††). И сколько подобныхъ уклоненій отъ законовъ гигіены можно насчитать въ нашей соціально-физіологической жизни. И однакожъ, безотчетный, безсмысленный русскій «авось» во всей силѣ господствуетъ въ гигіеническихъ понятіяхъ нашего общества. Какъ въ XVII вѣкѣ въ Москвѣ, «на улицахъ и переулкахъ, по свидѣтельству актовъ, изъ дальнихъ окольныхъ дворовъ возили и валили между жилыми дворами стерво и всякій скаредный пометъ» †††), какъ Палласъ и Лепехинъ, объѣзжая русскую землю въ прошломъ столѣтіи, во многихъ городахъ замѣчали вопіющіе анти-гигіеническіе недостатки и неудобства, или какъ въ XVII вѣкѣ русскіе, по свидѣтельству иностранцевъ, вонючую и протухлую рыбу предпочитали свѣжей, ржаной и притомъ затхлый хлѣбъ считали здоровѣе чистаго пшеничнаго хлѣба и т. п., такъ и доселѣ нетолько сельскій, но и городской народъ нашъ по большей части съ полнѣйшею вѣрою соблюдаетъ ту же самую до-петровскую, домостроевскую систему гигіены. И общественный разумъ доселѣ не способенъ усумниться въ достоинствѣ этой вредной, допотопно-рутинной народной гигіены, вообще не способенъ усумниться во множествѣ антифизіологическихъ и антигигіеническихъ началъ своего соціальнаго быта. Далѣе, можно ли не усумниться въ правильной организаціи соціальнаго строя и народнаго труда и образованія въ томъ обществѣ, гдѣ, напр., населеніе еще до такой степени не отвыкло отъ анти-соціальнаго, кочеваго и бродячаго быта,

---

†) «С. петерб. вѣдом» 1867 г. № 196.
††) Ibid. № 218.
†††) Акт. отн. до юрид. б. № 64, стр 463.

или до такой степени не находитъ въ обществѣ необходимаго довольства, обезпеченія и соціальнаго притяженія, что напр. бродячее населеніе, отчасти находящееся въ постоянныхъ передвиженіяхъ, отчасти имѣющее полуосѣдлость безъ приписки (въ батракахъ, пастухахъ, лѣсныхъ сторожахъ и т. п.), порождаетъ время отъ времени то—постепенное образованіе 140-тысячнаго крѣпостнаго населенія, большею частію изъ бродягъ, бѣглецовъ и самовольныхъ переселенцевъ, въ міусскомъ округѣ, то ссылку въ Сибирь въ одно 20-лѣтіе (1827—1846 г.) $48^1/_2$ тысячъ лицъ, уличенныхъ въ бродяжничествѣ, то случаи появленія, по введеніи въ дѣйствіе Положенія 19 февраля 1861 года, въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ цѣлыхъ семействъ, уже давно числившихся въ бѣгахъ и исключенныхъ изъ послѣдней ревизіи; гдѣ господствуетъ сословный антагонизмъ и одно сословіе тормозитъ интеллектуальное и экономическое развитіе и благосостояніе другаго сословія, гдѣ духовные учители народа и первые капиталисты, купцы 1-й и 2-й гильдіи, представляютъ классъ людей самый непроизводительный въ интеллектуальномъ прогрессѣ народа; гдѣ купецъ 2-й гильдіи и дворянинъ часто платитъ на земскія повинности только по 6 р. въ годъ, а крестьянинъ—по 25 р.; гдѣ хищническая наклонность жить насчетъ плодовъ чужаго труда и чужаго имущества господствуетъ до такой степени, что воровство преобладаетъ надъ всѣми другими преступленіями, представляя въ нѣкоторыхъ губерніяхъ $^1/_2$ всѣхъ преступленій и пр.? Могутъ ли не рождаться въ умѣ разныя сомнѣнія относительно соціальнаго склада этого общества? А общественный смыслъ нашъ и не думаетъ, однакожъ, съ критическимъ сомнѣніемъ анализировать соціально-юридическій и экономическій строй русскаго общества, организацію народнаго труда, распредѣленіе собственности и т. п. Онъ, напротивъ, самообольстительно вѣритъ во внутреннее благоустройство и процвѣтаніе русскаго общества, или, лучше сказать, не даетъ себѣ никакого отчета о своемъ внутреннемъ, соціальномъ складѣ, безсознательно покоится на изстаринныхъ гнилыхъ, рутинныхъ основахъ, преспокойно живетъ «по старинѣ и по пошлинѣ». Или, загляните еще въ соціально-экономическій бытъ русскаго народа и общества. Вспомните, напр., что у насъ, при несмѣтныхъ богатствахъ естественной экономіи, всѣхъ цѣнностей производства земледѣльческой, горнозаводской и фабричной промышленности приходится на каждаго жителя только около 38 р. въ годъ, т. е. около 10 коп. въ день, на 1-го собственника считается 10 или 11 несобственниковъ и во многихъ губерніяхъ каждому жителю приходится всего имущества цѣною только отъ 40—20 р.; годовой приходъ крестьянина часто бываетъ только

около 30 р., а расходъ превышаетъ 40 рубл., а на однѣ земскія повинности въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ платитъ до 25 р., или гдѣ нерѣдко, за уплатою государственныхъ и земскихъ повинностей, крестьянину остается изъ его бюджета на свои собственныя нужды всего 2 р. въ годъ, гдѣ заработная плата, особенно рабочихъ женщинъ, часто бываетъ до чрезвычайности низка, напр. по 60 коп. за 7 или 8 дней самой усидчивой работы за шитьемъ напр. мѣшковъ при своихъниткахъ и т. п., и дѣйствительная экономія отъ рабочаго дня сплошь и рядомъ составляетъ только отъ 3 до 7 коп. и пр. Вспомните, что сырой матеріалъ у насъ еще слишкомъ преобладаетъ надъ интеллектуальной продукціей индустріальнаго труда, такъ что напр. изъ товаровъ, отпускаемыхъ изъ Россіи заграницу, 93°/₀ состоятъ изъ грубыхъ сырыхъ продуктовъ, и что фабрично-заводская промышленность у насъ большею частію годъ отъ году упадаетъ, а не развивается, такъ что въ три года съ 1860 по 1863-й число фабрикъ уменьшилось на 2,325, а число рабочихъ на 181,060 человѣкъ, т. е. тѣхъ и другихъ слишкомъ на 20°/₀, или, въ частности, вмѣсто 450 свеклосахарныхъ заводовъ, дѣйствовавшихъ въ началѣ 1861 года, къ періоду 1865—66 г. дѣйствовали уже только 249 заводовъ, а прочіе упали по многимъ экономическимъ причинамъ и, между прочимъ, по недостатку въ заводскомъ персоналѣ свѣдущихъ людей и по отсутствію механическихъ заводовъ. Вспомните, что въ Россіи, называющейся по преимуществу страною земледѣльческою, при неизмѣримомъ обиліи хлѣбородной почвы, при существованіи 90 милл. десятинъ черноземной почвы, часто бываетъ недостатокъ въ хлѣбѣ, рѣдкій годъ не бываетъ неурожаевъ. «Нигдѣ въ Европѣ—говоритъ Реденъ—урожай не подверженъ такимъ случайностямъ и измѣненіямъ, какъ въ Россіи. Въ Европѣ не бываетъ такихъ урожаевъ, которые давали бы хлѣба въ излишествѣ, но зато не встрѣчается и противоположныхъ крайностей. Это поразительное разнообразіе русскихъ урожаевъ обусловливается не одними только физическими причинами, не одна почва и климатъ виноваты въ немъ, въ немъ виновато незнаніе, какъ справиться съ производительными силами почвы, неумѣнье увеличивать или ослаблять ихъ по мѣрѣ надобности. Земледѣліе ведется въ настоящее время въ Россіи на такихъ же точно началахъ, какъ за 300 лѣтъ тому назадъ» †). И можно ли исчислить здѣсь бѣгло всѣ аномаліи нашего экономическаго быта? А сообразивши всѣ эти ано-

†) «Russlands Kraft elemente», 84.

маліи, можно ли не усумниться въ правильности нашего соціально-экономическаго строя, въ достоинствѣ индустріальной интеллигенціи и экономическихъ понятій и знаній народа, въ цѣлесообразности существующей системы нашего соціально-экономическаго образованія? А между тѣмъ нашъ общественный разумъ преспокойно вѣруетъ во всю эту допотопную догматику народной экономіи. Исторія русская ясно показала, что народъ русскій оттого и не развитъ, суевѣренъ, бѣденъ и политически не самостоятеленъ, что онъ всегда былъ пассивнымъ рабомъ въ области естественной экономіи, былъ только работникомъ въ области природы русской земли, а не былъ въ тоже время внимательнымъ, разумно-пытливымъ ученикомъ ея, не былъ хозяиномъ-естествоиспытателемъ въ области физической экономіи русской земли, работалъ слѣпо и ощупью, только топоромъ, косой и сохой, а не изслѣдуя ее въ тоже время разумомъ, не изучая и не зная природы. И въ настоящее время повсюду въ Россіи и Сибири, въ области разнообразной естественной экономіи русской земли, какъ муравьи копошатся и работаютъ только милліоны однихъ что ни есть самыхъ темныхъ рабочихъ массъ народа, нисколько незнающихъ естественныхъ наукъ или великой науки экономіи природы, какъ будто однимъ только темнымъ рабочимъ массамъ и предназначена и нужна экономія природы. Молодыя поколѣнія, получающія высшее образованіе и долженствующія представлять интеллигентныхъ, раціональныхъ экономическихъ дѣятелей—новозиждителей естественно-научныхъ основъ народной экономіи, вождей и просвѣтителей рабочихъ массъ,—эти молодыя поколѣнія по большей части вовсе не готовятся быть экономическими дѣятелями, основоположителями новой, естественно-научной системы народной экономіи и практическими учителями, просвѣтителями рабочихъ массъ. Они не идутъ по той прямой дорогѣ экспериментальнаго метода, по которой зоветъ ихъ и исторія и экономія русскаго народа прямо въ область естественной экономіи русской земли, на великое дѣло естественно-научнаго возсозданія русской земли и естественно-научнаго просвѣщенія русскаго народа. Наши высшія учебныя заведенія даютъ гораздо больше юристовъ, филологовъ, классиковъ, теологовъ и т. п., чѣмъ тѣхъ дѣятелей и учителей народа, какихъ требуетъ естественная экономія русской земли и естественно-экономическая, реальная исторія русскаго народа. По экспериментально-фактической логикѣ русской исторіи, теперь великимъ очереднымъ вопросомъ является вопросъ о выступленіи въ область естественной экономіи русской земли и въ область народной экономіи, или народнаго труда, въ темную массу рабочаго народа, людей естественно-научной интеллигенціи, разума, естество-

знанія—химиковъ, физиковъ, ботаниковъ, зоологовъ, минералоговъ, агрономовъ, техниковъ, механиковъ, словомъ—натуралистовъ, естествоиспытателей. Потому что рабочій народъ русскій, какъ могъ, сдѣлалъ свое основоположительное историческое дѣло, совершилъ свою вѣковую, архитектоническую работу: распространилъ, расчистилъ и разработалъ изъ-подъ лѣсовъ и болотъ, обстроилъ и колонизовалъ русскую землю, обзавелъ ее селеніями, пашнями, скотомъ и пр., пріобрѣлъ и расчистилъ обширную область естественной экономіи земли—плодородной почвы, пріобрѣлъ обширную область зоологической экономіи въ звѣроловныхъ лѣсахъ, въ скотоводческихъ степяхъ, въ рыболовныхъ, пчеловодныхъ и шелководныхъ угодьяхъ, пріобрѣлъ Уралъ, Алтай, Нерчинскія горы, енисейскую тайгу,—эти богатыя сокровищницы или резервуары минеральныхъ произведеній и пр. Исторія русская всею фактическою экспериментаціею своей, всею суммою, всею логикою своихъ главныхъ, основныхъ фактовъ какъ нельзя болѣе ясно доказала, отчего народъ русскій былъ безсиленъ въ обладаніи всею этою обширною и разнообразною физическою экономіею русской земли, чего ему не доставало, въ чемъ заключался ключъ ко всѣмъ естественнымъ фабрикамъ, лабораторіямъ и сокровищницамъ естественной экономіи Россіи и Сибири. Вся исторія народной колонизаціи, культуры и экономіи, въ основныхъ принципахъ своихъ, есть ничто иное, какъ фактическое, экспериментальное обнаруженіе умственнаго безсилія русскаго народа въ борьбѣ съ природой, въ пользованіи естественною экономіею русской земли, и въ тоже время—постепенное фактическое, экспериментальное развитіе и выраженіе естественной потребности естествознанія, или знанія физической экономіи европейской Россіи и Сибири,—потребности, окончательно созрѣвшей къ концу XVII вѣка и особенно ясно выказавшейся въ XVIII вѣкѣ, въ великую эпоху первыхъ естественно-научныхъ экспедицій и первыхъ зачатковъ естественно-научнаго самопознанія Россіи. Всѣ историческія ошибки и заблужденія русскаго народа въ направленіи его экономіи и міросозерцанія, по экспериментальному указанію или выводу русской исторіи, проистекали главнѣйшимъ образомъ отъ незнанія природы вообще и, въ частности, природы русской земли. И ключъ къ естественной экономіи русской земли и свѣточъ къ великому училищу природы—это искомое всей исторіи народной экономіи и народнаго міросозерцанія, по тому же экспериментальному указанію русской исторіи, заключается въ естествознаніи. Слѣдовательно, первое призваніе всѣхъ молодыхъ поколѣній, получающихъ высшее образованіе, или первый, новый естественно-историческій завѣтъ имъ есть тотъ, чтобы со всею умственною

энергіею, какъ можно глубже, серьезнѣе и основательнѣе изучать естественныя науки и съ свѣточемъ ихъ итти въ обширную область естественной экономіи русской земли и въ область труда и экономіи рабочаго народа, и тамъ, основывая свою экономическую дѣятельность на началахъ естествознанія, основывая разнообразныя естественнонаучно-экономическія ассоціаціи, естественнонаучно-раціональныя фабрики и заводы и пр. и такимъ образомъ закладывая новые, естественно-научные починки или основы народной экономіи, устроять, вслѣдствіе того, и свое счастье или благосостояніе, въ тоже время самимъ дальше развиваться, просвѣщаться путемъ дальнѣйшихъ практическихъ упражненій, опытовъ и наблюденій въ области практическаго, экспериментально-экономическаго естествоиспытанія и, наконецъ, посредствомъ всего этого наглядно, практически указывать мало по малу и рабочимъ массамъ новыя, естественно-научныя основы экономіи, устроять такимъ образомъ счастье или довольство и просвѣщеніе и массъ рабочихъ, наглядными, практическими образцами новой, естественно-научной экономіи привлекать, располагать молодыя рабочія поколѣнія и къ свѣту естественнаго ученія и къ постепенной естественно-научной реформѣ всей системы народной экономіи. Рабочій народъ русскій архитектонически, путемъ колонизаціи, можно сказать, создалъ, обработалъ и обстроилъ русскую землю, основалъ на ней первичныя, непосредственно-натуральныя колоніи или рабочія общины. Молодыя, естественнонаучно-просвѣщенныя поколѣнія должны теперь начинать естественнонаучно возсозидать русскую землю, колонизовать или обстраивать ее новыми естественнонаучно-экономическими колоніями, ассоціаціями естественно-научнаго труда и экономическаго естествоиспытанія или преобразовывать, возсозидать на раціональныхъ, естественно-научныхъ основахъ существующія рабоче-промышленныя общины городскія и сельскія. Такія мысли, такіе послѣдніе выводы внушаетъ логика или экспериментація физико-экономической исторіи русскаго народа. И что же однакожъ? Общественный смыслъ нашъ, несмотря на всю логичность этого послѣдняго вывода нашей исторіи, нетолько не способенъ додуматься до иниціативы раціональнаго, естественнонаучно-экономическаго возсозданія и преобразованія рабоче-промышленныхъ общинъ, но и не способенъ нисколько усумниться въ достоинствѣ и нормальности существующаго доселѣ изстариннаго земскаго строенья, характеризующагося не развитіемъ и жизнью разума, интеллигенціи и естествознанія, а, такъ сказать, перегноемъ до-петровскаго домостроя, обскурантизма и суевѣрія. И эта безсознательность, недодумчивость и апатія нашего общественнаго разума тѣмъ анахронистичнѣе, что та же

естественно-экономическая исторія русскаго народа практически предначертала отчасти и самую схему или форму соціальнаго развитія въ Россіи хотя въ грубыхъ зародышахъ, но зато практически, de facto вырабатывала и предуказывала и самую идею естественнонаучно-экономическихъ общинъ. Сама природа русской земли, дикая, невоздѣланная, суровая по климату, скупая на произведенія, естественно научала русскій народъ организовать естественно-рабочія общины и артели, чтобы собча, совокупными, коллективными силами поборать и покорять дикую и суровую природу культурѣ. Чѣмъ труднѣе была физическая работа въ борьбѣ съ природой, чѣмъ труднодоступнѣе была естественная экономія русской земли, тѣмъ необходимѣе было общинное, кооперативное или коллективное напряженіе и сосредоточеніе рабочихъ силъ въ борьбѣ съ природой. И вотъ, въ эпоху первоначальной, колонизаціонной борьбы съ природой черныхъ, дикихъ лѣсовъ, въ эпоху «посаженья и поставленья починковъ и деревень на лѣсѣхъ», основывались, вопервыхъ, общины земледѣльческія, и сообща «старосты съ крестьянами, поговоря всѣмъ міромъ, называли въ общины людей» — работниковъ. И каждый членъ каждой общины обязывался исполнять, сообща съ другими членами, общинное, земское дѣло первоначальнаго покоренія дикой лѣсной природы культурѣ земледѣльческой — «лѣсъ рубить и ронить, дѣлать роздѣль, росчисть, устроять бортные и другіе ухожаи, пашни распахивать и хлѣбъ сѣять». Община или волость всякому вольному охочему человѣку, вступавшему въ составъ ея или «поряжавшемуся въ крестьянство», «лѣсъ давала» для росчисти и роздѣли, и онъ «давалъ на себя запись старостѣ и всѣмъ крестьянамъ всей волости» — «въ томъ дикомъ лѣсу ходить, дѣлать росчисть, роздѣль, распахивать пашню, знамя дѣлать, насѣять землю и впустѣ не оставлять отведеннаго общиннаго участка земли, а посадить на нее жильца—новаго работника» †). Уставными грамотами объ излюбленномъ общинномъ самоуправленіи общины обязывались «на пустыя мѣста дворовыя на посадѣ, и въ станахъ, и въ волостяхъ, въ пустыя деревни и въ пустоши и на старыя селища сообща хрестьянъ называть, чтобы дикую, не воздѣланную природу лѣсовъ коллективными силами, сообща, успѣшнѣе покорять земледѣльческому топору, косѣ и сохѣ, чтобы пустошь обращалась въ хлѣбныя, производительныя села» ††). Всѣ члены общины, какъ только приходили въ зрѣ-

---

†) «А. Юр.» № 6, № 187, 176. Бѣляева, «О крестьянахъ на Руси», 84—93.
††) «А А. Э.» т. I, № 234.

лый возрастъ, пріобрѣтали необходимую физическую и умственную рабочую силу, обязывались общинной уставной граматой сообща покорять природу, извлекать изъ естественной экономіи все, что нужно для жизни, ловить птицъ, звѣрей и рыбъ, собирать ягоды и грибы: «а которыхъ земскихъ людей дѣти или племянники, а будетъ поспѣли промышлять звѣря, и птицу и рыбу ловить, и ягоды и грибы брати, — и на тѣхъ староста и всѣ крестьяне клали, по разсужденью, кто чего достоинъ» †). Почувствовалась необходимость изслѣдовать минералогическую экономію и продукцію русской земли, — и рудознатцы русскіе совокуплялись въ артели, и общими, кооперативными усиліями разыскивали «по горамъ, межъ горъ и по инымъ мѣстамъ золотую и серебряную и мѣдную и желѣзную и иныя всякія руды, и сѣру горючую, и краски, и слюду, и всякое узорочное и простое пригодное каменье ломали» и пр ††). Повреждали ли что-либо въ тѣхъ или другихъ земскихъ учрежденіяхъ физическія силы, напр. «вѣтромъ лѣсъ сломало и завалило дорогу», всѣ уѣздные жилецкіе люди общиной «досматривали тотъ завальной всякой лѣсъ», изслѣдывали, сколько могли, топографическія, гидрографическія и вообще естественныя условія мѣстности и, на основаніи досмотра или изслѣдованія, пролагали новую дорогу: «и та новая дорога, по отчету общины, выходила вычищена прежней дороги прямѣе и лучше, а прежняя дорога была зимнимъ путемъ и весною по рѣкѣ больше 15 верстъ, и та рѣка зимою мало мерзла, а по инымъ рѣкамъ объѣздъ дальній, и наледь бываетъ во всю зиму,—и весною тѣ рѣки проходятъ вскорѣ, а лѣтомъ подлѣ рѣки по берегу и переѣздъ черезъ рѣки нужный, и потому новая дорога проложена лучше и прямѣе прежней» †††). Совершали ли рѣки свои могучія, геологическія дѣйствія, размывали напр. берега и образовывали новыя, наносныя формаціи—«новоприсадныя мѣста и пески», — опять общины «повальнымъ обыскомъ» всѣхъ посадскихъ и уѣздныхъ земскихъ людей «досматривали тѣ новоприсадныя мѣста и пески, что присадило и присыпало рѣкою вново, или бокомъ смежно съодиначило», отмѣчая приэтомъ подробно всѣ формы гидрографическихъ и почвенныхъ осадковъ, промоинъ и новообразованій. Само правительство даже еще въ XVII в. сплошь и рядомъ полагалось на опытныя, непосредственно эмпирическія наблюденія и

†) «А. А. Э.» т. I, № 269.
††) Доп. VII, № 10.
†††) Доп. VI, № 119.

знанія общинъ. Общины, по указамъ его, обязаны были сыскивать и описывать «лекарственныя травы и иныя вещи» †). Общины, зная по опыту напр. мѣстонахожденія тѣхъ или другихъ древесныхъ породъ, или естественныя условія водныхъ путей и пр., давали правительству въ этомъ отношеніи свои мірскіе совѣты и сказки. Напр. въ 1667 г. всѣ земскіе люди кикинской волости вяземскаго уѣзда въ одинъ голосъ говорили: «обыскано на судовое дѣло лѣсу краснаго сосноваго самаго большаго 50 деревъ, длиною по 5 и по 6 и по 7 саженъ и больше, и тотъ лѣсъ Угрою рѣкою до Оки рѣки въ низъ въ 200 верстахъ, и вешнею полою большою водою, послѣ скрою, можно плавить до Оки рѣки плотами, и тому судовому лѣсу на меляхъ задержанья и судовому дѣлу мотчанья не будетъ; а только великій государь укажетъ тотъ лѣсъ везти стругами меженною водою, и тому лѣсу на меляхъ будетъ задержанье и судовому дѣлу мотчанье: то наша мірскихъ людей и сказка» ††). Требовались ли точныя наблюденія надъ прибылью или убылью воды въ судоходной рѣкѣ, надъ состояніемъ погоды и пр., или нужно было діагнозировать какого-либо больнаго, который напр. страдалъ «падучею болѣзнью и въ той болѣзни говорилъ завираючи забывая въ умѣ,» или нужно было собрать свѣдѣнія о свирѣпствовавшемъ въ той или другой мѣстности моровомъ повѣтріи,—опять всѣ подобные естественные вопросы предлагались на изысканіе и рѣшенье общинъ, предписывалось «сыскать, досмотрѣть и дознать» то или другое естественное явленіе» всякими людьми накрѣпко посадскими и уѣздными лучшими, середними и молодчими всякихъ чиновъ людьми» †††). Слѣдовательно, по естественному ходу русской исторіи, по естественному образованію общинъ, условленныхъ многотрудной борьбой съ суровой сѣверной природой, силой самыхъ вещей всѣ члены земскихъ общинъ необходимо побуждались «досматривать и сыскивать», слѣдовательно постоянно болѣе или менѣе наблюдать, изслѣдывать и познавать, хотя поверхностно, тѣ или другія физическія явленія и условія, неотвратимо дѣйствовавшія на общинную жизнь, на общинное хозяйство, здоровье и благосостояніе. Ясно, что экспериментальное, или эмпирическое, непосредственно-на-

---

†) Дополн. VI, № 127.

††) Доп. V, № 46, стр. 224.

†††) Доп. VI, 261—262. «Чт. общ. ист.» 1859 г. кн. 2: Короченск. акты, № 67, стр. 52.

туральное естествознаніе необходимо было каждому члену общины. Но какъ древне-русскія естественно-рабочія общины не обладали этой могучей силой въ борьбѣ съ природой—научнымъ естествоиспытаніемъ и, въ частности, не способны были къ естественно-научному изслѣдованію, открытію и покоренію продуктивныхъ силъ естественной экономіи русской земли, то правительство взяло на себя заботу удовлетворять этой естественной потребности общинъ—потребности познанія, изслѣдованія, открытія и разработки разнообразной продукціи естественной экономіи русской земли. Оно призвало западныхъ рудознатцевъ и естествоиспытателей. И съ XVIII вѣка начались обширныя и непрерывныя естественно-научныя экспедиціи — Мессершмидта, Штеллера, Гмелина, Крашенинникова, Палласа, Лепехина, Фалька и т. д. Этотъ вѣковой, многознаменательный фактъ естественно-научнаго самопознанія Россіи, изслѣдованія физической экономіи различныхъ областей былъ естественно-историческимъ правительственнымъ отвѣтомъ на ту естественно-историческую потребность досмотра, изслѣдованія и познанія природной экономіи русской земли, которая собственно и вызвала въ древней Россіи натурально-рабочія общины для совокупной, кооперативной борьбы съ природой, и постоянно выражалась ими во всѣхъ земскихъ досмотрахъ и обыскахъ относительно тѣхъ или другихъ естественныхъ явленій, неотразимо дѣйствовавшихъ на общинную жизнь. И такъ какъ все безсилье и всѣ аномаліи древне-русской, непосредственно-натуральной общинной экономіи проистекали главнымъ образомъ отъ отсутствія естественно-научнаго знанія физической экономіи русской земли, то въ эпоху естественно-научнаго изученія естественной экономіи Россіи и Сибири сознана была также и потребность поправленія всѣхъ прежнихъ недостатковъ общинной или народной экономіи посредствомъ распространенія недостававшихъ древнимъ общинамъ знаній. Эту потребность такимъ образомъ выразило учрежденное въ 1765 г. «Вольное экономическое общество»: «Нѣтъ удобнѣйшаго средства къ приращенію въ государствѣ народнаго благополучія, какъ стараться приводить экономію въ лучшее состояніе, показывая надежнѣйшіе способы, какимъ образомъ естественныя произращенія съ вящшею пользою употребляемы и прежніе недостатки поправляемы быть могутъ, и для того соединенными силами обращать свои труды на распространеніе въ отечествѣ о земледѣліи и домостроительствѣ знаній...» Такимъ образомъ, по естественному ходу русской исторіи, если первоначально, для борьбы съ дикой и суровой сѣверной природой, для извлеченія необходимыхъ жизненныхъ произведеній изъ области естественной экономіи русской

земли, естественно составлялись общины, непосредственно-натуральныя ассоціаціи физическихъ и умственныхъ рабочихъ силъ, и общины эти естественно побуждались «досматривать и сыскивать», изслѣдывать и познавать тѣ или другія естественныя явленія, обусловливавшія или окружавшія общинную жизнь, то не слѣдуетъ ли отсюда, по самой логикѣ нашего естественно-историческаго принципа, что естественно-научныя экономическія ассоціаціи или общины не утопія, а естественно-историческое требованіе физической экономіи и исторіи русской земли, что, слѣдовательно, и въ настоящее время естественно-исторически необходимо дальнѣйшее развитіе этого естественно-историческаго же принципа общинъ, созданнаго и завѣщаннаго намъ и природой и исторіей русской земли. Если на борьбу съ природой лѣсовъ, почвы, рѣкъ, горъ и пр. составлялись общины и артели, и если эти общины, не обладая научнымъ естествознаніемъ, боролись только коллективными физическими силами съ лѣсами, звѣрями, рѣками, болотами, волоками и т. п. и «досматривали и сыскивали» естественныя явленія только крайне поверхностно, то въ настоящее время, располагающее уже богатыми силами и средствами научнаго естествознанія, не должны ли тѣмъ болѣе наши рабочія общины, городскія и сельскія, преобразоваться въ раціональныя, естественнонаучно-экономическія общины? Не должны ли всѣ члены этихъ общинъ также коллективными только уже не одними физическими, а и естественно-научными силами бороться съ природой, разрабатывать естественную экономію русской земли, общими силами содѣйствовать развитію соціальной физики, соціальной гигіены, соціальной агрономіи, соціальной технологіи и пр. Не должны ли всѣ члены каждой общины общими силами изслѣдывать и познавать силы и законы физическіе, метеорологическіе, химическіе и другіе, постоянно и разнообразно проявляющіеся въ тѣхъ или другихъ сферахъ народной экономіи и жизни, и, вооружаясь силами и средствами современнаго естествознанія, итти уже не просто на борьбу съ черными дикими лѣсами, съ разливами или мелями рѣкъ, съ поверхностными пластами рудныхъ горъ и т. п., а на борьбу съ сокровенными силами природы, физическими, химическими и пр. Если въ древне-русскихъ непосредственно-натуральныхъ общинахъ преобладала ассоціація физическихъ рабочихъ силъ въ борьбѣ съ природой, и всѣ члены общины навыкали только поверхностно «досматривать и сыскивать» тѣ или другія естественныя явленія, вродѣ «новоприсадныхъ песковъ» или сваленнаго вѣтромъ лѣса и т. п., то въ новыхъ, естественнонаучно-экономическихъ общинахъ не должна ли преобладать ассоціація интеллектуальныхъ, есте-

ствоиспытательныхъ рабочихъ силъ, и также всѣ члены общины не обязаны ли поголовно уже не просто «досматривать и сыскивать» или «дозирать» тѣ или другія естественныя явленія, а глубоко, основательно изучать естественныя науки, чтобы уже не поверхностно «досматривать», а глубоко, естественно-научно, экспериментально испытывать, изслѣдывать и познавать природу или тѣ естественныя явленія, силы и законы, какіе могущественно и постоянно дѣйствуютъ на общественную жизнь, на общественное хозяйство, здоровье, благосостояніе и міросозерцаніе. Да, такъ, намъ кажется, слѣдуетъ быть по логикѣ нашей естественно-экономической исторіи, и рано или поздно придетъ время, когда исторія докажетъ и подтвердитъ эту истину еще яснѣе, ощутительнѣе фактами современной народной исторіи и экономіи. Но сознаетъ ли, начинаетъ ли сознавать нашъ общественный разумъ эту истину теперь? Чуть-чуть, развѣ только, и то инстинктивно и весьма немногими умами. Въ соціальной структурѣ и экономіи нашего общества и народа еще во всей силѣ господствуютъ, какъ истинные принципы, какъ соціальные законы, тѣ традиціонныя, историческія установленія, которыя являлись въ естественной исторіи русскаго народа, какъ необходимыя слѣдствія или экспериментально-фактическія выраженія, свидѣтельства и доказательства главнаго умственнаго недостатка древней Россіи — отсутствія знанія природы вообще и, въ частности, знанія естественной экономіи русской земли. Въ естественной исторіи русскаго народа такія традиціонныя установленія или такіе факты, какъ напр. господство суевѣрія надъ естествоиспытательнымъ разумомъ, господство антифизіологическихъ и антигигіеническихъ началъ въ общественномъ организмѣ, крайняя неразвитость раціональныхъ основъ агрономіи, скотоводства, фабрикъ и заводовъ, вѣковая неразвитость металлическихъ и минералогическихъ производствъ, сильное развитіе правительственной иниціативы, регламентаціи и указности въ дѣлахъ естественной народной экономіи, въ учрежденіи системы народнаго реальнаго образованія — агрономическаго, технологическаго, медицинскаго и т. д., преобладаніе надъ раціональными, естественно-научными физико-метеорологическими и медицинскими руководствами въ случаѣ напр. бездождія, засухъ, градобитій, моровыхъ повѣтрій и пр., такихъ церковныхъ мѣръ, какъ молебны, крестные ходы и т. п., — бѣдность народа при обиліи естественной продукціи русской земли и т. п., такія общественныя явленія суть только историческія слѣдствія прежняго дѣтскаго или младенческаго неразумія народа въ сферѣ природы, слѣдствія незнанія и нарушенія тѣхъ основныхъ законовъ природы, которые всегда дѣйствовали и дѣйствуютъ въ

естественной экономіи русской земли и потому и въ естественной экономіи русскаго народа. Это—экспериментальное, фактическое выраженіе и доказательство той истины, что общественныя, экономическія и т. п. установленія и дѣйствія практическаго разума или смысла русскаго народа, въ періодъ дѣтско-безсознательнаго его состоянія, вслѣдствіе умственной неразвитости его и отсутствія естественныхъ знаній, часто не соотвѣтствовали естественнымъ указаніямъ и законамъ природы или физической экономіи русской земли. Это только вѣковое, исторически-экспериментальное доказательство той истины, что выработанный русскою исторіею естественно-историческій принципъ всеобщей, кооперативной или общинной борьбы народа съ трудно-доступной физической экономіей сѣверной природы, съ тяжкими климатическими и вообще физико-географическими условіями русской земли, безъ принципа естественно-научнаго, безъ силъ и средствъ естествознанія, не развивался вполнѣ соотвѣтственно съ физическими требованіями русской земли, почему и общины подчинились опекѣ правительственной регламентаціи, и что для усиленія и дальнѣйшаго развитія его необходимо было общинамъ естествознаніе и естествоиспытаніе. Но общественный разумъ нашъ, не дающій себѣ отчета ни въ этихъ фактически-экспериментальныхъ показаніяхъ исторіи, ни въ постоянныхъ, естественныхъ требованіяхъ физической экономіи русской земли, или не руководствующійся ни экспериментаціей исторіи, ни экспериментаціей естествознанія, никакъ не можетъ усумниться въ естественности и здоровости такихъ началъ общественной жизни и экономіи, которыя порождены прежнимъ народнымъ неумѣньемъ справиться съ естественной экономіей русской земли. Общественный смыслъ нашъ не можетъ сознать, что всѣ эти традиціонныя историческія начала сохраняются исторіей только какъ неизбѣжныя историческія, экспериментальныя слѣдствія и свидѣтельства прежняго, младенческаго умственнаго безсилія и заблужденія русскаго народа въ области физической экономіи занятой имъ земли, и какъ, въ тоже время, отрицательныя исторически-экспериментальныя указанія, въ зрѣломъ возрастѣ народа, на необходимость положительнаго, естественно-научнаго метода самовоспитанія и саморазвитія русскаго народа въ области естественной экономіи русской земли. Вслѣдствіе этого, общественный разумъ нашъ никакъ не можетъ усумниться въ той лжи и аномаліи, какая до настоящаго времени господствуетъ въ нашемъ соціально-экономическомъ строѣ во всей силѣ. Всѣ интеллигентные люди нашего общества въ настоящее время очень хорошо понимаютъ, что никто изъ насъ не можетъ жить и развиваться на русской землѣ внѣ ея физиче-

ской экономіи, внѣ природы, безъ ежеминутнаго дѣйствія ея на нашъ желудокъ и мозгъ, на нашу жизнь и мысль, безъ ежеминутнаго опытнаго или экспериментальнаго и часто горько-страдальческаго, тяжко-карательнаго обнаруженія нашего незнанія и нарушенія законовъ природы и, въ частности, законовъ естественной экономіи русской земли. И исторія русской народной экономіи давно ясно и ощутительно показала, что общины, естественно-исторически основавшіяся для коллективнаго познанія и покоренія культурѣ и колонизаціи силъ естественной экономіи русской земли, оттого и вышли пассивными, рабскими, крѣпостными и бѣдными, оттого и не могли сами, безъ иниціативы правительства изслѣдывать, познавать и покорять естественную экономію русской земли, хотя такъ, какъ изслѣдывали ее правительственныя естественно-научныя экспедиціи Мессершмидта, Палласа, Миддендорфа, Бэра и т. д., однимъ словомъ, оттого и исполнены всякихъ противоестественныхъ аномалій и недостатковъ, соціально-экономическихъ и пр., что лишены были силы и могущества естествознанія. Но, несмотря на это, общественный разумъ нашъ, по неразвитости критическаго мышленія и самопознанія, преспокойно вѣруетъ, какъ въ вѣчное, роковое предопредѣленіе промысла Божія, въ ту соціально-экономическую аномалію и ложь, что и доселѣ и впредь, какъ было и до Петра Великаго, только одни лишь милліоны самыхъ темныхъ рабочихъ массъ народа обречены и должны копошиться и работать за всѣхъ въ области естественной экономіи, и притомъ безъ всякаго луча и пособія естествознанія, словно муравьи, лишенные естество-познавательнаго разума, и что чѣмъ обширнѣе, разнообразнѣе и труднодоступнѣе физическая экономія русской земли и чѣмъ меньше въ пользованіи и оборотѣ народной экономіи продуктивныхъ силъ и средствъ физической экономіи русской земли, чѣмъ, вообще, бѣднѣе весь русскій народъ жизненными продуктами природы и безсильнѣе въ экономическомъ пользованіи физическими силами, тѣмъ исключительнѣе и наиболѣе въ ней должны работать, безъ всякаго свѣта естествознанія, одни эти милліоны самаго темнаго рабочаго народа, а естествознанію должны учиться только какіе-нибудь десятки однихъ привилегированныхъ или записныхъ натуралистовъ-теоретиковъ. Такой сложно-запутанный соціально-экономическій софизмъ мы фактически переживаемъ въ настоящее время. И нашъ общественный разумъ доселѣ не можетъ усумниться въ этомъ софизмѣ и путемъ экспериментальнаго метода рѣшиться искать соціально-экономической истины. Дикой, парадоксальной, химерической кажется ему та простая истина, что всякій человѣкъ, всякій парень деревенскій, какого только

природа производитъ на свѣтъ Божій, естественно, такъ сказать, физико-физіологически обязанъ раціонально учиться воспитываться у матери-Природы, долженъ изучать, познавать, какія физическія силы и законы дѣйствуютъ внѣ его, въ природѣ внѣшней, какія дѣйствуютъ въ немъ и на него, или въ природѣ человѣческой, вообще, по какимъ физическимъ законамъ онъ самъ живетъ, развивается и дѣйствуетъ или работаетъ въ той или другой сферѣ физическихъ предметовъ и силъ и что такое тѣ предметы или произведенія природы, которыми онъ живетъ и орудуетъ въ естественной экономіи природы и пр. Тѣмъ болѣе химерой кажется нашему общественному смыслу тотъ дальнѣйшій выводъ этой простой истины, что, запасшись и вооружившись такимъ образомъ основательнымъ естествознаніемъ, каждый русскій человѣкъ, всякій житель городской и сельскій долженъ потомъ жить, развиваться, просвѣщаться и раціональной работой въ сферѣ природы возвышать свое благосостояніе и, наконецъ, самъ просвѣщаясь познаніемъ природы или естественной экономіи русской земли и естественнонаучно-раціональнымъ трудомъ увеличивая физическія средства своего благосостоянія, съ тѣмъ вмѣстѣ содѣйствовать и общему, всенародному, соціальному просвѣщенію и благосостоянію, путемъ постепеннаго естественно-научнаго раціонализированія труда и міросозерцанія, какъ своего собственнаго, такъ и своихъ ближнихъ, путемъ постепенной и совокупной выработки и новаго, естественно-научнаго общественнаго міросозерцанія и новой, естественно-научной, общественной экономіи. Дикой химерой кажется нашему общественному смыслу та простая истина, что, по естественному праву и по естественной, физико-физіологической обязанности, каждый деревенскій парень долженъ въ молодости изучать естественныя науки, чтобы потомъ быть раціональнымъ земледѣльцемъ-экспериментаторомъ или сельскимъ хозяиномъ — естествоиспытателемъ, что естествознаніе такъ же жизненно, практически необходимо земледѣльцу, бабѣ деревенской, воздѣлывающей огородъ, пастуху стадъ, скотоводу, производителю и продавцу жизненныхъ продуктовъ, фабричному рабочему и пр., какъ теперь необходимо оно записнымъ химикамъ, физикамъ, механикамъ, вообще натуралистамъ. Наконецъ, исторія физико-географическаго, колонизаціоннаго самораспространенія русскаго народа по русской и сибирской землѣ, исторія народной колонизаціи и культуры и физическая географія русской земли давно ясно показали, какая трудная для развитія культуры и экономіи физико-географическая область естественной экономіи досталась русскому народу, въ сѣверо-восточномъ приполярномъ углу Европы и Азіи и въ поясѣ Ледовитаго моря, въ суровомъ кли-

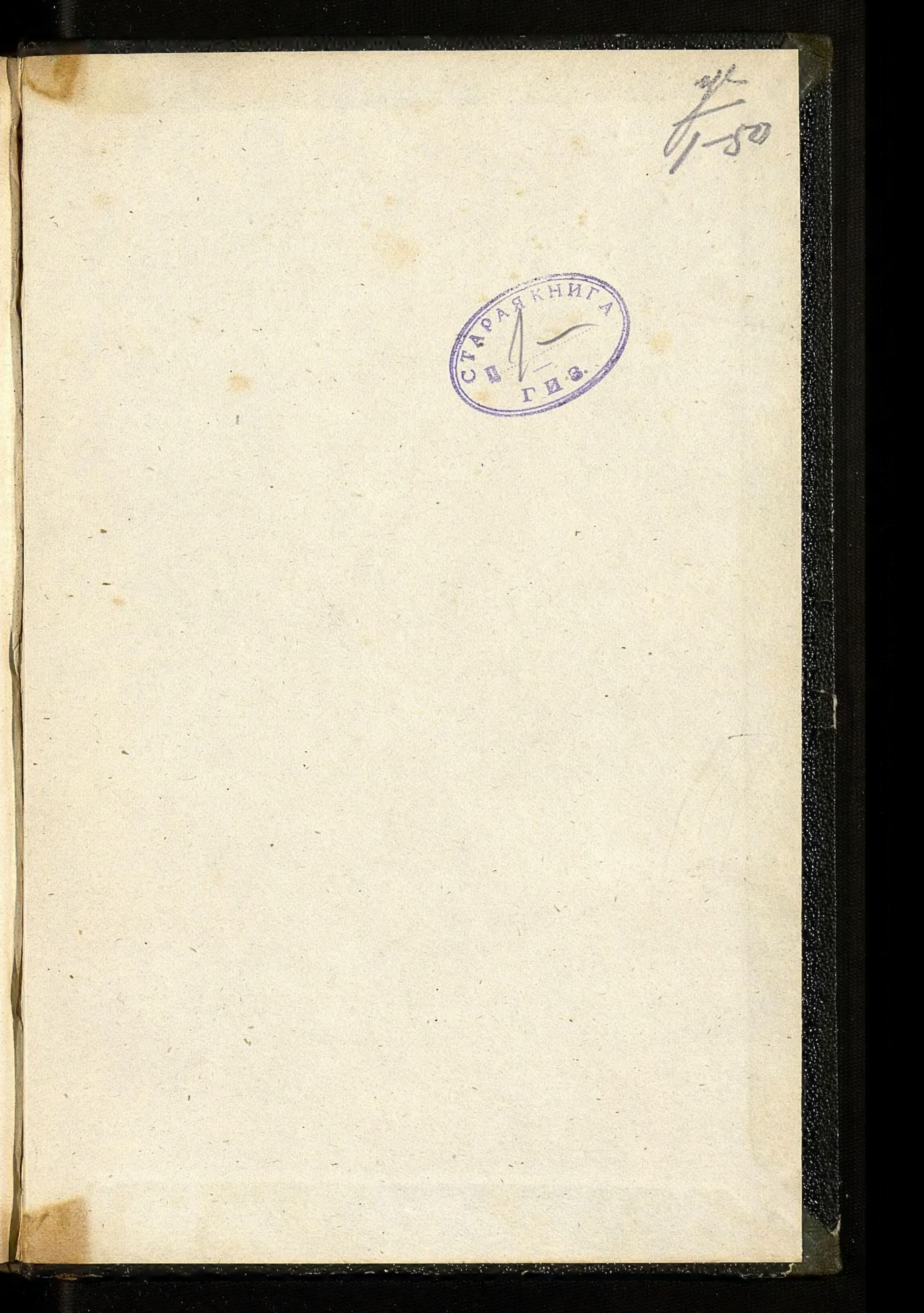
матѣ, на огромномъ пространствѣ лѣсовъ, тайги, степей и тундръ, среди скупой на дары природы. И однакожъ нашъ общественный разумъ доселѣ не можетъ усумниться въ той idea fixa, что въ такой холодной и суровой сѣверной странѣ, какъ Россія и Сибирь, вмѣсто естествознанія нужно усиленіе преподаванія латинскаго и греческаго языка, что въ Россіи нужно основывать классическіе пританеи, итоны и ликеи, а не реальныя, политехническія школы, и образовывать какъ можно болѣе классиковъ, филологовъ, юристовъ и т. п., а не экономическихъ дѣятелей-борцовъ съ труднодоступной физической экономіей русской земли, вооруженныхъ основательнымъ естествознаніемъ. Общественный смыслъ нашъ не можетъ доселѣ убѣдиться, что молодыя поколѣнія наши, учившіяся въ университетахъ, въ академіяхъ—агрономической, медико-хирургической, технологической, а тѣмъ болѣе—духовной, доселѣ учились естественнымъ наукамъ большею частію крайне плохо, несоотвѣтственно съ требованіями физико-географической среды и естественной экономіи русской земли, вообще крайне недостаточно готовились на экономическую борьбу съ природой русской земли, на предстоящее имъ многотрудное дѣло новаго земскаго строенья въ области естественной экономіи русской земли. А тѣмъ болѣе нашъ общественный разумъ никакъ не можетъ усумниться въ рутинѣ и несправедливости нынѣшняго монопольно-привилегированнаго ученья естественнымъ наукамъ немногихъ, преимущественно дворянскихъ генерацій. И вслѣдствіе того никакъ онъ не можетъ сознать ту истину, что по экспериментальному указанію исторіи народной экономіи въ области природы русской земли и по труднодоступности физической экономіи европейской Россіи и Сибири, насущно-необходимо, чтобы нетолько нынѣшнія привилегированныя поколѣнія, но и всѣ простонародныя, рабочія молодыя поколѣнія усиленно, серьезно и основательно изучали естественныя науки и такимъ образомъ съ полной подготовкой выходили на общее многотрудное дѣло экономическаго и культурнаго покоренія суровой сѣверной природы и на созданіе естественно-научныхъ, раціональныхъ основъ народной экономіи. Никакъ онъ не можетъ убѣдиться, что чѣмъ многотруднѣе, суровѣе природа или физическая экономія русской земли, тѣмъ сильнѣе и всенароднѣе въ Россіи должно быть естественно-научное ученье, какъ единственное могучее средство въ борьбѣ съ суровой природой. Не воспитавшись въ этихъ идеяхъ, не ассимилировавши ихъ въ плоть и кровь общественную, въ общественное сознаніе и убѣжденіе, нашъ общественный разумъ, естественно, никакъ не можетъ додуматься до идеи, а тѣмъ болѣе до практической инициативы и способовъ всеобщаго, всена-

роднаго естественно-научнаго ученія, до идеи и иниціативы энергическаго распространенія свѣта естествознанія по всѣмъ городамъ, по всѣмъ селамъ, деревушкамъ и мѣстечкамъ, по всѣмъ фабрикамъ и заводамъ, по всѣмъ полямъ, однимъ словомъ—во всѣхъ сферахъ физической экономіи, гдѣ только вращается народная экономія и работа. Напротивъ, нашъ общественный смыслъ не можетъ еще усумниться вполнѣ даже въ томъ старомъ заблужденіи, завѣщанномъ метафизикою крѣпостнаго права, что парней деревенскихъ, крестьянъ и вообще простонародныя молодыя поколѣнія учить высшимъ естественнымъ наукамъ не нужно и вредно, не соотвѣтствуетъ ихъ званію и пр.

КОНЕЦЪ.

ГЛАВНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ:

Стран.		*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
14	сн.	2	Zeithenossen»,	Zeitgenossen»,
39	св.	5	Нововодныя, чужестранныя	Нововводные, чужестранные
65	—	12	питей	нитей
81	сн.	18	и печати,	о печати,
»	—	14	Кюстеня	Кюстина
101	св.	12	въ «Недоросли»,	въ «Недорослѣ»,
135	—	17	съ азбуки, математики	съ азбуки математики
146	сн.	12	свойство	свойства
162	—	6	princesse II Allemagne	princesse d'Allemagne
173	св.	6	импульсировали	импульсировала
175	сн.	7	порвыхъ	первыхъ
177	—	12	Reise»	Reisen»
243	—	6	личнось	личность
261	—	19	Voiàl	Voilà
268	—	1	«Heist	«Geist
281	—	1	imgeschlossen	eingeschlossen
284	св.	16	(experimence)	(expérience)
290	—	4	подлиннымъ	подлиннымъ,—
301	—	3	Кюстеня,	Кюстина,
314	—	16	оврважкокъ,	овражковъ,

СТАРАЯ КНИГА
ГИЗ

